

ФОНД
поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Почтовый индекс журнала 24820

Юридическая наука: история и современность

2013, № 10

Санкт-Петербург
2013

FOUNDATION
FOR SUPPORT OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW
ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

LENINGRAD REGION CHAMBER OF COMMERCE AND INDUSTRY

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Journal postcode 24820

Legal science: history and the presence

2013, № 10

Saint-Petersburg
2013

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., начальник кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Захарцев С.И., профессор кафедры правоохранительной деятельности и прав человека Псковского государственного университета, доктор юридических наук (г. Псков, Россия)

Лукьянов В.В., начальник Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Санкт-Петербургу, заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Батаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Соболь И.А., профессор кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Русского географического общества (Санкт-Петербург, Россия)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шутак И. Д., профессор кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени короля Данилы Галицкого (Украина), руководитель лаборатории академических исследований правового регулирования и юридической техники, доктор юридических наук, профессор (г. Ивано-Франковск, Украина)

Щендригин Е.Н., заведующий кафедрой конституционного и избирательного права Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2013

© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2013

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Chief of the Criminal Procedure Department of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor (Krasnodar, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Zakhartsev S. I., Professor of the Department of Law Enforcement Activities and Human Rights of Pskov State University, Doctor of Legal Sciences (Pskov, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Sobol' I. A., Professor of the Department of Civil Procedure of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Full member of the Russian Geographical Society (Saint Petersburg, Russia)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shutak I. D., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after the King Daniel of Galicia (Ukraine), Head of the Laboratory of academic researches in the area of legal regulation and legal technique, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

Schendrigin E. N., Head of the Department of Constitutional and Electoral Law of Orel State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter B, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2013

© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities
«University», 2013

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., заместитель председателя комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала «Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета Д-203.009.01 по специальностям 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бондарь Н.С., Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Керимов Д.А., член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Козюбра Н. И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003гг.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., начальник Академии финансовой полиции Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Рохлин В.И., профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации — Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (Москва, Россия)

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Экимов А.И., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal “Legal science: history and the present”, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair an Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council Д-203.009.01 for disciplines 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bondar' N.S., Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kerimov D.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Chief of the Academy of Financial Police of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Rokhlin V.I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of St. Petersburg University of State Fire Service of EMERFCOM of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation, Honored Worker of Public Prosecutor's Office of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation — Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

<i>Сальников М.В.</i>	Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ)	11
<i>Реуф В.М.</i>	Правотворчество и основополагающие правовые идеи	33
<i>Мусаев М.А.</i>	Правовой гуманизм: понятие и сущность	49

Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс. Административное право и административная деятельность. Информационное право

<i>Булатов Р.Б.</i>	К вопросу о зарождении конституционализма в России	60
<i>Точиев И.Б.</i>	Муниципальное управления в современной России: специфика функционирования	66

Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право. Гражданский и арбитражный процесс

<i>Канева С.Ю.</i>	Правовые проблемы реализации регрессных требований в обязательном медицинском страховании	82
<i>Рашиева Н.Ю.</i>	Правовое обеспечение противодействия коррупции и деятельность вузов (на примере кафедры гражданского права)	89

Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное и энергетическое право

<i>Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г.</i>	Экономическая амнистия – иллюзия и реальность	97
--	---	----

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс. Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность

<i>Гомонов Н.Д.</i>	Коррупция как криминологический феномен	114
<i>Сальников С.П., Павлик Е.М.</i>	Предупреждение хищений транспортных средств: криминологические и уголовно-правовые вопросы	122

Финансовое и бюджетное право. Банковское и валютное право. Налоговое право

<i>Рядинская В.А.</i>	Развитие налогообложения доходов физических лиц до XX века	131
<i>Захарцев С.И.</i>	Коррупция и деньги: к вопросу применения оперативно-розыскных мероприятий	137

**Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность.
Адвокатура и нотариат**

<i>Рахимов Р.Х.</i>	Тяжкие и особо тяжкие преступления экономической направленности в Республике Таджикистан: удельный вес в структуре учтенных общественно-опасных деяний	142
<i>Зоиров Д.М., Щендригин Е.Н.</i>	Смертная казнь и право на жизнь: юридическая теория и правоохранительная практика	158

**Международные отношения и внешняя политика.
Международное и европейское право**

<i>Федоров А.В.</i>	Антикоррупционная конвенция ОЭСР и совершенствование российского уголовного законодательства	163
<i>Пертли Л.Ф., Калужина М.А.</i>	Уголовно-правовое регулирование предупреждения и пресечения поступления заключенным средств мобильной связи в иностранных государствах	185

**Философия права. Правовая культура
и правосознание. Социология права и юридическая психология**

<i>Сальников В.П., Стеценко С.Г.</i>	Биоюриспруденция: проблема отграничения от схожих правовых конструкций	190
<i>Третьяков И.Л.</i>	Уголовная политика и ее политико-правовая сущность	198
<i>Боруленков Ю.П.</i>	Методология юридического познания: лингвистический подход	206
Информация для авторов		217

CONTENTS
Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

<i>Sal'nikov M.V.</i>	National and universal principles in political-and-legal traditions (theoretical-and-legal and axiological analysis).....	11
<i>Reuf V.M.</i>	Law-making and fundamental legal ideas	33
<i>Musayev M. A.</i>	Legal humanism: the concept and essence	49

**Constitutional and municipal law. Constitutional litigation.
Administrative law and administrative activities. Data protection law**

<i>Bulatov R.B.</i>	To the question about the origin of constitutionalism in Russia	60
<i>Tochiev I.B.</i>	Municipal administration in modern Russia: specificity of functioning	66

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

<i>Kaneva S.Yu.</i>	Legal problem of realization the recourse in medical insurance.....	82
<i>Rasheva N.Yu</i>	Features legal support anti-corruption activities in the universities (for example Department of Civil and Corporate Law of MSTU in this area).....	89

**Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law.
Environmental law and environment protection. Corporate and energy law**

<i>Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P., Ger O.E., Kaizer A.G.</i>	Economic amnesty – illusion and reality.....	98
--	--	----

**Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure.
Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities**

<i>Gomonov N.D.</i>	Corruption as a criminological phenomenon.....	114
<i>Sal'nikov S.P., Pavlik E.M.</i>	Prevention of motor vehicle stealing: criminological and criminal legal issues.....	122

Finance and budget law. Banking and monetary law. Tax law

<i>Ryadinskaya V.A.</i>	Development of personal income taxation sefore 20th century	131
<i>Zakhartzev S.I.</i>	Corruption and money: on the issue of use of operational search measures	137

**Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities.
Advocacy and notary system**

<i>Rakhimov R.H.</i>	grave and especially grave crimes of the economic area in the Republic of Tajikistan: the ratio in the structure of reported socially dangerous acts	142
----------------------	---	-----

<i>Zoirov D.M., Schendrigin E.N.</i>	death penalty and the right to life: legal theory and law-enforcement practice.....	158
--	---	-----

International relations and foreign policy. International and European law

<i>Fedorov A.V.</i>	OECD anti-corruption convention and improvement of the russian criminal legislation	164
<i>Pertli L.F., Kaluzhina M.A.</i>	Criminal legal regulation to prevent and suppress incoming prisoners mobile communications in foreign countries.....	185

Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

<i>Sal'nikov V.P., Stetsenko S.G.</i>	Bioyurisprudentsiya: problem similar legal delineated from the design offers.....	190
<i>Tretyakov I.L.</i>	Criminal policy and its political-and-legal essence	198
<i>Borulenkov Yu.P.</i>	Methodology of legal knowledge: linguistic approach.....	206
Information for the authors.....		217

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
руководитель Санкт-Петербургского научно-исследовательского центра интеллектуальной собственности РНИИС,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: spb@rniis.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

НАЦИОНАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ НАЧАЛА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

***Аннотация.** В статье излагается теоретико-правовой и аксиологический аспекты соотношения национального и универсального начал в рамках политико-правовой традиции. Ценности, передаваемые с помощью традиций, могут носить как общецивилизационный характер, то есть относиться ко всем культурам человека, так и национальный срез, детерминируемый этническими особенностями культуры конкретных наций.*

Автор определяет роль и место социальных ценностей в политико-правовой традиции. Говорит о формировании института базовых политико-правовых ценностей, т.е. общечеловеческих ценностей. К ним он относит, в первую очередь: жизнь и здоровья личности, безопасность, благосостояние, прогресс, легитимность, легальность, свободу и равенство. Эти общечеловеческие ценности рассматриваются в статье и определяются как абсолютные. Они носят наднациональный, общецивилизационный характер, не зависят от изменений социально-исторических условий, не являются продуктом воли государства, не декретируются его распоряжениями, стоят выше его сиюминутных интересов и не подлежат девальвации.

В исследовании представлены и политико-правовые ценности, детерминированные факторами национально-этнического характера. Они носят конкретизированный национальный характер, свойственны конкретной политико-правовой среде. Анализируются данные ценности на примере России, Франции, Германии, Великобритании и других государств.

В завершении статьи обращают на себя внимание авторские выводы об опасности длительного и абсолютного господства политико-правовых приоритетов национально-этнических ценностей.

***Ключевые слова:** политико-правовая традиция; соотношение универсального и национального начал; теоретико-правовой анализ; аксиологический анализ; правовые ценности; общечеловеческие ценности; абсолютные ценности; правовая культура; общецивилизационный характер; этнические особенности; нация; этнос.*

SAL'NIKOV M.V.

NATIONAL AND UNIVERSAL PRINCIPLES IN POLITICAL-AND-LEGAL TRADITIONS (THEORETICAL-AND-LEGAL AND AXIOLOGICAL ANALYSIS)

***The summary.** The article presents the theoretical-and-legal and axiological aspects of the correlation between national and universal principles within the political-and-legal tradition. The*

values transmitted by means of traditions can be both of all-civilization character, i.e. belonging to all human cultures, and have national slice determined by the ethnic cultural features of specific nations.

The author defines the role and place of social values in the political-and-legal tradition. He concerns the institution of basic political-and-legal values, i.e. universal human values. He refers to them, first of all, personal life and health, safety, well-being, progress, legitimacy, legality, liberty and equality. These universal human values are considered in the paper and defined as absolute ones. They are of supranational, all-civilization nature, do not depend on changes in social and historical conditions, are not a product of the will of the State, not decreed by its orders, rank above its short-term interests and do not subject to devaluation.

The political and legal values determined by factors of national and ethnic nature are presented in the research paper as well. They are of specified national character, peculiar to specific political and legal environment. These values are analyzed by the example of Russia, France, Germany, Great Britain and other states.

At the end of the article attention is drawn to the author's conclusions regarding the danger of long and absolute domination of political-and-legal priorities of national-and-ethnic values.

Key words: *political-and-legal tradition; correlation between national and universal principles; theoretical-and-legal analysis; axiological analysis; legal values; universal human values; absolute values; legal culture; all-civilization nature; ethnic features; nation; ethnos.*

Политико-правовая традиция, сформировавшаяся в контексте конкретной правовой культуры общества, представляет собой диалектическое единство национального и наднационального (универсального) начал, которые соотносятся между собой как философские категории «общее» и «единичное».

В определенном смысле любая традиция, в том числе и правовая, является специфическим механизмом, при помощи которого осуществляется передача от поколения к поколению общественных конкретных социальных ценностей. При этом соответствующие ценности могут носить как общецивилизационный характер, т.е. быть присущи всем культурам человечества, так и национальный характер, т.е. детерминироваться этническими особенностями, быть свойственными конкретным национальным культурам. Для настоящего исследования, посвященного собственно правовой культуре и политико-правовой традиции, принципиальное значение имеет обращение к проблеме соотношения универсальных и национальных ценностей носящих именно политико-правовой характер, т.е. соответствующих трем основным признакам:

- 1) возможность реализации ценностей только в результате совместных коллективных действий людей;
- 2) активное влияние ценностей на все аспекты существования механизма государственной

власти;

- 3) наличие соответствующей формы связи ценностей с единым интересом социально-политической общности.

Но прежде чем приступить к такому анализу, предварительно следует определить роль и место социальных ценностей в правовой культуре и политико-правовой традиции. В этой связи, прежде всего, отметим, что в общественных науках ценности рассматриваются как специфические социальные определения объектов окружающего мира [21; 22; 29; 52; 59; 60; 61; 183; 205]. Посредством ценностей выявляется положительное или отрицательное значение для человека и общества оцениваемых объектов. Именно это свойство феномена «ценность», позволяющее выступать ему в качестве специфического критерия позитивного и негативного, предопределяет его особое значение для правовой культуры и политико-правовой традиции [154].

В качестве ценностей подлежащих передаче в рамках политико-правовой традиции выступают некоторые явления общественного сознания, выражающие социальные интересы в идеальной форме (субъектные ценности). К таким ценностям относятся, например, понятие добра и зла, справедливости и несправедливости, идеалы, моральные нормативы и принципы. Данные формы сознания не просто описывают какие то действительные или воображаемые явления

реальности, а выносят им оценку, одобряют или осуждают их, требуют их осуществления или устранения, т.е. являются нормативными по своему характеру [183, стр. 407].

Различные социальные ценности, как правило, находят свое воплощение в правовой культуре и юридически оформляются в системе позитивного права. В явной или скрытой форме ценности присутствуют в политических декларациях, влияют на процессы принятия решений, составляют основу правовой культуры и правового воспитания, воздействуют на выбор способов разрешения юридических конфликтов [15; 37; 43; 53; 56; 130; 145; 151; 204; 209]. В этой связи следует отметить, что в рамках сложившейся правовой культуры и политико-правовой традиции существует постоянно себя проявляющая субъективная сторона, без учета которой трудно понять, почему люди при сходных социально-экономических или исторических обстоятельствах, принадлежа к одному слою или группе и исходя из общих интересов, ведут себя по-разному. Представляется, что это в значительной степени зависит от мира ценностей – субъективных предпочтений людей, их представлений о желательных или нежелательных событиях и предметах, которые выражают их значимость для человека. Именно ценности служат ядром важнейших направляющих компонентов правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности и, в конечном счете, определяют специфику правовой культуры и национальной политико-правовой традиции [5; 27; 32; 38; 39; 42; 83; 85; 99; 108; 113; 114; 116; 134; 154; 155; 156; 157; 158; 159; 167; 182].

Но эволюция человечества подчиненная общим законам исторического развития, общность биологического начала и единая для всего человечества природная среда объективно способствуют и выработке, в рамках параллельно развивающихся национальных культур, одних и тех же, общих для всех, социальных ценностей. Применительно к правовому аспекту, следует отметить также, что наряду с вышеперечисленными факторами, формированию собственно правовых общечеловеческих ценностей оказывает влияние общность социальных законов распространяющихся на процессы правоге-неза, политогене-за и на дальнейшее развитие политико-правового феномена.

Все вышеизложенное позволяет говорить о

формировании института базовых политико-правовых ценностей, носящих общечеловеческий, наднациональный характер, т.е. выступающих в качестве универсального начала, практически любой современной правовой культуры и политико-правовой традиции. В современной литературе такие политико-правовые ценности часто обозначают термином «общечеловеческие ценности» [174].

По нашему мнению, к таким ценностям, прежде всего, следует отнести: жизнь и здоровье личности, безопасность, благосостояние, прогресс, легитимность, легальность, свободу и равенство [200, стр. 13-14].

Жизнь и здоровье личности, традиционно считаются одними из основных ценностей, свойственных всем без исключения правовым культурам. Значение этих ценностей, в рамках любой политико-правовой традиции определяется их фундаментальностью. Они носят исходный, базовый характер, т.к. отсутствие самой жизни делает бессмысленными все рассуждения о ее формах и способах организации [9; 10; 11; 12; 13; 30; 62; 78; 95; 105; 106; 126; 138; 142; 143; 170; 171].

Безопасность, смыслом которой является отсутствие угрозы жизни и основным атрибутам человеческого существования, к которым, несомненно, относятся семья, этнос, окружающая среда, собственность, культура. К. Дейч справедливо определяет безопасность как защищенность, обеспечение сохранности основных жизненных ценностей [211, р. 45], это – условие их накопления, при его отсутствии или недостатке ценностная структура истощается и деформируется, сужаясь до простой самозащиты.

Необходимо отметить, что безопасность имеет множество аспектов, по которым и осуществляется ее оценка: военный; юридический; экологический; технологический; информационный; экономический и т.д. Некоторые исследователи вообще полагают, что обеспечение безопасности является «залогом человеческого развития» [1; 2; 3; 8; 14; 25; 28; 34; 36; 47; 48; 50; 57; 65; 66; 67; 73; 74; 75; 77; 79; 82; 88; 89; 90; 94; 122; 124; 137; 139; 140; 141; 163; 166; 175; 177; 178; 184; 185; 191; 193; 194; 195; 207; 208].

Антиценностью, противоположной безопасности, служит состояние социальной катастрофы, характеризующейся предельно низким уровнем обеспечения безопасности, наступающим

вследствие полного разрушения властных механизмов, когда возможности реализации или защиты человеческих ценностей просто блокируются, разрушаются.

Благосостояние – это критерий отношения индивида, группы к экономической системе общества, характеризующий степень удовлетворения системой их потребностей [49, стр. 59]. Представления о благосостоянии определяются широтой и качеством потребностей людей, предельными значениями которых служат нищета и изобилие. Ценность правовой системы зависит от ее способности обеспечить поступательное движение от первого ко второму.

Развитие (прогресс) – это возможность изменения к лучшему состояния социально-правовой системы, вера в совершенствование основных показателей человеческого существования. В реальной политике государства существует и приверженность противоположной развитию правовой ценности – стабильности, которая также может считаться важнейшим условием поступательного социального развития.

Порядок – это наиболее целесообразное функционирование всех звеньев политико-правовой системы общества, регулярные и гармоничные отношений между ними, предполагающие наличие эффективных средств и гарантий поддержания всех аспектов безопасности в обществе, обеспечение высокой степени его независимости от разного рода случайных обстоятельств. Его важнейшими атрибутами служат законы, запреты, ограничения, постоянство, регулярность [136, стр. 28], которые в своем генезисе и функционировании выходят далеко за рамки собственно политико-правовой сферы, опираются на мощный моральный, культурный, религиозный фундамент [33; 54; 162; 206] в осуществлении упорядочивающей общественные отношения функции. «Правовой порядок существует лишь там, где признается, что общество независимо от государства располагает средствами и санкциями, необходимыми для того, чтобы привести индивида к признанию и соблюдению общекультурных по своему происхождению нравственных норм» [132, стр.5]. В связи с этим, важнейшим аспектом данной правовой ценности служит то, что можно назвать упорядоченностью – соответствием организационных и политико-правовых структур человеческим интересам и потребностям, когда порядок

существует не только с точки зрения формально-юридического закрепления навязываемых «сверху» правил поведения, но и воспринимается абсолютным большинством членов сообщества как осознанная необходимость. Разрыв таких сторон социальной упорядоченности, рано или поздно ведет общество к антиценности – хаосу, состоянию наивысшей степени неупорядоченности, который оборачивается тотальной угрозой человеческому существованию, рассогласованием различных аспектов властного механизма, когда нормы морали противоречат правовым, политическая власть бросает вызов нравственности, а симпатии членов общества оказываются на стороне преступников.

Нельзя противопоставлять порядок и демократию. В современных условиях вряд ли какое-то государство способно существовать без демократических доктрин с имеющимися в них категориями и понятиями. Сегодняшний наш мир стал «демократическим» в нем практически нельзя найти место, скажем, такой еще совсем недавно распространенной форме государственного правления, как абсолютная монархия [35; 144; 147; 153; 164; 189; 190; 192; 210].

«Даже самый откровенный диктатор, – пишет известный российский политолог Н.А. Гульбинский, – тиранящий и презирающий население своей страны, формально окружает себя демократическими институтами. В XXI века следует говорить только о степени демократичности того или иного общества. Так что нравится это кому-нибудь или нет, но человечество ныне живет в универсальную эпоху «демократии». Это одна из форм уже начавшегося процесса глобализации. При этом понимание самого термина «демократия» у всех различное. Так, вор в законе, а затем один из лидеров грузинской демократии Джаба Иоселиани со всей серьезностью политического деятеля и «конкретного» джигита провозглашал: «Демократия – это вам не лобию кушать! Всех врагов демократии будем расстреливать на месте». Я встречал немало российских политиков, которые целиком и полностью разделяли мнение этого «чудесного грузина» [40, стр. 95-96.].

Демократию каждый понимает и определяет по-своему, часто воспринимая ее в «ощущениях». Приведем позицию философа Бориса Хазанова: «Вы спрашиваете, что такое демократия; я отвечу. Демократия – это тот

невероятный случай, когда можно философствовать о том, что такое демократия, не боясь, что вас за это посадят в лагерь. Демократия – это общество, которое ухитряется существовать без лагерей. Демократия – это такое общество, где смеются над авторитетами, где не чтят святынь, не кланяются портретам, не обожествляют алебастровых идолов, не поют хором, не шагают в ногу, не ликут по расписанию, не сморкаются по приказу, общество, которое находит особое удовольствие в том, чтобы ставить под сомнение все свои институты, и всегда спрашивает себя, оправдывает ли оно свои вывески, общество, удивительная особенность которого состоит в том, что там не поощряют доносом, не превозносят посредственность, не преследуют оригинальность, не карают за талант, не рассматривают юмор как государственное преступление, и при этом оно каким-то чудом продолжают жить... Демократия – это то, до чего мы с вами не доросли и никогда не дорастем, потому что время роста давно миновало. Демократия – это юность, а тирания – это гнусная старость» [198].

Под многими из приведенных положений можно подписаться. Нас смущают пессимистические нотки, предлагаемые в конце абзаца. И, наверное, сложно будет спорить с тем, что демократия без порядка невозможна. Это будет уже не демократия, а скорей анархия. Во всяком случае во многих, возможно не столь эмоционально написанных научных и публицистических работах, посвященных демократии, об этом идет речь [6; 31; 37; 44; 46; 64; 68; 72; 80; 84; 93; 109; 123; 128; 130; 159; 199; 201; 212].

В тоже время возникают вопросы, есть ли сегодня общества и государства, где демократия господствует в полный рост, где она расцвела и раскрыла полностью свои универсальные свойства. До недавнего времени западные исследователи, обосновывая уникальность западноевропейской традиции права и других политических ценностей, отвечали на этот вопрос положительно, ссылаясь на ситуацию в США и странах Западной Европы. В качестве примера можно привести позицию известного американского исследователя, историка и философа права Гарольда Дж. Бермана, который писал об уникальности для всех мировых государств европейских политико-правовых ценностей [18].

В свое время и другой очень известный американский политолог, уже упоминаемый

нами в этой статье профессор Фрэнсис Фукуяма утверждая, что альтернативы мировому развитию и мировой демократии больше нет, после развала СССР наступил конец истории, и мир должен развиваться только по западному образцу [188; 213].

Интересно то обстоятельство, что оба из названных американских исследователей скорректировали свою позицию. Гарольд Дж. Берман в книге «Вера и закон: примирение права и религии» уже сомневается в универсальности европейской правовой традиции и ее ценности для не западных культур, в том числе для России [17]. Это же касается Фрэнсиса Фукуямы, как то в интервью корреспондентам «Шпигеля» (Германия) Гансу Хоингу и Грегору Петеру он заявил о необходимости разработки в США стратегии защиты среднего класса в условиях глобализации, с позиции получения пользы для широких масс людей. По его мнению: «Никто из демократов не способен реально это сделать» [187]. И далее он дает оценку западной демократии: «Вся современная демократия больна, и болезнь состоит в том, что демократическим процессом, как правило, заправляют хорошо организованные группы, которые не являются репрезентативными для населения в целом» [187].

И в завершение интервью совсем откровенная мысль: «Наша сегодняшняя западная модель действительно не работает по ряду фундаментальных направлений» [187]. Более откровенной оценки «уникальности» западных политико-правовых ценностей и состояния современной демократии в США и Европе трудно себе представить. Хотя может быть мы не правы в крайнем своем тезисе, если обратимся к книге известного немецкого политика Тило Саррацина «Германия: самоликвидация», вышедшей в Мюнхене на немецком языке в 2010 году и изданной в России совсем недавно [161; 215]. В этой книге мы находим гимн краху концепции западных правовых ценностей, в том числе демократии, их универсальности и уникальности для всех государств мирового сообщества. И крах этот показывает и обосновывает на примере Германии, одной из самых развитых и демократических государств Европы, где идея равноправия нашла свое воплощение в германском социальном государстве, – член правления Бундесбанка, влиятельное лицо в социал-демократической партии

Германии, известный немецкий политик Тило Саррацин.

Он пишет о падении рождаемости, проблематичной иммиграции, растущем количестве необеспеченного и малообразованного слоя населения в Германии. В своей книге, опираясь на реальные факты и объемную статистику, анализирует наиболее острые проблемы социального государства в современной Германии. Обращает внимание на замедление темпов роста ВВП, подчеркивает, что одна десятая часть трудоспособного населения не имеет работы и живет за счет государственных пособий. Наблюдаются значительные демографические изменения и не в лучшую сторону, которые привели к росту доли пенсионеров по отношению к трудоспособному населению. Сегодня тот, кто трудится, работает чуть меньше, чем его родители, а отдыхает чуть дальше, чем представитель поколений. По мнению Т. Саррацина, проблема финансирования социального государства остается нерешенной, и есть все основания полагать, что в будущем социальные расходы будут расти.

По мнению Натальи Тогановой, анализирующей книгу Тило Саррацина, «все реформы последних трех десятилетий в Германии были так или иначе связаны с решением проблемы финансирования социального государства» и уточняет: «Правда, проходили они сложно и не без попятных движений» [180].

Опираясь на статистические данные, характеризующих безработицу, анализируя состояния преступности в стране и национальный состав лиц, совершивших преступления, среди которых много мигрантов, Т. Саррацин приходит в выводу, о том что население Германии из-за постепенного изменения этнического состава все более «тупеет», то есть падает его общий интеллектуальный уровень, происходит быстрая и жестокая «дебилизация» низов общества. И это в стране, которая всегда гордилась своими демократическими достижениями. При сохранении динамики существующих процессов, – считает Т. Саррацин, – коренное население Германии не только сократится до минимума, но станет качественно хуже. И вряд ли кто может опровергнуть немецкого политика. Германия действительно испытывает серьезные трудности с мигрантами из Турции, африканских и арабских стран. Турецкие, африканские и арабские мигранты не хотят, либо просто не способны интегрироваться

в немецкое общество.

Мы не будем вдаваться в те споры, которые буквально взорвали Германию, разорвав ее по существу на две части после выхода в свет книги немецкого политолога. Приведем лишь несколько позиций известного российского этнографа Льва Гумилева, который задолго до Т. Саррацина предсказал опасность интеграции одного этноса в другой. Каждый этнос имеет свои императивы поведения, и они очень часто бывают совсем иными. Он писал, что «мы почему-то никак не хотим признать очевидного: основа этнических отношений лежит за пределами сферы сознания – она в эмоциях: симпатиях – антипатиях, любви – ненависти. И направление этих симпатий – антипатий вполне обусловлено для каждого этноса. Оценивать данное явление можно как угодно, но от этого оно не станет менее реальным» [41, стр. 296- 298, 299-300].

Характеризуя различные этносы, Л.Н. Гумилев писал:

«Человечество.... обладает замечательным свойством – оно мозаично, то есть состоит из представителей разных народов, говоря по современному, этносов. Именно в рамках этносов, контактирующих друг с другом, творится история, ибо каждый исторический факт есть достояние жизни конкретного народа. Присутствие в биосфере Земли этих определенных целостностей – этносов – составляет... параметр, характеризующий исторический процесс. Этносы, существующие в пространстве и времени, и есть действующие лица в театре истории». Этносы, это «коллектив людей, которых противопоставляет себя всем другим таким же коллективам, исходя не из сознательного расчета, а из чувства комплиментарности – подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей, определяющего противопоставление «мы – они» и деление на «своих» и «чужих».

Каждый такой коллектив, чтобы жить на Земле, должен приспособиться (адаптироваться) к условиям ландшафта, в пределах которого ему приходится жить. Связи этноса с окружающей природой и рождают пространственные взаимоотношения этносов между собой. Но естественно, что, живя в своем ландшафте, члены этноса могут приспособиться к нему, только изменяя свое поведение, усваивая какие-то специфические правила поведения – стереотипы.

Усвоенные стереотипы (историческая традиция) составляют основное отличие членов одного этноса от другого» [41, стр. 11-12].

Каждый этнос имеет свои исторические традиции. Исторические традиции жителей Германии, Граждан Европы, конечно, отличаются от исторических традиций тех мигрантов, которые наводнили Западный мир. Попытки интегрировать эти, иные этносы в Западную Европу ни к чему хорошему, как мы видим из книги Тило Саррацина и концепции Льва Гумилева, привести не могут, это опасно и для самой Европы, и для тех же мигрантов. Рассматривать же процесс интеграции представителей одних этносов в культуру других, как проявление демократии, вряд ли будет правильным.

Легитимность – это выражение момента должностования в политико-правовых отношениях, способности и готовности их участников следовать определенным правилам и принятым обязательствам, принятие государственной власти теми людьми, на которых она распространяется. К. Дейч справедливо обратил внимание именно на ценностную природу легитимности, как раз вырастающей из различных форм сочетания ценностей: «...во-первых, совместности политических действий с господствующей в данном сообществе системой ценностей и, во-вторых, совместности общих целей и практики с частными целями и особенностями индивидов» [211, р. 18]. Следствием признания политического режима легитимным становятся добровольное подчинение граждан законам и установлениям власти, их оценка как справедливых, морально оправданных и приемлемых.

Легитимность публичной политической власти – это социальное признание её права на руководящую роль в обществе. Власть чрезвычайно необходима для достижения государственных целей, ибо государственное функционирование вряд ли будет эффективным, если не соблюдаются соответствующие правила. Именно потому, что легитимность играет важную роль, властвующий или претендующий на власть субъект стремится обосновать свою власть, опираясь на определённые принципы. Он пытается создать социальную ситуацию, в которой властные предписания исполнялись и соблюдались инициативно или по крайней мере «с пониманием», с верой в нравственную

правоту решений и законов, так как власть не может рассчитывать на длительное и эффективное функционирование, полагаясь только на аппарат государственного принуждения. В этой связи следует согласиться с мнением П. Бурдьё согласно которому легитимная власть «есть власть, которую тот, кто ей подчиняется, дает тому, кто ее осуществляет... Это власть, которая существует лишь потому, что тот, кто ей подчиняется, верит, что она существует» [23, стр. 208-209].

Легальность (законность) – это способность и желание всех участников правовых отношений действовать в рамках устанавливаемых государством пределов, готовность взять на себя определенные обязательства и не нарушать их. Отказ носителей государственной власти от данного принципа ломает элементарную упорядоченность социально-правовых отношений, предопределяет неэффективность и неприемлемость такой власти для общества, усиливает ее деструктивный потенциал. Власть, не ограниченная законом, оказывается неэффективной и нежелательной, лишенной ценностного смысла и просто опасной для людей. Эта ценность отражает важную черту государственной политики – взаимообращенность государства и права, что позволило В.С. Соловьеву назвать власть «дееспособной законностью» [168, стр. 460], а законность – «основным естественным принципом политического общества» [169, стр. 147]. Право как «должное в человеческих отношениях» [186, стр. 334] служит, по сути дела, нормативным выражением ценностной стороны культуры общества, это – «образец жизненного уклада» [165, стр. 205]. Такая роль права не может быть реализована за счет действия его собственно нормативной, кодифицированной структуры; она опирается также на более широкие, в том числе моральные и ценностные основания, традиции, стереотипы поведения.

Свобода – это весьма высокоочтимая в теории права и практике человеческого существования ценность. Ее реализация как цели находится в основе формирования многих общественных движений, а определение отношения к ней служит необходимым компонентом практически любой политико-правовой программтики. Если сфера политико-правового воздействия задает ряд внешних условий человеческого существования, то она, естественно, не может обойти

вниманием проблему собственного определения в отношении саморазвития и самодеятельности человека, его способности действовать в соответствии с собственным выбором, интересами и потребностями. Свобода в праве отождествляется с возможностью разнообразия и роста, оказывается ключевым фактором в реализации и самой трактовке многих других ценностей, влияет на их содержательное наполнение, смысловую нагрузку [152]. Но, понимание свободы в значительной степени зависит (а иногда полностью меняет смысл на противоположный) от типа, природы политического режима; различной оказывается и степень значимости этой ценности – от доминирующей до вспомогательной.

Справедливость – это очень емкая и распространённая ценность, без апелляции к которой не обходится ни один юридический документ, политически значимый шаг. «Глубочайшей основой идеи справедливости – писал Н.Н. Алексеев, – является мысль о том иерархическом порядке, в котором стоят по отношению друг к другу ценности, – мысль о постепенном их достоинстве, о возрастающих и убывающих степенях их совершенства. Правильное отношение этих степеней и есть отношение справедливое. ... Справедливость по идее своей есть, следовательно, истинная мера относительного достоинства ценностей. Эти последние и суть элементы всякого справедливого порядка.

Порядок справедливости, как порядок правильного отношения ценностей, есть порядок чисто идеальный: потому чисто идеальной природой обладает и то целое, которое образуют правильно относящиеся ценности» [4, стр. 119-121].

Н.Н. Алексеев определял общие законы общественной справедливости, которые, по его мнению, могли быть сведены к следующим наиболее основным положениям:

1. Каждая реализованная ценность находится в ценностном отношении к любой из других реализованных ценностей.
2. Каждая реализованная ценность имеет право на полноту своего достойного существования и развития в пределах общей системы ценностей.
3. Каждая реализованная ценность, в случае нарушения нормальных отношений с другой ценностью, имеет право на установление равновесия.

4. Отношения реализованных ценностей определяются мерой достоинства присущей каждой из ценностей.
5. Отношения эти составляют общий порядок реальной солидарности [4, стр. 122].

Значение справедливости заключается во внесении моральной проблематики и наполненности в правовые отношения. Специфика этой ценности заключается в ее неоднозначной трактовке разными политическими силами и тем более в разные исторические эпохи. Среди ее смыслов можно выделить следующие:

- справедливость как соответствие высшим этическим критериям;
- пропорциональность воздаяния заслуг, благ и ответственности, наказаний по делам;
- человеческое основание оправдания или неприятия тех или иных политико-правовых реалий.

На основе данной ценности формируется активное отношение человека к правовой политике, выражающееся в его целенаправленных действиях [55; 76; 97; 98; 107; 111; 133; 150; 176]. Поскольку основное назначение ценностной компоненты правовой культуры личности состоит в переводе дескриптивной информации в прескриптивную, то именно данная ценность оказывается способной стимулировать осуществление такого процесса. В этой ценности право подходит к глубине жизненных основ личности, которая в указанном случае просто не может оставаться безучастной и безразличной. Если справедливость рождает личную сопричастность, то несправедливость воспринимается как личное оскорбление.

Реальной мерой справедливости в отношениях между людьми служит использование критериев равенства и неравенства.

Равенство – это ценность, активно используемая в юридической лексике, во всем, что связано с апелляцией к массовому участнику политики, с поиском его поддержки. Равенство служит выражением степени доступности основных ценностей для живущих в обществе людей, поскольку основное назначение политической власти, по заключению многих авторитетных правоведов и политологов, состоит в распределении ценностей и ресурсов. Степень прямого и косвенного воздействия данной ценности на юридические процедуры чрезвычайно высока. Правда, это воздействие в значительной мере корректируется

действующими в обществе традициями, принятыми идеологическими установками, конфессиональными принципами, повседневным опытом людей – непосредственных участников правовых отношений. Поэтому, перефразируя В. Соловьева, можно сказать, что право – это лишь некий минимум справедливости. Но, одновременно это и максимально возможная справедливость, ибо «какой-либо другой формы бытия и выражения свободы в общественной жизни людей, кроме правовой, человечество до сих пор не изобрело... Люди свободны в меру их равенства и равны в меру их свободы» [115, стр. 288].

Смысловое наполнение этой ценности зависит и от степени широты искомой поддержки для реализации той или иной цели государственной деятельности. Чем меньше правоприменитель нуждается в массовой поддержке, тем больше он ограничивает набор качеств, по которым люди, по его мнению, могут оказаться равными друг другу.

В зависимости от типологии и состояния правовых систем значимость данной ценности может как возвышаться, так и падать (или вообще обращаться в свою противоположность, когда ценностное значение приобретает именно неравенство), но она всегда есть там, где существует отношение к праву как к единой внутренне согласованной регулятивно-управленческой системе публичного характера.

Исторический опыт показывает, что политика государства в правовой сфере зависит от широкого круга взаимодействующих ценностных доминант. Их своеобразие заключается в том, что оказывая активное воздействие на правовую жизнь общества, собственно, подчиняя ее себе, они, как правило, имеют неюридическое происхождение, продуцируются в более фундаментальных для человеческого существования сферах бытия: морали, религии, экономике. Под воздействием этих ценностей находятся:

- структура собственно правовых ценностей, соотношение и содержание которых может существенно изменяться под воздействием такого давления;
- осуществление отбора юридических приоритетов;
- определение характера правовой аргументации;
- формирование инструментария правовой творческой и правоприменительной

деятельности;

- программатика государственной деятельности в правовой сфере, представления о границах и возможностях ее влияния на общественную жизнь.

Для человека вся совокупность ценностей предстает в виде ступенчатой иерархии. Вышеперечисленные ценности в основе своей не подлежат смещениям по шкале оценок и в этом смысле могут быть определены как абсолютные ценности. Те же ценности, которые способны менять свои места в данной иерархии, являются относительными. Так, абсолютные ценности, носящие наднациональный, общецивилизационный характер, не зависят от изменений социально-исторических условий, не являются продуктом воли государства, не декретируются его распоряжениями, стоят выше его сиюминутных интересов и не подлежат девальвации. Поэтому они способны выступать критерием нормотворческой деятельности для законодателей разных государств в разные исторические периоды [16, стр. 351].

Иначе обстоит дело относительно политико-правовых ценностей детерминированных факторами национально-этнического характера. Эти ценности всегда носят конкретизированный национальный характер, они свойственны конкретной политико-правовой среде и за ее пределами воспринимаются лишь их традиционными носителями.

Данное обстоятельство не означает, что эти правовые ценности являются ценностями второразрядными, не столь значительными и играют второстепенную роль. Это не так. Просто это ценности иного свойства и иной адресности, и влияние их на общецивилизационный процесс порой невозможно переоценить. Если мы попытаемся осмыслить такое явление как русская цивилизация, и такой ее аспект, как русское право, важно знать историю мирового писанного права и, конечно, историю русского права в общем мировом контексте развития общества, как в общем-то и процессе реализации законов в конкретной судебной практике России. Из самых ранних письменных источников права Древней Руси известен Договор русских с греками при князе Олеге 911 года. В его тексте уже присутствует упоминание «закона русского». Правовой обычай для «земских людей» на Руси они впервые сформулирован в Русской правде

в самом начале XI века. Тогда и появилось писанное право. Русское право прошло в своем развитии длительный и сложный процесс. Оно знало и взлеты, и падения эпохи развития и застоя. Тем не менее русское право выступает частью общего правового цивилизационного процесса.

Мировые цивилизации не создаются одним каким-либо народом. Утверждение, что жизнь народов развивается поступательно и более развитая цивилизация сменяет другую, абсолютно неверно – считает В.Н. Буробин. С ним надо согласиться: Цивилизации как бы существуют параллельно и не перемешиваются. По каким-то никому не известным причинам с прошествием определенного времени они исчезают, оставляя после себя города, монументальные памятниками, письменность, культуру, право.

Русская цивилизация, в том числе и в части права, внесла свой вклад в общемировую копилку политико-правовых ценностей [24, стр. 7-8].

Пожалуй, одним из самых значительных и интересных исследователей роли России в истории развития человечества является профессор Московского государственного университета Валентин Иванович Фатюшенко. В своей книге «Русский мир в контексте мировой цивилизации» он говорит о тех русских политико-правовых ценностях, которые были детерминированы факторами национально-этического характера, которые носили конкретный национальный характер. И тем не менее, они сыграли важную роль в общецивилизационном прогрессе мирового сообщества [182]. На это же обстоятельство обращают внимание и другие исследователи [7; 20; 51; 58; 63; 69; 81; 92; 96; 100; 101; 110; 125; 148; 173; 174; 181; 202].

Политико-правовая традиция и все ее элементы, несомненно, находятся под мощным воздействием этнического фактора, фокусирующегося на целом ряде ценностей, наиболее значимым из которых является понимание и восприятие категорий «Родина», «отечество», «государствообразующий этнос». «Этничность – это наиболее доступная и понимаемая гражданами основа для массовой мобилизации и коллективного действия» [179, стр. 8]. Поскольку политико-правовая реальность имеет вполне очевидные цивилизационные предпосылки, а

«цивилизация есть основной способ исторического бытия этнокультурной общности, она есть обнаружение ее реальности, специфики и многообразия форм исторической активности» [70, стр. 12], то основные политико-правовые ценности не могут существовать и быть понятыми вне их национального, этнического контекста и имеют национально-государственное наполнение и соотношение.

Факторы, детерминирующие специфику социальных ценностей подлежащих закреплению и передаче в рамках политико-правовой традиции конкретного народа (этноса) можно выявить лишь поняв, что собственно собой представляет феномен этнической общности, какие связи позволяют тому или иному народу спланироваться в единое целое и выступать в качестве самостоятельного субъекта исторического развития.

В отечественной науке традиционно превалирует так называемая социокультурная концепция этноса (народности). Так еще известный русский юрист В.П. Даневский, через совокупность свойств проводил отграничение «национальности, имеющей право на самостоятельное политическое бытие» от «национальности в культурном смысле». При этом ученый предлагал следующие признаки национальности [45, стр. 292-294]:

1. Территория. «Для образования национальности, как независимого политического тела, прежде всего необходима известная определенная территория, на которой живут и действуют солидарно индивидуумы, составляющие население страны. Национальность всегда остается только культурным понятием, если она рассеяна по различным территориям» [45, стр. 271].
2. Общее происхождение, «но не от расы, а как продукт пережитого прогресса, ассимиляции и скрещивания племен, образовавшего известный физический устойчивый тип, оригинальный, способный к самоуправлению, к органическому прогрессу».
3. Язык, по преимуществу язык семьи.
4. Численный барьер и духовные силы для признания своего национального «Я».
5. Общая цель, национальная психология, свободное сознание своей личности, национальное самосознание.
6. Нравы и обычаи (играют второстепенную роль как более изменчивые).

7. Различия в законах и во всей юридической жизни [45, стр. 285].

8. Религия (в исключительных случаях).

«Но все эти элементы, – по мнению В.П. Даневского, – во всей их даже гармоничной совокупности (или при перевесе одного или нескольких из них над прочими) сами по себе еще не могут поднять национальность в культурном смысле до степени национальности, имеющей право на самостоятельное политическое бытие. Наличие этих основ может и должна влечь за собою признание со стороны государства местных нравов, обычаев, языка, даже определенной и более или менее широкой автономии этих национальностей» [45, стр. 293].

Итак, наличие территории и юридическое признание, вот что, по мнению В.П. Даневского, отличает «политическую» национальность от «национальности в культурном смысле».

Следует отметить, что социокультурный подход считался официальным в советской науке [91, стр. 37] и поэтому, по всей видимости, лежит в основе понятийного аппарата, используемого в нормативных актах, регулирующих национально-государственные и межнациональные (межэтнические) отношения. В связи с этим необходимо рассмотреть понятие «этнос» с позиции данной концепции.

Характеризуя феномен этноса, Ю.В. Бромлей выделяет ряд субъективных и объективных свойств:

- а) Субъективные свойства: этноним, самосознание;
- б) Объективные свойства: культура (материальная и духовная), речь (устная или письменно-литературная) [19, стр. 16-30].

Исходя из вышеперечисленных признаков, автор дает следующее определение: Этнос – это «исторически сложившаяся на определенной территории совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований, т. е. самосознанием» [19, стр. 32]. Территория, по мнению Ю.В. Бромлея, «важнейшее условие формирование этноса, но уже сформировавшийся народ не обязательно сохраняет ее» [19, стр. 18].

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что в качестве определяющих специфику национальной (этнической) традиции вообще и

национальной политико-правовой традиции в частности выступают такие факторы как:

1. Обычаи, «коренящиеся первоначально в религии и влияющие на законодательство, имеют значение в совокупности с другими культурными условиями. Тому или иному национальному типу свойственны своеобразные обычаи, сохраняющиеся до известной степени и при соприкосновении с другими национальностями. У национальностей резко определившихся и давно образовавшихся обычаи отличаются особой устойчивостью» [45, стр. 285].

2. Язык общения. Языковая специфика в определенной степени детерминирует особенности восприятия правовых явлений в рамках конкретной этнической общности. Особенно она значима в процессе юридической деятельности, так как обуславливает специфику юридической техники.

3. Численный состав национальной (этнической) общности. Очевидно, что этот фактор во многом определяет юридический менталитет народа. (Так называемый фактор «великого народа» или наоборот фактор «вымирающих народов»).

4. Географические детерминанты, также определяют специфику национальной правовой культуры. Причем по значимости географические факторы, во многом определяющие экономическое развитие того или иного народа следует рассматривать в качестве основополагающих. «Территория, на которой зарождается нация, – совершенно точно отмечает А.М. Величко, – формирует не только лицо нации, но и ее характер. С материальной стороны данный фактор не отвергается никем, а порой, в лице представителей расистских теорий, доводится до крайностей. Трудно не признать, что характер англичан во многом обусловлен их островным положением. Свободолюбивые и воинственные традиции скандинавов – суровостью климата. Впрочем, подобных примеров можно привести сотни. Но не только лицо нации находит свое объяснение в географических и климатических, т.е. территориальных, условиях. Сами характеристики общественного быта, строения общества, его обычаи и т.п. совершенно естественно и вполне обоснованно выводят, именно из территориального фактора. Сравнительно с представителями других народностей данная нация отличается склонностью к определенной

деятельности, известными недостатками, достоинствами, наиболее типичными чертами характера. В совокупности это и определяет индивидуальность нации и позволяет охарактеризовать национальную культуру» [26, стр. 16-17].

5. Общность истории, причастность той или иной национальной группы к конкретным историческим событиям, существенным политическим и юридическим преобразованиям, роль в политогенезе (государствообразующие нации), участие в национально-освободительном движении и т.д. [117, стр. 39-50].

Соглашаясь с точкой зрения Р.Ф. Матвеева, следует констатировать, что «создателями и носителями национальных политико-правовых традиций являются одновременно отдельные классы и слои, но также и особенно общество в целом, поскольку политическая борьба затрагивает не один класс и слой, а все общество в целом: как правило, политика имеет общенациональное измерение. Многие традиции общественно-политической борьбы имеют поэтому распространение среди различных слоев, в том числе и среди антиподов» [104, стр. 160]. И действительно, достаточно проанализировать, как действуют в различных странах такие традиции, как республиканские, монархические, парламентские, муниципальные, традиции разделения властей и господства права, демократических свобод и т.п., чтобы констатировать, что они распространены среди различных классов и даже различных политических течений, но порой используются для противоположных целей [119; 120; 121; 127; 146; 197; 198; 199].

В данной связи можно привести пример Франции, где преобладает традиция острой политической борьбы, обращающаяся к решительным тезисам и методам действия, т.е. традиция революционная. В Англии и среди буржуазии, и среди трудящихся сложилась традиция прецедента, политического компромисса, умеренности, даже консерватизма. В этой стране компромисс был использован феодалами в борьбе против восставших крестьян, затем его применяли феодалы в борьбе против городской торговой и промышленной буржуазии, наконец, в настоящее время компромисс широко применяется для урегулирования отношений между трудящимися и предпринимателями. Конечно, это не означает полного отсутствия насильственных и вооруженных форм борьбы. История Великобритании

знает много и кровавых конфликтов, продолжается уже много лет война в Северной Ирландии. Но компромисс в этой стране занимает гораздо больший вес, чем в других странах. Здесь важно установить, кто при этом компромиссе получает преимущество, для какой стороны он более выгоден [104, стр. 161].

Устоявшиеся, консервативные политико-правовые традиции с течением времени ослабевают. Однако особенность традиций состоит в том, что некоторые из них сохраняются, не проявляя себя в активных формах, целые десятилетия и даже столетия, в том числе, когда исчезли условия, их породившие. Примером такой политико-правовой традиции может служить французское якобинство. Возникшее как общественное течение в условиях народной антифеодальной революции, оно добилось широких демократических прав и свобод и глубоко осветило своей деятельностью все французское общество. Несмотря на весьма широкое применение якобинцами террора, их традиция в форме современного левого течения во Франции остается одной из наиболее влиятельных. К XX веку условия, породившие якобинство, исчезли, не стало слоя ремесленников и т.д. Однако потребности политической борьбы за права и свободы в 30-е годы XX века, в частности необходимость преодоления фашизма, возродили традицию якобинцев. Французское демократическое движение сумело эффективно использовать в своей борьбе эти политико-правовые традиции, и Франция стала одной из немногих стран Западной Европы, которая не допустила прихода фашистов к власти. Потребовалась оккупация страны гитлеровцами, чтобы установить «новый порядок». Эта же традиция поддерживала и французское движение Сопротивления фашистской оккупации в годы второй мировой войны. В свою очередь это движение, там, где оно приняло общенациональный и массовый характер, породило новые политико-правовые традиции, которые отчетливо просматриваются, например, в Италии и во Франции и во многом воздействуют на политические и правовые отношения последнего полувека. Можно ожидать, что в дальнейшем такое воздействие будет продолжаться, хотя конкретные его формы, возможно, претерпят некоторые изменения.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что традиции народной активности, инициативы,

наступательности начинают действовать и могут играть большую роль в периоды особого подъема политической борьбы, обострения политических проблем, общенациональных задач. И в нашей стране в годы Отечественной войны для мобилизации населения обратились к «славным предкам», полководцам, сыгравшим важную роль в отечественной истории, к русской православной церкви [71, стр.104-106 135 ;149; ;203]. К сожалению, однако, обращение это коснулось только чисто русской истории и чисто русских традиций. Понятно, что Россия была наиболее важной частью Союза, но эта односторонность не могла не создать или не усилить шовинистические и узконационалистические традиции в центре и на периферии [104, стр. 162].

Вместе с тем политико-правовая традиция не является запрограммированным фактором в подсознании народа, чем-то вроде генотипа, который подспудно развивается только по своей внутренней логике, вне связи с общественно-политической жизнью, а потом, в неожиданный для всех момент, самопроизвольно действует, фатально предопределяя ход и исход политической борьбы, которая как бы постоянно вращается в жестко определенных рамках и не может из них выпрыгнуть. Политико-правовые традиции создаются, закрепляются и начинают действовать стихийно, но они не являются фатальным фактором, не могут играть решающую и определяющую роль во всемирно-историческом масштабе. Однако при неустойчивом равновесии политических сил политико-правовые традиции могут сыграть роль дополнительного фактора, который способен перевесить на какое-то время соотношение сил в ту или иную сторону.

Среди современных политико-правовых традиций особая роль принадлежит традициям, возникшим в эпохи буржуазно-демократических революций. Это определяется тем, что в каждой стране современные классы формировались, во всяком случае, на начальных стадиях, в идеологической и политической среде, созданной этими эпохами. Именно в зависимости от характера, длительности, остроты таких революций, особенностей политического поведения различных классов и слоев, применявшихся форм политической и идеологической борьбы, организации, непосредственных и отдаленных результатов складывались политико-правовые традиции, сохраняющиеся и поныне. Естественно, что в

странах, где буржуазно-демократических революций не было, где они приняли неопределенные, размытые формы, или были непродолжительными, верхушечными, – там такого типа традиций гораздо меньше и тем активнее проявляют себя традиции предшествующих систем.

Как показывает социально-политическая практика, помимо прочих факторов на характере политико-правовых традиций, оставленных буржуазными революциями, сильно сказывается характер идейно-политический и культурной гегемонии тех или иных слоев. В период таких революций, как, впрочем, и в ходе иных общенациональных событий и потрясений, гегемония может принадлежать различным классам, слоям и союзам. В некоторых случаях это была крупная торгово-промышленная буржуазия в союзе с землевладельцами (Великобритания), военно-феодальной монархией (Пруссия) и т.д. В других случаях гегемония может оказаться у низов – мелких ремесленников, торговцев, крестьян и т.п. Конечно, многое здесь зависит от общей и политической культуры населения, влияния (точнее, отсутствия влияния) религии и прочих факторов.

Специфический радикальный характер традиций Французской революции XVIII века, которая вызывает и сейчас ненависть одних и уважение других, объясняется не только и не столько тем, что некая буржуазия была поднимающимся классом. В ходе английской революции она тоже была поднимающимся классом, но традиции она оставила совершенно другие. Особая радикальность традиций Французской революции объясняется тем, что в ее решающие моменты гегемонию завоевали и осуществили низы, народные слои, которые на некоторое время определили ход революции, ее идеологию, повели за собой другие народные массы. Конечно, предпосылки для этого возникли задолго до событий. Достаточно, например, проанализировать содержание тех наказов, которые давало «третье сословие» своим депутатам, избравшимся в Генеральные штаты. Но эти предпосылки могли остаться и нереализованными. Однако история пошла именно таким путем. «Во Франции гегемонию раз за раз четыре за все восьмидесятилетие буржуазных революций отвоевал себе пролетариат в разных сочетаниях с «левоблокистскими» элементами мелкой буржуазии, и в результате буржуазия должна была создать такой политический строй, который

более угоден ее антиподу» [87, стр. 84]. Влияние этой гегемонии не ограничилось лишь воздействием на политический строй. Оно повлияло и на весь класс буржуазии. «Буржуазная демократия каждой страны оформляется так или иначе, принимает тот или иной вид, воспитывается в той или иной традиции, признает тот или иной минимум демократии, смотря по тому, насколько гегемония переходит в решающие моменты национальной истории не к буржуазии, а к «низам», к плебейству XVIII века, к пролетариату XIX и XX веков» [86, стр. 283].

Политико-правовые традиции, сложившиеся под влиянием такой гегемонии сказываются на степени демократизма, на характере парламентаризма, конституционного устройства, особенностях избирательной системы, роли партий и государства. Сказываются они на таких факторах, как самостоятельность, независимость, свободолюбие, инициативность низов, их патриотизм и интернационализм. Немалое влияние оказывают они и на многие стороны того, что называется политической культурой данной страны или данного слоя, на особенности поведения политических деятелей, депутатов парламента и местного самоуправления, партийных активистов.

В Великобритании, в отличие от Франции, в период буржуазной революции гегемония оказалась в руках своеобразного союза торгово-промышленной буржуазии с землевладельцами. Несмотря на применявшееся в ходе этой революции насилие (а может быть, и по этой причине), несмотря на казнь короля, идея соглашения, компромисса укоренилась и стала одним из устойчивых элементов английской политической традиции. В то время как во Франции демократические, а иногда и революционные ценности после революции всячески поддерживались и оживлялись в ходе последовавших в XIX веке революций (1830, 1848, 1871 гг.), в Англии всячески возвеличиваются традиции и компромисс, умеренность как лучший метод политического действия. Эти тенденции получают тем более широкую поддержку, что в Англии удалось отождествить в некоторой мере революцию XVIII века с тогдашним внешним врагом – Францией. Так что в этом отношении произошло смешение политических и национальных факторов. Эти традиции, естественно, затронули практически все классы и слои британского общества, в том числе и рабочее и

профсоюзное движение [104, стр. 164].

Аналогичное влияние на характер политико-правовых традиций оказывает и идейная гегемония, сложившаяся в той или иной стране в ходе национального воссоединения. Можно сослаться на опыт двух стран, возникших практически одновременно в середине XIX века, – Германии и Италии. В первой из этих стран воссоединение осуществлялось при гегемонии крупного капитала с военно-феодальной монархией Пруссии. Это обстоятельство повлияло на сохранение милитаристских традиций в возникшей Германии, на усиление преклонения перед государственностью. В Италии воссоединение осуществлялось при гегемонии демократических слоев населения, и это сказалось на многих особенностях итальянской истории в XX веке, в том числе на характере фашизма и антифашистского движения. В частности, большим авторитетом пользовались гарибальдийские бригады [104, стр. 164].

Демократические и революционные политико-правовые традиции этого типа оказываются внутренне противоречивыми, поскольку они включают множество несовпадающих компонентов, порожденных действиями противостоявших друг другу социальных слоев и политических сил. Выделить и четко определить эти компоненты путем лишь теоретического анализа нельзя. Их можно выявить только в ходе частичного социального эксперимента. Тем более трудно задолго прогнозировать возможное поведение политико-правовой традиции. Так, в состав французских революционных традиций входят: бонапартизм, республиканизм, права и свободы личности, запрет рабочих организаций, представительство, парламентаризм, широкое применение террора и т.д. Все эти моменты учитываются при выработке и осуществлении политических и юридических решений.

Апеллирование к национальным политико-правовым традициям прошлого требует соблюдения ряда условий, без этого традиция может отбросить данную политическую силу и всю страну назад. Помимо прочих факторов (глубокого знания самой традиции, условий и обстоятельств, ее породивших, соответствия нынешней ситуации той, при которой традиция сложилась и проявлялась), необходимы также и некоторые «субъективные» условия, т.е. уровень политического сознания и культуры тех сил, от которых

ждут «традиционного» поведения, а также и противостоящих сил, которые могут опираться на выгодные для них традиции. Социальный слой, не имеющий развитого сознания, организованности, самоидентичности, не способен в полной мере осуществить свою гегемонию, правильно понять и овладеть традициями прошлого, переработать их и приспособить к современным условиям, т.е. определить такие цели действия и такие лозунги, которые соответствовали бы и традициям и потребностям момента. Иными словами, обращение к традиции требует серьезной подготовки как широких слоев граждан, так и тех партий или организаций, которые берут на себя соответствующую инициативу.

На примере некоторых национальных особенностей рабочего движения можно проиллюстрировать проявление отдельных политико-правовых традиций. Так, в Великобритании среди рабочих широко распространено чувство так называемой почтительности к правящему классу. Сама классовая структура общества определяется терминами: высшие классы, средние классы, низшие классы. «Низшие» классы испытывают чувство уважения к «лучшим» и «высшим» классам. Очевидно, что это результат влияния на рабочих со стороны именно «высших» слоев. Наряду с этим в Англии имеются политико-правовые традиции, сложившиеся в свое время среди предшественников современных трудящихся, а именно среди ремесленников и подмастерьев средневековья. Так, в некоторые профсоюзы не принимают рабочих, не прошедших профессиональную учебу, безработные теряют право состоять в профсоюзе, профсоюзы защищают не всех трудящихся, а только своих членов, наконец, в отдельных профсоюзах сохраняются различные категории членов в зависимости от квалификации [214, р. 308, 311-312]. Это явные корпоративистские, цеховые пережитки, которые на ранних стадиях были в той или иной мере свойственны профсоюзам и других стран. Аналогичные традиции устойчивы и в США. Там в некоторых профсоюзах даже сохранились экзамены на профессиональную пригодность для вступления в их ряды.

В Германии получила распространение «долгая, переходящая от поколения к поколению привычка к подчинению» [102, стр. 357]. Среди негативных традиций во Франции склонность к революционной фразе и к бунту. Это было видно

в ходе событий 1968 г., наблюдается и сегодня среди частых массовых выступлений антиобщественных элементов в Париже и других крупных городов Франции.

Следует отметить, что наряду с этим складываются и политико-правовые традиции иного типа. Так, «в Англии каждый шаг вперед, если он завоеван, никогда, как правило, не пропадает» [103, стр. 319]. Существует в Англии, хотя и ограниченная, якобинская традиция [129, стр. 170-179]. Как позитивные, так и негативные традиции тесно переплетены и существуют в любой стране. Не изучая традиции, сложившиеся в России в период татаро-монгольского ига, борьбы против него, роли милитаризма в создании государства, относительной удаленности страны от Западной Европы, где развертывались процессы Возрождения, просветителей и рационализма, наконец, особенности христианства византийского толка, невозможно понять и современных процессов, выработать правильные решения и осуществить их.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что ценности национального приоритета всегда присутствуют в государственной политике и в праве, а в определенные моменты становятся доминантными, например, во время отражения внешней агрессии или национально-культурного ренессанса. Но их длительное и абсолютное господство в качестве политико-правовых приоритетов, превращение в единственную доминанту государственной деятельности ведет государственно-правовую систему к деформации, существенно искажая ее природу, когда из объективного средства снятия, регулирования социальных противоречий, решения социальных проблем она превращается в фактор продуцирования мнимых и действительных врагов, когда политико-правовая традиция замыкается на ложно понятых национальных приоритетах.

Россия сегодня проходит через сложный этап социально-политических, экономических и культурно-правовых преобразований. И очень важно знать, что лежит в основе определяющего все стороны нашей жизни успеха.

Представители западноевропейской правовой традиции обращают внимание на важность реформ, способных создать у нас тот же самый комплекс институтов и ценностей, что и в странах Западной Европы и США.

Есть и те, кто выдвигает на первый план

специфику национальной политико-правовой культуры, предлагая игнорировать западную политико-правовую традицию, основанную на либеральных ценностях.

Реже встречается центристская позиция, предлагающая учитывать важность как западных политико-правовых ценностей, так и специфику российской отечественной национальной

политико-правовой культуры. И довольно редко исследователь решается проанализировать общее и особенное, показывать, в чем мы идем по пути, проложенному другими странами (США и Западной Европой), а в чем натывается на чисто отечественную российскую национальную специфику. Мы такую попытку предприняли. Удачна она или нет – судить читателю.

Список литературы

1. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России // Социально-политический журнал. – 1997. – № 5. – С. 2-14.
2. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – 1994. – № 12.
3. Александров Р.А. Противодействие наркобизнесу в системе обеспечения национальной безопасности России: Учебное пособие / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2007. – 144 с.
4. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 1999. – (Мир культуры, истории и философии).
5. Алексеев С.С. Тайна права: Его понимание, назначение, социальная ценность. – М., 2001.
6. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М., 1993.
7. Артамонов М.И. История хазар. – СПб.: Лань, 2001.
8. Астапов К.Л. Некоторые аспекты экономической безопасности России. – М.: ТЕИС, 2000.
9. Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 25-34.
10. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на тело человека: некоторые подходы к аксиологическому измерению // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 20-26.
11. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь как абсолютная ценность // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 16-20.
12. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь как юридическая quintessence витальных возможностей человека. – Душанбе: Ёл, 2010. – 440 с.
13. Бабаджанов И.Х., Оль Е.М., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 122-127.
14. Баранов В.Д. Экономическая безопасность внешнеторговой сферы в условиях глобализации: Учеб. пособие. – М.: Социум, 2011.
15. Баранов П.П., Шпак А.В. Сила права: политико-институциональный анализ: Монография. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический ин-т МВД России, 2004. – 144 с.
16. Бачинин В.А. Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. – СПб.: Лань, 2000.
17. Берман Дж. Гарольд. Вера и закон: примирение права и религии / Пер. с англ. яз. (Harold J. Berman. Faith and Order. The Reconciliation of Law and Religion. Scholars Press, Atlanta, 1993). – М.: Московская школа политических исследований, 2008. – 464 с. (печатается по одноименному изданию Ad Marginem, 1999).
18. Берман Дж. Гарольд. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е издание. – М.: МГУ: ИНФРА-М-НОРМА, 1998. – 624 с.
19. Бромлей Ю.В., Подольный Р.Г. Человечество – это народы. – М.: Мысль, 1990.
20. Будущее России. Выводы и проекты: История. Демография. Наука. Оборона // Будущая Россия / Под ред. Г.Г. Малинецкого. – М.: ЛКИ, 2008. – 264 с.
21. Булатов Р.Б. Культурные ценности (правовая регламентация и юридическая защита): Дис... канд. юрид. наук. – СПб., 1995.
22. Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2. – С. 118-122.
23. Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
24. Буробин В.Н. Русские судебные процессы // Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккенем. – М.: Белый, город, 2013.

- С. 7-8. – (Серия: «Русские судебные процессы).
25. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание. – СПб.: Фонд «Университет», 1999.-193с.
26. Величко А.М. Философия русской государственности. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2001. – 336 с.
27. Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 200 с.
28. Возжеников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М., 2000.
29. Гартман Н. Этика / Пер. с нем. А.Б. Глаголева; Под ред Ю.С. Медведева и Д.В. Складнева; Ред. коллегия: В.М. Камнев, А.П. Мельников, Ю.В. Перов (председатель), В.П. Сальников, К.А. Сергеев, Я.А. Слинин, Ю.И. Солонин; Вступ. ст.: Ю.В. Перов, В.Ю. Перов. Философия ценностей и ценностная этика. – СПб.: Фонд «Университет»; Владимир Даль, 2002. – 708 с.
30. Гасанов К.К., Стреммоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничения прав // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 164-173.
31. Гельнер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники / Пер. М.Б. Гнедовского. – М., 2004.
32. Горбачев В.Г., Растопчин В.Г., Тищенко В.И. Культурные ценности. – М., 1994.
33. Горбашев В.В., Реуф В.М., Сулейманов А.М. Третьяков И.Л., Общественный порядок и его обеспечение правоохранительными органами// Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 38-45.
34. Городецкий А.Е., Хоминич И.П. Финансовая безопасность: новые угрозы и вызовы в условиях глобализации // Вестник АНП РФ. Вып. 3. – М., 2003.
35. Горшколепов А.А. Идеократическая государственность: политико-правовой анализ: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2001.
36. Государственная граница, организованная преступность, закон и безопасность России / Под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. – 347 с.
37. Государство, общество, личность: проблемы совместимости / Под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – М.: Юрист, 2005. – 303 с.
38. Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114-119.
39. Графский В.Г. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсисянца. – М.: ИГП РАН, 1996.
40. Гульбинский Н.А. Девять врат в царство политики. – М., 2007. – 384 с.
41. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории / Послес. С.Б. Лаврова. – М.: Экопрос, 1994. – 336 с.
42. Гуревич П.С. Философия культуры. – М., 1995.
43. Гучериев Х.С., Сальников В.П., Хальзов В.И., Шаранов Ю.А. Акмеологические основы конфликтологии. – СПб: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1994.
44. Даль Р. Введение в теорию демократии. – М., 1992.
45. Даневский В.П. Система политического равновесия и легитимизма и начало национальности в их взаимной связи: Докторская диссертация. – СПб., 1882.
46. Додонов В.Н. Институт правовой ответственности главы государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006.-160с.
47. Егоршин В.М. Проблемы обеспечения экономической безопасности в современной России (теоретико-правовые вопросы). – СПб., 1998.
48. Егоршин В.М. Экономическая безопасность и экономическая преступность в современной России. – СПб.: Петровский фонд, 1999.
49. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М., 1986.
50. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран-участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 111-117.
51. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2012. – 336 с.
52. Ивин А.А. Аксиология: Научное издание. – М.: Высшая школа, 2006. – 390 с.
53. Индык А.Г. Нравственно-правовая культура как результат взаимодействия общества и государства // Личность, общество, государство: отношения, права и обязанности: Сб. ст. Юбилейной междунауч.-практ. конф., 17-18 декабря 2009 года. В 2-х частях. Ч 1 / Под общ. ред. Т.И. Козловой; Институт правоведения и предпринимательства, Межрегиональная общ. орг. юристов и предпринимателей «Форум» – СПб.: ИПП, 2010.

- С. 158-161.
54. Исаев И.А. Идея порядка в консервативной ретроспективе. – М.: Проспект, 2011.
55. Исаков Н.В. Правовая политика современной России: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004.
56. Исмагилов Р.Ф., Карогодов А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрушения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
57. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
58. Ищенко Е.Н. Развитие евразийских традиций в трудах Л.Н. Гумилева и современном евразийстве: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2004.
59. Каган М.С. Атмосфера культуры: Спецкурс // Этнос. Общение, ценность: Учебное пособие по культурологическому образованию. Вып. 1. – СПб., 2004.
60. Каган М.С. Философия культуры. – СПб., 1996.
61. Каган М.С. Философская теория ценностей. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
62. Кальченко Н.В. Право человека на жизнь. – Волгоград, 2003.
63. Кантор В. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). – М., 2001.
64. Карсавин Л.П. Государство и кризис демократии // Новый мир. – 1991. – № 1.
65. Квитчук А.С. Система безопасности дорожного движения: предпосылки и основные этапы формирования: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 152 с.
66. Квитчук А.С., Синкевич Н.А. Государственно-правовая политика обеспечения безопасности дорожного движения в России: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 187 с.
67. Клещенко Ю.Г., Савченко М.М. Финансовый контроль как один из факторов обеспечения финансовой безопасности // Финансовое право. – М.: Юрист, 2009. – № 5.
68. Ковлер А.И. Исторические формы демократии: Проблемы политико-правовой теории. – М., 1990.
69. Когина С.В. Византизм и евразийство: интерпретация понятий и современной российской культуре и философии // Наследие Л.Н. Гумилева и судьба народов Евразии: история, современность, перспектива: Сб. ст. междунауч. конгресса, посвященного 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева, Санкт-Петербург, 1-3 октября 2012 г. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. – С. 142-149.
70. Козин Н.Г. Бегство от России. – Саратов, 1996.
71. Козлов А.П. Участие православной церкви в защите рубежей Отечества // Православие и правоохранительная деятельность в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 24 октября 1996 года. В 3-х частях. Часть 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова, П.А. Сафронова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – С. 104-106.
72. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм / Пер. с нем. – М.: Республика, 1998. – 368 с. – (Философия на пороге нового тысячелетия).
73. Колокольцев В.А. Проблемы обеспечения национальной безопасности современной России: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 248 с.
74. Кондрат Е.Н. Финансовая безопасность России в современном мире: теоретико-методологические аспекты: Монография. – М.: Локус Станди, 2010. – 216 с.
75. Кондрат Е.Н. Финансовая безопасность России в условиях кризиса: Монография. – М., 2011.
76. Коробова А.П. Правовая политика: понятие, формы реализации, приоритеты в современной России: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Саратов. 2000.
77. Корсак А.Б. Система обеспечения экономической безопасности мегаполиса: Автореф. дис. ... докт. экон. наук. – М., 2008.
78. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43-50.
79. Крусткали А.Ф., Удальцов В.Г. О финансовой безопасности России // Защита и безопасность. – 2012. – № 4. – С. 14-15.
80. Козлихин И.Ю. Право и политика. – СПб., 1996.
81. Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. – М., 1990.
82. Кучумов А.В. Обеспечение экономической безопасности в инвестиционной сфере России: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2007.
83. Лаптева Л.Е. Россия и право // Право как ценность / Отв. ред. Л.О. Иванова. – М.: Гардарик, 2002. – С. 67-74.
84. Лейпхарт А. Демократия в многоставных обществах: сравнительное исследование. – М., 1997.
85. Лейст О.Э. Сущность и права: Проблемы теории философии права. – М., 2002.

86. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20.
87. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21.
88. Литвиненко А.Н., Очередыко В.П. Безопасность хозяйствующего субъекта: опыт экономико-правового анализа: Монография. – СПб.: СоветникЪ, 2011. – 132 с.
89. Лопатин В.Н. Информированная безопасность России: Человек. Общество. Государство: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 428 с.
90. Лопатин В.Н. Экологическая безопасность: проблема конституционной законности // Государство и право. – 2004. – № 2.
91. Лурье С.В. Историческая этнология: Учеб. пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
92. Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. – СПб: Лань, 2001.
93. Майроф Б. Лики демократии. – М., 2000.
94. Максименко Н.Г. Реуф В.М., Удычак Т.Н. Государственно-правовая идеология и политика обеспечения национальной безопасности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 89-96.
95. Малеева М.Н. О праве на жизнь // Сов. государство и право. – 1992. – № 2.
96. Малинецкий Г.Г. Междисциплинарность, теория этногенеза и вызовы XXI века // Наследие Л.Н. Гумилева и судьба народов Евразии: история, современность, перспектива: Сб. ст. междуна. науч. конгресса, посвященного 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева, Санкт-Петербург, 1-3 октября 2012 г. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. – С. 27-43.
97. Малько А.В. Правозащитная политика современной России // Социология и право. – 2010. – № 4.
98. Малько А.В. Теория правовой политики. – М.: Юрминформ, 2012. – 328 с.
99. Мамут Л.С. Ценностная природа права и ее проявления // Право как ценность / Отв. ред. Л.О. Иванова. – М.: Гардарик, 2002. – С. 60-66.
100. Маркарян Э.С. Наука о культуре и императивы эпохи. – М., 2000.
101. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983.
102. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7.
103. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22.
104. Матвеев Р.Ф. Теоретическая и практическая политология. – М., 1993.
105. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов, 1972.
106. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. – 1998. – № 1.
107. Матузов Н.И. Правовая политика: сущность, концепция, реальность // Российская правовая политика: Курс лекций. – М., 2003.
108. Методология сравнительно-правовых исследований. Житковские чтения: Матер. Всерос. науч. конф., Москва, 30 марта 2012 г. / Под ред. Г.И. Муровцева, М.В. Немытыной. – М.: РУДН, 2013. – 444 с.
109. Мигранян А. Демократия и «демократы» // Российская газета. – 2004. – 23 октября.
110. Мигурин В.А. Теория этногенеза и будущее России / Под ред. В.Д. Житина. – СПб.: СПбГУ, 2008. – 232 с.
111. Минеева В.И. Правовая политика Российского государства в области экологии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004.
112. Мул С.Н. Социально-исторические условия и концептуальные основания современного российского парламентаризма. Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004.
113. Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. / Сост. В.Г. Графский. – М., 2006.
114. Неновский Н. Право и ценности / Под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987.
115. Нерсесянц В.С. Прогресс в праве (исторический опыт и перспективы) // Теория права и государства. – М., 1995.
116. Нерсесянц В.С. Ценность права: право как единство равенства, свободы и справедливости // Право как ценность / Отв. ред. Л.О. Иванова. – М.: Гардарик, 2002. – С. 55-59.
117. Оль П.А., Ромашов Р.А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъектности). – СПб., 2002.
118. Онишко Н.В. Идеи и институты парламентаризма в политико-правовой мысли дореволюционной России: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2003.
119. Онишко Н.В. Идеино-теоретические основания российского парламентаризма: Монография. – СПб., 1999. – 144 с.
120. Онишко Н.В. Парламентаризм в России: история становления и эволюция: Монография. – СПб., 2002. – 206 с.
121. Онишко Н.В. Парламентаризм и парламентское право в политико-правовой мысли дореволюционной России. – М.: Юстицинформ, 2003.

122. Опалев А.В., Пирумов В.С. Национальная безопасность. – М.: Оружие и технологии, 2011.
123. Орлов Д. Новый русский век и суверенная демократия. «Конец истории, провозглашенный в свое время Фрэнсисом Фукуямой, отменяется // Независимая газета. – 2007. – 13 июля.
124. Очередыко В.П., Литвиненко А.Н., Полевой В.А. Механизм противодействия легализации теневых доходов в системе обеспечения экономической безопасности государства: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 176 с.
125. Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. – М.: Новый век, 2003.
126. Петрухин И.Л. Человек как социально-правовая ценность // Государство и право. – 1999. – № 10. – С. 83-90.
127. Пономарева В.В. Генезис британского парламентаризма XIII- начало XIX вв. (историко-правовое исследование). Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2002.
128. Поппер К. Открытое общество и его враги. – М., 1992.
129. Поулсен Ч. Английские бунтари. – М., 1987.
130. Право и общество: от конфликта к консенсусу/ Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
131. Право как ценность: Материалы дискуссии / Отв. ред. Л.О. Иванов. – М.: Гардарик, 2002. – 75 с.
132. Право, свобода, демократия // Вопросы философии. – 1990. – № 6.
133. Правовая политика: Словарь и проект концепции / Под ред. А.В. Малько. – Саратов, 2010.
134. Правовые культуры. Житковские чтения: Матер. всеросс. науч. конф., Москва, 25 марта 2011 г. / Под ред. Т.И. Муромцева, М.В. Немытиной. – М.: РУНД, 2012. – 438 с.
135. Православие и правоохранительная деятельность в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 24 октября 1996 года. В 3-х частях / Под общ. ред. В.П. Сальникова, П.А. Сафронова. – СПб., 1997.
136. Пригожий И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М., 1986.
137. Припечкин В.В. Перспективы развития социального государства в условиях глобализации // Социальное государство современной России: проблемы и перспективы: Сб. ст. по матер. всеросс. круглого стола, 29 ноября 2012 года / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очередыко. – СПб., 2013. – С. 84-86.
138. Рахимов М.З. Право на жизнь: достаточно ли исследована и законодательно обеспечена эта проблема? // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 196-200.
139. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Механизм обеспечения национальной безопасности в России: некоторые вопросы правовой теории и идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 28-35.
140. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Национальная безопасность России и механизм ее обеспечения: государственно-правовая идеология и институциональные основы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 114-121.
141. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Политико-правовая система общества и национальная безопасность России: современные проблемы государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 89-92.
142. Романовский Г.Б. Гносеология права на жизнь. – СПб., 2003.
143. Романовский Г.В. Право на жизнь: общетеоретический аспект // Правоведение. – 2003. – № 4. – С. 180-190.
144. Ромашов Р.А. Государство: территория, население, власть. – СПб. – Пушкин. 1998.
145. Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от контраста цивилизаций к цивилизационному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 157-163.
146. Ромашов Р.А. Современный конституционализм: теоретико-правовой анализ. Дис ... докт. юрид. наук. – СПб., 1998.
147. Ромашов Р.А. Типология государства в контексте сравнительного государствоведения: Открытая лекция. – Киев: Ин-т государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, Киевский национальный ун-т им. Тараса Шевченко, Логос, 2009.
148. Русская идея. – М.: Республика, 1992.
149. Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Издательский центр и Золотая книга»; ДЕАН, 2010. – 368 с.
150. Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004.
151. Сальников В.П. Опасность нравственно-правовых срывов в период общественной нестабильности // Лики морали. – СПб., 1996.
152. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
153. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибуллин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 208 с. – (Серия:

- «Безопасность человека и общества»).
154. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
  155. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.
  156. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правове-дения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 151-166.
  157. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
  158. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4 (24). – С. 29-31.
  159. Сальников М.В., Кудрявцев Ю.А. Политический режим как элемент формы государства. – СПб.: Фонд «Университет», 2006.
  160. Самигуллин В.К. Закат права или переоценка ценностей // Право и политика. – 2005. – № 12.
  161. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. – М.: АСТ, 2013. – 400 с.
  162. Селифонов А.А. Общественный порядок: опыт исследования: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2011. – 112 с.
  163. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России: Общий курс. – М.: Дело, 2005.
  164. Синенко Ю.С. Типология государства: сравнительно-правовой анализ: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2007.
  165. Синуков В.Н. Российская правовая система. – Саратов, 1994.
  166. Соболев И.А. Культура и проблема экологической безопасности российского общества // Социальное госу-дарство современной России: проблемы и перспективы: Сб. ст. по матер всеросс. круглого стола 29 ноября 2012 г. / Под общ ред. В.Г. Бондарева, В.П. Очередыко. – СПб., 2013. – С. 17-20.
  167. Современное правове-дение: поиск методологических оснований. Жидковские чтения: Матер. всеросс. науч. конф., Москва 26 марта 2010 г. / Под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. – М.: РУДН, 2011. – 485 с.
  168. Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 1. – М., 1989.
  169. Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. – М., 1990.
  170. Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии / Под общ. ред. и со вступ. статьей В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 416 с. – (Серия: «Право и медицина»).
  171. Старовойтова О.Э. Тело и закон: Монография / Вступ. статья Э.В. Кузнецова. – СПб.: СГУП: Ассоциация философии права Санкт-Петербурга, 2006. – 144 с.
  172. Степин В.С. Современные цивилизационные изменения и диалог культур // Наследие Л.Н. Гумилева и судьба народов Евразии: история, современность, перспектива: Сб. ст. между-н. науч. конгресса, посвя-щенного 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева, Санкт-Петербург, 1-3 октября 2012 г. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. – С. 13- 27 (в кн. 571 с.).
  173. Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб., 2011.
  174. Столович Л.Н. Об общечеловеческих ценностях // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 86-97.
  175. Стрельников К.А. Правовые аспекты обеспечения экономической безопасности современного государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2004.
  176. Субочев В.В. Правовая политика современной России в сфере лоббизма: теоретические проблемы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002.
  177. Тарайко В.И. Национальная безопасность России и охрана окружающей среды // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 61-67.
  178. Тарайко В.И. Экологическая безопасность России: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2010.-198 с.
  179. Тишков В.А. Что есть Россия: Перспективы нациестроительства // Вопросы философии. – 1995. – № 2.
  180. Тоганова Н. Манифест Саррацина // [http // www. Polit.ru/article/2011/04/15/sarrazun buch/](http://www.Polit.ru/article/2011/04/15/sarrazun_buch/).
  181. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995.
  182. Фатюшенко В. Русский мир в контексте мировых цивилизаций. – М.: Гнозис, 2009.
  183. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политическая литература, 1980.
  184. Фирсов И.В. Методология государственного регулирования экономики России в условиях перехода на инновационный путь развития и экономическая безопасность государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 88-102.
  185. Фирсов И.В. О соотношении и содержании понятий «безопасность» и «экономическая безопасность» в

- современных условиях // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 120-134.
186. Франк С.Л. Духовные основы общественной жизни / Русское зарубежье. – Л., 1991.
187. Фукуяма Фрэнсис. Интервью «Шпигелю». Где «восстание слева»? 2.02.2012. // <http://www.spiegel.de/.../12208-2.00.html> (<http://www.spiegel.de/international/World/o.1518.812208-2.00.html>).
188. Фукуяма Фрэнсис. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2004.
189. Хабибулин А.Г. Научные основы типологии государства: вопросы теории и практики. – СПб., 1997.
190. Хабибулин А.Г. Теоретико-методологические проблемы типологии государства: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1997.
191. Хабибулин А.Г. Финансовая безопасность России на современном этапе: проблемы обеспечения // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 103-109.
192. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
193. Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политико-правовое исследование. – М., 2008.
194. Хабибулина А.А. Актуальность административно-правового регулирования взаимодействия ФСБ России с иными федеральными органами исполнительной власти в сфере обеспечения финансовой безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №9. – С. 44-48.
195. Хабибулина А.А. Правовое регулирование взаимодействия федеральных органов исполнительной власти при обеспечении финансовой безопасности страны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 79-84.
196. Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2003. – 256 с.
197. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. – М.; Норма, 2005. – 320 с.
198. Хазанов Б. Что такое демократия? // Октябрь. – 1991. – № 10.
199. Хантингтон С. Третья волна. Демократия в конце XX века. – М., 2003.
200. Хасис Л.А. Ценностные ориентиры функционирования государства и права (историко-теоретический аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб. 2001.
201. Хингли Дж. Демократия и элиты // Коммерсант. – 2006. – 26 октября.
202. Хренов Н.А. Культурный синтез в истории: евразийские ценности российской культуры // Наследие Л.Н. Гумилева и судьба народов Евразии: история, современность, перспектива: Сб. ст. междунауч. конгресса, посвященного 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева, Санкт-Петербург, 1-3 октября 2012 г. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. – С. 467 – 476.
203. Церковь во время Великой Отечественной войны // Наше дело правое. Мы победили! / Под общ. ред. В.П. Буянова. – М.: КУНА, 2010. – С. 383–384 (в кн.: 608 с.).
204. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 5-13.
205. Шадже А.Ю. Этнические ценности как философская проблема. – М., 2005.
206. Экимов А.И. Проблема порядка в историко-философском измерении // Кавказские научные записки. – 2012. – № 1 (10). – С. 226-236.
207. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. В 2-х частях. Ч. I / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч.ред. Ю.Ф.Кваша, В.П.Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М.,СПб.:Лань, 2001. – 608с.
208. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. В 2-х частях.Ч. II / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч.ред. Ю.Ф.Кваша, В.П.Сальников. Консультант Г.С.Полтавченко. – М.,СПб.:Лань, 2001. – 640с
209. Юридический конфликт: процедуры разрешения/ Отв. ред В.Н.Кудрявцев. – М.,1995.
210. Яковец Ю.В. История цивилизаций: Учебное издание. – М.: ВлаДар,1995. – 461 с.
211. Deutsch K. Politics and Government. How People Decide Their Fate. Boston, 1976.
212. Ernest Gellner. Conditions and Liberty: Civil Society and its Rivals. – London: Hamish Hamilton? 1994.
213. Francis Fukuyama. The End of History and the Last Man. – New York: Free Press, 1992.
214. Roberston N., Sams K.I. British Trade Unionism. Select documents, Vol. II. – Oxford, 1972.
215. Sarracin T. Dents c Nland schaffi sich ad: Wie wir unser land aufs Spiel setzen. Deutsche Verlags – Anstalt, 2010.

РЕУФ Владислав Маркович,

доцент кафедры теории государства и права
Самарского юридического института ФСИН
России,

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: reuf@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ПРАВОТВОРЧЕСТВО И ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРАВОВЫЕ ИДЕИ

***Аннотация.** В статье определяются основополагающие правовые идеи, которые необходимо учитывать в процессе правотворческой деятельности. К ним автор относит: соответствие позитивного права естественным правам человека; приоритет общепризнанных принципов и норм международного права; законность; сочетание убеждения и принуждения; сочетание стимулов и ограничений; юридическое равенство; ответственность при наличии вины.*

Свое основное внимание исследователь направляет на тщательное изучение первых трех из обозначенных норм-принципов.

В работе используются многочисленная научная литература, детально развирются различные позиции ученых в рамках исследуемой проблемы, предлагаются собственные выводы и размышления автора.

***Ключевые слова:** основополагающие идеи; нормы-принципы; правотворческая деятельность; позитивное право; естественные права человека; приоритет; общепризнанные нормы международного права; стимулы; ограничения; законность; юридическое равенство; юридическая ответственность.*

REUF V.M.

LAW-MAKING AND FUNDAMENTAL LEGAL IDEAS

***The summary.** The article defines the fundamental legal ideas that should be taken into consideration in the process of legislative activity. According to the author, they include compliance of positive law with natural human rights; priority of generally recognized principles and norms of international law; legality; mingled persuasion and violence; combination of incentives and restrictions; legal equality; fault-based liability.*

The researcher places his emphasis on the thorough study of the first three of the aforementioned norms and principles.

The research paper uses extensive scientific literature, various viewpoints of scholars within the issue under study are developed in detail, the author's own conclusions and reflections are proposed.

***Key words:** fundamental ideas; norms and principles; legislative activity; positive law; natural human right; priority; generally recognized principles of international law; incentives; restrictions; legality; legal equality; legal liability.*

В качестве основополагающих правовых идей, которые должны учитываться в правотворчестве, в юридической литературе называются различные

нормы-принципы. Например, Р.А. Ромашов к наиболее значимым из них относит: «демократизм; гласность; профессионализм; законность;

научный характер; связь с практикой; своевременность» [189, стр. 170]. Подробное рассмотрение указанных норм-принципов позволяет автору достаточно аргументированно обосновать свою позицию и прийти к справедливому выводу: «Миссия законодателя состоит в том, чтобы предугадать возможную динамику развития общества и попытаться на основе такого прогноза создать нормативную модель социальной регуляции в обозримом будущем» [189, стр. 171].

Мы предлагаемый вывод полностью разделяем и согласны с тем, что сформированные Р.А. Ромашовым наиболее значимые нормы-принципы лежат в основе правотворчества. В то же время, нам хотелось бы подойти к проблеме несколько с иных позиций, скорей с учетом наработок философии права [11; 13; 14; 15; 20; 21; 42; 43; 44; 61; 62; 63; 64; 70; 72; 76; 80; 84; 86; 91; 100; 102; 103; 104; 105; 106; 117; 119; 124; 140; 141; 144; 150; 161; 165; 168; 169; 170; 176; 181; 182; 187; 199; 202; 203; 205; 206; 207; 210; 212; 213; 214; 215; 217; 218; 219; 220; 221; 225; 226; 227; 228; 233; 234; 245; 246; 247; 256; 258]. И здесь мы готовы вести речь о таких основополагающих идеях, как:

- соответствие позитивного права естественным правам человека;
- приоритет общепризнанных принципов и норм международного права;
- законность;
- сочетание убеждения и принуждения;
- сочетание стимулов и ограничений;
- юридическое равенство;
- ответственность при наличии вины.

При этом две завершающие идеи считаем необходимым рассмотреть в рамках отдельной статьи.

Хотелось бы заметить также, что предлагаемы наши идеи не принцип правотворчества, а те основополагающие правовые идеи, которые должны учитываться в процессе правотворческой деятельности, с учетом того, каковы должны быть результаты этой практики.

Принцип соответствия позитивного права естественным правам человека прямо не сформулирован законодателем в конкретном правовом предписании, однако со всей определенностью выводится из целого ряда конституционных норм.

Современная юридическая доктрина исходит из того, что официально признанные и закрепленные в Конституции РФ естественные

(прирожденные и неотчуждаемые) права и свободы человека и гражданина имеют приоритетное значение в системе источников российского права [28; 49; 50; 52; 53; 55; 56; 60; 65; 71; 77; 81; 83; 101; 118; 120; 121; 122; 125; 134; 148; 164; 167; 171; 173; 174; 175; 185; 192; 194; 195; 196; 198; 229; 235; 242]. Хотя в самой Конституции РФ понятие «естественное право» не используется, однако закрепленные в ней основные права и свободы человека по своей природе являются естественными и придают конституционному правопониманию естественно-правовой характер. Об этом свидетельствуют, в частности, положения ст. 2 Конституции РФ о признании человека, его прав и свобод высшей ценностью и ч. 2 ст. 17 о том, что «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» [1; 10; 45; 109; 172; 193].

Позитивно-правовое значение и приоритетный характер основных прав и свобод человека и гражданина закреплены во многих статьях Конституции РФ [116; 211; 237; 250]. Так, в ст. 18 провозглашено, что «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

В Конституции РФ закреплен обширный перечень прав и свобод человека и гражданина, соответствующий мировым стандартам в этой области и положениям международных пактов о правах человека. К числу таких прав и свобод относится, в частности, право каждого человека на жизнь, право на личное достоинство, право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, свобода совести, вероисповедания, свобода мысли и слова, право частной собственности, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на образование, свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания, право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры и др. [9; 22; 27; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 41; 68; 69; 73; 74; 78; 85; 113; 115; 123; 136; 138; 145; 146; 147; 149; 151; 153; 154; 155; 162;

170; 177; 178; 179; 180; 181; 190; 200; 201; 204; 208; 209; 216; 232].

В соответствии с ч. 1 ст. 55 Конституции РФ «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». Это означает конституционное признание позитивно-правового значения всех общепризнанных в современном международном праве и международных пактах естественных прав и свобод человека и гражданина.

В целом присущее Конституции РФ естественно-правовое правопонимание подразумевает и означает, что признанные и гарантированные в ней основные права и свободы человека имеют исходное, определяющее и приоритетное значение по отношению ко всем остальным источникам (и нормам) действующего в государстве позитивного права, включая и положения самой Конституции. Анализируя положения ст.ст. 2, 17, 18, 55 Конституции РФ, можно сделать вывод о том, что все действующее в России позитивное право, вся правоустановительная, правозащитная и правоприменительная деятельность государства должны определяться требованиями признания и соблюдения прав и свобод человека, соответствовать этим требованиям, не противоречить им [16; 17; 18; 19; 36; 38; 40; 58; 75; 78; 97; 114; 179; 183; 184; 188; 243; 244]. В литературе подчеркивается, что именно «в этом и состоит основной правовой смысл закрепленной в Конституции РФ своеобразной естественно-правовой концепции правового закона в условиях правового государства» [163, стр. 407].

Законодатель развивает и конкретизирует заложенные в Конституции идеи в действующем законодательстве. Требование уважать и соблюдать права и свободы человека и гражданина адресовано многим государственным органам, этот принцип положен в основу различных видов государственной деятельности и постепенно становится ведущим принципом государственной политики.

Соотношение между естественными правами человека как источником действующего права и Конституцией РФ как основным и главным нормативно-правовым актом РФ определяется следующим образом. С одной стороны, конституционное признание и гарантирование

естественных прав и свобод человека придает им позитивно-правовое значение в рамках системы действующего в РФ позитивного права, причем, именно исходное, приоритетное и определяющее правовое значение (в соотношении прав человека с другими источниками и нормами позитивного права). С другой стороны, эти конституционно признанные и гарантированные естественные права и свободы человека (в силу конституционного признания их исходного приоритетного и определяющего правового значения) приобретают высшую юридическую силу в системе источников и норм всего действующего в РФ позитивного права, в которую входят и положения самой Конституции РФ. В позитивно-правовом плане это, согласно Конституции, означает, что общепризнанные естественные права и свободы человека обладают приоритетом в случае их коллизий с другими положениями Конституции РФ и нормами всех других источников действующего в РФ позитивного права [23; 163, стр. 407-408].

Принцип приоритета общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ отражен во многих нормативно-правовых актах в конкретных нормах, и в первую очередь, в Конституции РФ. В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

В отраслевом законодательстве указанный принцип сформулирован по-разному. В большинстве отраслевых кодексов в общих чертах воспроизводится норма ч. 4 ст. 15 Конституции РФ [98; 112; 137; 139; 142; 143; 156; 186; 231; 241]. Например, в п. 1 ст. 7 Гражданского кодекса РФ идет речь о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с Конституцией РФ составной частью правовой системы Российской Федерации.

В качестве примера «общепризнанных принципов и норм международного права» можно привести, в частности, такую правовую

конструкцию, как дискриминация, которая, в свою очередь, опирается непосредственно на начала равенства государств. Суть данного принципа состоит в том, что «не должна допускаться дискриминация как в области торгово-экономических отношений между различными странами, так и в отношении правового положения иностранных юридических лиц и граждан» [48, стр. 98]. В ст. 7 ГК предусмотрено и непосредственное применение международных договоров Российской Федерации к гражданским правоотношениям, если только из самого характера международного договора не вытекает, что для его применения необходимо издание внутригосударственного акта. Например, Парижская конвенция по охране промышленной собственности в ряде случаев содержит прямые отсылки к национальному законодательству. Так, в п. 1 ст. 6 Конвенции предусмотрено: «Условия подачи заявки и регистрации товарных знаков определяются в каждой стране Союза ее национальным законодательством». Установлено, что «всякое лицо, желающее воспользоваться преимуществом приоритета на основании предшествующей заявки, обязано подать заявление с указанием даты подачи заявки и страны, где она произведена. Каждая страна устанавливает, с какого момента должно быть подано такое заявление». И там же: «Каждая страна, являющаяся участницей... Конвенции, обязуется принять в соответствии со своей Конституцией необходимые меры для обеспечения применения... Конвенции». В отличие от указанной Конвенции Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров издания акта ее имплементации не требует [111, стр. 42]. Далее в ч. 2 ст. 7 ГК говорится о том, что, «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены гражданским законодательством, применяются правила международного договора».

Практически идентичная норма содержится в ст. 6 Семейного кодекса РФ: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены семейным законодательством, применяются правила международного договора» [7].

Аналогичная формулировка принципа приоритета международных договоров РФ дана в ст. 3 Воздушного кодекса РФ [2], ст. 6 Таможенного кодекса РФ [6], ст. 427 Кодекса торгового

мореплавания РФ [3].

Указанный способ разрешения коллизий между нормами внутригосударственного и международного права предусмотрен и в ст. 7 Налогового кодекса РФ [4; 5]: «Если международным договором Российской Федерации, содержащим положения, касающиеся налогообложения и сборов, установлены иные правила и нормы, чем предусмотренные настоящим Кодексом и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами о налогах и (или) сборах, то применяются правила и нормы международных договоров Российской Федерации».

Анализ отраслевого законодательства, показывает, что законодатель не всегда придерживается единообразных формулировок принципа приоритета общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ, в той или иной степени допускает отступления от конституционных положений. Такого быть не должно. Конечно, заложенные в Конституции правовые принципы развиваются, конкретизируются в отраслевом законодательстве. Однако при этом они не могут идти вразрез с Основным законом.

Рассмотренный выше способ разрешения коллизий между нормами внутригосударственного и международного права может вызвать вопрос: может ли Россия игнорировать противоречащие ее доброкачественным правовым традициям решения органов международной юстиции (в частности – Европейского Суда по правам человека)? Вот как на этот вопрос отвечает Председатель Конституционного Суда Российской Федерации профессор В.Д. Зорькин: «Российская Федерация вправе не учитывать решение Европейского Суда по правам человека в случаях и в частях, противоречащих конституционным ценностям, защищаемым ее Основным Законом. При этом важно подчеркнуть, что речь идет не о противоречиях между Европейской Конвенцией и Конституцией России, а о конкуренции между толкованием Конвенции и Конституции, которое осуществляется, соответственно, на европейском и на внутрироссийском уровне. Конституционный Суд России точно так же, как и органы конституционной юстиции упомянутых мною выше европейских стран, проверяя конституционность закона, принимает решение в зависимости от того, какое толкование (с учетом баланса конституционно защищаемых

ценностей) наилучшим образом защищает права человека и гражданина. Это одно из ключевых суверенных прав России, которое мы обязаны отстаивать при любых правовых коллизиях и в любых ситуациях конкуренции национальной и международной правовых систем» [131, стр. 41-42]. Вряд ли было бы полным рассмотрение анализируемой проблемы без приведенной позиции Конституционного Суда России.

Принцип законности закреплен в значительном количестве нормативно-правовых актах. В самом общем виде он сформулирован в ч. 2 ст. 15 Конституции РФ: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы».

Конституцию и российские законы все должны соблюдать не только в процессе реализации права, но и при создании нормативно-правовых норм, т.е. в процессе правотворчества. Вот что по этому поводу пишет Р.А. Ромашов: «Законность правотворчества предполагает осуществление деятельности по изданию, изменению и отмене правовых актов на основании закона, в порядке предусмотренных законом процедур и в рамках установленных законом сроков. Органы и должностные лица в ходе правотворческого процесса не имеют права выходить за рамки определенной действующим законодательством компетенции».

И продолжает «Дополнительной гарантией законности правотворчества является государственная регистрация ведомственных нормативно-правовых актов. Это контрольная функция государства, которая преследует цель обеспечения соблюдения законности в деятельности федеральных министерств и ведомств, недопущение ущемления прав, свобод и законных интересов граждан и иных субъектов права» [189, стр. 170].

Принцип законности включает в себя определенные требования, которые также изложены в тексте самой Конституции.

1. Верховенство Конституции: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации» (ч. 1 ст. 15). Конституция – основной закон

любого государства, обладающий безоговорочным приоритетом по сравнению со всеми другими законодательными установлениями. Это аксиома. Б.С. Эбзеев, пишет, что «конституционные нормы выступают мерилем конституционности иных законов с точки зрения их содержания и соответствия защищаемым Основным Законом целям и ценностям. При этом закон не должен признаваться ничтожным, если его противоречие Конституции не является явным или его можно интерпретировать в соответствии с Конституцией» [253, стр. 492].

Здесь важно отметить, что в новой России, в девяностые годы, да и в начале XXI века многое было сделано, для того чтобы произвести в соответствии с Конституцией существующее в стране законодательство и в первую очередь региональное. Работу эту возглавили аппараты полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах. Совместно с региональными прокуратурами и институтами гражданского общества они постоянно занимались приведением в соответствие с Конституцией существующие нормативно-правовые акты. Деятельность эта дала свои положительные результаты [95; 96].

С проблемой соотношения Конституции и текущего законодательства столкнулась не только Россия, а по существу все вновь образованные суверенные государства на постсоветском пространстве [87; 88; 89; 90; 91; 160; 222].

Что касается России, то проблема состоит в том, что, по оценкам многих авторитетных специалистов, нынешняя российская Конституция такова, что практически любой принятый закон можно при желании признать как соответствующим ей, так и не соответствующим. Все зависит от понимания ситуации, политических и идеологических пристрастий. Ярким примером может служить Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» [8], который Президент отклонил, посчитав противоречащим Конституции, а Госдума, независимые эксперты, представители Русской Православной Церкви, напротив, находят его полностью отвечающим основным идеям и положениям Конституции. В конце концов, после длительных согласований и обсуждений, в том числе в печати, многотрудный закон был все же подписан. Выходит, обе стороны были правы, занимая прямо противоположные позиции [152, стр. 476].

Мы не будем здесь вступать в дискуссию о качестве существующей в родном Отечестве Конституции. Но сам факт действия ее в нашей обновленной Родине вот уже двадцать лет говорит сам за себя. За эти двадцать лет Россия стала значительно привлекательной для россиян и всего мира, чем она была в конце 80-х годов. В этом значительную роль сыграла именно действующая сегодня конституция [12; 191; 223; 249; 250].

2. В соответствии с ч. 1 ст. 76 Конституции РФ «по предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации». Поэтому следующее правило гласит, что «федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам» (ч. 3 ст. 76).

3. В иерархии нормативно-правовых актов законы обладают верховенством и высшей юридической силой. Это положение вытекает из целого ряда конституционных норм. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 4 Конституции РФ «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации». В ч. 3 ст. 90 идет речь о том, что «указы и распоряжения Президента Российской Федерации не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам». На основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных законов, нормативных указов Президента РФ Правительство РФ издает постановления и распоряжения, обеспечивает их исполнение. Постановления и распоряжения Правительства РФ в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам и указам Президента РФ могут быть отменены Президентом РФ (ч. 1 и 3 ст. 115). Важная в этом смысле норма содержится в ч. 1 ст. 120 Конституции РФ: «Судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону». О безусловном приоритете закона свидетельствует и следующее положение: «Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа закону, принимает решение в соответствии с законом» (ч. 2 ст. 120 Конституции РФ). В отношении судей Конституционного Суда РФ правило сформулировано более жестко: судьи Конституционного Суда

РФ независимы и руководствуются при осуществлении своих полномочий только Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Данное положение широко обсуждается и обосновывается в юридической литературе как теоретиками правоведения, так и судьями Конституционного Суда применительно к нашей стране и зарубежных государств [24; 25; 26; 46; 47; 51; 54; 57; 59; 66; 67; 79; 92; 93; 94; 99; 107; 108; 110; 127; 128; 129; 130; 132; 133; 135; 157; 158; 159; 166; 224; 230; 236; 238; 239; 240; 248; 251; 252; 254; 255; 257].

4. Конституция РФ наделяет субъектов Федерации правом осуществлять собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также вне пределов ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ч. 2 и 4 ст. 76). При этом в ч. 5 той же ст. 76 предусмотрено, что «законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым в соответствии с частями первой и второй настоящей статьи» (то есть по предметам ведения Российской Федерации и предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. – В.Р.), а «в случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон». Президент РФ вправе приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов РФ в случае противоречия этих актов Конституции РФ и федеральным законам, международным обязательствам РФ или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом (ч. 2 ст. 85 Конституции РФ). В то же время «в случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации», изданным в соответствии с частью четвертой настоящей статьи (то есть вне пределов ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. – В.Р.), действует нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации (ч. 6 ст. 76).

Можно ли сказать, что все проблемы с законностью сегодня в нашей стране решены? Положительно ответить на этот вопрос нельзя. Узкие места с соблюдением законов в правореализации достаточно часто связаны с игнорированием законности в правотворчестве.

В лекции, прочитанной в Государственной Думе РФ заместитель Генерального прокурора России С.Г. Кехлеров привел такие данные: «Только в 2012 году прокурорами выявлено свыше 400 тысяч незаконных правовых актов». Поясняя ситуацию, он продолжил:

«В определенной мере это связано с интенсивным обновлением федерального законодательства. Достаточно назвать Земельный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, избирательное законодательство, другие законы, которые продиктовали необходимость проведения региональных норм в соответствующий правовой режим.

Немалое количество нарушений при издании правовых актов, как и прежде, допускается в бюджетной и налоговой сфере, при решении вопросов об использовании государственной или муниципальной собственности, лицензировании и предпринимательстве, регулировании природопользования, регламентации прав граждан» [126, стр. 137].

Очень важно, что принцип законности торжествовал всегда, в том числе и в процессе правового творчества. Он защищает Право в целом, Право как высшую социальную ценность, отстаивает верховенство закона и единство законности. А совместно с другими, рассмотренными нами выше нормами-принципами (соответствие позитивного права естественным правам человека; приоритет общепризнанных принципов и норм международного права) существенно влияет на качество правотворческого процесса и, следовательно, качество самих законов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. М., 2013.
2. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 12. – Ст. 1383.
3. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 18. – Ст. 2207.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (часть вторая) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
6. Таможенный кодекс Российской Федерации от 18 июня 1993 г. № 5221-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 31. – Ст. 1224.
7. Семейный кодекс Российской Федерации. – М., 2013.
8. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.
9. Абдулаев М.И. Права человека: историко-сравнительный анализ. – СПб., 1998.
10. Абрамов А.И. Естественное право и позитивизм как основные направления правопонимания // Актуальные проблемы правоведения. – Самара: Самарский государственный экономический ин-т, 2010. – С. 13-17.
11. Агафонов Ю.А. Социальный порядок в России (институциональный и нормативно-правовой аспекты). – Ростов-на-Дону: СКГУ, 2000. – 362 с.
12. Александров А. «Высшая цель – человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 23. Декабрь. – С. 10-11.
13. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М., 1999.
14. Алексеев С.С. Круг замкнулся: Повесть о праве. Философское эссе. Максимн. – Екатеринбург, 2001.
15. Алиев Я.Л., Сальников В.П., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые итоги аксиологического исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С.165-183.
16. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность и ее система: место полицейского традиционализма // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 25-33.
17. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность, законность и традиции полиции как социальная ценность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 7-19.

18. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Демократизация и укрепление связи с народом – ведущая традиция в прогрессе политики // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 37-52.
19. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции: государственно-правовая сущность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 7-19.
20. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Роль традиций философии права в формировании правовой культуры личности // История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 1998. – С. 3-12.
21. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – проблемы веры и нравственности // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Алетей, 1999. – С. 8-25.
22. Артамонова Г.К., Бабаджанов И.Х., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Социальное назначение права и правовая жизнь человека и общества // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 43-49.
23. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Право и закон в теории юридического позитивизма // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 148-152.
24. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Конституционный контроль в странах Латинской Америки: процедура ампаро как основная процессуальная форма // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 55-58.
25. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Органы федеральной судебной власти Мексиканских Соединенных Штатов: юрисдикция по разрешению коллизий конституционно-правового характера // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 37-31.
26. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Система судебного и квазисудебного конституционного контроля в Европе (континентальная модель): некоторые вопросы становления и развития // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 35-39.
27. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Права человека, политическая стабильность и конституционный контроль: некоторые вопросы взаимообусловленности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 45-51.
28. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Право и закон: естественно-правовая теория и юридический позитивизм // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 122-128.
29. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Право и закон в современном правоведении // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 223-236.
30. Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 25-34.
31. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на тело человека: некоторые подходы к аксиологическому измерению // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 20-26.
32. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь как абсолютная ценность // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 16-20.
33. Бабаджанов И.Х. Человеческое достоинство и тело человека: некоторые политико-правовые проблемы // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 136-154.
34. Бабаджанов И.Х. Юридическое содержание права на жизнь и социальная ценность человеческой жизни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 124-133.
35. Бабаджанов И.Х., Оль Е.М., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 122-127.
36. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Человек, общество, государство: аксиологическая оценка и идеологическая основа охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 130-138.
37. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Духовные и материальные блага как ценность для человека, общества и государства: системный анализ // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 142-147.
38. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Материальный и духовный мир человека и общества как объект охранительных правоотношений: ценностный подход // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 57-63.
39. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правовая охрана, идеологическая сущность и ценностное восприятие человека, общества и государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 135-147.
40. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 57-64.

41. Баранов В.М., Головкин Р.Б. Государственно-правовое воздействие на частную жизнь граждан в современной России: философско-правовой анализ // *Философия права*. – 2000. – № 2. – С. 33-37.
42. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа / Под ред. В.П. Сальникова – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. (Серия «Наука и общество»).
43. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.
44. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. – СПб.: Лань, 2000.
45. Бикс Б. О границе, разделяющей теорию естественного права и юридический позитивизм // *Российский ежегодник теории и права*. – № 2. – 2009. – СПб.: СПбГУ, 2011. – С. 69-80.
46. Бирюкова Л.Г. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации как источник права: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2004.
47. Боботов С.В., Жигачев И.Ю. Введение в правовую систему США. – М., 1997.
48. Богуславский М.М. Международное частное право. – М., 1994.
49. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып.2. – М.: Юрист. 2013. – 176 с.
50. Бондарь Н.С. В поисках баланса конституционных ценностей: еще раз об обращении взыскания на жилые помещения граждан-должников // *Цивилист*. – 2012. – № 4. – С. 50-57.
51. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
52. Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского Суда по правам человека в соответствии с компетенцией Конституционного Суда Российской Федерации // *Журнал российского права*. – 2006. – № 6(114). – С. 113-127.
53. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // *Журнал конституционного правосудия*. – 2009. – № 6(12). – С. 1-11.
54. Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. – М.: Норма, 2009. – 592 с.
55. Бондарь Н.С. Подчинение партий верховенству права – конституционный императив демократического правового государства // *История. Право. Политика*. – 2012. – № 3-4. – С. 21-26.
56. Бондарь Н.С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып.1. – М.: Формула права, 2012. – 71 с.
57. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. – 544 с.
58. Братко А.Г. Правоохранительная система (вопросы теории). – М., 1991.
59. Брежнев О.В. Судебный конституционный контроль в России: проблемы методологии, теории и практики: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2006.
60. Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // *Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России*. – 2006. – № 2. – С. 118-122.
61. Величко А.М. Философия русской государственности. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2001. – 336 с.
62. Величко А.М. Государственно-правовые идеалы России и Запада: соотношение правовых культур: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2000.
63. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 1999. – 235 с.
64. Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 200 с.
65. Викторов А.М. Концепции теории естественного права в законодательстве Украины // *Весы феиды*. – К., 1998.
66. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991 – 2001 гг.): Очерки теории и практики. – М., 2001.
67. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2011.
68. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. – М.: Наука, 1979. – 160 с.
69. Вихров А.А., Сальников В.П., Белозеров Б.П. Правоохранительная служба органов внутренних дел в механизме обеспечения охраны труда // *Проблемы обеспечения реализации и защиты прав, свобод и законных интересов субъектов семейных правоотношений: Матер. межд. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 22-23 апреля 2008 г.* / Под общ. ред. П.П. Глущенко, Б.П. Белозерова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия

- управления и экономики, 2008. – С. 98-104.
70. Вороненков Д.Н. Правовой нигилизм и правовой идеализм в современном российском обществе на рубеже веков / Под ред. С.А. Комарова. – СПб: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2004. – 155 с.
71. Гасанов К.К., Стремоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничение права // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 164-173.
72. Гегель. Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990.
73. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире. – М., 2003.
74. Глушкова С.И. Права человека в России: теория, история, практика. – Екатеринбург, 2002.
75. Глущенко П.П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан (теория и практика) / Под общ. ред. В.П. Сальникова: Монография. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998.
76. Графский В.Г. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсисянца. – М.: ИГП РАН, 1996.
77. Гуляихин В.Н. Диалектика естественного и позитивного права как источник общественно-правового процесса // Вопросы права и политики. – 2013. – № 4. – С. 221-238.
78. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 320 с.
79. Дадонов В.Н. Институт правовой ответственности главы государства в современном мире / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 160 с.
80. Джегутанов Б.К., Чукин С.Г. Человек и мир на рубеже тысячелетий: философские проблемы гуманизма. – СПб., 2002 – 73 с.
81. Жданов П.С. Значение естественно-правовой доктрины для преодоления кризиса правосознания: опыт русской философии конца XIX – начала XX века // Современное право. – 2009. – № 11. – С. 161-164.
82. Жуйков В.М. Права человека и власть закона. – М., 1995.
83. Жуков В.Н. Возрожденное естественное право в России конца XIX – начала XX вв.: общественно-политическая функция и онтологическая основа // Государство и право. – 2001. – № 4. – С. 99-106.
84. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научного методологического семинара. 28 – 30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
85. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологи. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
86. Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 48-53.
87. Зоиров Д.М. Введение в государственное управление: методология исследования государственности: Учебное пособие. – Душанбе: Российско-Таджикский славянский ун-т, 2013. – 79 с.
88. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17).
89. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15).
90. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
91. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с.
92. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. – М.: Норма, 2013. – 496 с.
93. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007.
94. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010.
95. Зубрин В.В. Законность в федеральном округе (нормативно-правовое обеспечение) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 168 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
96. Зубрин В.В. Конституционная законность и механизм ее обеспечения в федеральном округе: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 120 с. – (Серия: «Правоохранительные органы: педагогические аспекты профессиональной деятельности»).
97. Зубрин В.В. Роль и значение органов прокуратуры в укреплении законности на современном этапе // Труды Санкт-Петербургского юридического ин-та Генеральной прокуратуры Российской Федерации. № 2. – СПб., 2000. – С. 5-8.
98. Игнатенко Г.В. Применение норм международного права в российской правовой системе // Правовая реформа России: проблемы теории и практики. – Екатеринбург, 1996.
99. Интервью Председателя Конституционного Суда Республики Армения Г.Г. Арутюняна Евразийскому юридическому журналу // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 7 (26).

100. Исаев А.И. Идея порядка в консервативной ретроспективе. – М.: Проспект, 2011.
101. Исаев И.А. Антимонии «естественного» закона и синдром «естественной» религии// История государства и права. 2013. № 20. С. 2-9.
102. История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 640 с.
103. Казин А.Л. Философия искусства в русской и европейской духовной традиции / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 432 с.
104. Керимов Д.А. Основы философии права. – М., 1992.
105. Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М.: Мысль, 1972.
106. Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы. – М.:ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 208 с.
107. Клишас А.А. Конституционная юстиция в зарубежных странах. – М., 2004.
108. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / Под ред. В.В. Еремяна. – М.: Международные отношения, 2007.
109. Козлихин И.Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 5-11.
110. Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации. Т. 1/ Отв. ред. Б.С. Эбзеев.. – М.: Юрист, 2001.
111. Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей / Под общ. ред. В.Д. Карповича. – М., 1995.
112. Кондрат И.Н. Международно-правовые нормы и национальное уголовно-процессуальное законодательство России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 7-12.
113. Кондрат И.Н. Обеспечение прав личности в судебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоохранительная практика: Монография. – М.: ФОРУМ, 2011. – 176 с.
114. Кондрат И.Н. Права и законные интересы человека и гражданина: международно-правовое регулирование в области уголовного процесса // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 35-49.
115. Кондрат И.Н. Права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство): Монография. – М.: Юстицинформ, 2012. – 320 с.
116. Конституция, судебная власть и права человека в Российской Федерации: Матер. докл. и сообщ. участников межвуз. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. В.А. Ржевского / Отв. ред. Н.С. Бондарь. – Ростов-на-Дону: РостГУ, 2006. – 296 с.
117. Корольков А.А. Философия права: западноевропейская и русская традиция // История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 1988. – С. 634-637.
118. Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // Правоведение. – 1992. – № 4.
119. Кузнецов Э.В. Философия права в России. – М., 1989.
120. Куницын А.С. Б.Н. Чичерин как поборник идеи естественного права // Государство и право. – 2010. – № 11. – С. 87-95.
121. Куницын А.С. Естественные права человека в дискуссионном поле отечественного правоведения // Научные труды РАЮН. Вып.11. В 2-х томах. Т. 1. – М.: Юрист, 2011. – С. 330-335.
122. Куницын А.С. Право естественное. – СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1818. – 143 с.
123. Кучинский В.А. Личность, свобода, право. – М., 1978.
124. Лапаева В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. – 2010. – № 5.
125. Лейст О.Э. Три концепции права // Сов. государство и право. – 1991. – № 12.
126. Лекция заместителя Генерального прокурора Российской Федерации С.Г. Кехлерова. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 129-143.
127. Лекция министра юстиции Российской Федерации А.В. Коновалова. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 47-65.
128. Лекция Председателя Государственной Думы С.Е. Нарышкина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 7-23.
129. Лекция председателя Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству В.Н. Плигина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной

- Думы, 2013. – С. 89-109.
130. Лекция председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества А.А. Клишаса. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 197-214.
  131. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45.
  132. Лекция Председателя Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 67-87.
  133. Лекция руководителя аппарата Счетной палаты Российской Федерации С.М. Шахрая. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 147-173.
  134. Лобовиков В.О. Естественное право: современная теория и ее приложение к экономике / Науч. ред. Н.В. Бряник. – Екатеринбург: Ин-т философии и права УрО РАН, 2003. – 380 с.
  135. Ломцева М.Л. Российская и американская системы конституционного судебного контроля: сравнительно-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
  136. Лукашева Е.А. Право, мораль, личность / Отв. ред. В.М. Чхиквадзе. – М.: Наука, 1986.
  137. Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. – М., 1997.
  138. Луковская Д.И. Гарантии прав личности // История государства и права. – 2007. – № 16. – С. 7-14.
  139. Маковой М., Разумов С.А. Европейская Конвенция о защите прав человека. Статья 5: Право на свободу и личную неприкосновенность: прецеденты и комментарии. – М., 2002.
  140. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. Изд. 2-е. – М.: СГУ, 2009.
  141. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007.
  142. Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. – Тюмень, 1998.
  143. Марочкин С.Ю. Соотношение юридической силы норм международного права и внутригосударственного права в правовой системе Российской Федерации // Российский юридический журнал. – 1997. – № 2.
  144. Марченко М.Н. Правовые системы современного мира. – М., 2009.
  145. Матузов И.И. О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект // Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 129-142.
  146. Матузов Н.И. Личность и право. – Саратов: СГУ, 1989. – 169 с.
  147. Матузов Н.И. Личность. Правда. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов, 1972.
  148. Матузов Н.И. О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект // Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 129-142.
  149. Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов, 1987.
  150. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 3-16.
  151. Матузов Н.И. Теория и практика прав человека в России // Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 22-35.
  152. Матузов Н.И. Юридические коллизии и способы их разрешения // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М., 2003.
  153. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 139-153.
  154. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37.
  155. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы человека (гражданина) и право: структурно-функциональный анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 72-80.
  156. Международные нормы и правоприменительная практика в области прав и свобод человека. – М., 1993.
  157. Мирзоев С.Б. Историко-правовые предпосылки развития конституционного надзора и контроля в России и Таджикистане // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 59-70.
  158. Мирзоев С.Б. Конституционный контроль и надзор: некоторые дискуссионные вопросы понятия // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 48-56.
  159. Мирзоев С.Б. Конституционный контроль: некоторые современные модели // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 22-29.
  160. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты

- функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3.
161. Мусаев М.А. Гуманизм как нормативная система // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 187-200.
162. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Спарк, 1997. – 599 с.
163. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. – М., 2002.
164. Нерсесянц В.С. Право и закон. Из истории правовых учений. – М., 1983.
165. Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 1997.
166. Несмеянов С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации: Автореф. дис. ... док. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
167. Николаенко Н.М., Синченко Г.Ч. Естественные права, естественное право и творческое наследие русского космизма // Философия права. (Ростов-на-Дону). – 2007. – № 2. – С. 47-54.
168. Олейник В.С. Генезис правосознания личности (философско-правовой анализ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 1999. – № 2.
169. Олейников В.С., Джегутанов Б.К., Балахонский В.В. Философия права и правосознания: Монография. СПб, 2009.
170. Оль П.А., Ромашов Р.А., Тищенко А.Г., Шукшина Е.Г. Государство, общество, личность: проблемы совместности / Под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – М.: Юрист, 2005. – 303 с.
171. Орлов А.А. Идея естественного права в «Трактате об установлении мира в мире христианском» (1464-й год) // Вестник Московского государственного гуманитарного ун-та им. М.А. Шолохова. История и политика. – 2010. – № 1. – С. 34-44.
172. Петрова Л.В. О естественном и позитивном праве (Критические заметки по поводу учебника С.С. Алексеева) // Государство и право. – 1995. – № 2. – С. 32-41.
173. Пономаренко Е.В. Естественные права и свободы человека: проблемы реализации // Правовая политика и правовая жизнь. – (М.: Саратов). – 2006. – № 3. – С. 16-26.
174. Пономаренко Е.В. Конституционно-правовое освоение действительности в процессе осуществления естественных прав и свобод человека: Монография. – М.: Компания Спутник+, 2005. – 187 с.
175. Пономаренко Е.В. Концепция естественного права в конституционно-правовой науке и естественные права и свободы человека // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 4. – С. 26-29.
176. Посконина О.В., Сальников В.П. Позитивное право и идеология // Человек и общество: правовые проблемы взаимодействия: Сб. труд. докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 7. – СПб., 1996. – С 52-58.
177. Права человека в условиях становления гражданского общества // Государство и право. – 1997. – № 10. – С. 102-110.
178. Права человека и политическое реформирование: юридические, этические, социально-психологические аспекты / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М., 1997.
179. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / Под общ. ред. Е.А. Лукашевой. – М., 2002.
180. Права человека: Учебник для вузов / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М., 2003.
181. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
182. Право как ценность: Материалы дискуссии / Отв. ред. Л.О. Иванов. – М.: Гардарики, 2002. – 75 с.
183. Правовая защита субъектов трудовых отношений. – СПб., 1996.
184. Правоохранительная деятельность и соблюдение прав человека: Научно-практический семинар, 29 сентября 2000 г. Санкт-Петербургский юридический ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации; Европейский ин-т по сотрудничеству правоохранительных органов (EULEC)/ Отв. ред. В. Новик, В. Зубрин, В. Рохлин, И. Сыдорук. Бюллетень № 1. – СПб., 2001. – 56 с.
185. Пяткина С.А. Идея естественного права в методологии русской философско-правовой мысли (конец XIX – начало XX века): Вопросы истории политических учений // Труды: ВЮЗИ. Т. 44. – М., 1975. – С. 192-231.
186. Рекомендации по применению статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека – право на беспристрастное разбирательство дела. Издание Санкт-Петербургской общественной организации «Гражданский контроль» и Шведского Агентства международного сотрудничества и развития. – СПб., 2002.
187. Ромашов Р.А. Правовые культуры России и Запада: существует ли двусторонняя интеграция? // Философия права в России: история и современность: Матер. третьих филос.-прав. чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Градский. – М., 2009.
188. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России: Учебное пособие. – СПб.: Фонд «Университет»: Астерион, 2008. – 138 с.
189. Ромашов Р.А. Теория правотворчества. Глава 20 // Теория государства и права: Учебник / Под ред.

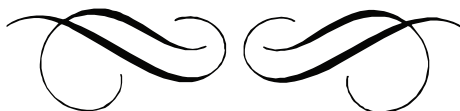
- Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, доп., перераб. В 3-х томах. Т.2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 344 с.
190. Ромашов Р.А., Ромашова Г.Т. Суверенитет личности: понятие, признаки, гарантии // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 1999. – № 3.
191. Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – 216 с.
192. Рябченко Е.В. «Возрождение» естественного права и его значение для позитивного права России в конце XIX и начале XX века: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002.
193. Рябченко Е.В. «Возрождение» естественного права и его значения для позитивного права: Россия в конце XIX – начале XX века: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2002. – 200 с.
194. Рябченко Н.Г. Концепция возрожденного естественного права: место и роль в политико-правовой науке Германии // История государства и права. – 2002. – № 3. – С. 47-48.
195. Рябченко Н.Г. Проблема естественного права в учениях немецких юристов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2002.
196. Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2002. – 210 с.
197. Сальников В.П. Опасность нравственно-правовых срывов в период общественной нестабильности // Лики морали. СПб., 1996.
198. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
199. Сальников В.П. Правовая культура в контексте противоречий современной цивилизации // Использование зарубежного опыта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: Матер. межвуз. науч.-практ. конф., 27-28 мая 1993 г. (часть 1) / Под общ. ред. С.Ф. Зыбина, В.П. Сальникова. – СПб., 1995. – С. 46-50.
200. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства // Демократия и законность: проблемы развития и соотношения. – Самара, 1991.
201. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. Вып. 2. – СПб., 1997. – С. 10-15.
202. Сальников В.П. Правовая культура. Глава XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. Н.М. Марченко. 4-е изд., исправ. и дополн. Том 3: Государство, право, общество. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
203. Сальников В.П., Бабаджанов И.Х. Клонирование человека: есть ли сегодня такое право на земле? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 192-204.
204. Сальников В.П., Бородин В.В., Рожкова Л.П. Морально-нравственная культура демократического общества // Демократия и законность: проблемы развития и соотношения. – Самара, 1991.
205. Сальников В.П., Гучериев Х.С. Общество как структурная система правовой культурологии // Правовое государство и органы внутренних дел: Сб. науч. труд. Выпуск 2 / Под ред. С.Ф. Зыбина. – СПб: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1995. – С.3-11.
206. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
207. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В., Ильичев В.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3(27) – С. 7-13.
208. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 464 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
209. Сальников В.П., Стремоухов А.В. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охрана прав человека // Вестник Санкт-Петербург ун-та МВД России. – 2000. – № 4(8). – С. 19-22.
210. Сальников В.П., Тагайназаров Ш.Т. Жизнь и смерть человека: аксиологическое и проприетарное измерение // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 165-168.
211. Сальников В.П., Ширяев Ю.Е., Велижев С.И., Захаренков В.В., Колокольцев В.А. Конституция России: итоги десятилетия // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17).
212. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
213. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.

214. Сальников М.В. Политико-правовая традиция и правовая культура общества: соотношение в теоретическом правоведении и юридической практике // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 169-186.
215. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
216. Сальников М.В. Равноправие граждан перед законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 103-104.
217. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
218. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С.153-156.
219. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 151-166.
220. Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 169-179.
221. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
222. Сапаргалиева Г.С. Проблемы соотношения Конституции и законов Республики Казахстан // Саясат. – 1997. – № 8. – С. 37-50.
223. Современный парламентаризм и будущее демократии: Материалы первого Международного парламентского форума. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – 320 с.
224. Султыгов М.М., Андрейцо С.Ю. Конституционное правосудие в системе средств публичной политической власти // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – №3. – С. 25-27.
225. Сурия Прокаш Синха. Юриспруденция. Философия права: Краткий курс. – М., 1996.
226. Тихонравов Ю.В. Основа философии права. – М., 1997.
227. Толныкин В.Е. Правовая культура общества и личности как комплексная, системообразующая проблема философии права // Философия права. – 2009. – № 4. – С. 35-37.
228. Толянин В.В. Правосознание и демократия // Демократия и тоталитаризм: проблемы противостояния (политические режимы в современном мире): Материал межвузового научно-практического семинара, г. Санкт-Петербург, 15 ноября 1999 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1999.
229. Трунцевский Ю.В. Обеспечение безопасности граждан – современный путь развития государства // Сводный реферативный сборник журнала Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2011. – № 1-4.
230. Туманов В.А. Судебный контроль за конституционностью нормативных актов // Сов. государство и право. – 1988. – № 3.
231. Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // Московский журнал международного права. – 1995. – № 2.
232. Федоров В.П. Человек и правоохранительная деятельность (философско-правовой аспект): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1996. – 55 с.
233. Философия права: Курс лекций: Учебное пособие. В 2-х томах. Том 1 / С.Н. Бабурин, А.Г. Бережнов, Е.А. Воротилин [и др.]; Отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2011. – 552 с.
234. Философия права: Курс лекций: Учебное пособие. В 2-х томах. Том 2 / А.В. Аверин, И.А. Гобозов, А.Г. Гузнов [и др.]; Отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2011. – 512 с.
235. Финнис Д., Гайдамак В.П., Панихина А.В. Естественное право и естественные права. – М.: Мысль: НРНСЭН, 2012. – 554 с.
236. Хабриева Т.Я. Конституционный Суд Российской Федерации – главный субъект толкования Конституции // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 3.
237. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. – М.: Норма, 2005. – 320 с.
238. Холиков К.Н. Конституционное судопроизводство в Республике Таджикистан / Отв. ред. С.А. Авакьян. – Душанбе: Эр-граф, 2010.
239. Холиков К.Н. Конституционный суд Республики Таджикистан: статус, организация и деятельность. – М.: МГУ, 2009.
240. Холиков К.Н. Роль Конституционного суда в обеспечении верховенства Конституции Республики Таджикистан // Государство и право. – Душанбе, 2007.
241. Черниченко С.В. Развитие международных стандартов и процедур в области прав человека / Права человека в истории человечества и в современном мире. – М., 1989.
242. Четвернин В.А. Современные концепции естественного права / Отв. ред. В.А. Туманов. – М.: Наука, 1988.

– 146 с.

243. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб., 1999.
244. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М., 2004.
245. Чукин С.Г., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: Учебник / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Г.Н. Хона. – М., 2002. – 240 с.
246. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: Политико-правовые аспекты: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 168 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
247. Шахрай С.М. Государство и глобализация: Методологические и политико-правовые проблемы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.
248. Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма: Монография. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 304 с.
249. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. *Constitutio incognita*. – М.: Красная звезда, 2013. – 320 с.
250. Шахрай С.М. О конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отделение общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
251. Шульженко Ю.Л. Институт конституционного надзора в Российской Федерации. – М., 1998.
252. Шульженко Ю.Л. Правовая охрана Конституции. – М., 1991.
253. Эбзеев Б.С. Диалектика индивидуального и коллективного в организации социума и ее отражение в Конституции (к методологии исследования) // Государство и право. – 2004. – № 2.
254. Эбзеев Б.С. Конституционный суд Российской Федерации: становление, юридическая природа, правовые позиции: Вступ. ст. // Комментарии к постановлениям Конституционного суда Российской Федерации. Т. 1. – М., 2000.
255. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд: Учеб. пособие для вузов. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1997.
256. Экимов А.И. Проблема порядка в историко-философском измерении // Кавказские научные записки. – 2012. – № 1(10). – С. 226-236.
257. Юдин Б.А., Шульженко Ю.Л. Конституционное правосудие в федеративном государстве (сравнительно-правовое исследование). – М., 2000.
258. Явич Л.С. Сущность права. Социально-философское направление генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. – Л.: ЛГУ, 1985.

МУСАЕВ Мурад Алаудинович,

докторант кафедры теории государства и права
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

E-mail: musaev1212@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ПРАВОВОЙ ГУМАНИЗМ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

***Аннотация.** В статье рассматривается правовой гуманизм как государственно-правовая идеология и нравственно-правовая категория. Дается их понимание и анализируется сущность. Обращается внимание на аксиологический аспект правовых явлений, роль западноевропейского гуманизма в формировании современного права.*

Серьезное внимание в исследовании уделено вопросам сегодняшнего правопонимания, которое увязывается с созданием теоретических предпосылок для успешного становления российской правовой системы. Высказывается сожаление по поводу слишком широкого спектра мнений философов и юристов по вопросу о сущности правопонимания и его системообразующей роли в праве. Изучаются и оцениваются эти мнения, формулируются собственные выводы, которые, безусловно, заслуживают пристального внимания.

***Ключевые слова:** правовой гуманизм; государственно-правовая идеология; нравственно-правовая категория; понимание; сущность; аксиология права; западноевропейский гуманизм; правопонимание; правовая система; системообразующая роль.*

MUSAYEV M. A.

LEGAL HUMANISM: THE CONCEPT AND ESSENCE

***The summary.** The article deals with the legal humanism as a state-and-legal ideology and moral-and-legal category. Attention is drawn to the axiological aspect of legal phenomena, the role of West European humanism in formation of the modern law.*

Serious consideration is paid in the research paper to the issues of present-day legal consciousness which is related to creation of theoretical prerequisites for successful formation of the Russian legal system. The regret concerning too wide range of opinions of philosophers and lawyers on essence of right understanding and its system-forming role in the law is expressed. These opinions are studied and assessed; the author's own conclusions which deserve close attention are formulated.

***Key words:** legal humanism; state-and-legal ideology; moral-and-legal category; understanding; essence; axiology of law; West European humanism; legal consciousness; legal system; system-forming role.*

Видимо, гуманистический способ решения проблемы свободы может быть резюмирован категорическим императивом И. Канта: поступай так, чтобы максима твоей воли могла соответствовать основам всеобщего законодательства. Основой свободы, по Канту, является «разумная воля», благодаря которой преодолевается гетерономность предшествующих доктрин

человеческого поведения: человек сам себе определяет принцип поведения в качестве закона. Но именно это подчеркивает ассоциативный характер государственности, основанной на «общественном договоре». Право реализуется в рамках легального поступка, отличие которого в том, что его основой является не нравственное чувство, а стремление соответствовать

моральной или юридической форме. Это, на наш взгляд, является основой правового гуманизма как государственно-правовой идеологии, устанавливающей автономию личности в качестве важнейшего критерия прогрессивности общественной системы [7; 9; 10; 11; 34; 38; 41; 42; 48; 56; 57; 59; 60; 61; 62; 63; 64; 68; 84; 91; 92; 93; 94; 97; 100; 103].

Такой взгляд нельзя отнести к результату теоретической некорректности. Напротив, он объективно вытекает из реализуемых в форме рациональности универсальных посылок гуманистического мировоззрения. С какой бы силой ни декларировалась моральная основа правовой системы [4; 12; 19; 22; 26; 27; 29; 31; 32; 36; 37; 40; 64; 74; 82; 83; 96], реализация права возможна лишь через его формализацию в законе, что и ориентирует сознание на форму поступка, но не на его содержание. Это значит, что свобода как естественное право человека получает формальную интерпретацию (она не реальна, а формальна). Сам вопрос о свободе, по Канту, не имеет смысла, поскольку на него не может быть дано ответа без противоречий. Свобода – это идея (трансцендентальная идея), которая не может быть соотнесена с опытом. Мы не можем познать ее теоретически, но можем знать практически, то есть мы можем знать, как поступать, чтобы быть свободными. На уровне индивида это означает совпадение сущего и должного в поступке (морального чувства и легальной формы). А на уровне государства – это лишь легальная форма. И здесь свобода всегда формальна. Государству нет дела до ее содержания – это компетенция индивида (автономности его воли). Фактически, именно поэтому Кант является родоначальником нормативизма – основополагающей доктрины либеральной правовой идеологии.

Таким образом, это гуманистическое подвижничество «исправить» историю, реализовав адекватную человеческой природе социальную модель, выраженную в «общественном договоре», не менее утопично, чем подвижничество Томаса Мора, Кампанеллы, Фурье, Оуэна, Сен-Симона и др.

По сути дела, гуманизм в Новое время эксплицируется в такой политической форме, как демократия и правовая государственность. Это уже не просто гуманизм, но – правовой гуманизм. Но эти понятия не обрели бы столь мощной

идеологической силы без идеи прогресса. Дело в том, что это стремление «исправить» историю, привести в рассмотренные концепции чуждый теоретическому разуму Нового времени волюнтаризм. Напротив, необходимо было всякое явление истории объяснить из самой истории. «Прогресс» решает именно эту задачу.

Согласно учению Гегеля, в истории господствует разум. Это означает, что исторические события объяснимы необходимостью, которую подлежит познать. Разумность (необходимость) истории вытекает из того, что она есть процесс развития Мирового духа. Причем именно свобода представляет собой определяющее начало и конечную цель всего хода его развития. Всемирная история, таким образом, – это прогресс в сознании свободы. Этот прогресс выражается в объективизации достигнутых ступеней свободы в правовых и государственных формах наличного бытия. История, в которой постоянно происходит духовная работа, движется с Востока на Запад и состоит в дисциплинировании естественной (неразумной и несвободной) воли, в возвышении ее до подлинно свободной воли, когда свободно и целое, и составляющие его части (индивиды).

Так, на Востоке свободен лишь один (деспот), в греческом и римском мире свободны некоторые (рабство), в христианско-германском мире свободны все. Это дает и три основные формы государства: восточная деспотия, античное государство в виде демократии или аристократии, наконец, представительное государство (по Гегелю – конституционная монархия). Поскольку идея свободы достигает своего полного воплощения в конституционном (демократическом) государстве, то это государство и является целью и смыслом истории. Так, правовая государственность становится проявлением исторической необходимости. Она универсальна ровно настолько, насколько универсальны законы Всемирной истории. Здесь рождается представление о прогрессивной государственности, ставшее одним из фундаментальных критериев социальных оценок современности.

«Разумность истории» – это базовое понятие обоснования идей прогресса в любой его концепции. Примечательно учение Огюста Конта, оказавшее огромное влияние на умы XIX века. По Конту, история представляет собой «неуклонный прогресс ума», в ходе которого

постепенно развиваются познавательные возможности человечества. Всемирная история преодолевает три стадии этого совершенствования. На первой стадии (теологической) человек стремится объяснить явления при помощи духов, ангелов, божеств и пр. На второй (метафизической) он объясняет явления тем, что находится «позади них» – субстанция, сущность, элементы мира и пр. Лишь на третьей (позитивной) стадии человек способен адекватно познавать действительность, объясняя явления из них самих. На предшествующих стадиях человек решал (так или иначе) познавательные задачи, но именно на позитивной стадии возникает знание, основанное на опыте – позитивное знание. Задача науки сводится лишь к фиксации «эмпирических регулярностей» и к формулированию законов. В этих условиях, по мнению Конта, возможно также и решение задачи реформирования общества, благодаря осуществленному синтезу научного знания. Дело в том, что в результате такого синтеза рождается наука, которая способна это сделать, – социология. Поэтому прогрессивное общество – общество, строящееся на научной основе.

Известно, что этот момент позитивизма Конта органично вписался в марксистскую концепцию. Хотя, согласно Манифесту коммунистической партии, история есть история борьбы классов, волюнтаристический элемент играет в марксизме минимальную роль. Классовая борьба – это лишь политическое выражение более глубоких закономерностей, лежащих в основе исторического бытия людей. «Действительные индивиды, их деятельность, материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью» [45] – вот главные предпосылки истории. Этот тезис, являющийся основой концепции материалистического понимания истории, в дальнейшем выльется в закон, объясняющий прогрессивное движение общества. Общество всегда конкретно, характеризуясь определенным способом производства. Способ же производства реализуется как отношение между составляющими его производительными силами и производственными отношениями. В целом общество, таким образом, – это лишь соответствующий тип (форма) общества – общественно-экономическая формация. Закон, о котором идет речь, заключается в том, что существует несоответствие

между производительными силами (они находятся в процессе непрерывной динамики и развития) и производственными отношениями (они закреплены законом государства и развиваются крайне медленно). Разрешение данного противоречия в конечном итоге приводит к слому устаревших производственных отношений вместе с политической надстройкой, обеспечивающей их функционирование.

В истории это происходит в виде социального взрыва – революции. Так осуществляется переход от одной общественно-экономической формации к другой. В целом, каждый тип общества является прогрессивным по отношению к предшествующим. Создавая концепцию материалистического понимания истории, Маркс сознательно стоял на гуманистических позициях. Это значит, что Маркс находился в рамках все той же парадигмы мышления, что и авторы уже рассмотренных концепций: творческая сущность человека не может быть реализована в существующем обществе в силу определенного характера деятельности человека, обусловленного, прежде всего, наличием частной собственности на средства производства. Поэтому лишь преодоление частной собственности может вести к достижению гуманистических целей. Это возможно только в коммунистическом обществе, исключая все причины отчуждения человеческой сущности от человека, в том числе и государство, которое должно естественным образом отмереть. Значит, «коммунизм – это завершённый гуманизм» (К. Маркс).

В целом, гуманистическое правопонимание, сформированное в эпоху Нового времени и ставшее важнейшим условием социальных трансформаций, стало той необходимой содержательной базой, без которой невозможен правовой гуманизм как явление. Мы полагаем, что гуманистическое правопонимание основано на интерпретации права как продукта социокультурной эволюции, показателя прогрессивности общественной системы, где автономия личности рассматривается в качестве главной ценности аксиологической иерархии. В отличие от коммунистического, юридического и легистского правопонимания, сущность гуманистического заключается в сведении его типологического критерия к степени осознания свободы в праве. Такое правопонимание лежит в основе правовых систем большинства современных

государств [51; 52; 54].

В процессе генезиса права аксиологический аспект является важным элементом. Полагаем, что решающую роль в формировании современного права играет западноевропейский гуманизм, как аксиологическая система, покоящаяся на признании человека в качестве высшей ценности и реализуемая через идею автономии и универсальности личности, понимаемой как субъект общественных отношений [2; 3; 5; 6; 7; 8; 9; 14; 15; 16; 21; 33; 39; 44; 46; 47; 53; 58; 65; 66; 78; 81 86; 92; 98; 99]. С этой точки зрения выглядит вполне убедительным отмечаемый, порой, репрессивный характер российского правопонимания, когда право рассматривается как «принудительное осуществление добра», а общественный договор как сговор «...об обоюдной безнаказанности при нарушении закона» [86, стр. 233]. Очевидно, что данное правопонимание базируется не на гуманистических, а на иных, альтернативных принципах.

В целом репрессивность является общим свойством правовой нормы и вытекает из ее сущностной особенности как должного по отношению к индивиду, являющемуся объектом социальных отношений. Но другой сущностной особенностью правовой нормы является ее аксиологический статус в обществе в процессе функционирования. Это выражается в императивности нормы (степень жесткости следования правовому предписанию), основанной на ее включенности в самосознание индивида, когда норма может не совпадать (либо полностью, либо частично) с ценностно-ориентационными установками личности [67; 69; 101], выступающей здесь субъектом социальных отношений. Что касается русской философской традиции, то есть все основания утверждать, что основным объектом философско-правовых исследований русских мыслителей всегда был именно этот последний аспект. Как правило, они рассматривали российское правопонимание в виде альтернативного западному по основанию гуманизма [23; 25; 30; 35; 43; 55; 70; 71; 72; 73; 74; 75; 76; 77; 78].

В основе современных исследований, посвященных анализу правопонимания, лежит вполне прагматическая цель – создать необходимые теоретические предпосылки для успешного становления правовой системы России. При этом важно подчеркнуть, что право является не только

(или не столько?) формально-юридическим феноменом. По своей природе право должно интегрировать весь комплекс социокультурных связей и отношений, существующих в обществе, и, будучи надындивидуальной нормативной системой, являться следствием (продуктом) глубочайших традиционно-ментальных факторов. Лишь при этих условиях правовая система, включающая наряду с нормативным и организационным такой базисный уровень, как идеологический [13], может успешно сложиться и функционировать. В этой связи очевидна необходимость обращения к генетически первичным факторам при раскрытии сущностных компонентов права [80]. Это, в свою очередь, ведет к рассмотрению феномена права в пределах его национальной идентичности [89]. Объективно это означает концентрацию исследовательского внимания на анализе правопонимания: правовых взглядов, правовой культуры, правовых теорий и концепций, правовом нигилизме.

Проблемное поле правопонимания предполагает обращение к его анализу специалистов самых разных областей гуманитарного знания (социологи, психологи, философы, юристы и др.). В последние годы исследование данной проблемы вышло на уровень концептуализации, что стало возможным благодаря плодотворным исследованиям философов и юристов. Между тем в юридической и философской литературе наблюдается чрезвычайно широкий спектр мнений по вопросу о сущности правопонимания и его системообразующей роли в праве. Отмечается как неопределенность его границ в отношении правосознания и правового мышления, так и в выделении его содержательных компонентов. Прежде всего, обращает на себя внимание несовпадение подходов к правопониманию философов и юристов. Как правило, юристы в пределах общей теории права отождествляют правопонимание с правовой школой (или теорией). Философский же подход часто сводится к способу интерпретации права, который может быть реализован в разных правовых теориях. Ясно, что данное обстоятельство объясняется несовпадающей спецификой юридического и философского знания. Между тем, на наш взгляд, имеет место и абстрактность постановки проблемы, как в одном, так и в другом случае. Истолковывая такие феномены, как правовая система, правотворчество,

правоприменение и пр. через категорию «правопонимание», юристы склонны скорее к его формальной трактовке. Философы же часто игнорируют значение правопонимания для функционирования права. Сказанное говорит о необходимости системных исследований в этой области, выработке типологических критериев правопонимания.

По уже отмеченным причинам, существующая типология представляется недостаточной. Так, например, введение категории «правовая семья» представляет собой большой шаг вперед в развитии категориального аппарата юридической науки. Однако в решении проблемы типологии правопонимания требует целый ряд уточнений и пояснений [20; 28; 88]. Сведение же типологического критерия правопонимания к степени осознания свободы в праве (коммунистическое и гуманистическое правопонимание) [1] или к пониманию соотношения права и закона (юридическое и легистское правопонимание) [49] ведет к сужению объема этого понятия и отождествляет правопонимание лишь с либертарно-юридическим типом.

При всех возможных вариантах интерпретации права неизменно и постоянным остается раскрытие его содержания через понятия «свобода», «равенство» и «справедливость». Очевидно, что в различных аксиологических контекстах каждое из этих понятий может занимать разное место в системе аксиологической иерархии. Решающую роль здесь играет система ценностных доминант – «культура», «социум», «государство». Так, поскольку в русской философско-правовой традиции «высший идеал общественных отношений есть внутреннее свободное единство всех людей, единство, достигаемое не принуждением и внешним авторитетом, а только законом Христовым...» [50, стр. 117], очевидным является доминирование в российском сознании «культуры», а не «социума» или «государства», а это, в свою очередь, означает, что «свобода» как мера возможного действия, предполагающая гуманистический принцип правопонимания, вряд ли может занимать высокое место в системе ценностей. Русская национальная идея никогда не была правовой идеей, в смысле реализации в ней автономии и универсальности личности, но – моральной, в смысле реализации в ней коллективной духовности. Во всем многообразии

подходов к праву в дореволюционной России, от С.Е. Десницкого, Я.П. Козельского и А.П. Радищева до Вл. Соловьева, Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева и др., сквозной линией присутствовала славянофильская парадигма правового нигилизма (либо в форме критики, либо в форме апологии). Во всяком случае, очевидно преобладание нравственной проблематики над правовой. Это и сегодня объясняет преобладание содержательно-культурного (традиция) элемента в мотивационной и оценочной сферах деятельности россиян.

Классическое русское западничество, культивировавшее гуманистическую парадигму мышления о личности, обществе и государстве, с его нигилистическим темпераментом в отношении русской культуры также не смогло создать самобытной правовой идеи, принимая западный правовой рецепт за универсальную социальную технологию со стороны формы, а не содержания – европейского гуманизма. И Советский Союз не смог создать правовой идеи, даже несмотря на гуманистические стереотипы советской идеологии («свобода», «равенство», «прогресс»). По указанным причинам в основе российского правопонимания лежит не идея правозаконности, а идея правообязанности, состоящая в неразличении права и обязанности, а значит, свободы и равенства. Вероятно, подобное правопонимание весьма близко традиционным обществам Востока.

Правовая идея, безусловно, была создана западноевропейской цивилизацией. В ее основе лежит католическая церковь, сформировавшая каноническое право, которое итальянский гуманизм эпохи Возрождения и немецкая Реформация превратили в идею правового государства. В целом, в основе этой идеи – представление о том, что человек является по природе свободным существом и равным другому, себе подобному (школа естественного права).

Либеральная концепция правопонимания, рожденная в Европе, со временем вполне закономерно ослабевает. Ограничение роли государства как реализация парадигмы «право есть способ реализации свободы» опровергается реальной законодательной практикой Европы в послевоенные годы. Именно тогда в Европе получает приоритетное развитие социальное законодательство, что объективно возвышает роль государства. Ясно, что если смысл либерального

правопонимания можно свести к идее о том, что закон лишь «ограничивает действия властей» [95], то европейское правопонимание сегодня не в полной мере соответствует критериям либеральности. В более полной мере либеральная модель правопонимания реализовалась в США. Показателем этого может служить также социальное законодательство, роль которого сведена к минимуму. Так, в США большинство законодательных предложений, предусматривающих реализацию социально-экономических прав, было отвергнуто, как несоответствующих конституции [79].

Говоря о российском правопонимании и его современных альтернативах в правосознании, следует отметить, что, по мнению многих русских философов, культурологов, историков, та форма социокультурных отношений, которая сложилась в конце XV – начале XVI века, в той или иной степени сохранилась и в наше время. Ее называют по-разному: И. Солоневич – народной монархией, М. Шахматов – государством правды, Н. Бердяев – тоталитарным государством, некоторые марксисты – своеобразной параформацией азиатского способа производства. При этом типе отношений права были только у государственной власти, а подданные имели одни обязанности, но мирились с этим, поскольку обладали двумя свойствами социально-психологического национального характера. Во-первых, чувством изолированности, вызванным психологией осажденной крепости. Во-вторых, связанным с чувством изолированности мессианизмом. При этом «русская душа оставалась неосвобожденной; она не сознавала каких-либо пределов и простиралась беспредельно. Она требует всего или ничего, ее настроение бывает либо апокалипсическим, либо нигилистическим» [18, стр. 150].

Менталитет определяет не только поведение и опыт отдельного человека, но и социальных групп в целом. Исследования такого рода априорных инвариантных форм сознания позволили сделать заключение, что именно эти глубинные слои во многом устанавливают и осознанное поведение, и рефлексивные акты, и отношение к действующим правовым установкам. Понятие «менталитет» слабо обосновано с методологической точки зрения, и поэтому не стоит преувеличивать его научный статус. Под менталитетом, на наш взгляд, следует понимать

некий исторический опыт нации, своеобразную народную память, которая определяет действия людей, верных своему исторически сложившемуся «генетическому» коду поведения в любых даже экстремальных ситуациях, в том числе и в правовой сфере. В этой связи интересна мысль Б. Гройса: «...у России не может быть подсознания, потому что она сама есть подсознание» [24, стр. 245].

В зависимости от политических взглядов характерные черты русского менталитета определяют совершенно по-разному. Так, правые идеологи усматривают его основные черты в самодержавии, соборности и православии, т. е. в тех ценностях, которые они выдвигают в качестве политических приоритетов и которые они считают неотъемлемыми свойствами русской нации. Левые заявляют об антиавторитарности и антирелигиозности русского характера. Представители этих идеологических направлений не учитывают амбивалентности сознания, его противоречивости и двойственности. «Для русских характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал. Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями. Русский народ с одинаковыми основаниями можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный» [17, стр. 15].

Противоречивость и двойственность присущи и правосознанию русского человека, которые проявляются в том, что он в зависимости от окружающих условий может взять на себя социальную роль как правового нигилиста, так и правового идеалиста. А в качестве промежуточного звена у него может проявиться такое свойство, как правовой инфантилизм. При этом, как отмечал З. Фрейд, «эти русские как вода, которая наполняет любой сосуд, но не сохраняет форму ни одного из них» [102, стр. 270]. Наряду с генетическим кодом (природным инвариантом) существуют и долговременные ценностные структуры (культурные инварианты). К последним относится, например, естественное право. Как любой взрослый человек имеет определенные

рамки поведения, за которые ему достаточно трудно выйти и которые, по З. Фрейду, являются неосознанным инфантильным опытом, так и любой этнос имеет стереотипы национального поведения, которые сформировались под воздействием ключевых событий этногенеза. Видимо, З. Фрейд опирался на поговорку «Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – прощен не будешь», когда утверждал: «Русская душа отважилась сделать вывод, что грех – необходимая ступенька к наслаждению всем блаженством божественной милости, т. е. в принципе богоугодное дело» [90, стр. 48].

Большинство русских людей слабо представляют границу между полномочиями государства и свободами гражданского общества. Поэтому они не имеют правильных понятий о правах и свободах. На протяжении веков желания людей, чтобы правительство управляло ими для них, а не против них, так и остаются только мечтами. В архетипах российского сознания идея справедливости занимает особое доминирующее положение, поскольку она детерминируется своеобразным компенсаторным механизмом произволу и авторитаризму, царящему в нашем обществе. Справедливость понимается нами как производное от слова «правда», которая не только истина, поскольку она всегда выстрадана, за нее живота не жалеют. Правда – это еще определенное возвышенное эмоциональное состояние. «Закон и право в народном сознании не были самоценностью. Закон лишь тогда выступает ценностью, когда определяется как “справедливый”. Справедливый закон я выполнять буду, а не справедливый – не буду. В западной традиции справедливость и право соединены более органично. Там есть установки сознания, что если закон не выполняешь, то, значит, и несправедливо живешь» [87].

В заключение к сказанному следует сделать некоторые выводы.

Правовой гуманизм представляет собой определенное качество правовой системы, в целом определяемое сложившимся правовым порядком, в основе которого лежит признание человека субъектом общественных отношений. Таким образом, говорить об элементах правового гуманизма, которые можно найти в правовом контексте более древних обществ, некорректно. Скорее данные элементы могут свидетельствовать о других явлениях государственной и

правовой жизни, о которых умалчивают историки права.

В целом, правовой гуманизм представляет собой государственно-правовую идеологию, основывающуюся на системе ценностей, признающей человека субъектом общественных отношений, личностью, которая, воплощаясь в соответствующем качестве правосознания и правопонимания, находит правовую легитимацию в институте прав и свобод человека, играющем ведущую роль в процессе формирования правовых систем современных обществ, есть система правовых принципов, составляющих закономерности правового регулирования, в пределах генерируемой нормативно-правовой системы, содержательно определяющих механизмы реализации ценностей гуманизма.

Таким образом, полагаем обоснованным, что гуманизм – нормативная система, институционализирующая моральные, политические, правовые и другие установки регулирования общественных отношений, регламентирующая самоценность человеческой личности в ее отношениях с природой, обществом и государством. Основой нормативного содержания гуманизма является совокупность доктринальных представлений о роли и месте человека в мире, раскрывающих его универсальную природу и автономность, коренящихся в стереотипах западноевропейской культуры. Генезис современной государственно-правовой идеологии, начало которому положено эпохой модерна, происходил под воздействием гуманизма, что нашло свое выражение в теории естественного права как важнейшем для формирования концепции правового государства типе правопонимания. Нормативная система гуманизма может рассматриваться в качестве основного контекста модернизационных процессов, происходящих в современном мире.

При этом контекст анализа дает основания для заключения о том, что правовой гуманизм – государственно-правовая идеология и нравственно-правовая категория. Как государственно-правовая идеология правовой гуманизм основывается на системе ценностей, признающих человека субъектом общественных отношений, личностью, которая, воплощаясь в соответствующем качестве правосознания и правопонимания, находит правовую легитимацию в институте прав и свобод человека,

играющем ведущую роль в процессе формирования правовых систем современных обществ, есть система правовых принципов, составляющих закономерности правового регулирования, в пределах генерируемой нормативно-правовой системы, содержательно определяющих механизмы реализации ценностей гуманизма. Как нравственно-правовая категория правовой

гуманизм выражает юридическое признание и закрепление высшей ценности человека, его прав и свобод, есть система нормативно закрепленных нравственно-правовых требований, в контексте правоотношений выражающих признание человека высшей ценностью, охраняющих интересы общества, права, свободы, честь и достоинство человека и гражданина.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Философия права. – М., 1998.
2. Алиев Я.Л., Сальников В.П., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые итоги аксиологического исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 165-183.
3. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность, законность и традиции полиции как социальная ценность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 7-19.
4. Аюпова З.К. К вопросу о категории «правовая система» в современном правоведении // Современное право. – 2006. – №7. – С. 59-62.
5. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Духовные и материальные блага как ценность для человека, общества и государства: системный анализ // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 142-147.
6. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Материальный и духовный мир человека и общества как объект охранительных правоотношений: ценностный подход // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 57-63.
7. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правовая охрана, идеологическая сущность и ценностное восприятие человека, общества и государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 135-147.
8. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 57-64.
9. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Человек, общество, государство: аксиологическая оценка и идеологические основы охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 129-137.
10. Бабосов Е.М. Идеология Белорусского государства: теоретические и практические аспекты. – Минск, 2008.
11. Байжуминов С.Н. Основы правовой идеологии в России: проблемы формирования в современных условиях // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 190-196.
12. Байниязова З.С. Правовая система и ее принципы // Юридическая мысль. Научно-практический журнал. – 2003. – №1. – С. 12-19.
13. Баранов В.М., Поленина С.В. Система права, система законодательства, правовая система. – Н.Новгород, 1999.
14. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
15. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.
16. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шагапсов З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 35-42.
17. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
18. Бердяев Н. А. Философия неравенства. – М., 2003.
19. Берестнев Ю. Российская правовая система и европейские стандарты // Российская юстиция. – 2001. – № 1. – С. 14-15.
20. Ведяхин В.М. Правовая семья и система права как факторы формирования и реализации принципов права

- // Актуальные проблемы правоведения. Научно-практический журнал. – 2004. – № 3. – С. 3-14.
21. Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 200 с.
22. Горбашев В.В., Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Политическая, правовая система общества и национальная безопасность государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 21-29.
23. Графский В.Г. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: ИГП РАН, 1996.
24. Гройс Б. Утопия и обмен. – М., 1993.
25. Гуцериев Х.С., Романовская В.Б., Сальников М.В., Шапиева О.Г. Влияние христианства и гуманизма на правосознание // Православие и правоохранительная деятельность в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 24 октября 1996 года. В 3-х частях. Часть 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова, П.А. Сафронова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – С. 43-48.
26. Давид Р., Жоффре-Спиноза К. Основные правовые системы современности. – М., 1999.
27. Дробышевский С.А., Будилина Т.В. Научная мысль в поисках наилучшей политико-правовой системы. – Красноярск, 2000.
28. Егоров А.В. Правовая семья как объект сравнительного правоведения // Правоведение. – 2005. – № 2. – С. 155-161.
29. Загрядкий Г.В. Правовые системы современности. – М., 1995.
30. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научного методологического семинара. 28 – 30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
31. Затонский В.А., Малько А.В. «Правовая жизнь» и «правовая система»: соотношение понятий // Правовая политика и правовая жизнь. – 2006. – №2. – С. 6-20.
32. Затонский В.А., Малько А.В. Правовая система – ключевой компонент государственности, качественная основа правовой жизни общества // Российский юридический журнал. – 2007. – №2. – С. 14-23.
33. Ивин А.А. Аксиология: Научное издание. – М.: Высшая школа, 2006. – 390 с.
34. Ильичев В.В., Реуф В.М., Зацева О.О. Народовластие: от правового принципа к государственной правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 50-56.
35. Канюков С.К. Генезис права собственности в контексте эволюции российской правовой традиции: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2002.
36. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. – Ярославль, 1998.
37. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества. В 2-х т. – Ярославль, 2005.
38. Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма (2-ая половина XIX – начало XX веков): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
39. Кологова Н.В. Мораль и право: анализ традиции и исследования ценностных аспектов проблемы // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: ИГП РАН, 1996.
40. Котковец С.П. Категории «правовая система» в современной теории права // История государства и права. – 2007. – №7. – С. 2-3.
41. Лученкова Е.С. Основы идеологии белорусского государства. Практикум: Учеб. Пособие. – Минск, 2010.
42. Максименко Н.Г., Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Государственно-правовая идеология и политика обеспечения национальной безопасности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 89-96.
43. Малевич Ю. Незападная (тихоокеанская) традиция прав человека // Ежегодник. К пятилетию вступления России в Совет Европы. – М., 2001.
44. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. – М., 1998.
45. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф.Энгельс. Соч. в 39 т. Т.3.
46. Мартышин О.В. Проблемы ценностей в теории государства и права // Государство и право. – 2004. – № 10.
47. Неновски Н. Право и ценности / Под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987.
48. Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 1993.
49. Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 2008.
50. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права. Сочинения. – М., 1995. С. 117.
51. Оль П.А., Сальников М.В. Исторический дуализм в правопонимании: единство и противоречия естественного и волевого начал в праве // История государства и права. – 2003. – № 4.
52. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен: понятие, уровни, критерии научности и основания типизации // Юридический мир. – 2005. – № 3.
53. Оль П.А., Ромашов Р.А., Тищенко А.Г., Шукшина Е.Г. Государство, общество, личность: проблемы совместимости / Под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – М.: Юрист, 2005. – 303 с.
54. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен (теоретико-гносеологический аспект) // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., г. Санкт-Петербург,

- 19 декабря 2002 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2003. – С. 126-129.
55. Осипова О.А. Американская социология о традициях в странах Востока. – М., 1975.
56. Панченко А.В. Идеология социальной справедливости: Пособие по основам идеологии белорусского государства и политологии. – Минск, 2011.
57. Посконина О.В., Сальников В.П. Позитивное право и идеология // Человек и общество: правовые проблемы взаимодействия: Сб. трудов докт., адъюнктов, соискателей. Вып. 7. – СПб., 1996 – С. 52-58.
58. Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: ИГП РАН, 1996.
59. Реуф В.М. Государственная правовая идеология и ее воздействие на общественное правосознание (теоретико-правовой аспект проблемы) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 2. – С. 67-72.
60. Реуф В.М. От принципов права к государственной правовой идеологии (Теоретические аспекты формирования правового сознания общества): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 116 с.
61. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Национальная безопасность России и механизм ее обеспечения: государственно-правовая идеология и институциональные основы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 114-121.
62. Реуф В.М., Сальников П.П. Правовая идеология и правовые идеалы: некоторые дискуссионные аспекты понимания и соотношения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 3. – С. 89-95.
63. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Механизм обеспечения национальной безопасности в России: некоторые вопросы правовой теории и идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 27-34.
64. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Политико-правовая система общества и национальная безопасность России: современные проблемы государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 89-92.
65. Ромашов Р.А. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1.
66. Ромашов Р.А., Ищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1.
67. Сальников В.П. Правовая культура личности как целевая установка юридического всеобуча // Актуальные проблемы юридического всеобуча в условиях формирования социалистического правового государства. – М., 1990. – С. 214-218.
68. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
69. Сальников В.П., Янгол Н.Г. Формирование положительной нравственно-правовой установки в процессе массово-политической работы. – Л.: Знание, 1984.
70. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
71. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие ее самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10.
72. Сальников М.В. Политико-правовая традиция и правовая культура общества: соотношение в теоретическом правоведении и юридической практике // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 169-186.
73. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2031. – № 9. – С. 174-192.
74. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.
75. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 151-166.
76. Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – №11. – С. 169-179.
77. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
78. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
79. Сафонов В.Н. Социальное законодательство в США (историко-правовые аспекты) // Государство и право. – 1999. – № 1.

80. Свечникова Л.Г. Понятие обычая в современной науке: подходы, традиции, проблемы // Государство и право. – 2002. – № 9.
81. Сидорова Е.В. Феноменологический анализ правовых ценностей // Труды Академии управления МВД России. – 2011. – № 4(20). – С. 11-14.
82. Синуков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – Саратов, 1994.
83. Синуков В.Н., Григорьев Ф.А. Правовая система. – Саратов, 1995.
84. Славин Б.Ф. Идеология возвращается. М., 2009.
85. Смоленский М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. – 2004. – № 11.
86. Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас.- М., 1991.
87. Степин В. С. Гражданское общество, правовое государство и право (Круглый стол журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Вопросы философии. – 2002. – № 1. – С. 24–25.
88. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения.- М., 1996.
89. Тихомиров Ю.А. Право: национальное, международное, сравнительное // Государство и право. – 2001. – № 8.
90. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М., 1992.
91. Хабибулин А.Г. Политико-правовые проблемы государства в области социально-экономического развития России // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 7-17.
92. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №8. – С. 7-13.
93. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
94. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
95. Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1992.
96. Хохлов Е.Б. Дискуссии о правовой системе // Правоведение. – 2002. – №3. – С. 29-31.
97. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и государственность / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1999. – 280 с.
98. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 5-14.
99. Шамба Т.М. Законность и правопорядок в системе политико-правовых ценностей современной правовой жизни // Научные труды Российского государственного торгово-экономического университета. – М., 2004. – С. 307-312.
100. Шварцмантель Д. Идеология и политика. – Харьков, 2009.
101. Щербакова Н.В. Проблемы правовой установки личности. – Ярославль, 1993.
102. Эткинд А. М. Эрос невозможного. История психоанализа в России. – СПб., 1993.
103. Яковлев А.И. Государственная идеология. – Калуга, 2001.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

БУЛАТОВ Рашид Борисович,
профессор кафедры государственного права
Санкт-Петербургского государственного универ-
ситета аэрокосмического приборостроения,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: bulatovrash@mail.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

К ВОПРОСУ О ЗАРОЖДЕНИИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, касающиеся истоков конституционного законодательства в России в первой половине XIX века, когда был объявлен «Манифест об образовании Государственного Совета» (1810 г.), принят «Свод Законов Российской Империи» (1832 г.). Поворотной страницей российской истории явилось начало XX века: события 9 января 1905 г. вынудили самодержавие обнародовать «Манифест об усовершенствовании государственного строя» (1905 г.). Основные конституционные идеи Манифеста востребовали новые «Основные государственные законы», которые Император Всероссийский Николай II, не дожидаясь рассмотрения I Государственной Думой, единолично утвердил 23 апреля 1906 г. По сути это была первая российская конституция и Россия стала конституционной монархией. В этот же период были приняты и другие важнейшие конституционные акты. Таким образом, Российская Империя осуществила переход к конституционной форме правления. Однако, Октябрьский переворот 1917 г. перечеркнул отечественный конституционно-правовой опыт, востребовав социалистические ценности.*

***Ключевые слова:** предпосылки конституционализма; конституционное законодательство; конституционная форма правления; территориальная организация Российского государства.*

BULATOV R.B.

TO THE QUESTION ABOUT THE ORIGIN OF CONSTITUTIONALISM IN RUSSIA

***The summary.** The paper addresses issues related to the origins of constitutional lawmaking in Russia in the first half of the XIX century, when it was declared a “Manifesto on Education of the State Council” (1810), adopted the “Code of Laws of the Russian Empire” (1832). Turning the pages of Russian history was the beginning of the XX century: Event 9 January 1905 forced the monarchy to disclose, “Manifesto on the improvement of the political system” (1905). Basic constitutional ideas Manifesto claimed new “Basic Law” which Russian Emperor Nicholas II, without waiting for consideration by the State Duma I, personally approved April 23, 1906 In fact it was the first Russian constitution and Russia became a constitutional monarchy. In the same period,*

were adopted and other important constitutional acts . Thus, the Russian Empire in its transition to a constitutional form of government. However , the October Revolution in 1917 crossed the domestic constitutional and legal experience , requiring some socialist values ....

Key words: *background constitutionalism; constitutional lawmaking; constitutional government; the territorial organization of the Russian state.*

Появлению конституционных начал в политическом устройстве общества всегда способствуют определенные условия. Под историческими предпосылками конституционализма подразумеваются явления и факты исторического прошлого, порождающие элементы демократических и политико-правовых ценностей конституционной принадлежности в сфере интересов и потребностей человеческой жизнедеятельности [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 18; 19; 20; 21; 22; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39]. При этом конституционная принадлежность есть ни что иное как элементы фактической (неписаной, реально существующей) и юридической (писаной) конституции. Первая – источник второй. В целом же – является предмет исторической правовой науки, изучающей прошлое человечества (в том числе, – русского общества) во всей его конкретности и многообразии конституционно-правового пространства.

Идеи конституционных преобразований следует искать в глубокой древности. Еще древнегреческий философ Аристотель (384-322 до н.э.), считавший человека существом общественным, упоминал термин «основные законы» [3, с. 115]. Нам неведомы логические побуждения великого мыслителя древности. Однако, сделаем заключение: симптоматичен сам контекст ценностей – «человек в качестве общественного существа» – «основные законы», особо обозначенные во множественной совокупности неписаных правил поведения (обычаев, традиций), объединенных общим понятием «обычное право». Именно такая формула вписывается в сам режим древнегреческой демократии, где «стержнем» нормативной базы являлись «Основные законы».

Итак, «основные законы» (и подобные им в последующие эпохи – конституции, уставы, хартии, основные государственные законы...): а) были объективно выделены в самостоятельную ветвь законодательного регулирования; б) непосредственно регламентировали генеральные

институты государственно-организованного общества, государства; в) служили стержнем конституционного законодательства, создавая условия зарождения и развития общедемократического института – «конституционализма», олицетворяющего демократические и политико-правовые идеи и ценности.

Пионером воплощения конституционных идей и предположений справедливо считается американский континент второй половины XVIII века (Декларация независимости 1726 г., Конституция Массачусетса 1780 г., Конституция США 1787 г.) [40, стр. 710-799].

Идеи, явления, нормативное законотворчество конституционной значимости уходят своими корнями в прошлые российские эпохи. И, пожалуй, первым (исторически прецедентным) следует назвать документ от 22 октября 1721 г. «Акт поднесения государю царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования «Великого» и «Отца отечества» [40, стр. 15]. Тем самым, были внесены коррективы в форму правления: переход от царской «Всея Руси» – к императорской России.

Можно сказать, – классический прецедент. Возникшие идеи конституционной значимости (скорее всего в недрах Сената и Синода), базировавшиеся на фактической конституции (великие преобразования государя царя и военачальника), воплотились в акт высшей юридической силы, учредившей образование Российской Империи.

Прецедент, как историческая предпосылка, предопределил двуединую основополагающую тенденцию: а) стратегию государственной организации России; и б) конституционную направленность правового обеспечения такой организации.

Истоки конституционного законотворчества в первой половине XIX в. обнаруживаются, прежде всего, в «Манифесте об образовании Государственного совета» (1 января 1810 г.) Нормы акта (всего 144 параграфа) закрепляют: термин «коренные законы Государственного

совета) (наряду с законами, уставами и учреждениями); устройство департаментов (первым из 4-х – назван Департамент законов); порядок прохождения законов, иных нормативных актов в Государственном совете (разделы III – V); состав комиссий (в числе трех – «Комиссия составления законов») и т. Д [40, стр. 127].

Очередная ступень конституционного восхождения – «Свод Законов Российской Империи» 1832 г. (переиздавался девять раз, последний – в 1892 г.) [41]. Согласно ему, государственные законы подразделялись на четыре категории: 1) Законы основные; 2) Учреждения; 3) Законы государственных сил и 4) Законы о состояниях.

«Основные государственные законы» отличались от остальных только наименованием. И тем не менее, именно они служат истоками конституционализма, поскольку возвестили принцип верховенства закона. «Империя Российская – учреждено статьей 47 – управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от Самодержавной власти исходящих». Кроме того, в первом томе Свода были опубликованы: «Учреждение императорской фамилии», «Учреждение Государственного совета», «Учреждение Совета Министров и Комитета Министров», «Учреждение Правительствующего Сената», «Учреждение Министерств», «Временные правила о порядке принятия и направления прошений и жалоб на Высочайшее Имя приносимых» (т.т. 1,2). Таким образом, складывалась система: «закон – законность». А она, как известно: «In recto virtus» (лат.: «В законности – добродетель»).

Поворотной страницей российской истории явилось начало XX в. События 9 января 1905 г. и вызванное ими народное волнение вынудили самодержавие уступить. В «Манифесте об усовершенствовании государственного строя» (17 октября 1905 г.) дикретировалось: даровать населению незыблемые основы гражданской свободы, действительной неприкосновенности личности... .

Конституционные идеи Манифеста востребовали новые «Основные государственные законы» (23 апреля 1906 г.) В предисловии к ним заложены, на наш взгляд, три конституционные идеи: а) необходимость укрепления основ обновляемого государственного строя; б) Государство Российское едино и нераздельно; в) русский язык есть язык общегосударственный (употребление

местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях – читаем далее – определяется Основными законами). Это была новая, переломная ситуация: «Россия стоит накануне конституционной реформы...» [42, стр. 1]. Структурно Основные государственные законы содержат четыре главы (кроме вступления): О существе верховной самодержавной власти; О правах и обязанностях российских подданных; О законах; О Государственном Совете и Государственной Думе и образе их действий.

Необходимо вспомнить и другие проекты, которых (надо полагать) было несколько. Годом ранее (т.е. в 1905 г.) был опубликован «Проект Основного закона Российской Империи». Вот лишь наименования одиннадцати разделов: О Российской Империи; О Великом Княжестве Финляндском; Об основных правах граждан; Об императорской власти; О Государственной Думе; О министрах; Местные учреждения Российской Империи; О судебной власти; О Верховном суде; О пересмотре Основного закона; Переходные постановления [23].

Таким образом Российская Империя осуществила переход к конституционной форме правления. Государственная организация русского общества (как обозначено выше) – политико – правовая, что подразумевает (преимущественно) устройство власти и людей. Коснемся этого вопроса лишь фрагментарно – хронологически.

Конституционные идеи вынашиваются нередко годами, а то и десятилетиями. В лучшем случае они воплощаются в нормативных актах, а зачастую остаются не востребованными. Это в полной мере подтверждается идеями о конституционном устройстве, носителем которых было и декабристское движение. Более того, в начале XIX в. (1821 – 23 гг.) была разработана «Русская правда» (своеобразный проект конституционного устройства), автором которой был республиканец, организатор общества декабристов Павел Иванович Пестель (1793 – 1826 гг.). Основные положения программы: уничтожение крепостного права, республиканская форма правления, равенство всех граждан перед законом [17]... .

И лишь во 2-й половине XIX в. (19 февраля 1861 г.) был обнародован акт конституционного значения – «Манифест о всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния

свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» [40, с. 18]. Три столетия крестьянская Россия пребывала в крепостной зависимости. Трудно даже представить обилие нормативных актов, регулировавших крепостные отношения.

И вот наступил 1861 г. Была обнародована тщательно разработанная, концептуально выверенная крестьянская реформа с надежным правовым обеспечением (Манифест и около двух десятков положений – приложений – «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», «Правила о порядке введения Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»...). Ключевым нормативным документом было «Общее положение»: «О правах крестьян, вышедших из крепостной зависимости», «Об устройстве сельских обществ и волостей, и общественного их управления», «О волостном суде» (всего 207 статей).

В 1864 г. была обнародована судебная реформа: преобразование судеустройства и судопроизводства на основе судебных уставов; провозглашены демократические принципы (независимость судей, равноправие субъектов судопроизводства, состязательность судебного процесса...); учреждены суды присяжных, адвокатура, мировые судьи...

Конституционными по своей природе являются акты о территориальной организации российского государства, такие как: именной указ «Об учреждении губерний и о расписании к ним городов» (1708 г.) и «Учреждения для управления губерний» (1775 г.)

Плодотворной в конституционном смысле оказалась первая четверть XX столетия. Имеются в виду такие нормативные акты, как: «О переустройстве учреждения Государственного Совета» и «Учреждение Государственной Думы» (20 февраля 1906 г.); «Положение о выборах в Государственную Думу» (1907 г.); «Положение о выборах в Учредительное собрание» (1917 г.) [40, с. 600]. Наконец, был подписан и оглашен нормативный акт, зафиксировавший упразднение

Российской Империи: «Об отречении государя императора Николая II от престола российского и о сложении с себя верховной власти» (3 марта 1917 г.).

История отвела императорской России почти два столетия (1721 – 1917 гг.). Это было время реформ и преобразований, централизации власти и смутного времени, военных побед и поражений, наследственного восхождения на престол и дворцовых переворотов... Однако, именно в ту эпоху обрели свою жизнь стержневые факторы развития, такие как учреждение верховенства Закона, исторические предпосылки конституционализма. В числе существенных результатов этого процесса главным является то, что российский абсолютизм обрел статус государства с конституционной формой правления.

Октябрьский переворот 1917 г. перечеркнул отечественный политико-правовой опыт, востребовав социалистические ценности. Как писал первый советский нарком юстиции Стучка П.Я.: «...когда мы в ноябре 1917 года свергли буржуазный строй, то мы буквально сожгли все законы прошлого мира» [43, с. 20]. В советское время (с 1918 по 1978 гг.) было принято более сотни конституций Союза ССР, союзных и автономных республик. Однако, конституционализма (в демократическом понимании) не было, поскольку отвергались общедемократические доктрины и институты (разделение властей, народный суверенитет и т. д.). Соответственно они не воплощались и в советских конституциях. Это – во-первых. Во-вторых, для советского режима характерным являлось не верховенство Закона, а диктатура партии. «... Мы должны знать и помнить – писал В. И. Ленин, – например, – что вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу...» [24, с. 403].

Как известно, для востребования досоветского отечественного конституционного опыта потребовалось более семи десятков лет.

Список литературы

1. Алиев Я.Л., Сальников В.П., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые итоги аксиологического исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 165-183.
2. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции как связь и преемственность истории российской государственности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 7-18.

3. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4. (Серия «Философское наследие»). – М.: Мысль, 1983.
4. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Духовные и материальные блага как ценность для человека, общества и государства: системный анализ // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 142-147.
5. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Материальный и духовный мир человека и общества как объект охранительных правоотношений: ценностный подход // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 57-62.
6. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правовая охрана, идеологическая сущность и ценностное восприятие человека, общества и государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 135-147.
7. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – №7. – С. 57-64.
8. Бачинин В.А. Антропосоциологические проблемы права: Методология и эмпирия // Правоведение. – 2001. – № 3. – С. 27-39.
9. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).
10. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.
11. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. – СПб.: Лань, 2000.
12. Бондарь Н. Онтология современного конституционного правосудия: в поиске баланса власти, собственности, свободы // Вече. Журнал Верховной Рады Украины. – 2011. – № 17 (302). – С. 37-41.
13. Бондарь Н.С. Подчинение партий верховенству права – конституционный императив демократического правового государства // История. Право. Политика. – 2012. – № 3-4. – С 21-26.
14. Величко А.М. Государственно-правовые идеалы России и Запада: соотношение правовых культур: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2000.
15. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 1999. – 235 с.
16. Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 200 с.
17. Восстание декабристов. – М.- Л., 1958. – Т.7 (первая публикация полного текста «Русской правды»).
18. Горяинов В.П. Ценностные суждения в России и Западной Европе: сравнительный анализ // Социологические исследования. – 2009. – №5. – С. 115-120.
19. Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114-119.
20. Графский В.Г. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: ИГП РАН, 1996.
21. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научного методологического семинара. 28 – 30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
22. Каган М.С. Философская теория ценности. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
23. Казин А.Л. Философия искусства в русской и европейской духовной традиции / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 432 с.
24. Конституционное государство. Сб. статей. – Санкт-Петербург. 1905.
25. Ленин В. И. Полн. собр. соч.. т. 41.
26. Неновски Н. Право и ценности / Под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987.
27. От советского строительства – к муниципальному праву: история и современность / Отв. ред. Н.С. Бондарь. – Ростов-на-Дону: Южный федер. ун-т, 2008. – 256 с.
28. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
29. Право как ценность: Матер. дискуссии / Отв. ред. Л.О. Иванов. – М.: Гардарики, 2002. – 75 с.
30. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11.
31. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
32. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
33. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3.
34. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания

- // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.
35. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политическо-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2005.
36. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
37. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 151-166.
38. Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 169-179.
39. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: теория и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
40. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4.
41. Сборник нормативных актов по конституционному праву Российской Федерации (т.V). – Екатеринбург. 1999.
42. Свод законов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 томах. Т.82. – СПб., 1890-1907.
43. Современные конституции. – С.-Петербург. 1905.
44. Стучка П.Я. Учение о государстве и Конституции РСФСР. – М., 1922.

ТОЧИЕВ Иса Бесланович,
руководитель Управления Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации по Республике Ингушетия,
кандидат социологических наук
E-mail: evloev1@yandex.ru

Специальность 22.00.08 – Социология управления

МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматривается специфика функционирования муниципального управления в современной России. Автор увязывает ее с нынешней политической организацией нашего общества и подчеркивает связь системы муниципального управления с ростом демократических тенденций, постепенной де бюрократизацией и включением граждан в процесс управленческой деятельности. Учёный приходит к выводу о том, что повышение эффективности муниципального управления является основной задачей в развитии нашего государства.*

Исследователь прослеживает становление системы муниципального управления в России с момента ее зарождения до наших дней. Анализирует принятые законодательные акты, научную литературу, позиции различных учений и делает собственные выводы.

***Ключевые слова:** муниципальное управление; политическая модернизация; российское общество; реформирование органов власти; демократизация общества; демократические тенденции; крах командно-административной системы; глобальная перестройка; власть и общество; трансформация политической системы; законодательство; этапы реформирования органов власти; права и полномочия органов местного самоуправления.*

TOCHIEV I.B.

MUNICIPAL ADMINISTRATION IN MODERN RUSSIA: SPECIFICITY OF FUNCTIONING

***The summary.** The article deals with the specificity of municipal administration functioning in modern Russia. The author relates it to the current political organization of our society and emphasizes the relationship of the municipal government with the growth of democratic tendencies, gradual debureaucratization and involvement of citizens in the management activity process. The scholar comes to the conclusion that improving the efficiency of the municipal government is a major task in development of our state.*

The researcher traces the development of the municipal administration system in Russia from its origin up to now. He analyzes adopted legislative acts, scientific literature, viewpoints of various doctrines and makes his own conclusions.

***Key words:** municipal administration; political modernization; Russian society; reforming of government authorities; democratization of society; democratic tendencies; collapse of command-administrative system; global reconstruction; governmental authorities and the public; transformation of political system; legislation; stages of reforming of government authorities; rights and powers of local self-government authorities.*

Политическая модернизация российского общества подразумевает и дальнейшую реализацию мероприятий по реформированию органов власти и управления, включая и систему муниципального управления, с целью повышения эффективности ее функционирования с одной стороны, и демократизации с другой стороны [6; 7; 8; 9; 29; 36; 45; 52; 54; 55; 56; 70; 93; 110; 111; 135; 144; 151; 152; 153]. Задачи по реформированию системы муниципального управления предполагают целый комплекс мер в направлении повышения участия рядовых граждан в процессе принятия и реализации управленческих решений на местном уровне, контроля за их реализацией.

Рассматривая различные аспекты реформирования системы муниципального управления в современной России, в первую очередь необходимо обратить внимание на особенности функционирования данной системы на современном этапе, выявить основные недостатки и слабые стороны муниципального управления в Российской Федерации, что позволит нам наметить основные контуры возможных путей дальнейшего реформирования муниципального управления. Поскольку реформы осуществляются, в первую очередь, в целях демократизации политической и управленческой системы российского общества, необходимо особое внимание сконцентрировать на изучении проблемы реального участия граждан в управленческом процессе на местном уровне, выявив насколько реальным влиянием на принятие решений они обладают и какие меры следует предпринять в данном направлении федеральной власти, которая призвана быть инициатором и регулятором проведения соответствующих изменений в законодательстве о муниципальном управлении. В настоящей статье освещается специфика функционирования органов муниципального управления в современной России.

Рассматривая специфику функционирования системы муниципального управления в Российской Федерации, следует отметить, что в современном виде она существует около двух десятилетий, то есть имеет крайне непродолжительную историю, чем и объясняется необходимость ее дальнейшего совершенствования, оттачивания многочисленных механизмов, повышающих эффективность ее деятельности и направляющих ее в сторону роста демократических тенденций, постепенной де бюрократизации и

включения граждан в процессы управленческой деятельности [5; 10; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 44; 46; 48; 49; 50; 51; 57; 58; 60; 53; 64; 66; 67; 73; 74; 75; 78; 79; 80; 81; 82; 83; 84; 85; 87; 88; 89; 90; 91; 94; 95; 96; 97; 98; 99; 100; 102; 103; 104; 105; 108; 109; 112; 116; 117; 118; 119; 120; 121; 122; 123; 125; 126; 133; 134; 135; 138; 139; 140; 141; 142; 143; 145; 146; 148; 149; 154; 155; 156; 157; 158; 159; 160; 161; 162; 163].

Отметим, что в перестроечный период термин «муниципальное управление» отсутствовал в политической лексике, вместо него чаще всего употреблялись такие термины как «самоуправление трудовых коллективов», «местное народовластие», «самоуправление регионов», «общественное самоуправление». Подчеркивалось, что основной акцент должен делаться на самоуправление трудящихся граждан по производственному и территориальному признакам. Кроме того, данные термины применялись исключительно по отношению к выборным органам власти и управления, то есть местное администрирование в данном контексте не рассматривалось, равным образом как и проблемы финансового обеспечения деятельности органов местного самоуправления [43, стр. 18]. Данная ситуация определялась спецификой тогдашнего политического устройства советского государства, в котором КПСС обладала монополией на политическую власть, ее структуры пронизывали все общество, вплоть до низового (местного) уровня.

Результатом краха командно-административной бюрократической системы в процессе распада Советского Союза и крушения социалистической государственности стало возрастание влияния органов местного самоуправления на уровень жизни и удовлетворение насущных потребностей населения. В ведение муниципалитетов перешел ряд жизненно важных объектов: жилищно-коммунальное хозяйство, социальные учреждения и пр. Полномочия органов местного самоуправления по решению различных вопросов значительно расширились. К тому же, большая часть обязанностей по социальному обеспечению населения была передана из федерального ведения под контроль муниципалитетов.

Глобальная перестройка системы местного самоуправления, начавшаяся в РФ в 1990-х гг. внесла существенные перемены в схему

ее функционирования. Прежде всего, изменилась сама системная модель, ее содержание и, как следствие, роль и конечные цели. Столь масштабная реформа была обусловлена рядом объективных предпосылок.

Развитие рыночных отношений предопределило реструктуризацию устоявшихся системных коммуникаций между властью и обществом. Но эффективность инициатив «менеджеров от власти», легитимность деятельности органов власти в целом невозможно оценивать, опираясь лишь на успешность организационной схемы самого органа власти. Следует принимать во внимание целый ряд экономико-общественных показателей.

О необходимости процесса реструктуризации и модернизации местного самоуправления неоднократно говорил Президент РФ, так как реформа данной сферы в настоящее время является одним из наиболее значимых компонентов социально-экономического развития государства. В ходе реструктуризации важно определить системообразующие принципы будущей организационно-экономической модели местного самоуправления, такие, как снижение государственного участия и формирование гражданского общества [61; 62; 124].

Актуальность поднятой проблемы подчеркивает и то обстоятельство, что повышение эффективности муниципального управления является основной задачей в развитии любого государства. Именно органы муниципального самоуправления могут непосредственно регулировать те общественные процессы, которые происходят в стране. Государственная власть и местное управление должны выстраивать свою деятельность в соответствии с насущными потребностями и интересами общества. Безусловно, что характер государственной деятельности и ее эффективность во многом зависят от кадровой составляющей, т.е. от профессиональной компетентности государственных или муниципальных служащих. Иными словами, оптимальная организация государственного (муниципального) управления наряду с его эффективной реализацией невозможны без повышения квалификации и изучения основополагающих теоретических основ чиновниками.

Поскольку условия деятельности государственного управления базируются в первую очередь на демократических принципах, сегодня

особенно остро стоит задача определения наиболее успешных для России форм самоорганизации и самоуправления населения на местах. Это выбор, от которого зависит, ни много, ни мало, будущее нашей страны, ведь именно местное самоуправление, основанное на гражданской инициативе в части решения наиболее значимых для конкретной территории проблем, обладает тем потенциалом, за счет которого удастся не только ликвидировать множество кризисных явлений в жизни российского общества, но и придать ему дополнительные стимулы для дальнейшего развития.

Практика недавнего прошлого выявила относительную эффективность местных властей в решении совокупности возложенных на нее сложнейших проблем, вопреки затянувшемуся социально-экономическому кризису и нестабильности в стране. Конечно, есть немало отрицательных примеров, но в целом удалось предотвратить развал системы жизнеобеспечения и неминуемо последовавший за ним социальный взрыв.

Трансформация политической системы в стране вызвала необходимость реформирования всей системы управления на местах, для чего был предпринят ряд мер по упорядочению организации местного управления в Российской Федерации. Начиная с 1990-х гг. и вплоть до настоящего времени продолжается поэтапное реформирование системы муниципального управления, совершенствуются его механизмы и практики.

Что же представляет собой в настоящее время муниципальное управление в Российской Федерации? После реформы 24 мая 1991 г. исполнительные комитеты местных советов народных депутатов были заменены местными администрациями, которые, впрочем, сохраняли подотчетность местным советам, хотя уже не являлись формально подчинены им. 6 июля 1991 г. был принят Закон РСФСР «О местном самоуправлении» [4], в соответствии с которым произошло включение местной администрации в общую систему местного самоуправления на правах органа управления, осуществляющего функции исполнительной власти на местах.

28 августа 1995 г. был принят ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], однако работа над дальнейшим совершенствованием

муниципального управления продолжалась и в последующие годы: принимались соответствующие законодательные акты, направленные на правовое обеспечение отдельных сфер деятельности органов местного самоуправления.

В соответствии с российским законодательством, местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и других территориях. В сельской местности органы местного самоуправления могут быть представлены сразу тремя видами – органы местного самоуправления села, сельского округа, района. Законом дается следующее определение муниципального образования – «это городское, сельское поселение, несколько поселений, объединенных общих территорий, часть поселения, иная населенная территория, предусмотренная данным законом, в пределах которой осуществляется местное самоуправление, имеются муниципальная собственность, местный бюджет и выборные органы местного самоуправления» [2].

Необходимо отметить, что законодательство Российской Федерации предусматривает возможность организации системы муниципального управления в соответствии с традициями [11; 12; 13; 47; 53; 59; 68; 71; 72; 86; 106; 107115; 127; 128; 129; 130; 131; 132; 147], региональными особенностями, экономическими и социальными характеристиками каждого конкретного региона, что создает удобную почву для всевозможных манипуляций региональных политических элит, стремящихся организовать наиболее выгодную для себя систему муниципального управления на местах, которая бы легко встроилась в созданную ими административную вертикаль, не препятствуя региональным интересам. Это приводит к тому, что, как отмечает политолог В.Г. Игнатов, в большинстве субъектов федерации территориальная организация системы местного самоуправления отнюдь не соответствует его реальным целям и задачам, что препятствует эффективной работе органов муниципального управления [65, стр. 230].

В 2000-е гг. в Российской Федерации начался новый этап реформирования органов власти и управления, в том числе и на муниципальном уровне. Если властная вертикаль «федеральный центр – регионы» была выстроена новым руководством страны в линейной и достаточно авторитарной модели, то муниципалитетам в современной России отводится гораздо большее

место, нежели прежде, что обусловлено осознанием властью необходимости расширения прав и полномочий органов местного самоуправления в контексте развития гражданского общества и демократической политической системы.

В 2003 г. был принят Федеральный закон № 131-ФЗ, в котором были определены основные положения относительно организации системы местного самоуправления в Российской Федерации [3]. Концепция местного самоуправления, изложенная в настоящем законе, стала результатом многолетнего поиска наиболее оптимальной модели организации местного самоуправления в Российской Федерации, хотя, безусловно, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем дополнении и совершенствовании.

Результатом принятия настоящего закона стали следующие позитивные моменты в направлении оптимизации деятельности системы муниципального управления в Российской Федерации [114]:

- 1) Единство законодательной базы, обеспечивающей правовое регулирование организации и функционирования системы местного самоуправления в России;
- 2) Переход к двухуровневой модели организации муниципального управления по схеме «поселение – муниципальный район» (за исключением крупных городов), тогда как прежде поселения отсутствовали в системе организации муниципального управления в большинстве субъектов Федерации (лишь в 31 субъекте был предусмотрен данный уровень);
- 3) Формирование направлений деятельности органов местного самоуправления с указанием соответствующих источников их финансово-экономического обеспечения.

Таким образом, в указанном федеральном законе содержались следующие концептуальные нововведения. Во-первых, был окончательно признан и закреплен на законодательном уровне принцип автономии муниципальных образований, что создало возможности для расширения полномочий муниципального управления и определения конкретного круга вопросов, входящих в компетенцию местного самоуправления.

Во-вторых, компетенция муниципальных образований в различных сферах деятельности была унифицирована и также получила законодательное оформление, при этом ее содержание

определяет государство, а не сами муниципальные образования. Наконец, в законе предусматривается принцип автономии муниципальных образований в сфере налогообложения, что в первую очередь имеет значение для уравнения формирования бюджетов муниципальных образований. Предусматривается государственный контроль и надзор за осуществлением муниципальными органами управления своих полномочий со стороны соответствующих государственных контролирующих органов, при этом подразумевается и контроль за эффективностью деятельности органов муниципального управления на территориальном уровне. Фактически, государство оставляет за собой важнейшую деятельность по организации самой системы местного самоуправления и регулированию ее функциональных полномочий.

То есть, благодаря принятию закона была сформулирована единая правовая база для дальнейшего функционирования на территории Российской Федерации органов муниципального управления и повышения эффективности данного функционирования за счет совершенствования форм и методов деятельности органов муниципального управления, расширения их полномочий, в первую очередь в финансово-экономической сфере муниципальных образований.

Однако далеко не во всех случаях положения закона могут быть безболезненно осуществимы на практике, поскольку модернизация системы муниципального управления встречает на своем пути многочисленные препятствия. Одной из существенных проблем, как отмечает И.Ф. Фасеев, «является сильный перекоп полномочий в пользу исполнительной власти, в ущерб представительной демократии. Политическая власть на местном уровне монополизирована, в результате возникает тотальная зависимость от нее хозяйствующих субъектов и сопровождающая этот процесс повальная коррупция» [150].

Принятие нового федерального закона «О общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» происходило в несколько этапов, закон полноценно вступил в силу не сразу, не одновременно во всех регионах РФ. Принято считать, что данный акт стал всего лишь видоизменением существовавшего уже закона 1995 г. Однако, это не совсем верно: сложившаяся нормативно-правовая

система была коренным образом изменена, для местного самоуправления были провозглашены совершенно новые, прогрессивные методы. Этот закон лег в основу становления новой системы функционирования органов местного самоуправления, повлиял на уже существующие структуры муниципальной власти, причем реализация его основных положений на практике является сложной.

Специалисты, а также те, кто принимает непосредственное участие в осуществлении местного самоуправления, обычно объясняют сложности, с которыми приходится сталкиваться в процессе внедрения преобразований в жизнь, с несогласованностью различных уровней муниципальных органов управления по вопросам распоряжения и управления различного вида собственностью.

Согласно седьмой части статьи 85 Федерального закона, Правительство России обязывалось до 01.01.2005 г. определить основные принципы разделения собственности между государством, регионами и муниципалитетами, а материальную базу, находящуюся в ведении муниципальных образований, распределить между разными уровнями местного самоуправления. Правительство РФ наметило проведение целого ряда мероприятий, имеющих целью претворение в жизнь основных положений принятого Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Намеченные действия должны были благотворно повлиять на распределение собственности между различными властными структурами, однако окончательного законодательного утверждения этих начинаний так и не последовало. Законопроект был создан, но вызвал яростные споры политиков и специалистов, многие из которых сошлись во мнении, что правительство РФ не может заниматься вопросами, находящимися в компетенции законодательной власти: разграничением муниципальной и государственной собственности и созданием соответствующей нормативно-правовой базы.

В федеральном законе отражены некоторые положения, обосновывающие правовой аспект распределения государственной и муниципальной собственности. Однако для практического применения этих норм явно мало, вот почему в данный нормативный акт вносились многочисленные поправки и изменения. Так, например, регионам было предоставлено

право самостоятельно распределять имущество на установленной территории. Помимо этого, Министерством регионального развития РФ был предложен пилотный законопроект «О разграничении объектов муниципальной собственности между поселениями и муниципальным районом». В результате данного нормативного акта положение дел должно кардинальным образом измениться.

Необходимо отметить, что в ходе распределения имущества между регионами и муниципалитетами может возникнуть ряд трудностей, обусловленных, прежде всего, тем, что определить значимость каких-либо материальных субъектов для решения местных проблем совсем не просто. В качестве примера можно привести такой важный аспект деятельности муниципалитетов, как поддержка и развитие сельского хозяйства, а также укрепление малого бизнеса. Другая, не менее важная область, – решение проблем и создание перспектив для детей и молодежи [28; 42; 69; 76; 77; 113].

Существует еще одна значимая проблема, имеющая отношение к вопросам разграничения собственности. Это обязательная регистрация в компетентных государственных органах частных прав на недвижимость. Дело в том, что оформление документации, обязательной для регистрации, – процесс весьма дорогостоящий. Ресурсов муниципалитета здесь явно не достаточно, требуется финансовое подкрепление со стороны государства. Важным шагом в решении данной проблемы стала поправка в статью 333.5 Налогового кодекса России, которая отменила необходимость уплаты государственной пошлины за регистрацию недвижимости, принадлежащей государству и муниципалитетам [1].

Кроме того, в большинстве регионов пока не сформирована до конца система до конца земельных кадастров, в том числе подробное описание всех участков земли, их территорий, принадлежности к муниципальным образованиям, а также материальной ценности. Отсутствие соответствующей документальной базы затрудняет принятие муниципальных бюджетов, немалую долю в статье доходов, которых составляют поступления от в счет уплаты земельных налогов. Проблемы управления в сфере использования и охраны земель продолжают оставаться актуальными [30; 31].

Все же нельзя не сказать и о том, что при

решении социальных проблем были использованы все возможности муниципального управления. Существует ряд обстоятельств, препятствующих эффективному взаимодействию местной власти с обществом. Вот основные из них:

1. Отсутствие у органов местного самоуправления самостоятельности, их зависимость от федеральной власти;
2. Владея значительными ресурсами, властные структуры муниципальных образований, тем не менее, не могут эффективно ими распоряжаться, потому что не имеют соответствующих полномочий;
3. Являясь формально органами местного самоуправления, сформированными прямым волеизъявлением граждан, на практике муниципалитеты мало зависят от непосредственного социального окружения, зато на них оказывают значительное влияние руководящие региональные структуры.

Н. Миронова, характеризуя стоящие перед местным самоуправлением в Российской Федерации проблемы, в качестве первостепенных выделяет следующие [92]:

- 1) отсутствие реальной финансовой обеспеченности сферы муниципального управления в большинстве территориальных образований;
- 2) возложение на местные органы реализации решений, принимаемых государственными органами федерального и регионального уровней.

Данные проблемы выступают в качестве ключевых причин необходимости проведения реформационных изменений в деятельности органов муниципального управления, обуславливая потребность в формулировании и реализации мероприятий, направленных на оптимизацию функционирования и повышение эффективности органов управления в муниципальных образованиях. Ведь наличие перечисленных выше факторов, как мы можем предположить, снижает общую эффективность функционирования муниципалитетов, замедляя, в том числе, решение острых и наболевших проблем: жилищного вопроса, реформирования ЖКХ и социальной сферы, оказание поддержки предпринимательству и т.д. К тому же, дальнейшее попустительство приведет к развитию и укреплению

пассивного отношения к негативным проявлениям окружающей действительности и паразитизма, который выражается в нежелании местных властей, уповающих на решения «центра», действовать более активно.

Кроме того, в нормативных актах существует правовая загвоздка. Дело в том, что в законах, регулирующих деятельность муниципалитетов, упоминаются «муниципальные образования», но нигде не говорится о «сообществе», т.е. людях, населяющих данную территорию. Таким образом, упор делается на территориальной организации социального пространства, проблемы граждан отходят как бы на второй план. Несмотря на закрепившиеся демократические процедуры, власть относится к населению на вверенной территории, как к обезличенной массе, а не личностям, нуждающимся в удовлетворении соответствующих нужд и потребностей.

Главной задачей реформирования административной системы в Российской Федерации, как известно, является совершенствование структур центральной исполнительной власти и местного самоуправления за счет оптимизации имеющихся в наличии ресурсов, а также качественного изменения способов функционирования этих органов, стремления к достижению конкретных практических результатов, продуманной и взвешенной внутренней политики государства. Отсюда следует, что успех проведения административной реформы находится в прямой зависимости от эффективности управленцев.

В Программе административной реформы, рассчитанной на пять лет (2005-2010 г.г.) было провозглашено десять целей заданного курса. Из них можно выделить первостепенные, наиболее необходимые для дальнейшего развития систем федерального и местного управления и, как следствие, продвижения на пути к гражданскому сообществу. Во-первых, это улучшение качества работы органов федерального управления и муниципалитетов, а также доступность услуг этих учреждений для простых граждан; во-вторых, формирование лояльного отношения общества к государству за счет укрепления доверия; в-третьих, сосредоточение органов государственного управления на нуждах общества в целом; в-четвертых, повышение эффективности функционирования управленческих структур посредством закрепления образцов и стандартов; в-пятых, внесение изменений в

нормативно-правовую базу; в-шестых, предоставление возможности обжаловать решения власти в досудебном порядке, совершенствование институтов административной юстиции; в-шестых, открытость и прозрачность деятельности государственных органов управления и их подконтрольности институтам гражданского общества.

Наиболее ожидаемыми результатами от внедрения данной программы в жизнь являются следующие: повышение жизненного уровня простых граждан благодаря более высокой эффективности функционирования органов управления; достижение общественного консенсуса с помощью активного вовлечения населения и неполитических общественных объединений в политический процесс, опора на гражданское сообщество в процессе принятия решений по общественно важным вопросам. Иными словами, на эффективность управления влияют те способы, посредством которых органы власти взаимодействуют с остальным обществом.

Наиболее важными показателями эффективности данной Программы являются следующие: общее число граждан, довольных тем, как осуществляется государственное управление функционированием рынка, по сравнению с данными 2005 года; соотношение всей деятельности государственных органов управления и конкретных услуг, доступных для населения и высоких по качественному содержанию; материальные затраты, на которые вынуждено идти любое юридическое лицо, чтобы войти на российский рынок и оставаться на плаву. Тем не менее, из названных показателей лишь первый является проявлением эффективности. Два других характеризуют, соответственно, качество осуществления федерального управления и его экономическую обусловленность.

Несомненно, что для совершенствования системы государственного и местного управления необходимо, в первую очередь внесение качественных изменений в нормативную базу. Следует сразу пояснить, что государственными услугами принято называть услуги, которые органы управления могут предоставить населению и различным общественным объединениям в пределах своей компетенции [101].

Помимо Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», основные положения по вопросам местного самоуправления

отражены и в других законодательных актах федерального значения. Большая часть всех полномочий и возможностей, документально предоставленных муниципальному управлению, требует разработки и закрепления практической методологии их реализации. Вот основные полномочия, переданные органам местного самоуправления:

1. Определение органами местного управления, сформированными в ходе прямых выборов, путей развития и необходимых реформ для жилищно-коммунального хозяйства населенных пунктов; оценка качества и доступности предоставляемых населению благ, а также товаров и услуг;
2. Обеспечение своевременной защиты населения муниципального образования от последствий чрезвычайных ситуаций, а также правильное информирование и обучение населения методике действий и способам поведения в подобных случаях;
3. Создание обязательных правил городской и сельской застройки, а также правил пользования земельными ресурсами и образцов строительства;
4. Создание сходной системы норм пользования территориями иных муниципальных образований, проведение комплексных мероприятий по охране и рациональному использованию земель, осуществление постоянного контроля соблюдения этих норм;
5. Создание и укрепление комплексной системы гражданской обороны населения, постоянное ведение грамотной подготовки граждан к самостоятельным действиям в случае возникновения локальных военных конфликтов;
6. Постоянное поддержание боеготовности и профессиональных навыков служб экстренного реагирования;
7. Проведение тренировочных мероприятий по мобилизации населения, создание планов мобилизации.

Этим полномочия муниципальных органов управления не ограничиваются, существует ряд других направлений деятельности.

Повышение эффективности деятельности органов муниципального управления и реализация указанных в законе пунктов зависит, на наш взгляд, в том числе и от уровня сотрудничества

органов муниципального управления с региональной исполнительной и законодательной властью, без чего в настоящее время вряд ли возможно говорить о действительно эффективной модели местного управления. В первую очередь, данное сотрудничество должно осуществляться в направлении реализации основных положений закона, указанных выше, возлагающих на органы муниципального управления вполне конкретный перечень задач. Несомненно, что для грамотной и эффективной реализации выше обозначенных полномочий необходимо тесное взаимодействие органов местного самоуправления с региональной властью. Последняя должна обеспечивать своевременную организацию различного рода собраний, семинаров и т.д. с участием представителей муниципалитетов, разработку конкретных практических рекомендаций, профессиональную помощь и предоставление ознакомительной информации по разного рода вопросам. При этом очевиден тот факт, что в настоящее время такой помощью должны заниматься, в первую очередь не сами властные структуры, а находящиеся в тесном сотрудничестве с ними образовательные и научные учреждения, занимающиеся исследованиями данных явлений и потому компетентные в этой сфере.

Существует также еще один аспект решения проблем муниципальных образований. В ряде регионов в данный момент действуют законы, которые обуславливают постепенное решение назревших вопросов. Это, прежде всего, развитие услуг связи и сферы коммуникации, контроль сферы общественного питания, коммерции и бытовых услуг, развитие рекреационной сферы и обеспечение отдыха граждан, благоустройство мест отдыха (парков, скверов, развлекательных центров и т.д.), поддержка учреждений культуры, патронаж и социальная опека наиболее малозащищенных слоев населения, своевременная уборка территорий и утилизация бытовых отходов, охрана экосистемы и озеленение находящихся в ведении муниципального образования территорий; контроль системы ритуальных услуг и содержание в порядке городских кладбищ.

Часть упомянутых задач полностью или частично решаются посредством деятельности органов местного самоуправления. Другие нуждаются в дополнительных финансовых вливаниях. Это и соблюдение пожарной безопасности на территории муниципальных образований, и

улучшение освещенности улиц, и обеспечение населенных пунктов указателями, обозначающими улицы и номера домов, организация и поддержание на должном уровне различных территориальных образований, имеющих оздоровительное значение, а также местных курортных зон.

Успешное развитие отдельно взятой муниципальной территории во многом зависит от знания ее отличительных особенностей, способности муниципальных служащих применять в процессе становления рыночных отношений инновационный подход, степени активности местного населения, его готовности к переменам в конкретном муниципальном образовании. Огромное значение в реализации интересов власти и населения имеет динамичное развитие структур гражданского общества, в частности, территориального общественного самоуправления.

Занимая промежуточную нишу между формами непосредственной и представительной демократии на местном уровне, территориальное общественное самоуправление представляет собой самостоятельную организацию граждан по месту их проживания на определенной части территории муниципального образования. Такая форма объединения общественности предусматривает самостоятельное (под свою ответственность) представительство собственных интересов и их осуществление во всем, что касается вопросов местного значения.

Участие жителей территорий в местном самоуправлении и общественном самоуправлении способствует формированию и развитию основ гражданского общества во всей стране.

Согласно российскому законодательству, органы территориального общественного самоуправления имеют право собственности на имущество, приобретенное или созданное ими за счет собственных средств, либо переданное им частными и юридическими лицами, государством и органами местного самоуправления, полученное иными способами, не вступающими в противоречие с законом.

В рамках деятельности органов территориального общественного самоуправления граждане могут проводить собрания (сходы) и конференции по месту жительства, выбирать лиц, представляющих их интересы (имеются ввиду председатели ТОС, старшие по домам и по подъездам,

старосты улиц и микрорайонов). В перспективе территориальное общественное самоуправление вполне может стать самостоятельной формой управления муниципальным образованием, заменив представительные органы (местных советов депутатов). В этом случае представительный орган будет формироваться не посредством проведения выборов, когда принимается во внимание мнение только тех, кто участвовал в голосовании, а путем передачи полномочий руководителям ТОСов либо кандидатам, избранным на собраниях ТОСов.

Несомненным преимуществом ТОСов является прозрачность их деятельности, а также направленность этой деятельности исключительно на повышение условий жизни населения конкретной территории. Формирование системы ТОС привлекает к участию в решении вопросов местного самоуправления гораздо больше жителей. Мы полагаем, что создание Совета ТОС (как представительного органа) на основе решений, принятых на общих собраниях, гораздо продуктивнее, чем действующая в настоящее время система проведения выборов через избирательные участки [137].

В отличие от традиционного представительного органа, ТОС имеет право и возможность решать вопросы местного значения не только при поддержке местного бюджета, которая, как правило, не является значительной, но и с использованием привлеченных средств – например, заработанных в результате осуществления собственной деятельности, и др. Мы считаем, что это является неоспоримым преимуществом ТОС, особенно в масштабе сельских поселений, где население традиционно проявляет большую активность в вопросах улучшения условий проживания.

Конечно, развитие ТОС зависит не только от инициативности граждан, но и от деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Сотрудничество органов государственной власти с органами территориального общественного самоуправления, как элемента местного самоуправления, непосредственно влияет на эффективность выполнения задач региональной политики, особенно в части устранения экономических, политических и социальных проблем, актуальных для развития территорий, муниципальных образований и субъекта в целом. Кроме того, подобное

взаимодействие гарантирует достижение положительных результатов в процессе реализации муниципальной политики. Эффективно решая вопросы местного значения, органы государственной власти субъектов РФ совместно с органами территориального общественного самоуправления способствуют достижению благополучия не только на уровне регионов, но и на уровне всего государства, укрепляя основы народовластия, повышая жизненный уровень населения, обеспечивая его социальную защиту, и т.д.

Таким образом, мы можем сделать выводы, что в современной России органы муниципального управления, в соответствии с происшедшими изменениями в федеральном законодательстве, к настоящему времени наделены достаточно широким спектром полномочий, позволяющим решать определенные задачи в области местного управления, соблюдая и защищая интересы граждан, проживающих на территории муниципальных образований и выступая в качестве

посредника между государством и обществом.

Деятельность органов муниципального управления направлена на общее повышение уровня жизни населения, в том числе на улучшение его обеспеченности социальными и культурными благами, развитие жилищного строительства и коммунальной инфраструктуры, защиту от чрезвычайных ситуаций и бедствий и их возможных последствий, привлечение широких слоев населения к участию в управленческих процессах, включая вовлечение в деятельность органов общественного самоуправления. Все данные моменты обеспечиваются за счет соответствующих пунктов, внесенных в федеральное законодательство, прежде всего в Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», принятие которого стало ключевым шагом на пути к дальнейшей модернизации самого института муниципального управления в современной России.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. – М., 2013.
2. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 35. – Ст. 3506.
3. Федеральный закон № 131-ФЗ от 6.10.2003. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003 – № 40. – Ст. 3822.
4. Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 29. – Ст. 1010.
5. Амирбеков К.И. Юридическая защита местного самоуправления и ответственность его органов и должностных лиц: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 184 с.
6. Артамонова Г.К., Анохин П.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Реуф В.М. «Сильное государство»: общая характеристика политико-правовой концепции // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 27-34.
7. Артамонова Г.К., Анохин П.В., Реуф В.М. Государственный интерес: теория и практика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 40-42.
8. Артамонова Г.К., Бабаджанов И.Х., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Социальное назначение права и правовая жизнь человека и общества // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 122-127.
9. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Оль Е.М., Реуф В.М., Яковлев О.Н. Эффективность государственной политики и правовое регулирование // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 50-55.
10. Бабичев И.В. Проект изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Местное право. – 2001. – № 9. – С. 12-15.
11. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).
12. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184с.
13. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. – СПб.: Лань, 2000.
14. Белкин А.А., Бурмистров А.С. Институт местного самоуправления в документах Конституционного Суда Российской Федерации (1996-1998) // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 199-207.

15. Белоусова Е.В. Возникновение и развитие публичной власти на местах: историческо-теоретический аспект // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 38. – С. 131-135.
16. Белоусова Е.В. К вопросу о формировании представительного органа муниципального района // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 6. – С. 5-10.
17. Белоусова Е.В. Муниципальная власть как разновидность публичной власти // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 3. – С. 52-56.
18. Белоусова Е.В. Муниципальное образование как разновидность публично-правового образования // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 7. – С. 5-14.
19. Белоусова Е.В. Муниципальное право Российской Федерации: Курс лекций. – М., 2008.
20. Белоусова Е.В. О соотношении категорий «компетенция», «полномочия» и «предметы ведения» в системе местного самоуправления // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 2. – С. 124-131.
21. Белоусова Е.В. Правовой статус представительных органов местного самоуправления как органов публичной власти в России: Монография. – М.: Московский гуманитарный ун-т, 2011.
22. Белоусова Е.В. Представительные органы местного самоуправления: механизм формирования и деятельности. – М.: Московский гуманитарный ун-т, 2010.
23. Белоусова Е.В. Представительные органы самоуправления как органы публичной власти // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 4. – С. 9-13.
24. Белоусова Е.В. Представительный орган местного самоуправления в системе публичной власти муниципального образования в России: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2011.
25. Берг О. Развитие взаимодействия государственной власти и местного самоуправления в России // Городское управление. – 2002. – № 11. – С. 20-27.
26. Берг О.В. Некоторые вопросы концепции проекта Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Государственная власть и местное самоуправление. – 2003. – № 2. – С. 16-20.
27. Берг О.В. Правовые основы осуществления муниципальными образованиями государственных полномочий субъекта Российской Федерации // Муниципальное право. – 1999. – № 4. – С. 9-14.
28. Богатырева А.С., Копылова Н.Н. Малое предпринимательство как фактор влияния устойчивого развития региона // Роль образования в формировании политической и правовой культуры: Сб. науч. трудов участников междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 23-24 октября 2013 г. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т управления и экономики, 2013. – С. 45-51.
29. Бородин В.В., Быкова Е.А. Некоторые особенности корпоративного и инкорпоративного типов экономики // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 92-97.
30. Будников Н.А. Государственное управление в сфере использования и охраны земель в Российской Федерации: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2000. – 634 с.
31. Будников Н.А. Организационно-правовые проблемы использования и охраны земель в Российской Федерации: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 370 с.
32. Булатов Р.Б. К вопросу о взаимосвязи и проблемах правового регулирования муниципальной и государственных служб // Мир юридической науки. – 2012. – № 5. – С. 33-36.
33. Булатов Р.Б. Концептуальные аспекты муниципальной власти в России // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 8. – С. 30-32.
34. Булатов Р.Б. Муниципальная власть и проблемы ее реализации в Российской Федерации (конституционно-правовой анализ): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
35. Булатов Р.Б. Муниципальная власть: основные черты и особенности // Мир юридической науки. – 2013. – № 1-2. – С. 30-35.
36. Булатов Р.Б. Муниципальная демократия и механизм ее осуществления: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 187 с.
37. Булатов Р.Б. Об основных тенденциях формирования и развития муниципальной власти в России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2012. – № 4(56). – С. 31-36.
38. Булатов Р.Б. Правовая охрана муниципального строя: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 196 с.
39. Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2. – С. 118-122.
40. Ваганова Н.А. Институт отзыва выборных лиц местного самоуправления: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Пермь, 2004. – 24 с.
41. Васильев В.И. Административно-территориальное устройство региона и территориальное устройство местного самоуправления // Журнал российского права. – 2006. – №3. – С. 3-11.
42. Владимирский Д.Д. Роль малого предпринимательства Чувашской Республики в формировании стабильности

- развития общества // Роль образования в формировании политической и правовой культуры: Сб. науч. трудов участников междуна. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 23-24 октября 2013 г. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т управления и экономики, 2013. – С. 131-134.
43. Вобленко С.В. Как рождалась идея местного самоуправления в Российской Федерации и в чем причины нынешнего положения дел с местным самоуправлением // Местное самоуправление в современной России. – Владимир, 2007.
  44. Вяткин Д.Ф. Правовые проблемы определения статуса и компетенции муниципальных образований и органов местного самоуправления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 24 с.
  45. Гер О.Е. Экономические и политические реформы в Российской Федерации: практика проведения и итоги // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10. – С. 12-21.
  46. Горожанин В.А. Проблемы правового статуса органов местного самоуправления в Российской Федерации // Материалы 35 Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Управление. Государство и право. – Новосибирск, 1997. – С. 108-118.
  47. Графский В.Г. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсисянца. – М.: ИГП РАН, 1996.
  48. Григорьев В.В. Правовое регулирование городского хозяйства в Российской Федерации (конституционные и муниципальные аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 201 с.
  49. Давыдова Н.Ю. Конституционно-правовое принуждение в механизме обеспечения законности деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 196 с.
  50. Дитятковский М.Ю. Проблемы наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями: Дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2001. – 231 с.
  51. Долгополова М.С. Муниципально-правовая ответственность: проблемы правового регулирования и реализации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2005. – 214 с.
  52. Духно Н.А., Ивакин В.И. Понятие и виды юридической ответственности // Государство и право. – 2000. – № 6. – С. 12-17.
  53. Егоров С.А. Бедна ли Россия демократическими традициями // Государство и право. – 1997. – №6.
  54. Егоршин В.М. Экономика и государство (настоящее и будущее) // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10. – С. 77-99.
  55. Егоршин В.М. Экономика и государство (настоящее и будущее). Статья вторая // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 12. – С. 24-33.
  56. Егоршин В.М. Экономика и государство (настоящее и будущее). Статья третья // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10.
  57. Емельянов Н.А. Местное самоуправление в Российской Федерации: конституционно-правовой и институциональный анализ: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1998. – 373 с.
  58. Жихарев К.Л. и др. Российский муниципальный менеджмент: формирование институциональных условий устойчивого социального, политического и экономического развития муниципальных образований и регионов. – М.: Муниципальный мир, 2005.
  59. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научного методологического семинара. 28 – 30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
  60. Захаров И. Ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления // Муниципальная власть. – 2002. – № 3. – С. 49-53.
  61. Зоиров Д.М. Введение в государствоведение: методология исследования государственности: Учебное пособие. – Душанбе: Российско-Таджикский Славянский ун-т, 2013. – 79 с.
  62. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Современная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Серия: «Философия государства и права»).
  63. Иванов В.В. Вопросы теории государственного устройства // Журнал российского права. – 2002. – № 1.
  64. Иванов В.В. Новые подходы к теории территориального устройства и федеративная система России // Правоведение. – 2002. – №3. – С. 63-84.
  65. Игнатов В.Г. Государственное и муниципальное управление в России. – Ростов-на-Дону, 2009.
  66. Измайлова Е.В. Юридические механизмы института ответственности в системе местного самоуправления: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 165 с.
  67. Ильичев В.В., Реуф В.М., Зацева О.О. Народовластие: от правового принципа к государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 50-56.
  68. Индык А.Г. Нравственно-правовая культура как результат взаимодействия общества и государства // Личность, общество, государство: отношения, права и обязанности: Сб. ст. Юбилейной междуна. науч. практ. конф., 17-18 декабря 2009 г. В 2-х частях. Ч. 1 / Под общ. ред. Т.И. Козловой; Ин-т правоведения и предпринимательства,

- Межрегиональная общ. организация юристов и предпринимателей «Форум». – СПб.: ИПП, 2010. – С. 158-161.
69. Исмагилов Р.Ф. Кадры, интеллектуальная атмосфера, малый и средний бизнес: актуальные проблемы современной России // *Юридическая наука: история и современность*. – 2013. – № 9. – С. 74-81.
70. Казанцев А.К., Кисилев В.Н., Рубвальтер Д.А., Руденский О.В. NBIC-технологии: Инновационная цивилизация XXI века / Под ред. А.К. Казанцева, Д.А. Рубвальтера. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 384 с. – (Научная мысль).
71. Казин А.Л. Философия искусства в русской и европейской духовной традиции / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 432 с.
72. Канюков С.К. Генезис права собственности в контексте эволюции российской правовой традиции: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2002.
73. Князев С.Д. Конституционная ответственность в муниципальном праве: вопросы теории и практики // *Журнал российского права*. – 2005. – № 6. – С. 81-85.
74. Козлова Т.А. Укрепление вертикали власти и местное самоуправление // *Журнал российского права*. – 2001. – № 7. – С. 33-37.
75. Колкнева Т.Ф. Взаимоотношение государства и муниципальных образований: проблемы законодательного регулирования // *Конституционное и муниципальное право*. – 2004. – № 6. – С. 35-38.
76. Колпакиди Д.В., Колпакиди Н.Н. Концептуальные подходы к развитию образовательной инфраструктуры поддержки малого и среднего бизнеса // *Экономика и управление*. – 2013. – № 11. – С. 96-100.
77. Колпакиди Д.В., Колпакиди Н.Н. Развитие системы образовательной поддержки малого и среднего бизнеса как основа подготовки кадров для предпринимательских структур // *Роль образования в формировании политической и правовой культуры: Сб. науч. трудов участников междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 23-24 октября 2013 г.* – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т управления и экономики, 2013. – С. 225-234.
78. Кольцова Е.Г. Юридическая ответственность коллегиальных органов местного самоуправления (вопросы теории и практики): Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2006. – 193 с.
79. Кочеткова Н.В. Конституционно-правовая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед государством // *Конституционное и муниципальное право*. – 2004. – № 6. – С. 39-41.
80. Краснов М.А. Проблема ответственности в местном самоуправлении // *Местное самоуправление: Современный российский опыт законодательного регулирования: Учебное пособие / Под ред. К.Ф. Шеремета, И.И. Овчинникова*. – М.: Ин-т государства и права РАН, 1998. – С. 187-199.
81. Лазебная Н.В. Комментарий Конгресса муниципальных образований к Федеральному закону «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // *Местное право*. – 2000. – № 7. С. 31-36.
82. Лапин В.А., Любовный В.Я. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство России. – М.: Дело, 2005. – 240 с.
83. Макаров И.И. Наименование муниципального образования: подходы и практика // *Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления*. – 2010. – №3. – С. 12-26.
84. Макаров И.И. Реформирование территориальной организации местного самоуправления в Ленинградской области: проблемы, дискуссии, предварительные итоги // *Российская муниципальная практика*. – 2005. – № 2 (февраль). – С. 48-53.
85. Максимов А.Н. Территориальная организация местного самоуправления в России: проблемы совершенствования правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
86. Малевич Ю. Незападная (тихоокеанская) традиция прав человека // *Ежегодник. К пятилетию вступление России в Совет Европы*. – М., 2001.
87. Медведев С.М. Юридическая ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц в механизме охраны прав, свобод и законных интересов граждан (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2011.
88. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы человека (гражданина) и право: структурно-функциональный анализ // *Мир политики и социологии*. – 2012. – №11. – С. 72-80.
89. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы, законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
90. Мельников С.Б. др. Муниципальный менеджмент. корпоративная собственность муниципальных образований. – Владимир: Пасад, 1998.
91. Мельников С.Б. Формирование корпоративного управления муниципальными образованиями в России в условиях кризиса. – М.: Арина, 1996.
92. Миронова Н. Местное самоуправление и муниципальная реформа // http://www.riku.ru/conf/vrem_cul/mironova-25-05.html

93. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
94. Мокеев М.М. Конституционно-правовая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления: Дис... канд. юрид. наук. – Саратов, 2003. – 208 с.
95. Муниципальная реформа в Российской Федерации: правовое и экономическое исследование / Под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Эксмо, 2010. – 416 с.
96. Муниципальное право России: Учебник для вузов / Под ред. А.С. Прудникова, А.М. Никитина. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – 399 с.
97. Муниципальное право Российской Федерации: Учебник для вузов / Под ред. Н.С. Бондаря. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. – 559 с.
98. Муниципальное право: Учебник / Под ред. А.И. Коваленко. – М.: Новый юрист, 1997. – 432 с.
99. Муниципальное право: Учебник для вузов / Под ред. А.М. Никитина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. – 439 с.
100. Мялковский С.С. Юридическая ответственность и местное самоуправление в Российской Федерации: теоретические и правовые аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.
101. Нестеров А.В. Понятие государственной, общественной (социальной) и публичной услуги // Государственная власть и местное самоуправление. – 2005. – № 11. – С. 22-26.
102. Нудненко Л.А. Досрочный отзыв депутата, выборного должностного лица местного самоуправления – конституционный деликт // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. – М.: МГУ, 2001.
103. Нудненко Л.А. Непосредственная демократия и местное самоуправление в России. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2000. – 300 с.
104. Объединение муниципальных образований: опыт Финляндии и основы российского законодательства / Под общ. ред. В. Скоробогатова, И. Макарова; Пер. с финского Е. Богданова. – СПб.: Вести, 2011. – 128 с.
105. Овчинников И.И. Местное самоуправление в системе народовластия. – М.: Ин-т государства и права РАН, 1999. – 329 с.
106. Осипова О.А. Американская социология о традициях в странах Востока. – М., 1975.
107. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
108. Пылин В.В. Некоторые проблемы и пути их решения в сфере территориальной организации местного самоуправления в России // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2008. – № 2. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
109. Пылин В.В. Представительные органы местного самоуправления: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1996.
110. Ревенко Л.А. Полномочия федеральных органов и органов субъектов Федерации по законодательному регулированию организации местного самоуправления // Местное самоуправление: Современный российский опыт законодательного регулирования: Учебное пособие / Под ред. К.Ф. Шеремета, И.И. Овчинникова. – М.: Институт государства и права РАН, 1998. – С. 47-59.
111. Репетева О.Е. К вопросу о понятии юридической ответственности // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 1. – С. 147-151.
112. Роженцев С.В. Развитие института юридической ответственности органов местного самоуправления и их должностных лиц как формы охраны интересов субъектов малого и среднего предпринимательства (вопросы теории): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2011.
113. Роженцев С.В., Числов А.И. Интересы субъектов малого и среднего предпринимательства: механизм правовой охраны // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 82-93.
114. Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003-2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития. // <http://www.insor-russia.ru/ru/programs/doc/3928>
115. Сальников В.П. Опасность нравственно-правовых срывов в период общественной нестабильности // Лики морали. – СПб., 1996.
116. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации режима законности // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. Межвуз. науч.-теор. конф., г. Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 г. / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 121-124.
117. Сальников В.П. Правовая культура общества: понятие и структура // Вопросы теории государства и права. Вып. 7. – Саратов, 1986.
118. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства // Демократия и законность: проблемы развития и соотношения. – Самара, 1991.
119. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы, развитие, поиск // Вестник Санкт-Петербургского ун-та

- МВД России. – 1999. – № 1.
120. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. Вып. 2. – СПб., 1997. – С. 10-15.
  121. Сальников В.П., Бородин В.В., Рожкова Л.П. Морально-нравственная культура демократического общества // Демократия и законность: проблемы развития и соотношения. – Самара, 1991.
  122. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
  123. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В., Ильичев В.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2005. – № 3(27). – С. 7-13.
  124. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государство как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
  125. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.-464с.-(Серия: «Безопасность человека и общества»).
  126. Сальников В.П., Стремоухов А.В. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охрана прав человека // Вестник Санкт-Петербург ун-та МВД России. – 2000. – № 4(8). – С. 19-22.
  127. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
  128. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.
  129. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №11. – С. 151-166.
  130. Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – №11. – С. 169-179.
  131. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы / Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-193.
  132. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
  133. Сальников М.В., Кудрявцев Ю.А. Политический режим как элемент формы государства. – СПб.: Фонд «Университет», 2006.
  134. Сальников М.В., Оль П.А., Ромашов Р.А. Основы теории государства и права: Учебник / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
  135. Сахарнова В.Н. Проблемы определения территориального уровня местного самоуправления // Журнал российского права. – 2001. – №10. – С. 49-54.
  136. Селиванов А.И., Хабибулин А.Г., Шахрай С.М. Государство и экономика в современной России: Реальность и перспективы (политико-правовой анализ). – М., 2006.
  137. Серватинский В.В. Методология реформирования муниципального управления на основании использования институтов гражданского общества // <http://uecs.ru/uecs-36-122011/item/899-2011-12-24-05-23-38>
  138. Сергеев А.А. Проблемы конституционно-правовой ответственности в системе местного самоуправления // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. – М.: МГУ, 2001. – С. 359-365.
  139. Сивицкий В.А. Регулирование ответственности в сфере местного самоуправления // Конституционные и законодательные основы местного самоуправления в Российской Федерации. – М.: Юриспруденция, 2004. – С. 286-289.
  140. Соловьев С.Г. Муниципально-правовая ответственность местного представительного органа: содержание и актуальные проблемы // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 2. – С. 5-8.
  141. Соловьев С.Г. Проблемные вопросы о юридической ответственности глав муниципальных образований // Конституционное и муниципальное право. – 2003. – № 4. – С. 29-30.
  142. Соловьев С.Г. Эволюция механизма муниципально-правовой ответственности глав муниципальных образований // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 5. – С. 41-44.
  143. Споры по вопросам образования и управления муниципальных образований / Сост. Ю.В. Кириллов. – Обнинск: Институт муниципального управления, 2004. – 96 с.
  144. Степашин С.В. Модернизация – рывок России по плану Путина // Российская газета. – 2007. – 2 ноября.

145. Тимофеев К.Б. Конституционно-правовые основы ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед государством: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 24 с.
146. Тимофеев Н.С. К вопросу об ответственности населения как главного субъекта местного самоуправления // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. – М.: МГУ, 2001. – С. 444-452.
147. Трегубенко С.В. Религиозные основания правовой традиции России (историко- и теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005.
148. Уваров А.А. Об ответственности органов местного самоуправления // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. – М.: МГУ, 2001. – С. 366-373.
149. Фадеев В.И. Муниципальное право России: Учебник. – М.: Юрист, 1994. – 159 с.
150. Фасеев И.Ф. Проблемы развития местного самоуправления и территориальная организация местного самоуправления // Полития, – 2004. – № 1. // http://www.yabloko.ru/municipal/library/Problemy_razvitiya_mestnogo_samoupravleniya_territorialnaya_organizatsiya_mestnogo_samoupravleniya
151. Фирсов И.В. Методология государственного регулирования экономики России в условиях перехода на инновационный путь развития и экономическая безопасность государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 88-102.
152. Хабибулин А.Г. Политико-правовые проблемы государства в области социально-экономического развития России // Мир политики и социологии. . 2012. – № 11. – С. 7-17.
153. Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политико-правовое исследование. – М., 2008.
154. Хачатурян Б.Г. Дискуссионные вопросы российского местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. – 2003. – № 2. – С. 30-35.
155. Чеботарев Г.Н. Соотношение конституционно-правовой и муниципально-правовой ответственности в системе местного самоуправления // Российский юридический журнал. – 2002. – № 4. – С. 37-41.
156. Черногор Н.Н. Юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления (теоретико-правовые проблемы). – М.: Юриспруденция, 2006. – 234 с.
157. Черногор Н.Н. Юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления (вопросы теории): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 24 с.
158. Черногор. Н.Н. Проблемы ответственности в теории муниципального права и практике местного самоуправления: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2007. – 397 с.
159. Чиркин В.Е. Государственное и муниципальное управление: Учебник. – М.: Юрист, 2004. – 320 с.
160. Шайдулин Р.Т. Основания конституционной ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления // Вестник академии. Научный журнал Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы. – 2004. – № 1. – С. 101-107.
161. Шугрина Е.С. Организационные основы местного самоуправления. – Новосибирск: Новосибирский ун-т, 1997. – 69 с.
162. Шугрина Е.С. Особенности конституционно-правовой и муниципально-правовой ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 5. – С. 34-40.
163. Ярошенко А.А. Конституционная ответственность в системе местного самоуправления // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. – М.: МГУ, 2001. – С. 385-388.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

КАНЕВА Светлана Юрьевна,
эксперт Федерального фонда обязательного медицин-
цинского страхования, соискатель кафедры част-
ного права юридического факультета Институт
экономики, управления и права Российского
государственного гуманитарного университета
(Москва)

E-mail: svetlana_kaneva@hotmail.com

Специальность 12.00.03 – Гражданское право;
жилищное право; семейное право; междуна-
родное частное право

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГРЕССНЫХ ТРЕБОВАНИЙ В ОБЯЗАТЕЛЬНОМ МЕДИЦИНСКОМ СТРАХОВАНИИ

***Аннотация.** В статье предпринята попытка исследовать проблему реализации регрессных требований к физическим и юридическим лицам, которые ответственны за вред, причиненный здоровью застрахованного лица по программе обязательного медицинского страхования. Это одна из важнейших задач государства, так как средства, направляемые на возмещение вреда застрахованного лица являются государственными денежными средствами, используемыми на социальные нужды населения.*

***Ключевые слова:** Гражданский кодекс Российской Федерации; регрессное требование; регресс; регрессные обязательства; право регресса; право обратного требования; регрессат; регредидент; охранительные гражданские правоотношения; Фонд обязательного медицинского страхования РФ; страховые медицинские организации; страховщик; страхователь.*

KANEVA S.Yu.

LEGAL PROBLEM OF REALIZATION THE RECOURSE IN MEDICAL INSURANCE

***The summary.** In the present article attempts to explore the problem of realization of recourse to legal entities and individuals that are responsible for the harm caused to the health of the insured person to the program of compulsory health insurance. This is one of the most important tasks of the state, as the funds allocated to compensation of the insured person are state funds used for social needs of the population.*

***Key words:** the Civil code of the Russian Federation; recourse requirement; recourse; recourse obligations; right of regress; person liable to recourse; regrinding; protective civil relationships; Fund of Medical Insurance of the RF; insurance medical company; insurant, insured.*

Создание системы регрессных исков к физическим и юридическим лицам, ответственным за вред, причиненный здоровью застрахованного лица, является одним из путей реализации задачи оптимизации расходов на медицинскую помощь предоставляемую в рамках Постановления Правительства Российской Федерации от 22.10.2012 № 1074 в составе программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов и Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [2]. Исходя из того, что право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь гарантировано каждому гражданину Российской Федерации (статья 41 Конституции РФ), а финансирование медицинской помощи потерпевшим от правонарушения осуществляется за счет накопленных фондом обязательного медицинского страхования средств, являющихся государственными денежными средствами и находящимися в государственной собственности, вопрос о возмещении материального ущерба от правонарушения представляет несомненно государственный интерес. Одной из важнейшей задачей развития обязательного медицинского страхования в Российской Федерации – это изучение возможности взыскания материального ущерба от лиц, причинивших вред здоровью потерпевшего (застрахованного лица), и разработки правового механизма предъявления регрессных исков в деликтных обязательствах. Так регрессные иски по возмещению затрат на медицинскую помощь, оказанную застрахованным, пострадавшим в результате противоправных действий юридических и физических лиц, применялись с 1998 года в 20 субъектах Российской Федерации, а в 1999 году в 46 субъектах Российской Федерации. Территориальными фондами обязательного медицинского страхования (далее – ТФОМС) и страховыми медицинскими организациями (далее – СМО) в 1999 году по возмещению затрат было предъявлено 2782 регрессных исков и сумма возмещения по предъявленным регрессным искам составила 2473493 руб. Наиболее активно такая работа проводилась по возмещению затрат на медицинскую помощь, оказанную застрахованным, пострадавшим в результате противоправных действий юридических

и физических лиц в Амурской, Мурманской, Кемеровской областях, Хабаровском крае, Республике Татарстан [17]. Спустя 13 лет, как показывает практика предъявление регрессных исков в обязательном медицинском страховании, на 1 квартал 2012 года было предъявлено уже в 50 субъектах Российской Федерации. Всего по Российской Федерации за вышеуказанный период предъявлен 1741 регрессный иск. Наибольшее количество регрессных исков выявлено в г. Москве – 277, Красноярском крае – 106, Забайкальском крае – 94. По результатам предъявления претензий и регрессных исков к лицам, причинившим вред здоровью застрахованного лица, в порядке возмещения расходов на оплату оказанной медицинской помощи получено 1420000 рублей [13].

В связи с принятием Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (далее – Федеральный Закон №-326), Федеральным фондом обязательного медицинского страхования были подготовлены (методические рекомендации от 5 мая 2012 г. № 3220/30-3/и «О возмещении расходов на оплату оказанной медицинской помощи застрахованному лицу вследствие причинения вреда его здоровью» (далее – методические рекомендации), которые предназначены для использования ТФОМС и СМО, осуществляющими деятельность в сфере обязательного медицинского страхования. Вносимые дополнения в реализацию права на возмещение расходов на оплату оказанной медицинской помощи застрахованному лицу вследствие причинения вреда его здоровью, является новеллой в российском законодательстве, регулирующим регрессные требования в обязательном медицинском страховании. К сожалению, действующие вышеуказанные методические рекомендации не закреплены в официальной позиции Министерства Юстиции РФ, и действует только как локальная норма. В связи с этим продолжают оставаться ряд проблем, которые еще только предстоит решить. К ним, в частности можно отнести отсутствие единого федерального нормативного акта, аккумулирующего весь пласт норм регулирующих регрессные требования по возмещению расходов на оплату оказанной медицинской помощи застрахованному лицу вследствие причинения вреда его здоровью в обязательном

медицинском страховании, а также отсутствие четкого механизма защиты застрахованных лиц по возмещению расходов на оплату оказанной медицинской помощи застрахованному лицу вследствие причинения вреда его здоровью. Специфика регрессного обязательства состоит в том, что его возникновение непосредственно связано с предшествующим ему обязательством из причинения вреда. И регрессное требование в данном случае вытекает из деликтного обязательства. Необходимым условием является наличие у регредиента ущерба, возникшего в результате возмещения вреда потерпевшему, причем ущерба, понесенного по вине другого лица.

На наш взгляд, многие авторы употребляют термин «регресс», описывая модель суброгации [7, стр. 304], что не совсем верно. Термин «суброгация» происходит от латинского *subrogatio, subrogare*. Это слово связывалось и с понятием «закон» – и тогда *subrogare legem* означало «дополнение закона новым положением». Таким образом, регрессное обязательство возникает при прекращении основного обязательства (вследствие исполнения) и только в этом смысле производно от него. При суброгации, в отличие от регресса, страховщик заменяет собой страхователя в обязательстве, возникшем из причинения вреда, а потому ее наступление не влечет возникновения нового обязательства [14]. Этот существенный признак отличает суброгацию от регрессных обязательств, возникающих в силу исполнения (прекращения) другого, основного обязательства и тем самым приобретающих характер нового, самостоятельного обязательства. Для того, чтобы более детально разобраться в теоретических вопросах правового регулирования и предъявления регрессных требований в сфере обязательного медицинского страхования, необходимо отметить отсутствие монографических работ в российской юридической литературе и диссертационных исследований в российской юридической науке, посвященных вышеуказанной теме. В настоящее время имеется только практические данные, такие как решения судов [18]. «Регресс» означает возникновение у субъекта (регредиента), исполнившего обязательство за другое лицо – регрессата, т.е. непосредственного причинителя вреда, обязательственного права по отношению к последнему, т.е. права требовать от него возврата исполненного

за него регредиентом. В научной литературе вопрос правовой квалификации регресса является неоднозначным: одни полагают, что регресс – это обязательство [10, стр. 17; 19, стр. 188], другие относят его к форме ответственности [9, стр. 524; 11, стр. 205]. Из приведенного выше исследования, можно сделать ряд выводов для сферы обязательного медицинского страхования. Регрессный иск в обязательном медицинском страховании – это письменное требование, предъявляемое истцом в судебном порядке, и вытекающее из принадлежащего истцу права в силу договора или по иным основаниям, предусмотренным в законе. Следует заметить, что в Гражданском кодексе Российской Федерации отсутствуют как понятие «регрессные обязательства», так и понятие «регрессная ответственность». В рамках исполнения деликтных обязательств представляется правильным говорить о регрессе как о форме гражданско-правовой ответственности, поскольку последний основан на положениях гражданского законодательства и ему присущи основные черты гражданско-правовой ответственности. Учитывая, что в Гражданском кодексе Российской Федерации [1] содержатся общие положения о регрессе, предлагается в главу 59 кодекса включить соответствующие положения о введении отдельного института регресса в гражданском законодательстве, что отмечали в своих работах С.С. Амосов и Ю.В. Журавлева [6, стр. 214; 11, стр. 205]. Норма статьи 14 Федерального закона № 326-ФЗ, где СМО осуществляющая деятельность в сфере обязательного медицинского страхования, имеет право требовать от юридических или физических лиц, ответственных за причиненный вред здоровью гражданина, возмещения ей расходов в пределах суммы, затраченной на оказание застрахованному медицинской помощи, за исключением случаев, когда вред причинен Страхователем. Оплата за оказание медицинских услуг потерпевшему производится СМО; ТФОМС осуществляет финансирование медицинской помощи СМО по подушевому финансированию (в соответствии с нормативами финансирования на текущий год в территориальной программе) [5], а не непосредственно перечисляет денежные средства в полном объеме на лечение застрахованного, соответственно, утверждать, что Фонд именно финансирует лечение данного застрахованного

в полном объеме нельзя. ТФОМС финансирует страховую медицинскую организацию по подушевому финансированию, а уже медицинская страховая организация из этих средств осуществляет оплату по страховым случаям, которыми являются обращение застрахованного за медицинской помощью. В случае вынесения судебного решения по взысканию средств, денежные средства затраченные по оказанию медицинской помощи направляются в ТФОМС. В соответствии с пунктом 10 части 1 статьи 16 Федерального закона № 326-ФЗ застрахованные лица имеют право на защиту прав и законных интересов в сфере обязательного медицинского страхования.

Анализ правовых актов, регламентирующих возмещение средств в обязательном медицинском страховании, затраченных на лечение пострадавших от правонарушений граждан, показывает, что существующий в данное время на практике порядок недостаточно совершенен, лишь в общих чертах отражающий требования Федерального закона № 326-ФЗ. Так применение ответственности в порядке регрессных требований в обязательном медицинском страховании закреплено статьей 31 Федерального закона № 326-ФЗ. Процессуальные моменты предъявления регрессных исков здесь не рассматриваются, имеется лишь ссылка на нормы гражданского судопроизводства. Не утвержден порядок направления сведений застрахованного лица непосредственно после правонарушения. Взыскание с виновного лица денежных средств реализуется только в порядке возмещения затрат, которые страховая медицинская организация уже понесла к моменту предъявления исковых требований. На лечение отдаленных последствий застрахованного лица вследствие причинения вреда его здоровью, страховая медицинская организация будет вынуждена взыскивать путем предъявления дополнительной претензии или искового заявления. Статья не содержит ограничения по форме вины (умысел или неосторожность) при решении вопросов о выплате страховой медицинской организации возмещения расходов, затраченных на оказание медицинской помощи медицинской организацией. Иных положений, регулирующих регрессные требования в обязательном медицинском страховании Федеральный Закон не содержит. Необходимо отметить, что процедура взыскания таких

средств нуждается либо в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, либо, что более предпочтительно, в принятии в соответствии с п. 4 ст. 3 ГК РФ специального постановления Правительства Российской Федерации.

2. Изучая предъявление регрессных исков по возмещению расходов на оплату оказанной медицинской помощи застрахованному лицу вследствие причинения вреда его здоровью практика показывает, что в 2012 году по Российской Федерации в 80,7% случаев предъявлены ТФОМС, в 19,3% – СМО [12]. Выбирая страховую медицинскую организацию, гражданин фактически выбирает ту организацию, которая сможет более эффективно защитить и контролировать обеспечение его права на получение бесплатной качественной медицинской помощи и оперативно разрешить возможные проблемы, связанные с предоставлением медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию (далее – ОМС). Правда, фактически в рамках ОМС страховщики не являются страховщиками, а выступают агентами по переводу бюджетных средств от ТФОМС медицинским организациям. Хотя у СМО есть возможность подавать регрессные иски к третьим лицам, причинившим вред здоровью граждан, однако на данный момент вышеуказанные организации к сожалению, не активны. По – мнению страховых медицинских компаний в сфере обязательного медицинского страхования, действующая практика возмещения расходов на лечение в случае причинения вреда здоровью застрахованного (т.н. «регрессных исков») не стыкуется с новой нормой закона. В распоряжении СМО при рассмотрении конкретного случая есть только медицинская карта и счет за лечение. Не имея точной информации когда, при каких обстоятельствах и кем причинен вред, нельзя подать регрессный иск. Такой информацией располагают только органы следствия и прокуратура. Но, обратившись к Федеральному Закону №-326, прокурор убеждается, что возвращенные по регрессным искам суммы подлежат зачислению в целевые средства, не принадлежащие страховым организациям, а регрессный иск в публичных интересах он вправе заявить и сам. Как видно, настоящее законодательство Российской Федерации в сфере обязательного медицинского страхования не предусматривает какие-либо ограничения для СМО

(институт которых был основан намного позже) по взысканию ущерба, причиненного правонарушением, в порядке регрессного требования.

3. Существует проблема рассмотрения в суде дела о взыскании возмещения расходов на оплату оказанной медицинской помощи застрахованному лицу вследствие причинения вреда его здоровью в порядке регресса. Кроме представителя ТФОМС, остальные участники судебного разбирательства и судьи не обладают достаточной информацией о функционировании и финансировании в системе ОМС и о его организационно-правовом регулировании. Решение поставленной проблемы едино – повышение информативности функционирования ТФОМС, участие в судебных заседаниях специалистов с юридическим образованием, которые в доступной форме могут объяснить участникам процесса те или иные моменты функционирования системы ОМС.

4. Следует отметить недостатки Федерального закона №-326, в оплате индивидуальных случаев лечения относительно общего реестра пролеченных застрахованных лиц. В качестве решения проблемы подтверждения взаиморасчетов между медицинской организацией и ТФОМС, филиал ТФОМС запрашивает у медицинской организации справку о подтверждении оплаты конкретного случая лечения за счет средств ОМС. Для реализации указанной проблемы необходимо предусмотреть в вышеуказанном законе определенную медицинскую форму, которая позволит обратиться в суд без вычленения застрахованного лица «киллометровых» листов общего реестра пролеченных.

5. Хотелось бы отметить несовершенство законодательства в частности ст. 31 п. 2 Федерального Закона №-326, «предъявление претензии или иска к лицу, причинившему вред здоровью застрахованного лица, в порядке возмещения расходов на оплату оказанной медицинской помощи страховой медицинской организацией осуществляется на основании результатов проведения экспертизы качества медицинской помощи, оформленных соответствующим актом», где вместо медицинской экономической экспертизы, представлена медицинская экспертиза качества. В настоящий момент она не отражает действительности, является не логичной и не целесообразной, так как создает дополнительные ограничения и расходы в

калькуляции в возмещении расходов на оплату оказанной медицинской помощи застрахованному лицу вследствие причинения вреда его здоровью в обязательном медицинском страховании. Предлагается несколько изменить формулировку к вышеуказанной статье: «предъявление претензии или иска к лицу, причинившему вред здоровью застрахованного лица, в порядке возмещения расходов на оплату оказанной медицинской помощи страховой медицинской организацией осуществляется на основании результатов проведения медицинской экономической экспертизы помощи, оформленных соответствующим актом». На наш взгляд, это положительное правило поскольку направлено на устранение пробелов в праве, на гармонизацию регрессных требований в сфере обязательного медицинского страхования, что в свою очередь способствует его устойчивому развитию, отвечающему современным реалиям экономики в страховании Российской Федерации.

6. В медицинской документации и актах судебно-медицинской экспертизы (далее – СМЭ) встречаются разночтения в установленном диагнозе, что затрудняет определение причинно-следственной связи между деянием обвиняемого и ущербом, причиненным здоровью пострадавшего. В результате чего, возникают инциденты, когда ответчик заявляет, ссылаясь на акт СМЭ, что он причинил потерпевшему только внешние телесные повреждения, а лечили потерпевшему сотрясение головного мозга и, следовательно, расходы по этому случаю лечения возмещению им не подлежат, так как дальнейший вред здоровью возник не в результате его действий. В связи с этим предлагается ввести в статью 31 № 326-ФЗ дополнительный 7 пункт «страховые медицинские организации могут предъявлять претензии и регрессные иски при осуществлении расходов на оплату лечения отдаленных последствий причиненного вреда».

7. Необходимо исследовать проблему взыскания денежных сумм в порядке регрессных требований обязательного медицинского страхования сводится к исполнению решения суда (т.е. к фактическому взысканию денежных средств). Поскольку в обязательствах из причинения вреда объем возмещения, по общему правилу, значителен и покрывается постепенно. Стоит согласиться с мнением Б.А. Булаевского о целесообразности признания обоснованной практики

допустимости неоднократного предъявления регрессных исков к причинителю вреда. Такие иски могут предъявляться не один раз, вплоть до полного погашения ущерба [8]. На данное обстоятельство обращалось внимание правоприменителей еще в период действия прежнего законодательства (в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 07.02.1967 № 36 «О некоторых вопросах, возникающих в практике судов при применении норм ГК РСФСР, регулирующих возмещение вреда») [3]. Подавляющее число должников – лица, не имеющие дохода в виде заработной платы и не имеющие имущества, на которое можно обратить взыскание, причем эта группа лиц не стремится устроиться на работу и ведет соответствующий образ жизни. Фактическое взыскание с них суммы долга возможно лишь при получении ими постоянного социального обеспечения, например пенсии по старости. В связи с этим необходимо дополнить пунктом 12 статью 14 Федерального Закона №-326, следующим содержанием: «Страховые медицинские организации, осуществляющие деятельность в сфере обязательного медицинского страхования, подают один раз в три года исполнительные листы по лицам, причинившим вред застрахованному лицу не имеющих доходов в виде заработной платы и не имеющие имущества в Федеральную службу судебных приставов России до фактического взыскания с них суммы долга или прекращения исполнительного производства по основаниям, препятствующим повторному предъявлению исполнительного листа».

8. В ТФОМС имеются случаи, когда удержание долга из заработной платы должника произошло, а организацией ТФОМС деньги не перечисляются по причине ареста счетов или банкротства организации. В целях совершенствования законодательства в сфере обязательного медицинского страхования, необходимо дополнить норму ст. 14 Федерального Закона № 326-ФЗ пунктом 13 следующим содержанием: «В случае признания юридических и физических лиц банкротом страховые медицинские организации подают в арбитражный суд регрессные иски о включении в реестр требований кредиторов в отношении суммы долга по возмещению расходов на оплату оказанной медицинской помощи застрахованному лицу вследствие причинения вреда его здоровью».

9. Необходимо выявление случаев виновных лиц в причинении вреда с предъявлением регрессных исков в обязательном медицинском страховании и освещением этой работы для широкого круга лиц в средствах массовой информации. Возможно, освещение регрессной работы ТФОМС через медицинские организации (например: информационные листы). В качестве дополнительного источника информации о взыскании в порядке регрессного требования в обязательном медицинском страховании возможно, сотрудничество в плане получения информации со специалистами судов, учитывая гласность судебного разбирательства. Гласность судебного разбирательства закреплена законодательно. Полагаем, что при решении правового рассматриваемого вопроса, следует добавить пункт 7 в ст. 31 Федерального закона №-326, который закрепит норму об анализе сведений деятельности по возмещению расходов на оплату оказанной медицинской помощи застрахованному лицу вследствие причинения вреда его здоровью в сфере обязательного медицинского страхования: «Страховые медицинские организации и медицинские организации, осуществляющие деятельность в сфере обязательного медицинского страхования, должны осуществлять анализ сведений по предъявлению регрессных исков и освещением этой работы для широкого круга лиц в средствах массовой информации».

Выводы. Основные положения, высказанные в статье могут быть использованы для дальнейшего совершенствования правового механизма опосредованного исполнения обязательств, оснований и объема гражданско-правовой ответственности за их нарушение, применения гражданско-правовых конструкций за пределами предмета гражданского права и реализации принципа справедливости в отношениях, регулируемых гражданским правом. Практическая значимость статьи состоит в том, что доводы, полученные в результате исследования могут быть использованы в правоприменительной практике, а существующие проблемы и предложения могут послужить совершенствованию действующего законодательства в сфере обязательного медицинского страхования. Говоря об опыте зарубежных стран, следует отметить, что системы здравоохранения практически всех стран, проходя множество реформ, постоянно видоизменяются, заимствуя друг у друга идеи. В

странах с высоким уровнем социального обеспечения традиционным является представление о том, что деликтная ответственность причинителя вреда может наступать только в отношении дополнительных расходов либо когда характер его действий требует применения индивидуальных имущественных санкций в воспитательных целях [20]. Поскольку в российских

условиях (имеется в виду прежде всего низкое качество расследования правонарушений) крайне нежелателен и невозможен отказ от деликтной ответственности, в качестве восполнения ее предупредительно-воспитательного механизма, целесообразно более активное внедрение сдерживающих механизмов в обязательном медицинском страховании.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. – М., 2013.
2. Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010 – № 49 – Ст. 6422.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 07.02.1967 г. № 36 «О некоторых вопросах, возникающих в практике судов при применении норм ГК РСФСР, регулирующих возмещение вреда» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1967. – № 4.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 3.
5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 28.02.2011 № 158н «Об утверждении правил Обязательного медицинского страхования» // Российская газета. – 2011. – № 47.
6. Амосов С.С. Актуальные проблемы механизма гражданско-правовой ответственности юридических лиц: Дис. канд. юрид. наук. – М., 2001.
7. Бартошек Милан. Римское право. Понятие. Термины. Определения. М., 1996.
8. Булаевский Б.А. О возмещении вреда, причиненного несовершеннолетними // Комментарий судебной практики. Выпуск 8 / Под ред. К.Б. Ярошенко. – М.: Юрид. лит., 2002.
9. Гражданское право: Учебник / Под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. 2-е изд., перераб. и доп. Ч. 1. – М.: Юрист, 2002.
10. Журавлева Ю.В. К вопросу о соотношении категорий «регресс» и «возмещение убытков» // Нотариус. – 2007. – № 1.
11. Журавлева Ю.В. Право регресса: пробелы в законодательстве и возможные пути их преодоления // Бизнес в законе. – 2007. – № 4.
12. Информационно-аналитическая справка «О деятельности по защите прав застрахованных лиц в сфере обязательного медицинского страхования в Российской Федерации в 1 квартале 2012 года» от 04.07.2012 г. № 4828/30-5/и.
13. Информационно-аналитическая справка «О состоянии защиты прав застрахованных лиц в сфере обязательного медицинского страхования в Российской Федерации в 1 квартале 2012 года» от 04.07.2012 г. № 4828/30-5/и.
14. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28.11.2003 г. № 75 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования» // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2004. – № 1.
15. Иоффе О.С. Обязательственное право. – М., 1975.
16. Письмо ФОМС от 05.05.2012 № 3220/30-3/и «О возмещении расходов на оплату оказанной медицинской помощи застрахованному лицу вследствие причинения вреда его здоровью».
17. Письмо ФОМС от 03.05.2000 № 2154/30-3и «О состоянии защиты прав граждан в системе обязательного медицинского страхования в 1999 году».
18. Решение Пушкиногорского районного суда Псковской области № 33-1887 от 14.09.2011 года о возмещении расходов на оплату медицинской помощи, оказанной застрахованному лицу вследствие причинения вреда его здоровью.
19. Юдельсон К.С. Основные проблемы права регресса в советском гражданском праве // Ученые труды ВИЮН. Вып. 9. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947.
20. Magnus U. The impact of social security law on tort law. Verlag/Wien: Springer, 2003/-280p

РАШЕВА Наталья Юрьевна,

заведующая кафедрой гражданского и корпоративного права Мурманского государственного технического университета (г. Мурманск),
кандидат юридических наук

E-mail: anyta_us@mail.ru

Специальность 12.00.03. – Гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗОВ (НА ПРИМЕРЕ КАФЕДРЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА)

***Аннотация.** В публикации оценивается современное федеральное и региональное законодательство в области противодействия коррупции, а также дается анализ работы кафедры гражданского и корпоративного права ФГБОУ ВПО МГТУ в данной сфере.*

***Ключевые слова:** коррупция; стандарт образования; кафедра гражданского и корпоративного права МГТУ.*

RASHEVA N.Yu

FEATURES LEGAL SUPPORT ANTI-CORRUPTION ACTIVITIES IN THE UNIVERSITIES (FOR EXAMPLE DEPARTMENT OF CIVIL AND CORPORATE LAW OF MSTU IN THIS AREA)

***The summary.** The publication is current federal and regional legislation in the field of counteraction of corruption, and also provides an analysis of the work of the Department of Civil and Corporate Law of MSTU in this area.*

***Key words:** corruption; education standard; department of civil and corporate law of MSTU.*

Сегодня взгляды государства и общества на коррупцию и коррупционную преступность в целом остаются весьма разноплановыми. Существующие мнения о причинах возникновения, значении и степени влияния данного явления на государственные и общественные институты объясняются тем, что вопросы коррупции исследуются не только правоведами, но и экономистами, социологами, политологами, философами и др. А вот бытовое понимание коррупции, как правило, формируется на основе опыта населения. К сожалению, это разночтение затрудняет выработку относительно универсального понятия коррупции, что, в свою очередь, объективно ограничивает создание более эффективных правовых механизмов противодействия ее распространению [24; 25; 26; 29; 31; 37; 38;

39; 56; 57; 58].

Само слово «коррупция» сложилось из сочетания латинских слов «coгеі» – несколько участников находятся в обязательственном правоотношении по поводу единственного предмета спора и «гипреге» – нарушить что-либо, в частности, рассматривается нарушение индивидами этических норм для получения личной выгоды [60; стр. 2].

Исследуя закономерности реализации мер противодействия коррупции, следует учитывать не только экономические, но и прочие цивилизационные характеристики сообществ, такие как коллективная либо индивидуалистическая ориентация, культурный уровень, правовые и политические традиции, т.е. в целом социокультурные особенности [30; 34; 35; 36; 40; 41; 42; 43; 44;

45; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 54; 55; 59]. Разумеется, и правовые, и нравственные нормы в сообществах разнятся. То, что поощряемо в криминальной среде, отвергается моралью законопослушных граждан; то, что является нормой для традиционных сообществ, может быть неприемлемо для модернистского общества и т.д. В полной мере это верно и для коррупционных проявлений [27; стр. 34-36].

Субъектами в борьбе с данным негативным явлением являются самые разнообразные структуры, в их числе могут быть названы и вузы, призванные обеспечить подготовку высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации (ст. 69 ФЗ РФ «Об образовании в РФ» [3]).

Проблемы противодействия коррупции в сфере оказания образовательных услуг складываются под влиянием факторов, детерминирующих проявления коррупции в органах управления образованием и образовательных организациях. Последние в большинстве случаев порождены недостатками механизма управления образованием, связанными с отсутствием четкой регламентации статусов органов управления образованием, структурных подразделений образовательных организаций, порядка их деятельности; коррупционным характером самих норм права, регулирующих образовательные правоотношения [28; 32, стр. 81].

Правовую основу деятельности вуза в вопросах противодействия коррупции составляют следующие нормативные акты.

- Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. [1];
- Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [3];
- Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2];
- Указ Президента РФ от 03 декабря 2013 г. № 878 «Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» [5];
- Указ Президента РФ от 02 апреля 2013 г.

№ 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» [6];

- Указ Президента РФ от 08 июля 2013 г. № 613 «Вопросы противодействия коррупции» [8];
- Указ Президента РФ от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции» [10];
- Указ Президента РФ от 21 июля 2010 г. № 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» [9];
- Указ Президента РФ от 25 февраля 2011 г. № 233 «О некоторых вопросах организации деятельности Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции» [7];
- Распоряжение Правительства РФ от 15 мая 2013 г. № 792-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 – 2020 годы» [11];
- Распоряжение Рособнадзора от 15 мая 2013 г. № 1376-09 «О дополнительных мерах по реализации федерального законодательства о противодействии коррупции в Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки» [12];
- Приказ Рособразования от 22 января 2010 г. № 33 «О мерах по активизации работы по противодействию коррупции в Федеральном агентстве по образованию» [15];
- Письмо Минобрнауки России от 06 августа 2013 г. № 12-925 «О направлении методических рекомендаций по противодействию коррупции» [23];
- Закон Мурманской области от 23 ноября 2009 г. № 1154-01-ЗМО «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в Мурманской области и о внесении изменений в Закон Мурманской области «О противодействии коррупции в Мурманской области» [16];
- Постановление Губернатора Мурманской области от 14 ноября 2006 г. № 202-ПГ «О Межведомственном совете по Противодействию коррупции в Мурманской области» [18];

- Постановление Администрации города Мурманска от 18 августа 2009 г. № 774 «О Межведомственном совете по противодействию коррупции и криминализации экономики в муниципальном образовании город Мурманск» [21];
- Постановление Администрации города Мурманска от 04 октября 2012 г. № 2374 «Об утверждении ведомственной целевой программы «Противодействие коррупции в муниципальном образовании город Мурманск» на 2013 – 2014 годы» [22] и др.

В регионе, до недавнего времени действовал План основных мероприятий по противодействию коррупции в Мурманской области на 2012 – 2013 годы [19], где отдельным направлением Плана выступало антикоррупционное образование. На сегодняшний день (на 1 февраля 2014 года), к сожалению, Плана на 2014-2015 годы еще не утверждено.

Обратимся для начала к региональному законодательству.

Согласно ст. 8 Закона Мурманской области от 26 октября 2007 г. № 898-01-ЗМО «О противодействии коррупции в Мурманской области» [17], посвященной антикоррупционному образованию и пропаганде, антикоррупционное образование является целенаправленным процессом обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства, основанным на дополнительных общеобразовательных и профессиональных образовательных программах, реализуемых в образовательных учреждениях среднего общего и высшего профессионального образования для решения задач формирования антикоррупционного мировоззрения, повышения уровня правосознания и правовой культуры, а также подготовки и переподготовки специалистов соответствующей квалификации.

Постановлением Правительства Мурманской области от 23 апреля 2010 г. № 188-ПП/7 «Об областном конкурсе студенческих работ «Молодежь против коррупции» утверждены Положение об областном конкурсе студенческих работ «Молодежь против коррупции», состав комиссии по подведению итогов областного конкурса студенческих работ «Молодежь против коррупции» [20]. Согласно данному документу, целями Конкурса являются (п. 2 Постановления):

- стимулирование научной, творческой и общественной деятельности студентов и

преподавателей, направленной на изучение проблем противодействия коррупции;

- освоение студентами методики антикоррупционной экспертизы и оценки нормативных правовых актов регионального и муниципального законодательства на предмет наличия в них правовых предпосылок, которые могут способствовать проявлениям коррупции, разработка предложений по устранению правовых предпосылок коррупции в конкретных нормативных правовых актах;
- привлечение внимания молодежи к проблеме коррупции в современном обществе.

Анализируя федеральное законодательство важно отметить, что в соответствии со статьей 13.3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (введена Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц доходам» [4]) с 1 января 2013 г. на образовательные (научные) организации, созданные для выполнения задач, поставленных перед Министерством образования и науки Российской Федерации, возлагаются обязанности по принятию мер по предупреждению коррупции.

Приказом Минобрнауки России от 11 декабря 2012 г. № 1034 «Об утверждении Положения о «телефоне доверия» по вопросам противодействия коррупции в Министерстве образования и науки Российской Федерации» [13], утверждено Положение, устанавливающее порядок работы «телефона доверия» по вопросам противодействия коррупции в Министерстве образования и науки Российской Федерации, организации работы с обращениями граждан и организаций, полученными по «телефону доверия», о фактах проявления коррупции в сфере образования и науки (п. 1 Положения).

Комплект аппаратуры «телефона доверия» с автоматическим фиксированием телефонных звонков и ведением архива обращений граждан и организаций установлен в отделе по профилактике коррупционных и иных правонарушений, охраны труда и гражданской обороны

Департамента государственной службы, кадров и мобилизационной подготовки Министерства (п. 3 Положения).

Информация о функционировании «телефона доверия» размещается на официальном сайте Министерства в сети Интернет по адресу <http://минобрнауки.рф>. (п. 4 Положения).

Согласно Приказа Минобрнауки РФ от 04 мая 2010 г. № 464 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)» [14], выпускник должен обладать определенными компетенциями, через которые и прослеживаются связи формирования антикоррупционного поведения в образовательной деятельности кафедры гражданского и корпоративного права.

Так, в числе общекультурных компетенций, которыми должен обладать выпускник относятся ОК-6:

- имеет нетерпимое отношение к коррупционному поведению, уважительно относится к праву и закону (ОК-6).

Кроме того, выпускник должен обладать следующими профессиональными компетенциями (ПК):

- в правоохранительной деятельности: способен выявлять, давать оценку коррупционного поведения и содействовать его пресечению (ПК-12);
- в экспертно-консультационной деятельности: готов принимать участие в проведении юридической экспертизы проектов нормативных правовых актов, в том числе в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции (ПК-14).

При изучении отдельных дисциплин, закрепленных за кафедрой гражданского и корпоративного права ФГБОУ МГТУ, студент формирует (реализует) указанные компетенции. К таким дисциплинам, закрепленным за кафедрой гражданского и корпоративного права, согласно Учебного плана подготовки бакалавров, утвержденного Ученым советом ФГБОУ МГТУ, относятся Гражданское право, Гражданский процесс, Арбитражный процесс, Земельное право, Международное частное право, Корпоративное право, Наследственное право, Техническое

право, Образовательное право и другие.

Наибольшее число компетенций, связанных с антикоррупционными проявлениями, отводится дисциплине «Гражданское право», которую на высокопрофессиональном уровне читает декан правового факультета МГТУ, кандидат юридических наук, профессор Максимец Леонид Григорьевич.

Кроме этого, освоение ОК-1 осуществляется в ходе учебной и производственной практики, а освоение ПК-12 и ПК-14 осуществляется в ходе производственной практики.

Помимо этого, обязательным элементом освоения учебного плана у студентов правового факультета, обучающихся по направлению «Юриспруденция», является написание курсовой работы по курсу «Гражданское право». На кафедре гражданского и корпоративного права МГТУ разработана тематика курсовых и выпускных квалификационных работ, направленных на антикоррупционную политику:

1. Антикоррупционная экспертиза гражданского законодательства.
2. Земля как объект коррупции.
3. Недействительность сделки, совершенной под влиянием взятки и иных коррупционных действий.
4. Незаконная приватизация, «рейдерство», коррупция: взаимообусловленность категорий.
5. Правовые проблемы, связанных с приватизацией гражданами жилых помещений, а также о правоприменительной практике и коррупционности законодательства о приватизации.
6. Недействительность сделок как гражданско-правовое последствие коррупционных правонарушений.
7. Гражданско-правовые условия возникновения коррупционных отношений при размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд.
8. Гражданско-правовые аспекты противодействия коррупции.
9. Информационно-правовые стандарты предупреждения коррупционных рисков при выполнении НИОКР.
10. Коррупционные «лазейки» в действующем гражданском законодательстве.
11. Некоторые аспекты реализации положений

гражданского законодательства в сфере противодействия коррупции.

12. Роль института неосновательного обогащения в борьбе с коррупцией.

Большую роль в антикоррупционной работе отводится профессорско-преподавательскому составу кафедры гражданского и корпоративного права. Так, значительная часть профессорско-преподавательского состава кафедры являются членами Мурманского отделения Ассоциации юристов России (Л.Г. Максимец., Н.Ю. Рашева, М.Е. Панкратова).

Кандидат юридических наук, профессор Л.Г. Максимец, декан правового факультета выступает как представитель общественности в квалификационной коллегии судей Мурманской области.

Кроме того, Леонид Григорьевич является судьей Третьей инстанции при Северной Торгово-промышленной палате. Важную роль личность Леонида Григорьевича играет в работе органов исполнительной власти нашего региона, в частности, он является заместителем председателя общественного Совета при Управлении Росреестра по Мурманской области.

Кандидат юридических наук, доцент Н.Ю. Рашева, заведующая кафедрой гражданского и корпоративного права является членом Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов в Следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Мурманской области.

Помимо этого, Наталья Юрьевна входит в состав Комиссии Управления Федеральной миграционной службы России по Мурманской области по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских

служащих и урегулированию конфликта интересов.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры Панкратова Майя Евгеньевна входит в число членов Государственного реестра независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации

Кроме того, кафедра гражданского и корпоративного права МГТУ, под руководством Н.Ю. Рашевой ведет активную научно-исследовательскую работу, в том числе и над монографиями. Так, кафедрой подготовлена и активно внедряется в учебный процесс в рамках изучения дисциплины «Законодательная техника» монография, подготовленная заведующей кафедрой Н.Ю. Рашевой и доцентом кафедры М.Е. Панкратовой «Правовой мониторинг: современные проблемы и пути их решения» [33], где во второй главе исследуются вопросы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, в том числе и в Мурманской области.

Изложенное позволяет сделать вывод, что лишь при условии системного формирования и надлежащего исполнения антикоррупционного законодательства, направленного против факторов, способствующих созданию благоприятных условий для коррупции в Российской Федерации, последовательного и системного внедрения элементов антикоррупционного поведения в процессе осуществления образовательной деятельности в целом, и в учебном процессе МГТУ, в частности, можно ожидать отдельных результатов преодоления коррупции. Результаты зависят от целенаправленной работы каждого из нас.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 4. – Ст. 445.
2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих

- государственные должности, и иных лиц их доходам» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 50 (часть 4). – Ст. 6954.
5. Указ Президента РФ от 03 декабря 2013 г., № 878 «Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» (вместе с «Положением об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 49 (часть VII). – Ст. 6399.
  6. Указ Президента РФ от 02 апреля 2013 г., № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» (вместе с «Положением о порядке направления запросов в Федеральную службу по финансовому мониторингу при осуществлении проверок в целях противодействия коррупции»)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1670.
  7. Указ Президента РФ от 25 февраля 2011 г., № 233 «О некоторых вопросах организации деятельности президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции» (вместе с «Положением о порядке рассмотрения президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции вопросов, касающихся соблюдения требований к служебному (должностному) поведению лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации и отдельные должности федеральной государственной службы, и урегулирования конфликта интересов, а также некоторых обращений граждан»)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 9. – Ст. 1223.
  8. Указ Президента РФ от 08 июля 2013 г., № 613 «Вопросы противодействия коррупции» (вместе с «Порядком размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера отдельных категорий лиц и членов их семей на официальных сайтах федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций и предоставления этих сведений общероссийским средствам массовой информации для опубликования»)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 28. – Ст. 3813.
  9. Указ Президента РФ от 21 июля 2010 г., № 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 30. – Ст. 4070.
  10. Указ Президента РФ от 19 мая 2008 г., № 815 «О мерах по противодействию коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 21. – Ст. 2429.
  11. Распоряжение Правительства РФ от 15 мая 2013 г., № 792-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 21. – Ст. 2671.
  12. Распоряжение Рособрнадзора от 15 мая 2013 г., № 1376-09 «О дополнительных мерах по реализации федерального законодательства о противодействии коррупции в Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки»: [электронный ресурс] // ИПС КонсультантПлюс.
  13. Приказ Минобрнауки России от 11 декабря 2012 г., № 1034 «Об утверждении Положения о «телефоне доверия» по вопросам противодействия коррупции в Министерстве образования и науки Российской Федерации» // Вестник образования. – 2013. – № 9.
  14. Приказ Минобрнауки России от 04 мая 2010 г., № 464 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – № 26.
  15. Приказ Рособразования от 21 января 2010 г., № 33 «О мерах по активизации работы по противодействию коррупции в Федеральном агентстве по образованию» (вместе с «Порядком уведомления представителя нанимателя о фактах обращения в целях склонения государственного гражданского служащего Рособразования к совершению коррупционных правонарушений», «Правилами передачи подарков, полученных государственными служащими Рособразования в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями», «Инструкцией по организации работы «телефона доверия» по вопросам профилактики и противодействия коррупции», «Порядком антикоррупционной экспертизы правовых актов (проектов правовых актов) Рособразования»)»: [электронный ресурс] // ИПС КонсультантПлюс.
  16. Закон Мурманской области «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в Мурманской области и о внесении изменений в Закон Мурманской области «О противодействии коррупции в Мурманской области»)» // Мурманский Вестник. – 2009. – 01.12. – № 226.
  17. Закон Мурманской области «О противодействии коррупции в Мурманской области» // Информационный бюллетень «Ведомости Мурманской областной Думы. – 2009. – № 96. – С. 145-150.
  18. Постановление Губернатора Мурманской области от 14 ноября 2006 г., № 202-ПП «О Межведомственном совете по Противодействию коррупции в Мурманской области» (вместе с «Положением о Межведомственном

- совете по противодействию коррупции в Мурманской области», «Составом Межведомственного совета по противодействию коррупции в Мурманской области») // Мурманский Вестник. – 2006. – 22.11. – № 222-223. – С. 4.
19. Постановление Правительства Мурманской области от 26 апреля 2012 г., № 179-ПП «Об утверждении Плана основных мероприятий по противодействию коррупции в Мурманской области на 2012 – 2013 годы» // Мурманский Вестник. – 2012. – 11.05. – № 82/1. – С. 6-7.
20. Постановление Правительства Мурманской области от 23 апреля 2010 г., № 188-ПП/7 «Об областном конкурсе студенческих работ «Молодежь против коррупции» (вместе с «Положением об областном конкурсе студенческих работ «Молодежь против коррупции», «Составом комиссии по подведению итогов областного конкурса студенческих работ «Молодежь против коррупции»)» // Мурманский Вестник. – 2010. – 19.05. – № 87. – С. 5
21. Постановление Администрации города Мурманска от 18 августа 2009 г., № 774 «О Межведомственном совете по противодействию коррупции и криминализации экономики в муниципальном образовании город Мурманск» (вместе с «Положением о Межведомственном совете по противодействию коррупции и криминализации экономики в муниципальном образовании город Мурманск», «Составом Межведомственного совета по противодействию коррупции и криминализации экономики в муниципальном образовании город Мурманск») // Вечерний Мурманск – 2009. – 28.08. – № 158. – С. 6.
22. Постановление Администрации города Мурманска от 04 октября 2012 г., № 2374 «Об утверждении ведомственной целевой программы «Противодействие коррупции в муниципальном образовании город Мурманск» на 2013-2014 годы» // Вечерний Мурманск – 2012. – 16.10 – № 190. – С. 6.
23. Письмо Минобрнауки России от 06 августа 2013 г. № 12-925 «О направлении методических рекомендаций по противодействию коррупции» // Администратор образования. – 2013. – № 19-21.
24. Александрова О.А., Лукьянов В.Ю., Ноздрачев А.Ф. и др. Коррупция: природа, проявления, противодействие: Монография / Отв. ред. Академик РАН Т.Я. Хабриева. – М., 2010.
25. Власов И.С. Правовые акты: антикоррупционный анализ / Отв. ред. В.Н. Найдено, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М., 2010.
26. Гончаренко Г.С. Предпосылки коррупции и коррупционной преступности // Российская юстиция. – 2013. – № 9. – С. 50-54.
27. Левакин И.В. Коррупция: социально-экономические и историко-правовые закономерности // Российская юстиция. – 2013. – № 10. – С. 34-36.
28. Мирзоев А.К. Коррупция в сфере образования Таджикистана: современные меры предупреждения и профилактики (теоретико-правовой аспект) // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С 34-42.
29. Мирзоев А.К. Технологии противодействия коррупции: современные проблемы практического претворения в жизнь // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 44-59.
30. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3. – С. 19.
31. Противодействие коррупции в субъектах Российской Федерации: Научно-практическое пособие / Л.В. Андриченко, О.А. Беляева, В.И. Васильев; Под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Ин-т РАФ-ПЛИОС, 2013. – 236 с.
32. Пуляева Е.В. Правовые проблемы борьбы с коррупцией в сфере оказания образовательных услуг // Журнал российского права. – 2012. – № 11. – С. 81-88.
33. Рашева Н.Ю., Панкратова М.Е. Правовой мониторинг: современные проблемы и пути их решения // Германия: LAP LAMBERT, 2013. – 111 с.
34. Ромашов Р.А. Правовая культура и правовой нигилизм молодежи // Правовые и экономические аспекты молодежной политики: Матер. Междун. науч.-прак. конф., г. Санкт-Петербург, 29 апреля 2009 г. / Под общ. ред. Т.И. Козловой; Институт правоведения и предпринимательства, Межрегиональная обществ. организация юристов и предпринимателей «ФОРУМ». – СПб.: ИПП, 2009. С. 48-53.
35. Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от контраста цивилизаций к цивилизационному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 157-163.
36. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – № 1.
37. Савенков А.И., Савенков А.А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 7-16.
38. Савенков А.Н. Противодействие коррупции как важное направление социально-политического развития Российской Федерации: взгляд парламентария // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской Таможенной академии. – 2012. – № 1(41). – С. 14-34.

39. Сальников В.П. Институционализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1. – С. 13-15.
40. Сальников В.П. Опасность нравственно-правовых срывов в период общественной нестабильности // Лики морали. – СПб., 1996.
41. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
42. Сальников В.П. Правовая культура в контексте противоречий современной цивилизации // Использование зарубежного опыта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: Матер. Межвуз. науч.-практ. конф., 27-28 мая 1993 г. (часть 1) / Под общ. ред. С.Ф. Зыбина, В.П. Сальникова. – СПб., 1995. – С. 46-50.
43. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
44. Сальников В.П., Бородин В.В., Рожкова Л.П. Морально-правовая культура демократического общества // Демократия и законность: проблемы развития и соотношения. – Самара, 1991.
45. Сальников В.П., Гуцериев Х.С. Общество как структурная система правовой культурологии // Правовое государство и органы внутренних дел: Сб. науч. трудов. Вып. 2 / Под ред. С.Ф. Зыбина. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1995. – С. 3-11.
46. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В., Ильичев В.В. Онтологическо-правовые основания гражданского создания // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2005. – № 3(27). – С. 7-13.
47. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2005.
48. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
49. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
50. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.
51. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 151-166.
52. Сальников М.В. Равноправие граждан пред законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 103-104.
53. Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 169-179.
54. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал. – Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
55. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
56. Степашин С. Скверное управление – скверна коррупции // Защита и безопасность. – 2013. – № 4. – С. 27.
57. Степашин С.В. Барьеры на пути становления эффективной системы противодействия коррупции в Российской Федерации // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2009. – № 4. – С. 5-13.
58. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2.
59. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.
60. Шилюк Т.О., Миттельман К.Г. К вопросу о коррупциогенных факторах в системе Российского образования // Юридическое образование и наука. – 2011. – № 4. – С. 2-6.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО

ИСМАГИЛОВ Рашид Фаатович,
Президент и Председатель Правления Ленинградской торгово-промышленной палаты, доктор юридических наук, профессор
E-mail: lotpp @lotpp.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
Вице-президент Ленинградской торгово – промышленной палаты, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации
E-mail: fonduniver@bk.ru

ГЕР Олег Евгеньевич,
доцент кафедры теории и истории права и государства Санкт-Петербургского института гуманитарного образования, кандидат юридических наук
E-mail: oeger60@gmail.com

КАЙЗЕР Александр Григорьевич,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского института гуманитарного образования, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: oeger60@gmail.com

Специальность: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АМНИСТИЯ – ИЛЛЮЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

***Аннотация.** В статье рассмотрены вопросы целесообразности применения амнистии к лицам, совершившим преступления в сфере экономической деятельности. В ней приводится сравнительный анализ применения амнистии по экономическим составам преступления в зарубежных странах. Выявлены проблемы и обозначены подходы федерального центра и субъектов Российской Федерации по отношению к эффективности и целесообразности проведения амнистий в отношении лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности, в контексте достижения целей наказания.*

***Ключевые слова:** амнистия; помилование; наказание; цели наказания; экономические преступления; уголовно-правовая репрессия; уголовная политика; уголовный кодекс; целесообразность; эффективность.*

ISMAGILOV R. F.
SAL'NIKOV V. P.
GER O. E.
KAIZER A. G.

ECONOMIC AMNESTY – ILLUSION AND REALITY

The summary. The article discusses the issues of applicability of amnesty to the persons who have committed crimes in the sphere of economic activity. It provides a comparative analysis of the application of amnesty for economic components of crime in foreign countries. The problems are revealed and approaches of the federal center and constituent entities of the Russian Federation in relation to efficiency and expediency of carrying out amnesties with regard to the persons who have committed crimes in the sphere of economic activity in the context of achievement of punishment objectives are defined.

Key words: amnesty; pardon; punishment; punishment objectives; economic crimes; criminal law repression; criminal policy; criminal code; expediency; efficiency.

Еще в советское время ключевым способом управления экономикой стали уголовно-правовые методы. Материальному поощрению уделялось немного внимания, оно противоречило основам социалистического государства. А вот угроза наказания куда чаще использовалась руководителями всех рангов для достижения поставленных целей. Будь то союзная республика или градообразующее предприятие. Каковы герои фильмов и книг тех лет? Какие законы они читали? Уж точно не Конституцию. Чаще всего Уголовный кодекс.

К сожалению, уголовно-правовые методы управления плавно перетекли и в современную Россию. Прелести такого подхода ощутила прежде всего наиболее активная часть нашего общества — предприниматели. В 2000-е годы меры уголовно-правовой ответственности стали широко использоваться в рейдерских схемах, чтобы получить контроль над предприятием. Редкий корпоративный конфликт между деловыми партнерами не обходился без возбуждения уголовных дел, которые обязательно сопровождались заключением под стражу его основных участников. Суд словно не замечал других мер пресечения, например, залога или поручительства. При этом страдали не только собственники бизнеса, но и рядовые фигуранты корпоративных схваток: наемные менеджеры, юристы и бухгалтеры. В это время широко стала применяться одна из самых гуттаперчевых статей

нашего уголовного законодательства: ст. 159 «Мошенничество». Ее формулировки позволяют неплохо бороться с привокзальными жуликами, но не с руководителями крупных предприятий [1].

Согласно данным Росстата, число приговоров по ст. 159 с 2002 по 2008 год выросло почти в три раза. Для сравнения, рост числа преступлений за аналогичный период по ст. 160 «Присвоение или растрата» — не более 20% [60].

Можно возразить, что давление уголовно-правовой сферы на экономику снижается, законодательство корректируется. Смягчены многие статьи Уголовного кодекса, а суды подталкивают к избранию мер пресечения, не связанных с заключением под стражу. Однако механическим изменением законов невозможно переломить годами складывавшуюся практику обвинительного правосудия. Если судья привык безоговорочно верить следователю и прокурору, а квалификация не позволяет ему разобраться в хитросплетениях экономических отношений, то, разумеется, вынесенный приговор будет обвинительным, а наказание — лишение свободы.

Нельзя, конечно, утверждать, что все привлеченные к ответственности невиновны. Но есть один немаловажный момент. Большая часть осужденных по экономическим составам были осуждены впервые. Это не матерые уголовники, а обычные люди, которые даже и представить

себе не могли, что попадут в тюрьму. Поистине живуча пословица: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся».

Итак, нужна ли экономическая амнистия? Думается что да. Ведь помимо морально-этической и юридической стороны вопроса есть и прагматический момент. От экономически активных граждан будет больше пользы на свободе, чем за решеткой. Но нужно четко определить, кто будет подпадать под действие амнистии. Почему бы не сделать ключевыми критериями для амнистии сам факт привлечения к уголовной ответственности впервые, а также тяжесть совершенного преступления?

Главное, чтобы на экономическую амнистию хватило политической воли. А еще — немного сострадания и готовности увидеть за скупыми строчками приговоров судьбы обычных людей.

В новейшей истории России амнистия объявлялась неоднократно и была приурочена к памятным датам. Конкретно этот государственный акт выражается в том, что лица, совершившие преступления, могут быть освобождены от наказания, либо назначенное им наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания, либо такие лица могут быть освобождены от дополнительного вида наказания.

Законопроект предполагает самую радикальную меру — полное освобождение от наказания. Причем с тех, кто понес наказание, судимость может быть снята.

Амнистия коснется как совершивших преступление до вступления закона в силу, так и уже осужденных. Кроме того, под амнистию могут попасть предприниматели, чьи дела находятся в стадии судебного рассмотрения или предварительного расследования. Решение о применении акта об амнистии принимается в отношении каждого лица индивидуально. Данные действия находятся в компетенции соответствующего органа, решающего в настоящий момент вопрос о привлечении гражданина к ответственности.

Еще один важный момент: осужденные не освобождаются от имущественных обязательств. Они обязаны возместить вред, причиненный в результате противоправных действий.

Выйти на свободу могут рассчитывать граждане, которые впервые осуждены по экономическим статьям и выразили готовность возместить нанесенный ущерб.

Амнистия не коснется тех, кто совершил преступления, связанные с насилием или угрозой его применения, фальшивомонетчики, а также осужденные за рейдерскую деятельность (как правило, это статьи за вымогательство, мошенничество, подделку документов).

Самым сложным, пожалуй, является трактовка определения термина «мошенничество». В целом оно не попало в проект постановления, но законодатели закрепили возможность амнистии — например, по статье 159.1. «Мошенничество в сфере кредитования» и статье 159.4. «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности». Выбор конкретных лиц по данному составу будет делаться индивидуально, с учетом обстоятельств совершенного преступления. Не секрет, что данная статья имеет непосредственное отношение к злоумышленникам, занимающимся рейдерскими захватами.

Существуют и другие ограничения. Так, не подпадут под амнистию лица, осужденные повторно, ранее уже освобождавшиеся по амнистии, а также совершившие иные преступления, не предусмотренные проектом данного постановления.

По данным Росстата, с 2006 года число осужденных по экономическим составам неуклонно сокращается. Так, в прошлом году суды вынесли обвинительные приговоры в отношении 5560 человек. Однако даже эта позитивная тенденция не способствовала восстановлению благоприятного предпринимательского климата. По данным Центра макроэкономических исследований Сбербанка, последние три года российская экономика испытывает нарастающий отток капитала из страны [53].

Что же делать? В условиях, когда количество осужденных сокращается, а доверие не восстанавливается, со стороны государства логичным представляется объявление амнистии за экономические преступления. Такой шаг может быть адекватным ответом на отток капитала и опасность сползания экономики в рецессию.

Отсутствие в истории новой России проведения подобных амнистий пока не позволяет судить об эффективности такого рода мер. Но очень скоро мы сумеем оценить практические результаты. По данным Росстата, количество повторно осужденных никогда не опускалось ниже 260 тысяч человек в год [53]. Завершить

исполнение рассматриваемого постановления предполагается в течение шести месяцев со дня вступления его в силу. Таким образом, 2014 год будет показательным — как для оценки влияния амнистии на предпринимательский климат, так и для желанной и способности бизнеса работать в рамках закона.

В течение шести месяцев — именно столько времени будет действовать амнистия, объявленная Государственной Думой, — на свободу выйдут и смогут начать жизнь с чистого листа, не омраченного пятном судимости, порядка десяти тысяч человек. Это многократно меньше того числа амнистированных россиян, которых освободило от наказания 65-летие Великой Победы в 2010 году.

Всего с 2000 года, как сообщил председатель Комитета ГД по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Павел Крашенинников [57], в России было семь амнистий, в результате которых прощение государства получили за свои преступления около миллиона человек.

Нынешняя амнистия гораздо скромнее. Круг лиц, которые попадают под действие двух постановлений, принятых Госдумой, «будет не очень широк», предупредил полпред президента в нижней палате парламента Гарри Минх [57]. И подход к каждому делу будет индивидуальным.

«Специфика заключается в том, что под амнистию попадают в основном осужденные за экономические составы преступлений. Амнистия будет распространяться на тех, кто сидит по приговору суда, на тех, кто находится под судом, на тех, на кого возбуждены дела», — уточнил Павел Крашенинников [57], объясняя суть постановлений.

Предусматривается исчерпывающий список преступлений, по которым осужденным не придется отбывать весь положенный им срок, независимо от того, на сколько лет их лишили свободы и сколько они уже отсидели.

Это нарушение авторских и смежных прав, нарушение изобретательских и патентных прав, мошенничество (ст. 159.1, 159.4), незаконное предпринимательство, производство, приобретение, хранение, перевозка и сбыт немаркированных товаров и продукции, незаконная банковская деятельность, незаконное использование документов для образования фирмы, отмытие денежных средств или иного имущества,

приобретенных преступным путем, незаконное получение кредита, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. На свободу выйдут осужденные за незаконное использование товарного знака, незаконный оборот драгоценных металлов и природных драгоценных камней, за невозвращение из-за границы средств в инвалюте, а также те, кому инкриминировались неправомерные действия при банкротстве, и уклоняющиеся от налогов. Амнистия коснется и условно осужденных по этим статьям, а также тех, кому отбывание наказания было отсрочено. По ней могут освободиться всего около десяти тысяч человек. Всего же в местах лишения свободы находятся сейчас 13 тысяч осужденных за преступления в сфере предпринимательской деятельности. Как рассказал Борис Титов, амнистия ожидает лишь тех, кто впервые осужден за преступления в сфере предпринимательства, и при этом возместил или согласен возместить ущерб, нанесенный потерпевшим [54].

Также известно, что в тексте амнистии не будет упоминаться 159-я статья — «Мошенничество»; по ней сейчас в тюрьмах находятся около 3 тысяч человек. Зато осужденных по статье 159.4 — «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности», появившейся в российском законодательстве с нового года, ожидает свобода.

Правда, — отметил Титов, — лица, осужденные ранее за «обычное» мошенничество, то есть по 159-й статье, смогут теперь обратиться в суд с просьбой переквалифицировать их преступление на статью, подпадающую под амнистию — конечно, если это окажется возможным. Тем не менее, мошенники, преступления которых не связаны с предпринимательством, досрочно на свободу не выйдут.

Еще один важный момент, который отметил Титов, рассказывая о документе, заключается в том, что он неприменим к лицам, совершившим хищения денег из бюджетов. Воровать у государства, — решили законодатели, — нельзя ни при каком раскладе. Именно поэтому, — подчеркнул омбудсмен, — если в будущем суд докажет вину в финансовых преступлениях бывшей главы Департамента имущественных отношений Министерства обороны Евгении Васильевой, то по экономической амнистии она выйти не сможет. Евгения Васильева является основной фигуранткой так называемого

«дела Оборонсервиса», возбужденного Главным военным следственным управлением СКР. Оно касается махинаций с объектами недвижимости, принадлежащими подконтрольному Минобороны ОАО «Оборонсервис» [54].

По мнению следствия, должностные лица военного ведомства выбирали из имущественного комплекса ОАО самые престижные и ликвидные объекты, а затем вкладывали в выбранные участки или акции серьезные бюджетные средства и успешно продавали их по сниженным ценам. Покупателями же становились коммерческие структуры, аффилированные с самим «Оборонсервисом». В действиях фигурантов дела следователи отмечают признаки мошенничества, превышения и злоупотребления должностными полномочиями. А общий ущерб, нанесенный государству, оценивается примерно в 4 миллиарда рублей.

Но есть два принципиальных условия. Под эту амнистию попадают только те, кто осужден по названным в проекте постановления статьям впервые. И в случае, если они за то время, что будет длиться амнистия, выполняют обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим лицам. Павел Крашенинников заметил, что ущерб должен быть возмещен не только государству или юридическим лицам, но и гражданам.

10 тысяч человек смогут выйти на свободу — это, по мнению главы думского комитета, гуманно и очень важно — как-то мы об этих потерпевших гражданах обычно забываем. На слово осужденным предпринимателям, желающим получить свободу, конечно, не поверят. «Документом, который будет подтверждать исполнение обязательств о возвращении имущества и возмещение убытков, — пояснил Гарри Минх, — станет информация либо службы судебных приставов, либо суда, который принимал соответствующее решение [57].

Минх отметил, что лица, подпадающие под амнистию, будут освобождены и от дополнительных видов наказаний, не исполненных на день вступления постановления об амнистии в силу. «Единственное, что не отменяется, — это установленный решением суда запрет занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью», — подчеркнул полпред [57].

Конечно, у политических партий, как

парламентских, так и не входящих в него, были свои предложения и цели при принятии законопроекта по экономической амнистии.

Либерал-демократы были возмущены тем, что профильный комитет проигнорировал их инициативы о проведении амнистий, с которыми ЛДПР последовательно и настойчиво выступает. Было у них предложение и к обсуждаемому проекту — поставить условие, чтобы амнистированные «ехали на постоянное местожительство на Дальний Восток». «Здесь им нечего оставаться, здесь они слишком быстро обогатились, и здесь снова у них появится желание обогащаться», — предположил Жириновский. Либерал-демократы также настаивали на том, чтобы исключить статью мошенничество из тех, по которым предполагается амнистия. По мнению лидера ЛДПР, надо выпускать из тюрем всех, «оставить в тюрьмах только убийц и мошенников» [57].

«Справоросс» Валерий Зубов увидел в предлагаемой амнистии актуальные моменты — «надо искать резервы, источники дополнительных стимулов» для развития экономики страны. И главный резерв — это предприниматели, которые действительно могут работать, выдвигать новые идеи, создавать новые производства. Правда, Зубов признал, что российское предпринимательство не без проблем. Но этот класс, по словам «справоросса», «формировался в условиях, когда государство еще не смогло отработать правовые нормы, правовые практики». Отсюда и многие предпринимательские грехи, за которые теперь надо отвечать. Но нередко отвечать им, по мнению Зубова, придется за ошибки следователей, судей [57].

Поэтому акт, принимаемый Думой, это «в глазах общества — акт милосердия». А в милосердии нельзя быть мелочным. И если даже эти люди, которые подпадают под экономическую амнистию, были осуждены законно, надо протянуть им руку, надо дать шанс «незапятнанными вернуться в общество», считает Зубов. «И мы протягиваем руку в надежде, что и с их стороны будет жест доброй воли», — заметил депутат, сообщив, что фракция СР, «несмотря ни на какие статистические показатели, несмотря ни на какие отдельные статьи, убеждена, что это правильный жест по отношению к тем, кто «может быть еще равными с нами в обществе, кто может получить новый шанс, и дать им этот шанс общество обязано» [57].

Исключив из перечня попадающих под амнистию составов преступлений незаконную банковскую деятельность организованной группы, сопряженную с извлечением дохода в особо крупном размере (часть 2 статьи 172 УК РФ), Дума приняла постановление об объявлении амнистии в окончательном чтении — 298 «за», один воздержался.

- Я поддерживаю это постановление и считаю, что это очень существенный сигнал деловому сообществу о поддержке предпринимательства государством, — заявил Нарышкин, — но при этом президент очень серьезно подошел к подготовке текста документа, который должен продемонстрировать взвешенное и сбалансированное отношение, потому что амнистия не должна дать ложных сигналов о безнаказанности. На мой взгляд, внесенный проект очень сбалансирован [57].

По мнению Бориса Титова, объявление Госдумой амнистии по преступлениям в сфере экономической деятельности станет «жестом, убеждающим общество в серьезности намерений власти по улучшению делового климата в стране». «Надо завершить период дикого капитализма, когда отношения между властью и бизнесом строились на силовом давлении и рейдерстве, период, когда делать бизнес чисто было невозможно», — сказал «Ъ» господин Титов [55]. Он презентовал доклад, который подготовил сопредседатель центра «Бизнес против коррупции» Андрей Назаров. В документе говорится, что с 2000 по 2009 год суммарное число преступлений в сфере экономики составило почти 3 млн, «уголовной репрессии было подвергнуто более 39% от числа субъектов предпринимательской деятельности»: «Трудно найти другой пример столь обширной уголовной репрессии в отношении определенного слоя населения или профессиональной группы» [61].

В докладе отмечается, что статью 159 УК «Мошенничество» «недобросовестные работники следственных органов используют как своеобразную дубинку для предпринимателей». Автор предлагает разделить статью на несколько более детализированных с определением различных составов преступлений, ссылаясь на то, что «уголовное законодательство зарубежных стран предусматривает более 30 видов мошенничества». Чистый отток капитала из России в 2011 году достиг рекордного

показателя и составил \$84,2 млрд. «Бизнес и общество ожидают принятия радикальных мер», — делает вывод автор [55].

«Логическим завершением политики гуманизации уголовного законодательства в экономической сфере» должна стать амнистия осужденных с 2009 по 2011 год по ряду экономических статей (159, 160, 165, 169-199.2) УК. В тексте отмечается, что амнистия может коснуться 124,5 тыс. человек, из которых 13,6 тыс. находятся в местах лишения свободы, а 110,9 тыс. осуждены и судимость не погашена. «Конечно, есть те, кто сидят за дело, — отметил господин Титов. — Но не так страшно, что они окажутся на свободе — они не представляют опасности для общества. Гораздо страшнее, что сегодня тысячи предпринимателей сидят ни за что» [55].

Напомним, вопрос об амнистии осужденных по экономическим статьям в апреле 2011г. был впервые поставлен Андреем Назаровым перед тогда еще президентом Дмитрием Медведевым на заседании рабочей группы «Открытого правительства» (см. «Ъ» от 11 апреля 2011г.). Члены рабочей группы сообщили, что сейчас осуждены порядка 120 тыс. предпринимателей. «Если это правда, то это катастрофа», — сказал тогда президент, отметив, что в этом случае предпринимательский климат будет полностью завязан на деятельность уголовной системы, и с этим нужно что-то делать радикальным образом» [61]. Предложил он подумать и об амнистии.

Зампред комитета Госдумы по экономической политике, глава межфракционной группы промышленного лобби Виктор Звагельский сказал «Ъ», что «амнистия — абсолютно правильная мера, но она должна работать очень выборочно». «Тех, кто не уплатил налоги, таможенные пошлины — за что их амнистировать? — сказал единоросс. — Или «хищение в особо крупном размере» — какая тут амнистия? Нельзя всех грести под одну гребенку». В то же время господин Звагельский отметил, что статьи о незаконном предпринимательстве и о мошенничестве «очень общие» и «УК надо конкретизировать» [55]. Отметим, что на встрече предпринимателей с Владимиром Путиным Борис Титов внес предложения по изменению законодательства, которые снизят его избыточную репрессивность (см. «Ъ» от 7 июня 2012г.). А «Правый поворот» предложил «амнистию» для взяточников.

Экономическая идея этой амнистии проста: экономика в рецессии; чтобы ускорить локомотив, мало финансового топлива нефти, нужны еще дрожжи предпринимательских мозгов. Часть их законсервирована по СИЗО и колониям: эксперты Титова оценивают число сидящих «чисто» бизнесменов от 7 до 14 тысяч человек [56]. Но раз в десять больше тех, кто осужден без лишения свободы, а тех, кто вышел из бизнеса, ожидая «благоприятного инвестиционного климата», наверное, больше в сотню раз. Это и есть потенциал малого и среднего бизнеса, способного вытянуть экономику, но теперь еще раз стало понятно, что никакого другого «климата» предприниматели здесь не дождутся, его надо искать в иных широтах.

Это экономический аспект амнистии, о котором лучше расскажут другие, но и юридическая ее конструкция не может быть сложной. Как акт «забвения старого» амнистия не может быть сконструирована избирательно, она не может быть актом ручного управления, она всегда подразумевает прощение «всех, кроме», допуская издержки в виде списания грехов тем, кто его, на самом деле, не заслужил. Так и был построен предложенный бизнес-сообществом проект, содержащий ссылки только на статьи «хозяйственных» составов УК и оговорку о том, что прощение распространяется на осужденных впервые. Но вердикт, вынесенный Путиным на воронежском заводе, оказался «условным», и в предложенных им согласованиях стремительная идея амнистии просто увязла.

У нас на глазах повторился сценарий 2011 года, когда точно такой же проект экономической амнистии был подготовлен медведевским ИНСОРОм, обсуждался на уровне комитетов Госдумы, но для реализации не хватило «политической воли». Разница в том, что экономическая ситуация была не так критична, но и в том, что у Медведева никакая политическая воля и не подразумевалась. Иное дело — Путин. Он, конечно, рискнуть мог бы. Но — в последний момент — не решился. Значит, дело не в нем лично, а в «коллективном Путине», чья воля парализована: разные группы его нервов и мышц (кланов) не могут договориться между собой даже технически.

Нетрудно представить себе аргументацию «силовой группы». В откровенном разговоре (а на этом уровне аргументация всегда откровенна,

даже если слова и не произносятся) эта «мышца» сказала бы так: «Государь! Вы пилите сук, на котором сидите, и рушите опоры строя, создававшегося вами (нами) 13 лет. И дело даже не в том, что бизнес воспримет амнистию как сигнал ослабления хватки, — он это так не воспримет, а мы ему напомним, кто есть кто. Но люди с бизнес-мозгами, которые в результате амнистии вылезут из нор, даже если предположить их вам за это личную благодарность (а они неблагодарные твари), — это не ваш электорат, это тайные дрожжи болотного протеста» [56].

В принципе этого аргумента уже достаточно, но можно усилить его и ссылкой на персоналии. Что делать с Ходорковским? Выпускать нельзя, это консолидирует оппозицию, но тогда придется объяснять, почему не отпустили, как всех, а «народ» воспримет объяснения как слабость. А что делать с Навальным, который не только будет неблагодарно комментировать прекращение нелепого дела о мошенничестве у себя в блоге, но и выдвинет свою кандидатуру куда-нибудь?

А что делать с той группой юристов, которая на самом деле разработала проект этой амнистии еще несколько лет назад? Может, кто и забыл, но Барщевский с Титовым, конечно, помнят, что первой такую идею публично высказала Тамара Морщакова, она же инициатор общественной экспертизы по делам Ходорковского и Магнитского. Проект был опубликован в «Новой газете» (№ 44 от 25.04.2011) для сбора подписей [35]. Подготовил же этот проект по заданию ИНСОРа «Центр правовых и экономических исследований». И где сейчас руководство этого центра? Оно под следствием в рамках «третьего дела Ходорковского» об организации им на деньги ЮКОСа, отмытые через зарубежные счета, той самой гуманизации экономической части УК, важным компонентом которой является и идея амнистии (см. «Новую газету», № 14 от 8 февраля 2013 года. — «Третье дело ЮКОСа о «печеньках») [42]. Вот какая компания, которую тоже пришлось бы косвенно амнистировать.

Проблема в том, что в рамках выстроенного (в стороне от Конституции) строя экономическая амнистия уже невозможна без политической, и такой оттенок она приобрела бы даже в случае, если бы в постановлении Думы об амнистии не было бы и намек на «узников Болотной». Ведь тут речь не об искусственной

реальности в телевизоре, а о политике и экономике, совместить которые нынешним властям очень трудно. Нельзя, чтобы одна и та же прокуратура, с которой предлагается теперь согласовывать проект экономической амнистии, одной рукой душила «иностранных агентов», а другой — ослабляла хватку у горла малого бизнеса; нельзя одной рукой закручивать одни и те же гайки, а другой — их откручивать: это пируэт, невозможный даже для самых изощренных политтехнологов.

Для Путина, который предоставил возможность опытным и статусным юристам Барщевскому и Титову заранее анонсировать амнистию для предпринимателей, это был как бы дебют в роли миротворца: за годы его нахождения у власти почти не было помилований, и была объявлена только одна амнистия президента Медведева, по которой на волю в конечном итоге вышло до сотни инвалидов, беременных и других безвредных заключенных. И этот дебют сразу перешел в цугцванг, когда любой следующий ход хуже.

«Коллективный Путин» как политическая система показал свою юридическую слабость на фоне экономической рецессии. Это плохой сигнал для президента В.В. Путина, который раньше на такие проблемы обращал очень серьезное внимание. А для экономики он не просто плохой, а очень плохой: это сигнал — «баста». «За пять лет — с началом гуманизации УК — было осуждено по экономическим статьям 248 тысяч человек» [56].

Амнистия — просто не стиль нынешней власти, и вообще она чаще прислушивается к мнению силовиков, чем к мнению предпринимательского сообщества. Для нее силовики играют большую роль, чем те, кто собрались на встрече в Воронеже. Наверное, есть и предприниматели, к мнению которых власть тоже прислушивается, но, похоже, таких в Воронеже не было. И они, наверное, об амнистии ничего не говорят Владимиру Владимировичу. А силовики наверняка приходят. Отсюда слова В.В. Путина об экспорте материалов и технологий двойного назначения, которые могут использоваться в производстве оружия массового поражения... Кто-то, наверное, ему рассказал об этом. Даже интересно, сколько у нас человек осуждены за это. Никто о таких делах даже не слышал, и они к предпринимательству не имеют никакого

отношения. Ответ у него был явно заготовлен, примеры эти ему кто-то предложил.

К этой ситуации было бы совершенно другое отношение, если бы Путин сказал: «Да, вы знаете, я согласен, что затронутая вами тема очень важная. Вы помните, я даже в своей предвыборной речи говорил, что хозяйственные споры переводятся в уголовные преследования». Амнистия могла бы стать одним из шагов для того, чтобы начать борьбу с этой системой. Доработайте, пожалуйста, свой проект, и я готов его рассмотреть». Согласитесь, это был бы совершенно другой сигнал. Мы ведь сигналами живем, у нас же какая страна? Улавливаем любой скрип половицы. И вот такой скрип половицы под правой ногой президента дал бы совершенно другой сигнал тем, кто взялся с удовольствием прорабатывать этот проект. Но когда президент говорит: «Вы знаете, у нас, конечно, есть недоработки, но что-то я не считаю, что есть какие-то люди, которые достойны того, чтобы их выпустить», — он выражает нежелание обсуждать амнистию [56].

Вадим Клювгант, адвокат, например, считает, что «Президент знает, что есть люди, которые сидят совсем не за то, за что их осудили». Клювгант утверждает: «Что фанфар и барабанного боя со стороны инициаторов этой амнистии намного больше было, чем конкретных шагов. Речь именно об инициаторах амнистии, а не авторах. Авторами на самом деле были члены Совета по правам человека при президенте, которые еще в 2011 году внесли предложение об амнистии президенту. И предложение не просто как идею, концепция которой непонятна и которую еще надо обсуждать, а они положили на стол президента конкретный проект, тщательно ими проработанный. Но судьба этого проекта была такой же, как и судьба всего пакета предложений Совета по правам человека, касающихся изменений в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах, — ничего не было реализовано.

То, что сейчас идея об амнистии возникла вновь, само по себе заслуживает поддержки. Но уж как-то слишком громко об этой идее объявляли. Непропорционально и неадекватно существованию проблемы. Какой-то уж очень пропагандистский налет был. Это не могло не настораживать. И получился ущерб профессионализму. Идеи, которые обсуждались инициаторами

сегодняшней амнистии, плохо ложатся на бумагу и плохо реализуются.

А разнос, устроенный Путиным по поводу «сырости» проекта об амнистии, — совершенно никакой неожиданностью являться не мог. И эта его фраза: «Есть и другие категории граждан, которые формально осуждены по экономическим преступлениям, но степень их общественной опасности выходит далеко за рамки сути той проблемы, о которой вы говорите»...

И наравне с теми, кто сидит не за то, за что их осудили, есть у нас каста государевых людей, чиновников средней руки. Когда они попадают под суд, то получается весьма странно: все у них как-то гуманно заканчивается в этих судах, обвинения не вполне адекватные инкриминируют — в сторону смягчения, вместо взяточничества, например, какое-нибудь мошенничество. То есть деньги взял, но ни в коем случае не использовал свое положение в корыстных целях. И наказания у них мягче получаются, чем у обычных людей. Причем такая каста государевых людей все более массовой становится. И преференции, создаваемые тем, с кого спрос, казалось бы, наиболее строгий должен быть, — еще одна черта разложения государства и суда» [56].

Наверное, нельзя согласиться с такими резкими оценками, сделанными Вадимом Ключвантом, в отношении В.В. Путина. Президент Путин юрист не только по полученному образованию, но и по своему сердцу и душе. Нельзя забывать, что он к тому же еще и просто человек, которому судьбой и окружением отведена роль лидера своего общества, страны, российского государства. Он очень остро чувствует существующие проблемы и пытается, достаточно успешно, находить наиболее правильные пути их решения. Он «кожей» чувствует свою ответственность перед людьми, как глава государства [18]. Да, полномочия его велики, и справедливо утверждение, что «власть президента чрезвычайно высока и мало контролируема». Но нам повезло. «Хорошо, — указывает известный государственный и политический деятель, ученый-юрист, профессор А.И. Александров, — что сегодня президентом является умный, сильный, нравственный, добрый и очень осторожный (в чем-то даже слишком осторожный) человек» [4].

Интересно, а как относится наше российское общество к экономической амнистии?

Как выяснил Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), четверть россиян ее не поддерживает, остальные граждане сомневаются в ее эффективности. Однозначно за такую амнистию — лишь примерно каждый восьмой респондент.

Несмотря на то, что летом люди достаточно мало интересуются политическими и правовыми новостями, известие об экономической амнистии в обществе отклик получило. Знает про это каждый пятый (19%), что-то слышали 36%. Правда, 43% опрошенных получили эту информацию только от социологов, проводивших опрос.

При этом у 8% россиян есть близкие и шапочные знакомые, которых в свое время осудили по экономическим статьям (за мошенничество, неуплату налогов, незаконное предпринимательство и пр.) И правильно сделали! — говорило большинство таких респондентов. О том, что приговор был несправедливым, считала лишь небольшая часть знакомых с «сидельцами».

Но россияне обычно четко разделяют личный опыт и общие понятия. 44% опрошенных считают, что за экономические преступления у нас сажают в тюрьму «справедливо».

Каждый пятый (19%) уверен, что такие суды обычно неправые. 37% затруднились с ответом. Чаще других верили в справедливость наказания криминальных бизнесменов люди старше 45 лет, сельские жители и сторонники коммунистических воззрений (по 50% в каждой из групп). И наоборот, сочувствовали «несправедливо осужденным» по экономическим статьям в большей степени люди с доходом свыше 20 тысяч в месяц, москвичи, молодые люди с вузовским образованием (25, 29 и 27% соответственно).

О том, что экономическая амнистия будет иметь сугубо положительные последствия, осторожно сказали лишь 12% опрошенных. Они считают, что теперь отсидевшие за решеткой бизнесмены «извлекли урок» и «больше не будут так поступать». Более того — раз они предприниматели, то они смогут принести пользу экономике — создать рабочие места или платить налоги.

Кроме того, сторонники экономического гуманизма напоминают, что даже амнистия не освобождает от возмещения ущерба. И добавляли: на свободу вышли те, чьи проступки довольно незначительны, «а у нас полстраны такие», «они же не убили никого». Но составившие

относительное большинство 26% предчувствовали негативный эффект от такой меры.

По их мнению, тюрьма никого не исправляет, амнистия тем более: «выйдут на свободу и снова начнут воровать», «выйдут те, у кого лапа еще не остыла, опять станут хапать».

Очень важно для наших сограждан то, чтобы все в стране делалось «по справедливости», а в данном случае им в это верится слабо. Вор должен сидеть в тюрьме — вот лозунг, действительно овладевший массами. Россияне подозревают, что в ходе амнистии все будут решать только деньги и связи, а не закон: «на свободу выйдут богатые», «выпустят удобных для власти, а остальные останутся сидеть». В итоге, опасаются опрошенные, криминал будет чувствовать себя безнаказанным и число экономических преступлений только возрастет.

«А кто будет возмещать убытки?» «А как же борьба с коррупцией?» — на эти риторические вопросы ответа нет ни у граждан, ни у социологов, ни у тех, кто комментирует принятые «наверху» решения [58].

В Южном федеральном округе 34 предпринимателя, попавших под экономическую амнистию, отказались от нее. Такие данные прозвучали на совещании по вопросам улучшения предпринимательского климата, которое прошло в полпредстве президента в ЮФО. Некоторые из отказников еще на свободе, поскольку продолжают судиться и вердикта по их делам еще не вынесено. Зато другие по-прежнему находятся в местах заключения. И не собираются их покидать.

- Эти предприниматели не готовы воспользоваться условиями амнистии по двум причинам, — сообщил «РГ» заместитель полпреда президента в ЮФО Владимир Гурба. — Первая связана с тем, что от бывших осужденных требуется возместить убытки, а денег у них нет. В то же время выполнение обязательств по возврату имущества и возмещению убытков потерпевшим являются основными условиями от освобождения наказания по амнистии. А во-вторых, не все хотят признать себя виновными [59].

В Южном федеральном округе действие амнистии распространяется на 210 предпринимателей. Из них 44 отбывают наказание в исправительных колониях и содержатся в следственных изоляторах, а 166 состоит на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. В настоящее время

освобождены 141 из них. Они уже покинули места заключения.

Если бы не амнистия, за решеткой могли бы оказаться еще более сорока бизнесменов. Однако вовремя подоспело постановление Госдумы «Об объявлении амнистии». Поэтому следственные органы прекратили производство 38 уголовных дел, и в отношении еще 42 человек была применена процедура амнистии.

Отношения между государством и предпринимателями складываются далеко не идеально [2; 5; 6; 7; 11; 13; 14; 20; 21; 23; 24; 25; 28; 31; 32; 34; 36; 37; 38; 39; 43; 49; 50; 51]. На совещании в полпредстве говорилось, что административные барьеры по-прежнему являются одним из основных препятствий развития бизнеса. Чаше всего бизнесмены жалуются на избыточную активность надзорных ведомств.

Так, например, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Астраханской области Наиль Никитина рассказала «РГ» о следующих случаях, с которыми ей часто приходится сталкиваться. Без особых на то оснований надзорными органами был оштрафован на 400 тысяч рублей маленький магазинчик за невыполнение административного предписания. В магазине работает всего три человека, которые ютятся в небольшой комнате.

- Такой огромный штраф фактически означает крах этого частного предприятия, — считает Наиль Никитина. — При проверке другого магазина надзорное ведомство придралось к тому, что на этикетке огнетушителя вместо цифры «1» стояла «2». И наложили штраф в размере 20 тысяч рублей. Исправить ошибку было минутным делом. Но проверяющие заставили платить штраф. Разве так можно относиться к людям? [59]

Анализ практики прокурорского надзора в округе свидетельствует об имеющихся случаях нарушения закона органами власти, обладающими контрольными и надзорными полномочиями в отношении предпринимателей. Всего в округе за первое полугодие 2013 года органами прокуратуры выявлено свыше девяти тысяч нарушений законодательства в сфере защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Около 1,5 тысячи должностных лиц привлечено к дисциплинарной ответственности [59].

Под так называемую экономическую

амнистию попало в общей сложности уже более 140 человек. Об этом «РГ» сообщили сегодня в Федеральной службе исполнения наказаний. Из них 16 осужденных отбывали наказание в исправительных учреждениях и были освобождены их своих колоний. Еще 41 человек содержались под стражей в следственных изоляторах. Эти люди вышли на волю по решениям органов дознания, следствия и суда.

Однако больше половины амнистированных — 86 человек — находились не в казенных домах, а на воле — под надзором уголовно-исполнительных инспекций. Они уже были осуждены, но получили наказания без лишения свободы [62].

Например, в Бурятии был освобожден по амнистии 45-летний гражданин, осужденный за незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней. Он состоял на учете в уголовно-исполнительной инспекции, но буквально на днях был вычеркнут из списков поднадзорных. Правда, в приведенную сегодня статистику он вряд ли попал: тюремное ведомство привело данные по состоянию на 23 августа. А статистика амнистии меняется каждый день.

Всего, как сообщают в управлении ФСИН по Бурятии, в республике по амнистии были освобождены три человека. В том числе неделю назад был освобожден 37-летний гражданин, который был осужден по статье «Мошенничество». Он также состоял на учете в уголовно-исполнительной инспекции. Третий освобожденный гражданин отбывал наказание в одной из колоний Бурятии.

По данным прессы, могут в ближайшее время пополнить ряды амнистированных и три гражданина из Калининградской области. И здесь точно такое же соотношение: один человек находится в казенном доме (в данном случае — в следственном изоляторе), двое стоят на учете в уголовно-исполнительной инспекции [62].

Так же стало известно, что первая осужденная вышла по амнистии в Смоленской области. Как сообщает пресса, за ведение предпринимательской деятельности без лицензии она была приговорена к двум годам лишения свободы условно с испытательным сроком на два года. Сейчас надзор за ней прекращен раньше положенного — по амнистии. Кроме того, освобождения по экономической амнистии в регионе ждут еще 12 человек. Из них двое находятся в местах

лишения свободы [62]. В общем, процесс освобождения еще продолжается.

Экономической амнистии, объявленной этим летом, с нетерпением ждут по всей стране, но только не в Хакасии. Половина заключенных местных исправительных учреждений, имеющих право на помилование, добровольно отказались выходить на свободу.

- Под действие амнистии подпадают заключенные по 27 «экономическим» статьям УК, — рассказала адвокат Надежда Солдатова. — Изначально предполагалось, что за те шесть месяцев, пока длится амнистия, она коснется десяти тысяч человек: тех, кто нарушил авторские и смежные, изобретательские и патентные права, осужден за незаконное предпринимательство, производство и сбыт немаркированной продукции, злостное уклонение от выплаты кредитов и т.д. Причем, что важно, осужденные попадают под амнистию, только если совершили эти правонарушения впервые [59].

Всем этим пунктам одновременно соответствует не столь уж много осужденных — оказалось, что на всю Хакасию их всего-то 14. Однако на свободу из них пока вышли лишь двое, а шестеро вообще категорически не желали покидать тюрьму.

По предварительной версии, причиной тому стало еще одно обязательное условие помилования — необходимость полностью возместить ущерб потерпевшей стороне. Хакасские заключенные предпочли провести лишнее время за решеткой, а не выплачивать долги. В пресс-службе УФСИН особо подчеркивают: это их добровольное решение.

К слову, речь тут отнюдь не о запредельных суммах. К тому же их в любом случае придется отдать, пусть и после выхода на свободу. Правда, возможен расчет частями или с продажи имущества.

В заключение хотелось бы привести мнения известных политиков и юристов по поводу эффективности нынешней экономической амнистии:

Виктор Звагельский — зам.пред.комитета Госдумы по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству считает, что «если мы говорим о знаменитой амнистии 53- года, я бы не стал относиться к ней, как к некому акту гуманизма. Это был пример абсолютно политической — в негативном

смысле этого слова — амнистии, которая преследовала, естественно, совершенно другие задачи; и меньше всего беспокоило в то время руководство страны, какие люди выйдут на свободу и зачем они выйдут, то почему они выйдут — это было самое главное. Поэтому, я в большей степени сейчас, наверное, остановлюсь на экономическом аспекте. Амнистия, в основном, последняя амнистия, о которой говорят — то изначально цифра была порядка 100 тысяч, потом была подкорректирована. Но, цифры 100 тысяч, на самом деле никогда не было. У нас нет такого количества заключенных по экономическим статьям. Цифра изначально была где-то 12 тысяч. То есть, когда в прессе появилось 100 тысяч — это имелось в виду то, что никоим образом не связано с насильственными преступлениями и каким-то образом, боком имеет отношение к экономике. Поэтому то, что корректировка произошла в виде того, что, действительно, были убраны одиозные статьи экономические, которые не предполагают...

Это там, где в любом случае были доказаны факты либо мздоимства, либо взяток, либо умышленных банкротств предприятий. То, что мы говорим о тех экономических статьях, где достаточно сложно сфабриковать дело, а на самом деле понятно, что в наших условиях и с учетом работы нашей правоохранительной системы сфабриковать можно все, но это достаточно, все-таки, прозрачные статьи, которые мало предполагают какие-то умышленные фабрикации. То есть, на самом деле, положить руку на сердце, опять же я возвращаюсь к тому, что сказала Тамара Георгиевна, — мы говорим о некоем гуманном акте. Потому что, если, все-таки, разбирать количество дел, по которым люди попали в тюрьму чисто по экономическим статьям, то, наверное, умышленно посаженных туда по каким-то корпоративным спорам и по остальному, будет процентов 15, а то и меньше.

Во всем мире есть, конечно, не такой процент. Понятно, что в большинство случаев, вообще, сам факт угрозы попадания в тюрьму, он заканчивается уже на этапе следствия и происходит либо какая-то договоренность, либо еще какие-то вопросы решаются. И вот, в этом смысле, есть положительные и отрицательные моменты. Положительные, — опять же возвращаясь к экономической составляющей, что это в первый раз за все время существования

Российского государства, — когда это дало такой положительный импульс для мирового сообщества. Потому что, притом, что общество злое — я согласен — не очень доброе, и это показывают даже результаты опросов, что даже, когда была объявлена экономическая амнистия, то только около 30% людей ее приняли, потому что отношение к бизнесу и предпринимательству в России, конечно...

Вы знаете, я немного не юридическим языком выражусь, но я, например, не очень согласен с теми обременениями, которые накладывает сегодняшняя экономическая амнистия. Во-первых, сегодняшнее обременение в виде возмещения ущерба — это тормозит во многом выход людей на свободу. Почему? Потому что есть объективные предпосылки. Человек, попавший в тюрьму за экономические преступления — он либо не имеет, вообще, денег и он не в состоянии выйти...

Либо он их не хотел отдавать, и, именно, из-за этого он пошел в тюрьму. Поэтому сейчас это обременение — оно процентов 80 людей оставляет в тюрьмах. И, это не совсем с моей точки зрения юридической практики, правомерно. Что касается предстоящей амнистии, то, поскольку она должна распространяться на большую часть людей, которые попали туда по каким-то статьям, не связанным с какой-то политической деятельностью, может быть, не совсем правомерной, и для них обременением будет признание своей вины — это тоже не совсем правильно. Поэтому многие люди будут вынуждены поступиться какими-то своими принципами, при этом будет закрыто уголовное дело, либо они пойдут уже по этапу.

Однако, я не совсем согласен с тем, что амнистия должна — извините за такое слово — распространяться поголовно на всех тех, кто совершил ненасильственные преступления. Потому что огромное количество людей, совершивших ненасильственные действия даже далекие от каких-то экономических статей, это преступления, по которым амнистировать априори нельзя. Поэтому, опять же, из этих 100 с лишним тысяч, о которых говорят, я думаю, что эта цифра может быть — если мы будем по половым признакам определять: женщины, дети — эта цифра может раз в 10 уменьшиться. И, в любом случае, не хотелось бы, чтобы эта амнистия перешла в плоскость освобождения

исключительно по каким-то политическим мотивам. Я уже читаю очень много материалов о том, какие предложения исходят, в том числе, от депутатов, потому что вещь сильно в будущем распиарена, и, конечно, всем хочется принять в этом участие.

Это, потому что «звучащие» дела, но, на самом деле, но, если мы говорим о самом формате ненасильственных преступлений, но, конечно, они туда попадают. Это же вопрос не помилования — это вопрос конкретных статей Уголовного кодекса, к которым будет применяться амнистия или нет. А вопрос, который сейчас мало звучит, если мы будем продолжать тематику экономических амнистий, то у нас есть очень важный аспект, о котором мы забываем; огромное количество капитала, который вывезен сейчас из России, который не работает в России. Потому что очень жесткие на западе законы. Неважно, какой капитал, но я говорил с огромным количеством людей, которые хотят вернуть деньги. Они говорят: «Мы сегодня вернем, а завтра и послезавтра мы будем ждать уже в местах лишения свободы следующей экономической амнистии». Поэтому, если возвращаться к тематике не только той, о которой говорит президент, а возвращаться к тому, что, наверное, есть смысл проводить амнистию капитала, — то мы получим серьезный экономический эффект от возвращенных сюда денег.» [52]

Тамара Морщакова — экс-судья Конституционного Суда и член президиума президентского совета по правам человека: «Это очень важные вопросы. Я думаю, что они важны не только для тех, кто находится в местах лишения свободы, но и для общества в целом. Общество должно понимать, в каком положении находится наша исправительная система, как работают наши правоохранительные органы, что в деятельности этих органов и деятельности исправительной системы на самом деле заставляет нас думать о таких актах, как амнистия и помилование. Причем, думать, не только в моменты подготовки к великим или большим просто праздникам. На самом деле, если вспоминать старые времена и амнистию 1953 года, то здесь можно найти и аналогии, и отличия, потому что 53 год вместе с амнистией пришел к нам после длительных лет очень страшных репрессий. И, естественно, надо было отреагировать на это таким образом, иначе не мог бы был

восстановлен как-то правовой мир в обществе, не было бы какого-то понимания того, что произошло в прежние годы. И люди, которые пострадали за годы репрессий, не могли бы вернуться в общество, как социально принимаемые. Причин для проведения амнистий может быть много — не только те случаи, когда распространены бывают политические репрессии, но и, вообще, состояние дел в правоохранительной системе, когда нельзя гарантировать, что она действует эффективно и безошибочно. У общества есть, мне кажется, в настоящее время серьезные сомнения в том, что то, что мы имеем в качестве отбывающих наказание — весь этот массив заключенных — осужден с достаточными основаниями. И такая амнистия — она бывает нужна для самой правоохранительной системы для того, чтобы, если хотите, образно говоря, начать с чистого листа, и, как-то иначе, может быть, переориентировать свою деятельность.

Амнистия — это ведь определенный гуманный акт, это акт прощения, и надо думать о том, нравы нашего общества способствуют тому, чтобы мы проявляли формы такого гуманного поведения или нет. Я думаю, что общество, на самом деле, достаточно жестоко, и такие акты амнистии нужны для того, чтобы все понимали, что происходит в связи с деятельностью исправительной системы. Потому что она не стопроцентно исправляет и даже наоборот, я бы сказала, что она имеет совершенно другую направленность — она калечит и тех, кто отбывает наказание, калечит и общество в целом, потому что к работе этой системы привлечено очень большое число людей, и они не проявляют себя, как современные, цивилизованные люди. Это проблема для общества.

Конечно, институт амнистии, совершенно не уникальный, как и большинство правовых институтов, с которыми работает наше право. Они существуют и в других развитых правовых системах. Я могу сказать, например, о Германии, где существует даже такая отрасль права, которая называется правом помилования. На самом деле, под этим наименованием объединяются все правовые основы, как применения помилования к отдельному человеку, который привлекается к уголовной ответственности или был привлечен, так и такие акты, как акт амнистии, как акты общего прощения — все равно они относятся к этой области. Акты общего прощения всегда

требуют законодательных решений. Признается, что акты общего прощения в ином исполнении не могут иметь место, потому что это противоречило бы уважению к судебному решению, законной силе судебного решения, которое может быть прекращено в отношении каких-то категорий лиц только на основе волеизъявления законодателя.

Если же говорить о том, как соотносятся признание вины и применение амнистии, то необходимо иметь в виду, что никогда признание вины не соотносится ни с амнистией, ни с, простите меня, с помилованием. Помилование просто невозможно, и этим оно уже, не только потому, что оно относится к конкретному лицу, чем амнистия, помилование невозможно, так считается по иностранному праву, в отношении лиц, которые еще не осуждены приговором суда.

Возникает вопрос, а на какой стадии уголовного преследования амнистия может быть применена? Это зависит, повторяю, от решения законодателя. В принципе, акт амнистии должен освобождать от всех отрицательных правовых последствий осуждения. Но, я вам должна сказать, что амнистия в зарубежном праве существует применительно не только к области уголовной ответственности. Есть амнистия в области дисциплинарной ответственности, административной ответственности, даже ответственности той, которую мы называем этической, нравственной по профессиональным кодексам. Но, в отношении уголовной ответственности акты амнистии могут освобождать от любых правовых последствий, которые связаны с решением суда.

Теперь по поводу того, что условием амнистии является возмещение ущерба. Можно я сейчас скажу в поддержку того, что сейчас здесь прозвучало. Непризнание вины возмещение ущерба — не относятся к таким принципиально допустимым условиям амнистирования, которые в мире признаются. Наоборот, это совершенно исключается, как условие. Так же, как при проведении амнистии — на самом деле, там много принципов — исключается такое условие, что законодательный орган, принимая акт об амнистии, имеет в виду, что он будет относиться и к представителям самого этого законодательного органа — это учитывается тоже, как невозможное. Есть целый ряд — наработка такая — принципов амнистии, который делает ее актом непроизвола — это очень важно

Я считаю, что эти слова не надо специально для президента находить. Он юрист, и он прекрасно понимает, что амнистия отличается от актов помилования. Если он поддерживает такое предложение, такую инициативу — провести амнистию в отношении совершивших ненасильственные преступления, это значит, что он понимает, что это не может быть выборочным в отношении того круга деяний, которые будут включены в этот закон, как подлежащие...

Закон — он должен сформулировать общее правило. Если будет плюс к этому закону существовать политическое усмотрение, то это другой аспект деятельности, и он будет оцениваться отдельно. Он не подлежит оценке в общем анализе проведенного акта амнистии или планируемого акта амнистии. Это будет отклонение от нормы. Отклонение от нормы — это, простите меня, всегда произвол» [52].

Юрий Пилипенко — управляющий партнер юридической фирмы «ЮСТ», вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ: «Последнее время амнистия стала достаточно заметной темой для публичного и политического пространства в нашей стране. Если я не ошибаюсь, в 2013 году первую попытку инициировать амнистию предпринял бизнес-омбудсмен господин Титов. По его инициативе из мест лишения свободы должны были выйти примерно 100 тысяч человек, осужденных по так называемым экономическим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации.

Однако эту инициативу подхватил президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, существенно ее отредактировав. И, сейчас мы имеем амнистию, по которой примерно 900 человек уже вышли на свободу или около того. Тем не менее, президент опять счет возможным вернуться к этой теме, и в этой связи хотелось бы узнать мнение наших гостей о том, что такое амнистия, чем она отличается от помилования. Необходимо ли признание вины для того, чтобы к человеку, к осужденному амнистия была применена. Насколько этот институт является уникальным для нашей страны либо он встречается еще и в других правовых системах. Также, по возможности, хотелось бы двумя словами обмолвиться, с моей точки зрения, о самых знаковых амнистиях 20-го века. Это амнистия 1953 года, так называемая «бериевская амнистия», когда на свободу вышло примерно

1 миллион 200 тысяч осужденных. И уже в том же 1953 году, холодным летом 53-го года часть из них пришлось возвращать в места, не столь отдаленные. Также хотелось бы обсудить амнистию 1994 года, которая называлась «политическая и экономическая амнистия», по которой от уголовной ответственности были освобождены члены ГКЧП и участники защиты Белого дома.

За последние 20 лет в России амнистии проводили 14 раз. 5 раз в связи с событиями на Северном Кавказе, 4 — по случаю юбилейных дат, связанных, в том числе, и с Победой в Великой Отечественной войне. Еще три раза амнистия объявлялась в отношении социально уязвимых групп, и по одному разу экономическая и политическая. При этом, амнистия и помилование — это не одно и то же, так как первая применяется сразу к группе лиц, объединенных по определенному признаку, а помилование касается, как правило, конкретного человека. Одна из причин объявления может быть и переполненность мест в исправительных учреждениях. Сейчас в местах лишения свободы наказание отбывает около 800 тысяч человек.

Я бы хотел сказать, что амнистия всегда очень сложный политический и практический процесс. Объясню на примере амнистии 1994 года. В то время я был защитником одного из участников ГКЧП, а именно, председателя КГБ Владимира Александровича Крючкова. Они уже были тогда на свободе, но находились под судебным разбирательством, и я помню эту процедуру

согласования, по всей видимости, не открытого — согласятся ли члены ГКЧП на амнистию или нет. По всей видимости, они дали знать в таком, неформальном порядке, что они готовы будут принять амнистию. Единственный человек — генерал Варенников отказался от амнистии, и в результате он получил оправдательный приговор, спустя несколько лет. Но, я на сегодняшний день абсолютно уверен, что, если бы все члены ГКЧП проявили солидарность с генералом Варенниковым и отказались бы от амнистии, я не уверен, распространялась ли бы она на них? И, в этой связи, я хотел бы задать вопрос: Насколько современные, актуальные уголовные дела могут влиять на принятие того или иного формата по амнистии?» [52].

Рассматриваемая проблема весьма актуальна [3; 8; 9; 10; 12; 15; 16; 17; 19; 22; 26; 27; 29; 30; 33; 40; 41; 44; 45; 46; 47; 48]. Она вскрывает те же узкие места, которые имеются и в других областях деятельности. Необходимость активного изменения законодательства очевидна. Пора делать шаги, которые бы однозначно привели к улучшению бизнес-климата в стране. И законодательной и исполнительной власти необходимо прислушиваться к бизнес сообществу, общественным, политическим и научным организациям для выработки путей и средств, успешного завершения российской политической и экономической модернизации, обеспечивающей эффективное развитие всей социальной системы общества.

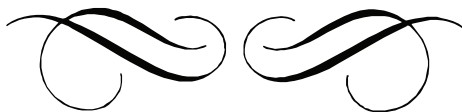
Список литературы

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации. – М., 2013.
2. Агеев С.В. Приоритетная поддержка малого и среднего бизнеса как важнейший фактор экономической безопасности страны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2010. – № 8. – С. 62-66.
3. Аксенов В.С., Гельвановский М.И., Нестеренко Ю.Н., Николаев А.В., Погудаева М.Ю., Поморцева И.М., Сенчагов В.К., Шамрай Ю.Ф., Шамхалов Ф.И. Мировой финансовый кризис и экономическая безопасность России: анализ, проблемы и перспективы. – М.: Экономика, 2010.
4. Александров А. «Высшая ценность – человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 23. – Декабрь. – С. 10-11.
5. Анищенко А.В. Россия в системе глобальных рисков: долларизация как угроза экономической безопасности страны // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2011. – № 6.
6. Анищенко В.Н., Хабибулин А.Г. Экономико-правовые предпосылки и проблемы инновационного развития России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 7-17.
7. Анищенко А.В. Механизм ценообразования на мировом рынке энергоресурсов как финансовая угроза экономической безопасности России // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2012. – № 4.
8. Анищенко Е.В. Безопасность России в условиях социально-экономических реформ // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 7-20.

9. Бородин В.В., Быкова Е.А. Некоторые особенности корпоративного и инкорпоративного типов экономики // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 92-97.
10. Буев В., Шамрай А. Малый бизнес: текущее состояние и проблемы финансирования. Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства. – М., 2010.
11. Булатов Р.Б., Ломакина И.Б. Административно-правовое обеспечение предотвращения внутренних и внешних угроз экономической безопасности государства и личности // Социология и право. – 2013. – № 1. – С. 86-93.
12. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 192 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
13. Васильченко А.С. Комплексное обеспечение экономической безопасности малого бизнеса в современных условиях: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2009.
14. Ващекин Н.П., Дзелиев М.И., Урсул А.Д. Безопасность предпринимательской деятельности. – М.: Экономика, 2002.
15. Гер О.Е. Экономические и политические реформы в Российской Федерации: практика проведения и итоги // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10. – С. 12-21.
16. Герасимов А.П. Экономическая безопасность российской государственности: экономико-правовые аспекты: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001. – 316 с.
17. Горбашев В.В., Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Политическая, правовая система общества и национальная безопасность государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 21-29.
18. Додонов В.Н. Институт правовой ответственности главы государства: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 165 с.
19. Егоршин В.М. Экономическая безопасность и экономическая преступность в современной России. – СПб., 1999.
20. Занин В.П. Жестокая экономика России. Как выжить российскому бизнесу и населению в России: Монография. – М.: Голос-Пресс, 2009. – 224 с.
21. Захарцев С.И. Экономика и право: проблемы соотношения // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 49-54.
22. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран-участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 111-117.
23. Ибадова Л.Т. Новеллы Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Цивилист. – 2008. – № 1.
24. Исмагилов Р.Ф. Деловой климат в России: сегодняшнее состояние и перспективы развития (политико-правовой и экономический анализ) // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 11-19.
25. Исмагилов Р.Ф. Состояние и самочувствие малого и среднего бизнеса – вопрос национальной безопасности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 97-102.
26. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
27. Калина А.В., Криворотов В.В., Эриашвили Н.Д. Экономическая безопасность государства и регионов. – М.: Юнити-Дана, 2011.
28. Колесников В.В., Борисов О.А., Быков В.Н. Коррупция как экономический институт и угроза безопасности России / Науч. ред. В.В. Колесников. – СПб., 2010.
29. Колокольцев В.А. Государственные интересы России в контексте концепции национальной безопасности. – СПб., 2004.
30. Кондрат Е.Н. Государственный финансовый контроль и финансовая безопасность России. Правовые аспекты: Монография. – М.: Юстицинформ, 2013. – 640 с.
31. Литвиненко А.Н., Очерedyкo В.П. Безопасность хозяйствующего субъекта: опыт экономико-правового анализа: Монография. – СПб.: СоветникЪ, 2011. – 132 с.
32. Ляшевич И.А. Правовые проблемы регулирования малого и среднего бизнеса в России на современном этапе // Журнал российского права. – 2006. – № 5.
33. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы, законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
34. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
35. Новая газета. – 2011. – № 44. – 25 апреля.

36. Рожнецв С.В., Числов А.И. Интересы субъектов малого и среднего предпринимательства: механизм правовой охраны // *Юридическая наука: история и современность*. – 2013. – № 9. – С. 82-93.
37. Рожнецв С.В., Числов А.И. Органы местного самоуправления и интересы малого и среднего бизнеса: проблемы юридической ответственности // *Правовое поле современной экономики*. – 2013. – № 9. – С. 104-119.
38. Рожнецв С.В., Числов А.И. Субъекты малого и среднего бизнеса, их интересы и правовая охрана // *Мир политики и социологии*. – 2012. – № 11. – С. 81-94.
39. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // *Правовое поле современной экономики*. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
40. Степашин С.В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы): Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1994.
41. Степашин С.В. Теоретико-правовые аспекты обеспечения безопасности Российской Федерации: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1994.
42. Третье дело ЮКОСа о «печеньках» // *Новая газета*. – 2013. – № 14. – 8 февраля.
43. Трунцевский Ю.В. Обеспечение безопасности граждан – современный путь развития государства // *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. – 2011. – № 4. – С. 13-17.
44. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // *Журнал российского права*. – 2007. – № 2.
45. Хабибулин А.Г. Политико-правовые проблемы государства в области социально-экономического развития России // *Мир политики и социологии*. – 2012. – № 11. – С. 7-17.
46. Хабибулин А.Г. Финансовая безопасность России на современном этапе: проблемы обеспечения // *Правовое поле современной экономики*. – 2012. – № 8. – С. 103-109.
47. Хабибулин А.Г., Анищенко В.Н. Теоретические проблемы безопасности международного финансового центра в Российской Федерации // *Мир политики и социологии*. – 2013. – № 9. – С. 135-143.
48. Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2008.
49. Числов А.И., Цишковский Е.А. Защита и реализация экономических интересов России как основные направления обеспечения ее экономической безопасности // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2006. – № 1. – С. 13-25.
50. Экономико-правовой комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» / Под ред. Ю.А. Подгорной, И.А. Смагиной. – М., 2007.
51. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Ч. 1 / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко – М.: СПб.: Лань, 2001. – 608 с.
52. Эхо Москвы. «Правовой аспект: Амнистия» 04.10.2013
53. <http://kpravda.com/amnistiya-2013-goda-v-rossii-po-kakim-statyam/#>
54. <http://sta-sta.ru/?p=24255>
55. <http://www.kommersant.ru/>
56. <http://www.novayagazeta.ru/economy/58290.html>
57. <http://www.rg.ru/2013/07/03/amnistia.html>
58. <http://www.rg.ru/2013/07/25/amnistia-site.html>
59. <http://www.rg.ru/2013/11/05/amnistia.html>
60. <http://www.yandex.ru/>
61. <http://www.yourist-ufa.ru/amnesty/500—2012-159-160-165-169-1992->
62. www.rg.ru

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ГОМОНОВ Николай Дмитриевич,
профессор кафедры уголовного права и крими-
нологии Мурманского государственного техни-
ческого университета,
доктор юридических наук
E-mail: gomonov_nikolay@mail.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и
криминология; уголовно-исполнительное право

КОРРУПЦИЯ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

***Аннотация:** В статье проводится анализ криминологического феномена коррупции. Определяются исторические корни этого явления и его основные признаки в современном мире. Предлагается методологический подход к пониманию сущности указанного явления через познание причин и закономерностей его существования. Утверждается, что начальным этапом предупреждения коррупции должно быть устранение ее криминогенных явлений, как носителей преступной потенции. Поэтому необходимо изменять социальные институты, призванные контролировать поведение в обществе, всемерно учитывая положительный мировой опыт.*

***Ключевые слова:** преступность; коррупция; коррупционер; детерминанты коррупции; предупреждение коррупции.*

GOMONOV N.D.

CORRUPTION AS A CRIMINOLOGICAL PHENOMENON

***The summary.** This article analyzes the criminological phenomenon of corruption. Determined by the historical roots of this phenomenon and its main features in the modern world. The methodological approach to understanding the essence of this phenomenon through the knowledge of the causes and laws of its existence. It is argued that the initial stage of prevention should be the elimination of criminogenic phenomena as carriers criminal potency. Therefore it is necessary to change social institutions designed to control the behavior in society, fully taking into account the positive world-wide experience.*

***Key words:** crime, corruption, corrupt, determinants of corruption, prevention of corruption.*

В последнее время практически ни один документ, характеризующий социально-экономическую и политическую ситуацию в современной России, а также положение дел с преступностью, не обходится без упоминания

коррупции. Однако само понятие «коррупция» не имеет легального определения и понимают его по-разному, с разным содержанием. Термин «коррупция» сегодня понимают в нескольких значениях: общесоциальном,

политэкономическом, криминологическом и уголовно-правовом [1; 6; 13; 14; 16; 25; 26; 28]. В рамках данной статьи проведем анализ криминологического содержания этого понятия.

Понятие коррупции неоднозначно и, в конечном итоге, должно определяться национальным правом. Прежде всего, под коррупцией большинство исследователей этого явления понимают совершение или несовершение какого-либо действия при исполнении должностных обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие. Следовательно, под коррупцией понимается подкуп, продажность должностных лиц (публичных служащих) и их служебное поведение, осуществляемое в связи с полученным или обещанным вознаграждением.

Такое понимание коррупции существует и в современной отечественной криминологии. Например, А. И. Долгова определяет коррупцию (от лат. *corruptio*) как «подкуп, продажность государственных, иных служащих и на этой основе корыстное использование в личных либо узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий подкупаемых лиц, связанных с ними авторитета и возможностей, а равно получение каких-либо ненадлежащих преимуществ субъектами подкупа. Данное явление многоаспектно, и ему даются разные определения» [4, стр. 267-268]. В подкупе одних лиц другими усматривает суть коррупции другой известный криминолог Н. Ф. Кузнецова [10, стр. 21]. В Википедии мы встречаем следующее определение коррупции: «Коррупция (от лат. *corruptio* – растлевать, лат. *corruptio* – подкуп, порча) – термин, обозначающий обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав, а также связанных с этим официальным статусом авторитета, возможностей, связей в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам. Коррупцией называют также подкуп должностных лиц, их продажность, что типично для мафиозных государств» [8].

В то же время существует более широкое понимание коррупции как социального явления, не сводящегося только лишь к подкупу или взяточничеству. Так, зарубежные ученые дают следующие определения коррупции: коррупция представляет собой злоупотребление властью

как результат ее использования в личных целях, которые не обязательно должны быть материальными; коррупция – это отклоняющееся поведение, соединенное с частной мотивацией, означающей, что частные цели преследуются за публичный счет; коррупция – поведение, которое отклоняется от формальных обязанностей публичной роли под воздействием частных материальных или статусных целей либо нарушает правила, запрещающие определенные виды относительно частного влияния и т.д. А на уровне ООН сформулировано следующее определение: «Коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях». В последние годы разрабатывается концепция коррупции как социального института [2, стр. 151-172].

В криминологическом значении определения коррупции давались рядом ученых в этой отрасли науки. Поэтому определения, наряду со сходством включаемых в них наиболее существенных признаков, имеют ряд различий, обусловленных постоянным изменением и развитием коррупции в нашей стране и степенью ее познания на данный момент.

По нашему мнению, сегодня в России коррупция занимает заметное место в структуре общественных отношений, приобретает системный характер и во многих случаях подменяет официальные нормативно урегулированные отношения. Вот что по этому поводу пишет известный теоретик права и политолог В.П. Сальников: «Коррупция как институт кормления и институт трансформации управленческого решения накрепко вошла в общественное сознание и практику. В свете исторической традиции она обрела объективный характер, воспринимаемый как непреодолимая реальность. Институты коррупции интегрированы во всеобщий социальный порядок, они логически связаны с формальными институтами государственного управления» [15, стр. 13]. Системность коррупции проявляется, прежде всего, во внутренней взаимосвязи коррупционных отношений, включающих в себя разветвленную сеть финансовых и иных материальных вознаграждений и услуг, порождающих воспроизводство коррупционных отношений на различных уровнях общественных отношений, взаимодействия власти и населения или представителей властных органов между собой. Также

системность коррупции проявляется в ее связях с легальными экономическими процессами и включенности денежного коррупционного оборота в финансовый оборот страны.

Анализ содержания коррупционных отношений свидетельствует, что субъектами их являются, с одной стороны, абсолютное большинство населения, с другой – армия чиновников, наделенная правом принимать решения. Следовательно, причастными к коррупционным общественно опасным действиям оказываются миллионы людей, далеко не всегда считающих себя правонарушителями. «Действительные общественные отношения, – пишет В.П. Сальников, – при всей их сложности и многообразии складываются по двум возможным сценариям – стихийно или через посредство социальных институтов. Их отличие выражается в том, что институциональные социальные отношения имеют устойчивый, исторически сложившийся характер, они формализованы и четко регламентированы. Тем самым институализация социальных взаимодействий связывается со стремлением к регламентации, упорядочиванию, нормированию.

Отметим, что без социальной потребности нет и не может быть социального института, а значит, говоря о коррупции как социальном институте, мы вынуждены констатировать: в современном обществе существует социальная потребность в регламентации, «нормировании» противоправных коррупционных отношений. Коррупция как феномен только и может существовать в лоне институциональных отношений, как их своего рода производная. Собственно, сами институты государственной власти порождают систему коррупционных отношений» [15, стр. 13].

По мнению профессора В.П. Сальникова, современное общество не может обойтись без коррупции. Печальный вывод. Но с ним нельзя не согласиться. Действительно, для такого вывода очень много оснований.

Причины коррупции носят социальный и культурологический характер. Интересен тот факт, что подкуп административного лица является устоявшейся традицией российского государственного быта, по крайней мере, несколько последних столетий. Поэтому возникает необходимость исследования политико-правовых традиций России и зарубежных стран [17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24]. Формы взятки менялись

– брали продуктами, мехами, крепостными, деньгами, услугами, «борзыми щенками», но суть ее как формы злоупотребления властью сохранялась.

Процесс получения и дачи взятки был обыденным и к нему просто привыкли обе стороны. Ненормальность подобного способа управления переставали замечать, он становился повседневным, как бы естественным, само собою разумеющимся. Особенностью «русской взятки» было то, что ее перестали стыдиться, считали нормой. Прошли столетия, но ничто, по сути, не изменилось. Только чиновники стали называться иначе, появилась новая терминология, а взятки стали более разнообразными, дерзкими и масштабными [5, стр. 408]. Данный феномен выступает по существу институтом кормления чиновников на Руси.

«Не стоит современными мерками пытаться оценивать этот феномен, – подчеркивает В.П. Сальников, – чиновник был олицетворением государственной власти, то есть в прямом смысле слова власти Государя, судьей которого являлся только Бог. Безусловно, представление о сверхсоциальной природе царской власти не переносилось непосредственно на властные полномочия конкретных чиновников, тем более на их конкретные действия. Но как люди, по долгу службы проводящие волю Государя, они в общественном сознании бали ближе к пониманию общественного блага, общественных интересов. Критерием оценки их деятельности в сознании народа выступала интуиция правды – та высшая, в данном случае религиозная истина, которой и служила царская власть [15, стр.14].

Сегодня же в чиновнике народ не видит представителя Государя. Он отражается в общественном сознании зачастую как «назойливый» барьер, мешающий народу спокойно жить.

В любой социально-политической и экономической системе появляется своя собственная разновидность коррупции, и история не дает нам ни одного примера системы, которая не была бы так или иначе затронута этим явлением. В то же время, многочисленные исследования свидетельствуют, что в бедных странах коррупция обычно распространена шире, чем в других. Следовательно, коррупция и нищета – тесно связанные между собой и обуславливающие друг друга явления, которые ведут к общему ухудшению ситуации в государстве и нередко

выливаются в острые политические и гуманитарные кризисы, сопровождаемые ожесточенными конфликтами [6; 27].

Коррупционные правонарушения являются серьезным препятствием на пути устойчивого экономического и политического развития общества, особенно в тех случаях, когда неадекватная национальная и международная реакция приводит к безнаказанности. Особую опасность представляет распространение коррупционной практики среди высокопоставленных государственных чиновников.

Так, например, Е. Попова выяснила, что Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) вынудило одного из исполнителей госзаказа – главу тверской организации «Молодежная политика – XXI век» Алексея Виноградова на 40% понизить стоимость выполненных его компанией работ на форуме «Селигер – 2013».

Бизнесмен подтвердил, что злоупотребления имели место при организации форума. По его словам, он заключил с агентством три контракта, два из которых ведомство сразу оплатило только на 60%. Объемы работ по обоим контрактам фирма Виноградова выполнила на 100%, что, как сообщил бизнесмен, подтверждается имеющимися у него фото- и видеоматериалами. Но когда он пришел расплачиваться, то ему неожиданно выдвинули требование о понижении оплаты – сначала на 20%, а потом – на 40%. Предприниматель рассказал, почему не обратился в суд с иском против Росмолодежи, несмотря на то, что уверен, что суд встал бы на его сторону. Средства на исполнение контрактов, по его словам, были заемные, а судебное разбирательство заняло бы не менее года. В этом случае штрафные санкции просто не покрыли бы издержек по кредиту, поэтому он был вынужден согласиться «добровольно» понизить стоимость выполненных работ на 40%, из-за чего недополучил 2,4 млн. рублей [11].

Постепенно коррупция становится нормой, а не исключением, в том числе среди экономической и правящей политической элит. Коррупция начинает серьезно угрожать верховенству закона, демократии и правам человека, подрывать доверие к власти, принципы государственного управления, равенства и социальной справедливости, препятствовать конкуренции, затруднять экономическое развитие и угрожать стабильности

демократических институтов и моральным устоям общества. Криминологи напоминают, что в ряде стран она явилась одной из основных причин кризиса внутренней и внешней политики этих государств.

Весьма интересны наблюдения Я.И. Гилинского относительно коррупции как социального института. По его мнению, об институционализации коррупции свидетельствует формирование коррупционных сетей: «В последние годы наметился переход коррупции на более высокий уровень, когда именно коррупционные сети и являются основой и наиболее сильным инструментом коррупционных сделок. Деятельность коррупционных сетей проявляется в формировании взаимосвязей и взаимозависимостей между чиновниками по вертикали управления...» [3, стр. 218-233]. В коррупционную сеть входят чиновники, бизнесмены, финансисты. Руководителями коррупционных сетей часто являются самые высокопоставленные российские чиновники и политики.

Криминологические исследования показывают, что население в качестве основной причины недоверия правоохранительным органам называет коррупцию. В то же время, сами работники этих органов утверждают, что государство само создает условия для коррупции, не обеспечивая надлежащий материальный уровень жизни должностным лицам. Многие из них обвиняют также и граждан, которые стремятся подкупить сотрудников правоохранительных органов. Интересно то, что опрашиваемые меньше всего связывают коррупцию с этическими характеристиками своей личности, при этом отмечая широкую распространенность коррупции и отсутствие ее морального осуждения в массовом общественном сознании.

Особое значение имеет коррупция в органах юстиции. Она подрывает устои гражданского правового общества, основанного на верховенстве права и принципе справедливости. Существующая система взяток в органах юстиции приводит к расширению круга лиц, вовлеченных в коррупционные отношения. Поиск средств на подкуп должностных лиц толкает к совершению новых преступлений. Как следствие, возрастает число сотрудников органов уголовной юстиции, уличенных в связях с организованной преступностью. В этом заключается суть воспроизводства коррупции как системы отношений.

П. А. Кабанов считает, что в последнее время все большее распространение получает электоральная коррупция как вид политической коррупции, наиболее ярко проявляющая себя в условиях избирательных процессов. Так, электоральная коррупция имеет различные проявления – от незаконного финансирования партий и выборов до покупки голосов избирателей и «торговлей влиянием», которую практикуют политики и государственные чиновники на выборных должностях. Незаконное финансирование партий и избирательных кампаний подрывает основы честной конкурентной борьбы и приводит к тому, что граждане утрачивают доверие и уважение к демократическим институтам. Электоральная политическая коррупция приобретает характер самостоятельного вида криминального предпринимательства в политической сфере современного общества, став средством политической борьбы [7, стр. 8-9].

Постепенно складывается такая система отношений между властью и населением, в которой подкуп чиновников признается нормальным явлением. Власть как политический институт становится товаром. При этом политические столкновения детерминируются постоянными процессами перераспределения власти и собственности, что способствует, в числе прочего, криминализации экономики. Падение доверия к государственным учреждениям и демократическим структурам приводит к возрастанию правового нигилизма и отчуждению от участия в общественной жизни.

Вместе с тем, в зарубежной научной литературе встречаются и парадоксальные суждения о полезности коррупции на определенном этапе развития общества (П. Гатчкрофт, С. Хантингтон, Н. Лефт). В частности, можно встретить мнения о том, что в переходных экономических системах коррупция восполняет утраченные или ослабленные функции государственного управления и хозяйственного регулирования.

Одним из факторов, благоприятствующих коррупции, является закон, сформулированный нечетко, порождающий возможность различного толкования норм и тем самым предоставляющий должностным лицам возможность применять его по собственному усмотрению с целью личного обогащения. Устранить этот фактор коррупции способен законодатель посредством точного определенного и однозначного формулирования

правовых норм, которые обязывали бы должностных лиц лишь зафиксировать решение, заложенное в самом законе. Антикоррупционные законы должны устанавливать строгую ответственность должностных лиц за любые злоупотребления полномочиями, так как за такими злоупотреблениями подчас кроется использование указанных полномочий для личного обогащения.

Так, Председатель Следственного комитета России (СКР) Александр Бастрыкин вновь поставил вопрос о необходимости введения в нашей стране конфискации как меры наказания. Он отметил, что именно такая санкция является самой действенной для предупреждения коррупции. О том же не раз говорили депутаты, правоохранители и эксперты по борьбе с коррупцией. За введение конфискации как наказания не раз высказывались чиновники высшего ранга, к примеру, глава Администрации Президента России Сергей Иванов.

Б. Резник утверждает, что против введения конфискации в УК выступает то же могущественное лобби, которое не дает ратифицировать 20-ю статью Конвенции ООН против коррупции, предусматривающую признание «незаконного обогащения» госслужащих уголовно наказуемым деянием. «Это многотысячная армия взяточников, членов их семей, нечистых на руку дельцов, «решающих вопросы» и загребующих миллиарды при помощи связей во власти, а также сотрудников контрольных, надзорных и правоохранительных органов, наживающихся на сложившейся ситуации. Конфискация была бы действенным инструментом, позволяющим не только проводить эффективную профилактику, отобрать все незаконно нажитое, но и вернуть в бюджет громадные расхищенные средства. Однако мы ощущаем упрямое сопротивление принятию соответствующих поправок. К сожалению, в нынешних условиях «бодаться» и победить эту криминальную систему не представляется возможным. Поэтому вся борьба с коррупцией, объявленная и пропагандируемая сегодня, превращается в профанацию. А уголовные дела, возбуждаемые в отношении отдельных мздоимцев, разваливаются или заканчиваются совершенно смешными приговорами» [12, стр. 5].

В то же время ряд практических работников отмечают наметившуюся плодотворность системных мероприятий государства в плане борьбы с коррупцией. Так, Инна Иванова,

руководитель Государственной инспекции труда в Мурманской области, кандидат юридических наук утверждает: «Следует отметить, что в последние годы государством действительно предпринимаются значительные усилия для искоренения коррупции в контрольно-надзорных органах. Проще говоря, многие госслужащие уже четко знают, что «овчинка выделки не стоит». Поддавшись минутному соблазну, можно потерять очень многое, и главное – свою репутацию профессионала». А Михаил Свиридовский, заместитель министра юстиции Мурманской области, отметил: «Коррупции нет места на правовом поле. Как только кто-то уходит с этого правового поля, риски возрастают. Я как юрист с многолетним стажем хотел бы подчеркнуть, если строго следовать действующим административным регламентам, коррупционные риски достаточно малы» [9].

Еще одна из причин разгула коррупции в России носит экономический характер. Так, например, весьма неблагоприятный предпринимательский климат создан отсутствием действенных механизмов защиты права собственности, чрезмерно жесткой финансовой политикой и нерациональной налоговой системой. Эти факторы ставят бизнесмена на грань выживания, выталкивают его в «теневой сектор», который, в свою очередь, оказывает разлагающее воздействие на все общество и государство.

Либерализация внешнеэкономической деятельности без учета необходимости поддержания конкурентоспособности национальной экономики, превратила коррупцию в один из стихийно возникших механизмов неформальной защиты внутреннего рынка в условиях, когда официальные механизмы ликвидировались под прямым давлением мирового сообщества. Эти альтернативные механизмы представляли собой создание специфического предпринимательского климата, в котором отечественный бизнес еще может выжить, а зарубежный погибает.

Значительную роль в развитии коррупционных процессов сыграла слабость государства, которая выражается, прежде всего, в том, что оно не может выполнить свои обязательства перед гражданами и предприятиями в полном объеме. Закрытость функционирования систем государственного управления, исключая возможность общественного контроля, объективно поощряет коррупцию. В частности,

непрозрачность механизма принятия финансовых решений породила появление целого класса чиновников-взяточников.

Слабость суда не просто лишает общество и государство инструмента борьбы с коррупцией, но и делает практически невозможным судебное решение споров, вынуждая дополнять его неформальными и незаконными действиями. Оказанием таких услуг занимается организованная преступность при помощи неразрывно связанной с нею коррупции.

Какие же первоочередные меры необходимо принять для снижения уровня коррупции в нашей стране? Мы полагаем, что государство должно:

- отказаться от заведомо неисполнимых обещаний;
- развивать добросовестную конкуренцию, включая борьбу со злоупотреблениями со стороны монополий;
- создать благоприятные условия для деловой и инвестиционной активности;
- совершенствовать налоговую систему и существенно сократить число видов деятельности, основанных на разрешительном, а не уведомительном принципе;
- создать действенные механизмы защиты института частной собственности как ключевого элемента общественной стабильности;
- обеспечить реализацию прав собственников и акционеров;
- установить прозрачность деятельности предприятий;
- провести судебную реформу, направленную на создание механизмов исполнения судебных решений и системы независимого контроля их качества, а также реализацию программ защиты судей, потерпевших и свидетелей.

Правоохранительные органы должны в полном объеме использовать возможности борьбы с коррупцией, предоставляемые им действующим УК в части деяний, в которых проявляются результаты коррупции: злоупотребление служебным положением, превышение власти, фальсификация, подлог, вымогательство, мошенничество, халатность, преступное бездействие, особенно в правоохранительных и судебных органах и т.д.

В результате проведенного исследования мы можем констатировать, что общественная

опасность коррупции чрезвычайно велика. В документах мирового сообщества подчеркивается, что коррупция оказывает исключительно вредное влияние на экономику, подрывает эффективность всех видов правительственных решений и программ, наносит ущерб состоянию морали в обществе, расшатывает доверие граждан к правительству, авторитет власти, правосудие.

Таким образом, нам представляется наиболее удачным следующее определение коррупции в криминологическом значении: это антисоциальное, общественно опасное, угрожающее экономической и политической безопасности России явление, пронизавшее ветви власти, составляющее совокупность преступлений, совершаемых должностными лицами в целях личного обогащения за счет государства, коммерческих и иных организаций и граждан.

Следовательно, коррупционная преступность – это совокупность преступлений лиц,

осуществляющих управленческие функции в государстве, использующих различным образом имеющиеся у них по статусу возможности для незаконного извлечения личной выгоды.

В современных демократических государствах сложилась определенная система мер по борьбе с коррупцией, основанная на признании права гражданина на четкое исполнение государственными служащими своих обязанностей. Эти меры необходимо тщательно изучить с целью определения возможностей рецепции в предупредительной практике современной России.

Наиболее действенными мерами предупреждения коррупции мы считаем: прозрачность деятельности чиновников; обеспечение государственным служащим достойного уровня жизни; совершенствование действующего законодательства с учетом положительного международного опыта; реализацию на практике принципа неотвратимости наказания.

Список литературы

1. Волженкин Б.В., Колесников В.В. Экономическая преступность и политическая коррупция // Политический режим и преступность: Монография / Под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.Н. Волкова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
2. Гилинский Я.И. Коррупция: теория и российская практика // Актуальные проблемы трансформации социального пространства. – СПб., 2004. – 381 с.
3. Гилинский Я.И., Гольберт В.В. Институциональные эффекты девиантности и социального контроля // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 1. – С. 218-233.
4. Долгова А.И. Коррупция // Российская криминологическая энциклопедия / Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста РСФСР, президента Российской криминологической ассоциации А.И. Долговой. – М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2000. – 808 с.
5. Дремин В.Н. Преступность как социальная практика: институциональная теория криминализации общества: Монография. – Одесса: Юридична література, 2009. – 613 с.
6. Исмагилов Р.Ф., Карагодов А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
7. Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение: Монография. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2004. – 174 с.
8. Коррупция // Википедия. [2013—2013]. Дата обновления: 07.02.2013. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=61268050>.
9. Коррупция похожа на айсберг // Телекомпания Арктик ТВ. URL: <http://arctic-tv.ru/news/analitika/korruptsiya-pohozha-na-aysberg>.
10. Кузнецова Н.Ф. Коррупция в системе уголовных проявлений // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 1993. – № 1.
11. Попова Е. Коррупция в Росмолодежи получила новое подтверждение // Новый Регион – Москва. – 2013. – 24 января. URL: <http://www.nr2.ru/moscow/481326.html>
12. Резник Б. Коррупция против конфискации // Аргументы и факты. – 2013. – № 5 (1734). – 29 января – 4 февраля.
13. Савенков А.И., Савенков А.А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 7-16.
14. Савенков А.Н. Противодействие коррупции как важное направление социально-политического развития

- Российской Федерации: взгляд парламентария // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской Таможенной академии. – 2012. – № 1(41). – С. 14-34.
15. Сальников В.П. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1. – С. 13-15.
  16. Сальников М.В. Политико-правовая традиция и правовая культура общества: соотношение в теоретическом правоведении и юридической практике // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 169-186.
  17. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2005.
  18. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социально-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
  19. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
  20. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.
  21. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 151-166.
  22. Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 169-179.
  23. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
  24. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
  25. Степашин С. Скверное управление – скверна коррупции // Защита и безопасность. – 2013. – № 4. – С. 27.
  26. Степашин С.В. Барьеры на пути становления эффективной системы противодействия коррупции в Российской Федерации // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2009. – № 4. – С. 5-13.
  27. Степашин С.В. Коррупция – абсолютное зло в любой стране, а в стране, где высок процент бедных – зло в квадрате // Человек и труд. – 2007. – № 2. – С. 4-11.
  28. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2.

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,

доктор юридических наук

E-mail: sp.salnikov@yandex.ru

ПАВЛИК Елизавета Михайловна,

адъюнкт кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России

E-mail: lisa1990-07@mail.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ХИЩЕНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

***Аннотация.** В статье рассматриваются имеющие место как в теории, так и на практике проблемы квалификации хищений транспортных средств, а также разграничение их от неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон). Обсуждаются позиции разных ученых по данной проблематике и формулируются предложения авторов по совершенствованию российского законодательства. Также исследуются проблемы специально-криминологического предупреждения хищений транспортных средств.*

***Ключевые слова:** уголовная ответственность; состав преступления; законодательство; норма; хищение; неправомерное завладение; транспортное средство; специально-криминологическое предупреждение; анализ статистических данных; динамика преступности; правоохранительные органы; общая и индивидуальная профилактика.*

SAL'NIKOV S.P.

PAVLIK E.M.

PREVENTION OF MOTOR VEHICLE STEALING: CRIMINOLOGICAL AND CRIMINAL LEGAL ISSUES

***The summary.** The article deals with the taking place both in theory and in practice problems of a problem of qualification of motor vehicles stealing as well as their differentiation from an illegal taking possession of car purpose of stealing (theft). The viewpoints of various researchers on this range of issues are discussed and the authors' proposals for improvement of the Russian legislation are formulated. The issues of special criminological prevention of motor vehicles stealing are studied as well.*

***Key words:** criminal responsibility; components of crime; legislation; norm; stealing; illegal taking possession; motor vehicle; special criminological prevention; analysis of statistical data; dynamics of crime; law enforcement agencies; general and individual prevention.*

В современных условиях актуальность научного анализа проблем предупреждения хищений транспортных средств обусловлена взаимосвязанными процессами развития экономических отношений собственности и ростом преступных посягательств на нее. Утверждение рыночных

отношений в России, с одной стороны, привело к появлению класса собственников и признанию права собственности одним из важнейших естественных прав человека; а с другой стороны – сопровождается весьма опасным с криминологической точки зрения резким имущественным

и социальным расслоением населения. Подобные условия, как известно, являются питательной средой для формирования корыстных побуждений, стимулируют криминальное перераспределение собственности. Отрицательные составляющие сложного пути становления новых социально-экономических, политических, культурных и иных общественных отношений проявляются также в спаде производственной активности, недостатках нормативно-правовой базы и других негативных факторах. Все они в совокупности обуславливают и собственно рост преступности в стране, и преобладание в ее структуре посягательств на отношения собственности.

Здесь важно заметить, с учетом предмета анализируемого преступления, что наблюдается высокий уровень автотранспортных преступлений и правонарушений в целом, на что безусловно влияет хищение транспортных средств [3; 4; 5; 6; 7; 33; 35; 36; 37; 38; 39; 52].

Одним из распространенных видов преступлений против собственности в нашей стране является хищение транспортных средств. В России ежедневно похищают сотни транспортных средств. К примеру, в Санкт-Петербурге – 20-30 в день, в Москве – в 2 раза больше, в Екатеринбурге – средняя величина между двумя столицами. По мнению экспертов, около 66% приходится на квалифицированные виды хищений транспортных средств, к которым ведется серьезная подготовка [42]. Следует отметить, что достаточно большое количество хищений транспортных средств совершается организованными преступными группами, которые специализируются на данном виде преступлений.

Повышенную общественную опасность среди хищений транспортных средств представляют насильственные способы завладения транспортным средством – грабежи и разбои. Вызывает особую тревогу тот факт, что при разбойных нападениях с целью завладения транспортными средствами и перевозимыми грузами криминальным посягательствам подвергаются водители транспортных средств. Порой совершаются убийства водителей с похищением груза и транспортных средств или захват груза и транспортных средств с незаконным лишением свободы водителей [11].

Подобные преступления вызывают постоянную обеспокоенность граждан за сохранность

своего имущества. В условиях экономической нестабильности, инфляции, постоянного роста цен, безработицы [17; 19; 23; 55; 56; 59; 60] потерпевшим очень сложно, а порой невозможно восстановить утраченное в результате преступлений дорогостоящее имущество в виде транспортного средства.

Анализ статистических данных о динамике преступности свидетельствует, что количество преступных посягательств, связанных с завладением автотранспорта, в последние годы в России увеличивается, а число предотвращенных хищений транспортных средств снижается [54]. Это позволяет сделать вывод о том, что предупредительные меры, используемые органами внутренних дел в деле противодействия хищениям автотранспорта недостаточно эффективны. Распад имевшей место в прошлом традиционной системы профилактики преступлений и иных правонарушений, переориентация общественного сознания в основном на получение материальных благ [51] привели к тому, что до настоящего времени еще не создана адекватная современным реалиям система предупреждения корыстной преступности.

Правоохранительные органы и органы внутренних дел в том числе, играют важнейшую роль в этой возрождаемой системе предупреждения преступлений. Поскольку от их работы, прежде всего, по выявлению причин и условий преступности зависит эффективность функционирования всей региональной системы [2; 8; 9; 10; 12; 14; 15; 18; 20; 31; 32; 48; 49; 50; 53; 57].

Специально-криминологическое предупреждение краж и угонов транспортных средств, осуществляемое органами внутренних дел, связано, прежде всего, с использованием всех имеющихся в их распоряжении возможностей, сил, средств, информации. Оно включает в себя общую и индивидуальную профилактику. Применительно к деятельности органов внутренних дел основным направлением общей профилактики преступлений является выявление причин и условий совершения краж и угонов, принятие необходимых мер по их устранению, нейтрализации, ослаблению действия. Индивидуально-профилактическое воздействие заключается в своевременном выявлении и оказании позитивного воздействия на лиц, склонных к совершению краж и угонов автотранспорта, а также на среду их окружающую.

В целях противодействия совершению краж и угонов автотранспортных средств органы внутренних дел всех субъектов России регулярно проводят комплексные оперативно-профилактические операции: «Автомобиль», «Большегруз», «Трасса», «Перехват», «Караван-Авто», «Вихрь-Антитеррор», «Гараж», «Стоянка», «Автосервис». В соответствии с планом осуществляются сверки похищенного и поставленного на учет транспорта с использованием автоматизированной информационно-поисковой системы «Автопоиск» Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее – ГИАЦ МВД России), принимаются иные меры. В подавляющем большинстве регионов отмечается прекращение краж и иных хищений транспортных средств в дни проведения таких мероприятий. За время их проведения раскрываются десятки различных преступлений, значительно снижается и обще криминальный фон [13, стр. 107].

Анализ практики позволяет сделать вывод, что при правильном планировании, четко поставленных целях, отлаженном взаимодействии отраслевых служб и подразделений использование этих форм дает, как правило, хорошие практические результаты. Вместе с тем, практика показывает, что в отдельных регионах эффективность аналогичных мероприятий в ряде случаев не адекватны усилиям, затрачиваемым на их проведение¹. Причинами такого положения, на наш взгляд, являются, с одной стороны, недооценка необходимых организационно – тактических, политико-воспитательных, технических и ряда других условий при планировании и осуществлении операций, а с другой – чрезмерное увлечение операциями в ущерб иным формам активной предупредительной деятельности.

Представляется, что при всей значимости мероприятий разового комплексного характера, осуществляемых в борьбе с кражами и угонами автотранспорта, данную форму деятельности следует рассматривать в качестве дополнения к планомерной, повседневной работе органов внутренних дел по предупреждению указанных преступлений.

Важной задачей профилактической работы по борьбе с хищениями автотранспортных средств является определение сотрудниками оперативных подразделений ОВД, в том числе в

рамках действующего законодательства регламентирующего оперативно-розыскную деятельность [1], круга лиц, подлежащих индивидуальной профилактике, что служит важной предпосылкой правильной организации профилактической работы, а также выявление криминальных факторов непосредственно связанных с их поведением, образом жизни и микросредой. Затем проводится углубленное изучение выявленных лиц, их индивидуальных особенностей, поведения в прошлом, наличия опыта совершения преступлений и других правонарушений, источников отрицательного влияния в ближайшем микросоциальном окружении. При этом выявляются не только отрицательные свойства, привычки и влечения, но и положительные стороны характера, на которые необходимо опираться при проведении индивидуально-профилактических мероприятий. После сбора полной информации проводится непосредственное осуществление мероприятий, направленных на устранение, ограничение, нейтрализацию факторов, обуславливающих криминальность поведения лиц, поставленных на учёт [21; 22; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 34; 43; 44; 45; 46; 47; 58].

Индивидуально-профилактические меры необходимо осуществлять в отношении лиц, находящихся под следствием за совершение посягательств на автотранспорт; освобожденных из мест лишения свободы, осужденных за кражу или угон автотранспортного средства; а также лиц, совершающих административные правонарушения, которые имеют личные автомобили или обладают навыками их управления, обладающими водительской или близкой к ней специальностью (автомеханики, автослесари, ремонтники, инструкторы по вождению и т.п.) чье поведение, антиобщественные связи, неблагоприятные условия нравственного формирования и развития личности, криминальные жизненные ситуации и другие обстоятельства индивидуальной жизни свидетельствуют о возможности становления или возврата на преступный путь совершения указанных преступлений. В отношении таких лиц необходимо проводить профилактическую работу, в необходимых случаях оказывается помощь в трудовом и бытовом устройстве, восстановлении и поддержании социально полезных связей, лечении от алкоголизма и наркомании.

Несмотря на все принимаемые меры, методы борьбы с кражами и угонами автотранспорта нельзя назвать совершенными. Следует отметить, что взаимодействие служб и подразделений органов внутренних дел между собой и с другими заинтересованными государственными учреждениями остается недостаточным. Основными причинами создавшегося положения являются: традиционная ведомственная разобщенность; отсутствие скоординированного межведомственного и внутриведомственного управления на стадиях принятия решений и их реализации; просчёты при подборе и расстановке кадров; недостаточное ресурсное и социальное обеспечение деятельности служб и непосредственно их сотрудников.

Таким образом, на наш взгляд, необходимо создавать условия, затрудняющие совершение хищений автотранспортных средств, а именно: создания единой общегосударственной базы данных разыскиваемого, выпускаемого и зарегистрированного автотранспорта, обмен информацией между субъектами предупреждения краж и угонов автотранспорта, совершенствование системы технической защиты транспортных средств, внедрении системы видимой и скрытой маркировки узлов и деталей, использование российского и зарубежного опыта работы полиции в сфере предупреждения краж и угонов автотранспорта, такого как создание специализированных подразделений нацеленных на предупреждение и раскрытие этих преступлений, а также правильная организация индивидуальной профилактической работы, несомненно, положительным образом повлияет на предупреждение этих преступлений.

Уголовно-правовые проблемы противодействия хищений транспортных средств имеют место прежде всего при разграничении их от неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон) – ст. 166 УК РФ. Правильное разграничение смежных составов преступлений имеет большое значение, поскольку этим обеспечивается выполнение важнейших задач российского правосудия – применение наказания в строгом соответствии с законом.

В своей работе В.Н. Кудрявцев отмечает, для того, чтобы правильно квалифицировать преступление, необходимо четко представлять себе разграничительные черты между смежными

преступлениями, ибо разграничение преступления «есть оборотная сторона квалификации» [40, стр. 91].

Рассматривая элементы данных составов преступлений можно сделать вывод, что объект и предмет у этих преступлений единый.

Объективные признаки угона без признаков хищения и хищения транспортного средства по существу также не различаются. Такие действия, как проникновение в гаражное помещение, использование специально приспособленных средств для вскрытия автомобиля или запуска двигателя, буксировка транспортного средства в безопасное место и другие не являются отличительными признаками при совершении хищения транспортного средства и часто встречаются при угонах без цели хищения. Началом того и другого преступления является незаконно изъятие имущества из правомерного владения. Оба деяния причиняют материальный ущерб владельцу транспортного средства. Отличие между ними проводится в зависимости от того, имеются или отсутствуют признаки безвозмездности изъятия и корыстной цели.

Хищение – это всегда безвозмездное изъятие имущества. Данный признак характеризуется двумя критериями. Во-первых, имущество изымается без предоставления соответствующего, во-вторых, изъятие осуществляется не на время, а навсегда, без намерения вернуть имущество собственнику.

В случае угона лицо тоже не оставляет взамен транспортного средства, которым оно завладело. Однако завладение осуществляется лишь на определенное время, и субъект не намеревается навсегда обратить угнанное транспортное средство в свою пользу или в пользу других лиц. Другими словами, у него нет цели хищения. Следовательно, отсутствие цели хищения и намерений обратить транспортное средство в свою пользу либо в пользу других лиц навсегда, является обязательным условием при квалификации угона. Однако при угоне субъект иногда преследует корыстную цель, но цель хищения у него навсегда отсутствует.

Мотивами угона могут служить корысть, месть, озорство, любознательность, желание добраться до определенного места, доставить груз, пренебрежение к общественным стандартам, этническая неприязнь, угон с целью совершения другого более тяжкого преступления

и т.д. В таких случаях угонщик транспортного средства непременно после достижения поставленных целей оставляет его в каком-либо месте, а сам скрывается. Уголовно-правовая оценка таких угонов трудностей не представляет.

В процессе предварительного расследования необходимо тщательно исследовать цели и мотивы угона транспортного средства и в зависимости от этого квалифицировать совершенное преступление. Так как направленность умысла виновных по объективным признакам не всегда ясно выражается, то субъект преступления, задержанный с поличным, зная, что ответственность за завладение транспортным средством без цели хищения более мягкая, чем за хищение такового, пытается сознательно ввести в заблуждение органы следствия и суда, поясняя, что его умысел был направлен не на хищение, а на временное завладение автотранспортом без цели его хищения.

Важно установить, какими стремлениями руководствовался субъект в момент покушения на преступление и непосредственно при хищении транспортного средства. Если хищение транспортного средства или его отдельных частей и деталей в пользу виновного или других лиц, то преступление считается оконченным с момента, когда имущество изъятое и виновный имеет реальную возможность им воспользоваться или распорядиться по своему усмотрению. В нашем случае оно признается оконченным с момента отъезда транспортного средства с места стоянки, поскольку у лица появляется реальная возможность распорядиться им по своему усмотрению. Это означает, что хищение отдельных деталей считается оконченным еще до их снятия с транспортного средства.

В связи с вышеизложенным в целях устранения проблем при квалификации хищений и угонов транспортных средств предлагается дополнить Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 года разъяснениями вопросов разграничения хищений и угонов автотранспорта и правил квалификации этих преступлений.

Обращает на себя внимание и несоответственность установленных наказаний за рассматриваемые преступления. Действующее законодательство сблизило по своим характеристикам составы простой кражи и угона без квалифицирующих

признаков и предусмотренное за их нарушение наказание. Однако санкции за квалифицированные виды угона автотранспорта ниже санкций, предусмотренных в статьях о грабеже и разбое, где предметом данного преступления будет являться автотранспорт. Между тем общественная опасность угонов, в особенности совершаемых с применением насилия, ничуть не меньше названных преступлений.

Поэтому мы считаем целесообразным увеличить пределы допустимого назначения наказания за квалифицированные способы угона автотранспорта, в особенности совершаемых с применением насилия. Как это сделано в УК Республики Узбекистан, где установлена строгая ответственность за неправомерное завладение автотранспортом. Санкции за угон автотранспорта, в УК Республики Узбекистан (ст. 267), в отличие от санкции за угон (ст. 166) в УК РФ, намного выше. Это позволило резко сократить уровень преступных посягательств на автотранспорт в данном государстве. Вопрос ужесточения ответственности за квалифицированные способы угона автотранспорта, совершаемого с применением насилия, является сегодня в России актуальным, это вызвано необходимостью усиления борьбы против наиболее опасных, дерзких форм завладения автотранспортом, свидетельствующих об устойчивости умысла преступников.

Можно согласиться с мнением А.М. Игнатова, который считает что «большой эффект в борьбе с угонами автотранспорта принесло бы не разграничение угона с целью хищения или без таковой, а установление более строгой ответственности за любой угон независимо от цели» [41, стр. 248].

Среди предложений научных и практических работников по решению проблемы борьбы с хищениями и угонами автотранспорта обращает на себя внимание подход Н.Н. Гагарина и В.Е. Приходько. [16, стр. 94-98] Анализируя общественные отношения, которым причиняется ущерб в результате неправомерного завладения автотранспортом, указанные авторы предлагают включить в УК РФ нормы о незаконном умышленном завладении транспортным средством (с целью его хищения или использования по своему усмотрению) в главу имущественных преступлений. Соответственно статью, предусматривающую ответственность за угон транспортного средства, они предлагают исключить. Однако с таким предложением трудно согласиться.

Данные авторы предлагают в диспозиции одной нормы объединить два разных по степени общественной опасности деяния – хищение и неправомерное завладение без цели хищения. Предлагается, что степень общественной опасности хищений намного выше таких деяний, как неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством. Поэтому объединение в одной норме двух разных деяний являющихся общими только по объекту и предмету посягательства, представляется не совсем правильным.

По нашему мнению, назрела необходимость в УК РФ новой специальной нормы, предусматривающей ответственность в УК РФ новой специальной нормы, предусматривающей ответственность за хищение автотранспорта. Необходимость в этом обуславливается тем, что транспортное средство как предмет преступления является специфическим. Автомобиль, а также любое механическое транспортное средство, представляет собой источник повышенной опасности. Кроме того, автотранспорт имеет статус ценного имущества. Стоимость любого похищенного транспортного средства является всегда высокой. Собственникам или иным владельцам в большинстве случаев наносится значительный или крупный ущерб. Поэтому возникает необходимость о выделении такого предмета хищения, как автотранспорт, в отдельную специальную норму, которая закрепляла бы ответственность за хищение автомобиля или иного транспортного средства в виду особой ценности похищаемого предмета. Аргументировать это предложение можно тем, что, например, в УК РФ предусмотрена ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164). В данной норме ответственность наступает за хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. Здесь ценность предметов

определяется с учетом значимости их для истории, науки, искусства и культуры. Однако следует отметить, что названные предметы и документы представляют собой имущество, которое в денежном выражении имеет соответствующую стоимость, причем весьма высокую. Именно по экономическому признаку предмета хищения законодатель выделил вышеуказанный состав преступления в специальную норму. По аналогии можно сказать и о предложении включения в УК РФ нормы об ответственности за хищение транспортного средства. Стоимость же похищенного транспортного средства также представляется весьма высокой.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что норма, устанавливающая ответственность за хищение автотранспорта, должна существовать в Уголовном кодексе, несмотря на то, что данное деяние подпадает под действие общих норм, предусматривающих ответственность за хищение имущества. Мы считаем, что новая статья, устанавливающая ответственность за хищение автотранспорта, должна быть включена в главу 21 «Преступления против собственности» номер статьи 166 1, название статьи – «Хищение автомобиля или иного транспортного средства». Статья должна предусматривать в зависимости от формы хищения, способа совершенного общественно опасного деяния, размера причиненного вреда квалифицированные и особо квалифицированные виды с соответствующими более строгими санкциями.

Реализация указанных предложений позволит улучшить деятельность служб и подразделений органов внутренних дел в борьбе с преступными посягательствами на автотранспорт, создаст дополнительные предпосылки для успешного проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий по предупреждению, пресечению, раскрытию, а также расследованию угонов и хищений транспортных средств.

Список литературы

1. Федеральный Закон «Об оперативно – розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года в ред. Федеральных законов от 18.07.1997 № 101-ФЗ, от 21.07.1998 № 117-ФЗ, от 05.01.1999 № 6-ФЗ, от 30.12.1999 № 225-ФЗ, от 20.03.2001 № 26-ФЗ, от 10.01.2003 № 15-ФЗ, от 30.06.2003 № 86-ФЗ, от 29.06.2004 № 58-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 02.12.2005 № 150-ФЗ, от 24.07.2007 № 211-ФЗ, от 24.07.2007 № 214-ФЗ от 29.04.2008 № 58-ФЗ, от 22.12.2008 № 272-ФЗ, от 25.12.2008 № 280-ФЗ, от 26.12.2008 № 293-ФЗ, от 28.12.2010

- № 404-ФЗ, от 21.11.2011 № 329-ФЗ, от 08.12.2011 № 424-ФЗ, от 10.07.2012 № 114-ФЗ, от 29.11.2012 № 207-ФЗ, от 05.04.2013 № 53-ФЗ и приказы МВД России регламентирующие оперативно-розыскную деятельность.
2. Алиев Я.Л. Традиции органов внутренних дел Российской Федерации и законность. – СПб., 2006.
  3. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступники: к вопросу о типологии личности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 81-85.
  4. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные правонарушения в России: общее состояние проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 128-134.
  5. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Личность гражданина, виновного в совершении автотранспортного преступления: общественно-опасные черты и установки // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 98-104.
  6. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Мотивы автотранспортных преступлений: общая характеристика личности преступника // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 105-113.
  7. Алиев Я.Л., Реуф В.М., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Профилактика автотранспортных правонарушений: некоторые вопросы теории и практики // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 46-51.
  8. Алиев Я.Л., Сальников В.П., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые итоги аксиологического исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 165-183.
  9. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность и ее система: место полицейского традиционализма // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 25-33.
  10. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
  11. Анисимов В.Ф., Байрамов Р.Р., Третьяков И.Л. Разбой – преступление против собственности // Правовое поле современной экономики. – 2012. № 2. – С. 13-17.
  12. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 57-64.
  13. Бахарев А.В. Криминологическая характеристика и предупреждение краж и угонов автотранспорта органами внутренних дел. – М., 2008.
  14. Болотина Е.В. Правоохранительная функция государственной власти (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000.
  15. Братко А.Г. Правоохранительная система (вопросы теории). – М., 1991.
  16. Гагарин Н.Н., Приходько В.Е. К проблеме борьбы с кражами и угонами автотранспортных средств // Раскрытие преступлений: состояние, проблемы, перспективы: Материалы научно-практического семинара. – М., 1993. С.94-98.
  17. Гер О.Е. Экономические и политические реформы в Российской Федерации: практика проведения и итоги // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №10. – С. 12-21
  18. Григонис Э.П., Харченко О.В. Правоохранительная функция государства и формы ее реализации. – СПб.: Книжный дом, 2007.
  19. Гурбанов А.Г., Павлик М.Ю., Михайлов Н.Н., Михайлова О.Г., Тарайко В.И., Третьяков И.Л., Щербаковский Г.З. Общественная безопасность как объект уголовно-правовой охраны // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 1. – С. 169-174.
  20. Гущериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 320 с.
  21. Денисов С.А., Некрасов А.П., Третьяков И.Л. Правовая основа оперативно-розыскной профилактики и ее содержание // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 2. – С. 211-215.
  22. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (правовой анализ) / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 256 с. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
  23. Егоршин В.М. Экономика и государство (настоящее и будущее) // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10. – С. 77-99.
  24. Захарцев С.И. Диалектический метод в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 62-69.
  25. Захарцев С.И. Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 163-172.
  26. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2006. – 320 с. – (Серия:

- «Терия и практика оперативно-розыскной деятельности»).
27. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – (Серия: «Терия и практика оперативно-розыскной деятельности»).
  28. Захарцев С.И., Спиридонов П.Е., Шахматов А.В., Третьяков И.Л. Оперативно-розыскное мероприятие оперативный эксперимент как эффективный инструмент в борьбе с преступностью // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 2. – С. 215-219.
  29. Ильичев В.А. Оперативно-розыскная деятельность. – М., 2009.
  30. Какие машины чаще всего угоняют в Санкт-Петербурге. Мой район. URL: <http://www.mr7.ru/articles/54375>. (Дата обращения 02.11.2012).
  31. Квитчук А.В. Государственная политика по созданию правового комплекса обеспечения безопасности дорожного движения // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 2. – С. 97-104.
  32. Квитчук А.С., Болотина Е.В. К вопросу о выявлении и привлечении к ответственности водителей, управляющих транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения в зарубежных странах // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2008. – № 1. – С. 51-56.
  33. Квитчук А.С., Болотина Е.В., Третьяков И.Л. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовые вопросы // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 204-207.
  34. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, А.Е. Четчин. – М., 2011.
  35. Коробеев А.И. Транспортные правонарушения: квалификация и ответственность. – М.: Юрид. лит., 1990.
  36. Коробеев А.И. Транспортные преступления. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
  37. Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 224 с.
  38. Криминология: Словарь / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.
  39. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999.
  40. Кудрявцев В.Н. Квалификации преступлений. – М., 2004.
  41. Курс российского уголовного права: Учебник для вузов. В 2-х томах. Т.2. Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М., 2002.
  42. Назрела необходимость ужесточения меры ответственности за хищение и угон транспортных средств. – Российская правовая газета «эж-Юрист». URL: <http://www.gazeta-yurist.ru/parnew.php?i=311>. (Дата обращения 02.11.2012).
  43. Нигметов Н.А. Снятие информации с технических каналов связи как оперативно-розыскное мероприятие и противодействие информационному экстремизму в современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 77-82.
  44. Новикова Ю.В. Недостатки системы профилактики повторной криминальной активности несовершеннолетних в Российской Федерации (уголовно-правовой и криминологический аспект) // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 106-112.
  45. Оперативно-розыскная деятельность / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. – М., 2001. (автор параграфа В.А. Лукашов).
  46. Основы оперативно-розыскной деятельности / Под ред. В.Б. Рушайло. – СПб.: Лань, 2000.
  47. Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / Под ред. А.Б. Смушкина. – М., 2008.
  48. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
  49. Ромашов Р.А. Правоохранительная деятельность и правовое государство: Сб. тр. адъюнктов и соискателей. Вып. 3 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1994.
  50. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности в современной России: Учебное пособие. – СПб., 2008.
  51. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.
  52. Сальников С.П. Автотранспортные правонарушения: социально-политическая сущность и профилактика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 10. – С. 88-99.
  53. Свон Р.Д. Эффективность правоохранительной деятельности и ее кадровое обеспечение в США и России: Научное издание / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 288 с.
  54. Страна восходящих угонов Газета.ру. URL: http://www.gazeta.ru/auto/2012/01/18_a_3966865.shtml;
  55. Фирсов И.В. Методология государственного регулирования экономики России в условиях перехода на

- инновационный путь развития и экономическая безопасность государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 88-102.
56. Хабибулин А.Г. Политико-правовые проблемы государства в области социально-экономического развития России // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 7-17.
57. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М., 2004.
58. Шахметов А.В., Дмитриев Д.О., Анисимов В.Ф., Биктасов О.К., Третьяков И.Л. Оперативно-розыскное противодействие хищениям автотранспортных средств в Северо-Западном регионе России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2. – С. 308-310.
59. Экономическое развитие современной России: Монография / Под ред. Н.В. Яремчука. – М.: Премьера, 2006.
60. Ясин Е. Перспективы Российской экономики: проблемы и факторы роста // Вопросы экономики. – 2002. – № 5.

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

РЯДИНСКАЯ В.А.

главный научный сотрудник научно-организационного отдела Государственного научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Украины, кандидат юридических наук

Специальность 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

РАЗВИТИЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОХОДОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ДО XX ВЕКА

***Аннотация.** Исследуется исторический опыт налогообложения доходов физических лиц до начала XX века в различных странах (Англия, Франция, Германия, США, Россия). Выявлены исторические закономерности введения налога на доходы физических лиц на данном этапе. Предложено проецирование исторических уроков на формирование налоговой системы современного государства.*

***Ключевые слова:** налог на доходы физических лиц, фискальный аппарат, контроль за доходами.*

RYADINSKAYA V.A.

DEVELOPMENT OF PERSONAL INCOME TAXATION BEFORE 20TH CENTURY

***The summary.** Historical experience of taxation of profits of physical persons is probed to beginning of XX age in different countries (England, France, Germany, USA, Russia). Historical conformities to law of introduction of tax are exposed on the profits of physical persons on this stage. Mapping of historical lessons is offered to forming of the tax system of the modern state.*

***Key words:** tax on the profits of physical persons, fiscal vehicle, control after profits.*

Обращение к вопросам развития правового механизма налогов и сборов всегда вызывает пристальное внимание, так как правильно оценить процесс формирования налоговой системы государства возможно только сквозь призму становления того или иного налогового платежа [2; 3; 14; 15; 21], что в значительной мере актуализирует вопросы, связанные с генезисом налогообложения физических лиц. Принципы налогообложения физических лиц вырабатывались на практике в течение длительного времени

и нашли свое отображение в концепции А. Смита [16], который в начале XX века провозгласил справедливость налогообложения доходов физических лиц. Насегодня данный принцип никем не оспаривается, наоборот, видные финансисты – А.В. Брызгалин, А.З. Дадашев, В.Г. Князев, В.А. Кашин, Н.П. Кучерявенко, Л.С. Кирин, И.А. Майбуров, Л.П. Павлова, В.М. Пушкарева, А.Э. Сердюков, Н.Н. Тютюрюков, Д.Г. Черник, С.Д. Шаталов, Е.Б. Шувалов, Т.Ф. Юткина, А.А. Ялбулганов и другие являются его ярыми

приверженцами. Однако такое положение дел не всегда существовало в налоговом праве. Длительное время ученые (А. Вагнер, Дж. Кейнс, Ф. Кенэ, А. Лаффер, Д. Локк, Дж. Миль, В. Мирабо, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, Ж. Сисмонди, Ж.-Б. Сэй, Д. Фридман, Ф. Юсти и другие) указывали на недостатки в налогообложении доходов физических лиц, подчеркивали неэффективность такого налогообложения, выдвигали предложения по отмене налога на доходы физических лиц. Связано это было, в первую очередь, с историей развития данного налога до XX века, его зарождением и формированием в разных странах.

Поэтому целью нашей статьи является исследование исторического развития налога на доходы физических лиц до XX века в разных странах, выявление исторических закономерностей введения такого налога в налоговых системах этих стран и оценка процесса формирования налоговой системы современного государства в направлении налогообложения доходов физических лиц.

Необходимо отметить, что попытки обложить налогом доходы физических лиц предпринимались в истории неоднократно. Так, еще в 10 году н.э. китайский император Ванг Манг ввел налог на доход мастеров (квалифицированных специалистов) в размере 10% от получаемой ими прибыли [22, р. 53], однако после смерти этого императора в 23 году н.э. его наследник отменил вышеуказанный налог «...внемля наставлениям людей мудрых и опытных».

В 1480 году во Флоренции, в связи с необходимостью ведения войны с Неаполем и папой, была введена, помимо подушного налога (капиталиции), «decima scalata» — «степенная десятина», которая представляла собой прогрессивный налог на доходы физических лиц — 5% взыскивалось с самых бедных, с доходом от 1 до 50 флоринов и 16,33% для богатых, получавших 1200 флоринов и более (в 1481 году был поднят до 22%) [6]. Однако, из-за недостатков в механизме налогообложения (сборщик податей имел неограниченную власть в определении имущественного ценза плательщика, и, соответственно, установлении размера налога, что неизбежно привело к росту коррупции) вызывал значительное недовольство среди населения и был отменен в 1488 году.

Во Франции в 1697 году по предложению С.

Вобана и П. Буагильбера [5] был введен лассифицированный подушный налог, взимавшийся в соответствии с социальным статусом физических лиц (все население было разбито на 22 класса в зависимости от имущественного положения (как правило, в зависимости от арендной платы за жилье), в соответствии с принадлежностью к которому и устанавливались ставки налога — от 1 до 2000 ливров), при этом обычный подушный налог также продолжал взыскиваться. Основным недостатком данного налога, как и в предыдущем случае, было отсутствие четкого механизма контроля за размерами доходов, получаемых физическими лицами. Э. Селигман [23, р. 53] подчеркивает, что практика уклонения от налога путем коррупционной схемы занижения доходов и отнесения плательщика к более низкому классу, стала повсеместной.

В 1710 году данный налог был реформирован [7] — систематизированы виды доходов, получаемых физическими лицами (от недвижимости, от зарплат, от ценных бумаг и от бизнеса) и установлена твердая ставка, одинаковая для всех плательщиков — 10% от суммы полученных доходов (с 1749 — 5%). Была предусмотрена система льгот по данному налогу — полное освобождение от его уплаты, которое предоставлялось по личному указу короля. Это возможность получения льгот и погубила данный налог — сначала отдельные люди, а потом и целые классы освобождались от его уплаты. Налоговые органы из-за функциональной неэффективности (разобщенность, неграмотность чиновников, отсутствие централизованного управления) и желаний личного обогащения не могли обеспечивать равное налогообложение по этому налогу, его взыскание вызывало длительные споры и судебные разбирательства, поэтому, не удивительно, что одним из первых актов Великой Французской революции в 1789 году налог на доходы был отменен [8].

В Англии подобный налог появился в 1798 году по предложению премьер-министра В. Пита-младшего и был введен как чрезвычайная мера для пополнения бюджета при подготовке к войне с Наполеоном. Налог устанавливался на доходы более 60 фунтов в год в размере 2 шиллинга с фунта с суммы, превышающей обязательный минимум, и увеличивался до 2 фунтов с шиллинга при доходах более 200 фунтов. Особенностью налогообложения доходов физических лиц в данной стране было то, что сумму

доходов никто не контролировал – налог уплачивался «по совести». В связи с этим, несмотря на постоянные изменения и реформирования его правового механизма, поступления от данного налога были незначительны [1].

В Пруссии в 1821 году для уплаты контрибуции наполеоновской Франции ввели классную подать, в соответствии с которой все граждане разделялись на четыре класса – рабочих и прислугу, крестьян; землевладельцев и богатых лиц и для каждого класса устанавливалась твердая ставка налога. Доходы лиц определялись приблизительно специальной оценочной комиссией. Реформа 1857 года изменила налог на доходы – он был разделен на классную и классификационную части. Классную часть уплачивали бедные слои населения, а классификационную – богатые (доход которых превышал 3000 марок) [13].

С объединением германских земель в 1873 году налог на доходы физических лиц вновь подвергается реформированию. Лица с доходом до 420 марок от налогообложения освобождались, все остальные лица разделялись на 40 классов (в зависимости от имущественного положения, установленного специальной оценочной комиссией) и для каждого класса устанавливалась твердая ставка налога [20]. Налогообложение по такой системе отличалось неравномерностью (лица одного класса, но с разными доходами, платили одинаковую сумму налога), приводило к росту коррупции (население уплачивало взятки представителям оценочной комиссии для отнесения к менее состоятельному классу) и не приносило существенных доходов. В 1891 году, в очередной раз, правовой механизм налога на доходы физических лиц претерпел изменения – под налогообложение попадали все граждане Германии, которые были разделены на 94 степеней, где каждой соответствовал определенный размер налога, ставка которого зависела от суммы дохода (от 0,62 до 4%) [9].

В США налогообложение доходов физических лиц было введено в 1861 году – в период Гражданской войны. Под налогообложение попадали физические лица, доход которых превышал 600 долларов (по ставке 3%); лица с доходом от 10000 долларов облагались по ставке 5%. В 1880 году, после войны, налог был отменен. В 1880 году в Верховный суд США поступил иск от одного из бывших плательщиков, в котором

он требовал возмещения ему всех уплаченных платежей на том основании, что налог на доходы является прямым налогом, а Конституция США на тот момент разрешала взыскание прямых налогов лишь при условии существования кадастра или переписи населения с пропорциональным разделением налога между штатами. Верховный суд США не принял аргументов истца и постановил считать налог на доходы акцизным налогом [19].

Вторая попытка ввести налог на доходы в США в 1894 году привела к подаче подобного иска, и в этот раз Верховным судом такой налог был признан неконституционным [18]. Только внесение в 1913 году 16 поправки к Конституции США, которая разрешала введение налогов на доходы без пропорционального разделения между штатами, переписи и кадастрации, позволило ввести подобный налог на территории данной страны. Ставка такого налога устанавливалась для доходов, превышающих 3000 долларов, в размере 1%, а для доходов свыше 500000 долларов – увеличивалась до 7%. Однако, в связи с отсутствием взаимодействия между штатами, проблемами налогового учета и контроля за доходами физических лиц поступления от данного налога едва перекрывали расходы на его администрирование.

В России впервые налог на доходы физических лиц вводился в 1893 году в виде квартирного налога [10]. После крымской кампании состояние финансов Российской империи находилось в критическом состоянии, поэтому с целью выявления новых источников для пополнения бюджета в 1859 году была создана Комиссия для пересмотра системы податей и сборов [11], которой на основе анализа исторического и зарубежного опыта было предложено разработать предложения по введению ряда новых налогов и сборов. Комиссией, среди прочего, было предложено введение квартирного налога, в котором идея налогообложения заключалась в следующем: налог устанавливался на квартиросъемщиков – чем дороже они снимали квартиру, тем большим был налог на них. По мнению ученых того времени [12; 17; 22] найм квартиры – внешнее проявление доходов физических лиц, так как доходы на содержание квартиры, по их мнению, напрямую зависели от суммы доходов плательщика. Для целей этого налога все города Российской империи было разделено на

классы; в зависимости от класса и размера платы за найм квартиры закреплялись ставки налога в процентном соотношении от 1,6 до 10% (см. таблицу 1).

Таблица 1.
Ставки квартирного налога на территории Российской империи
по Закону от 14 мая 1893 года [10]

Размер платы за найм квартиры за год (в рублях)	Ставка налога (в зависимости от раз мера платы за найм квартиры)
в городах 1-го класса	
до 300	0%
300	1,6%
от 300 до 600	2,3%
от 600 до 1200	3,2%
от 1200 до 2400	4,4%
от 2400 до 4800	7,9%
от 4800 до 5800	9,7
от 5800 и более	10 %
в городах 2-го класса	
до 225	0%
от 225 до 270	1,6%
от 270 до 540	2,3%
от 540 до 1080	3,2%
от 1080 до 1920	4,4%
от 1920 до 3010	7,9%
от 3010 до 4500	9,7%
от 4500 и более	10%
в городах 3-го класса	
до 150	0%
от 150 до 225	1,6%
от 225 до 540	2,3%
от 540 до 870	3,2%
от 870 до 1100	4,4%
от 1100 до 2000	7,9%
от 2000 до 3000	9,7%
от 3000 и более	10%
в городах 4-го класса	
до 120	0%
от 120 до 150	1,6%
от 150 до 230	2,3%
от 230 до 440	3,2%
от 440 до 910	4,4%
от 910 до 1100	7,9%
от 1100 до 2400	9,7%
от 2400 и более	10%

в городах 5-го класса	
до 60	0%
от 60 до 120	1,6%
от 120 до 200	2,3%
от 200 до 440	3,2%
от 440 до 610	4,4%
от 610 до 870	7,9%
от 870 до 1200	9,7%
от 1200 и более	10%

По утверждению министра финансов Российской империи С.Ю. Витте, введение квартирного налога было предтечей подоходного налогообложения. Таким образом государство стремилось получить сведения о доходах физических лиц прежде, чем вводить непосредственно налог на доходы [4]. Однако, несмотря на благие намерения, налог превратился в налог на расходы, на потребление (что не всегда соответствовало уровню доходов физического лица, так как в ряде случаев он мог быть вынужден снимать более дорогое жилье в связи с семейными обстоятельствами (больные родственники, разнополые дети и т.д.), при этом охватывалась узкая категория плательщиков – городские жители, снимавшие квартиры, все иные физические лица под налогообложение не попадали. Свой цели он не достиг, сведений о доходах физических лиц добыть не помог, поступления от него в некоторых городах не превышали расходов на его взимание.

Итак, историческими закономерностями развития налогообложения доходов физических лиц являются: 1) введение данного налога практически всегда было сопряжено с необходимостью срочного пополнения казны и поиском для этого дополнительных источников доходов; 2) взимание налога на доходы физических лиц происходило наряду с взиманием иных прямых налогов на физических лиц (например, подушных); 3) отсутствие эффективного механизма контроля за доходами физических лиц не давало значительных поступлений от вышеуказанного налога, в ряде случаев расходы на его

администрирование превышали доходы от сбора; 4) наличие субъективного фактора в оценке доходов физических лиц неизменно приводило к коррупции и злоупотреблениям; 5) предоставление льгот по уплате данного налога использовалось для уклонения от его уплаты; 5) контроль за доходами физических лиц путем установления контроля за их расходами оказался неэффективным; 6) недостатки налогового учета и отсутствие взаимодействия между фискальными органами приводило к существенному уменьшению поступлений от налога на доходы физических лиц, а так же коррупции.

Только к началу XX века с развитием капиталистического общества появились условия, обеспечивающие возможность экономически эффективного взимания налога на доходы физических лиц. Историческим уроком, который можно извлечь из развития налогообложения доходов физических лиц и который необходимо помнить, формируя систему налогообложения, является то, что введение подобного налога требует наличия определенных условий, без соблюдения которых его взимание будет неэффективным, а именно – существование действенного фискального аппарата и развитой системы контроля за доходами физических лиц. При их отсутствии или недостаточной разработке процесс взимания такого налога приводит к развитию коррупции, злоупотреблениям, уклонениям.

В дальнейших работах мы продолжим анализ исторического развития налогообложения доходов физических лиц.

Список литературы

1. Александров А.М. Налоговые системы России и зарубежных стран. – М.: Бератор-Пресс, 2002. – 192 с.
2. Булатов Р.Б. О необходимости и путях укрепления налоговой базы муниципального строя // *Налоги – журнал*. – 2006. – № 1. – С. 12-15.
3. Булатов Р.Б. О совершенствовании законодательства в сфере финансовых средств муниципального строя // *Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России*. – 2006. – № 2. – С. 314-318.
4. Витте С.Ю. Конспект лекций о государственном хозяйстве. – СПб.: Тип. В.Д.Каткова, 1914. – 456 с.
5. Греченко В.А. Виникнення і розвиток податку з доходів фізичних осіб до Першої світової війни / В.А. Греченко, В.В. Греченко // *Вісник Харківського Національного університету*. – 2010. – Вип. 2(49). – Х.: Нац. ун-т внутр. справ. – С. 23-30.
6. Клулас И. Лоренцо великолепный – самый великолепный из Медичи / И. Клулас // *Электронный ресурс* : [режим доступа] : <http://sv-scena.ru/athenaeum/lorenzo-velikolepnyj.html>
7. Князев В.Г. Тенденции развития налоговых систем в зарубежных странах // *Налоговый Вестник*. – 1998. – № 9. – С. 54-57.
8. Козырин А.Н. Налоговое право зарубежных стран: вопросы теории и практики – М.: Проспект, 1999. – 456 с.
9. Морозова Г.В., Дерина О.В. Сравнительный анализ становления и развития системы налогообложения доходов физических лиц в РФ и зарубежных странах // *Системное управление*. – 2009. – Вып.1 (3). [Электронный ресурс]. URL : <http://sisupr.mrsu.ru>
10. Об устройстве налога на строения и квартиры в городах // *Труды комиссии высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и соборов*. – Т. III. – Ч. 1. – СПб. : Тип. В. Безобразова и комп., 1863. – С. 1 – 32.
11. Орлик С.В. Проекти оподаткування нерухомого майна в Російській імперії в 50-60 роках XIX ст. // *Проблеми історії України XIX – початку XX ст.* – 2010. – Вип. XVIII. – С. 57-89.
12. Орлов Д. Налоговая реформа 1989 года – последняя и самая удачная в истории российского промышленного обложения // *Налоги*. – 1993. – № 3. – С. 7-9.
13. Попова, Л.В. Налоговые системы зарубежных государств: Учебное пособие / Л.В. Попова, Н.А. Дрожжина, С.А. Алимов. – Орел: ОрелГТУ, 2007. – 342 с.
14. Сальников М.В, Щепкин С.С. Становление и эволюция институтов налогов в контексте развития общества и государственности // *Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России*. – 2002. – № 4. – С. 24
15. Сальников М.В. Развитие русской общественной мысли конца XIV – начала XVI вв. // *История государства и права*. – 2005. – № 1. – С 43.
16. Сміт А. Добробут націй. Дослідження про природу та причини добробуту націй / А. Сміт. – К.: Порт-Роял, 2001. – 593 с.
17. Тарасов И.Т. Очерк науки финансового права. – М.: Типография Императорского Университета, 1889. – 307 с.
18. Терентьева С.Н. Характеристика налогообложения доходов физических лиц в США // *Финансы и менеджмент*. – 2009. – № 5. – С. 33-39.
19. Тютюрюков Н.Н. Налоговые системы зарубежных стран. Европа и США. – М.: Дашков и К, 2002. – 186 с.
20. Ходов, Л.Г., Попов В.И. Подходящее налогообложение физических лиц (зарубежный опыт, российские проблемы). – М.: Теис, 2004. – 172 с.
21. Щепкин С.С. Герменевтический метод как основа теоретико-правового анализа понятия налогов // *Юридическая наука: история и современность*. – 2012. – № 2. – С. 97-104.
22. Янжул И.И. Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах.– СПб.: Статуть, 1899. – 508 с.
23. Seligman Edwin R. A. The income tax. A study of the history, theory and practice of income taxation at home and abroad / Edwin R. A Seligman. –New York : The Macmillan Company, 1914.

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,

профессор кафедры организации правоохранительной и правозащитной деятельности Псковского государственного университета, доктор юридических наук

E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

КОРРУПЦИЯ И ДЕНЬГИ: К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию вопросов применения оперативно-розыскных мероприятий для борьбы с коррупционными преступлениями. Особое внимание в статье уделяется оперативно-розыскному мероприятию «прослушивание телефонных переговоров».*

***Ключевые слова:** коррупционные преступления, оперативно-розыскные мероприятия, прослушивание телефонных переговоров.*

ZAKHARTZEV S.I.

CORRUPTION AND MONEY: ON THE ISSUE OF USE OF OPERATIONAL SEARCH MEASURES

***The summary.** The article is concerned with the study of issues associated with the use of operational search measures for struggle against corruption-related crimes. Particular attention in the article is paid to such operational search measure as "eavesdropping on telephone conversations".*

***Key words:** corruption-related crimes, operational search measures, eavesdropping on telephone conversations.*

Практика борьбы с преступностью показала, что коррупционные преступления, как правило, выявляются оперативным путем, то есть с помощью оперативно-розыскных мероприятий.

Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Законом об ОРД) [1] в настоящее время предусмотрено 14 оперативно-розыскных мероприятий, проведение которых разрешено в Российской Федерации. К ним, в частности, относятся:

1. Опрос – оперативно-розыскное мероприятие, представляющее собой сбор информации путем общения с лицом.

2. Наведение справок – оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в официальном и неофициальном получении различных документов, имеющих значение

для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

3. Сбор образцов для сравнительного исследования – оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается в изъятии, получении предметов для их оперативно-розыскного распознавания или идентификации.

4. Исследование предметов и документов – оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается в изучении полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности материальных и нематериальных документов, программ, веществ и т.д.

5. Проверочная закупка – оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается в приобретении чего-либо у проверяемого лица для подтверждения или опровержения его

противоправной деятельности.

6. Наблюдение – оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в непосредственном или опосредованном (с помощью технических средств) слежении за лицом или иным объектом оперативной заинтересованности.

7. Отождествление личности – оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в оперативной идентификации лица по его признакам.

8. Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств – оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается в сборе информации путем оперативного осмотра и изучения указанных объектов оперативной заинтересованности.

9. Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений – оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается в сборе информации путем негласного прочтения почтовых и иных сообщений.

10. Прослушивание телефонных переговоров – это оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в сборе информации путем контроля ведущихся по телефонной связи переговоров.

11. Снятие информации с технических каналов связи – оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается в негласном сборе информации техническими средствами с указанных объектов связи.

12. Оперативное внедрение – оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается в легендированном вводе оперативных сотрудников или лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе в криминальную среду или объекты оперативной заинтересованности.

13. Контролируемая поставка – оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается в перемещении товаров и предметов под негласным контролем органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

14. Оперативный эксперимент – оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается в сборе информации путем искусственного создания управляемых условий и изучение поведения лица в этих условиях [9; 10].

Указанные в Законе об ОРД условия проведения указанных оперативно-розыскных мероприятий в науке принято подразделять на общие и специально предусмотренные. Общие условия относятся ко всем без исключения оперативно-розыскным мероприятиям. Общим для всех

оперативно-розыскных мероприятий является следующее условие: гражданство, национальность, пол, место жительства, имущественное, должностное и социальное положение, принадлежность к общественным объединениям, отношение к религии и политические убеждения отдельных лиц не являются препятствием для проведения в отношении них на территории Российской Федерации оперативно-розыскных мероприятий, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Вместе с тем, поскольку мероприятия различны с точки зрения сущности их проведения, ограничения прав человека, закрепления их результатов и т.д., для некоторых из них имеются специально предусмотренные условия. Таким образом, специально предусмотренными являются те условия, которые определяют особые правила проведения некоторых мероприятий или мероприятия [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 12; 13]

Опыт борьбы с преступностью и проведенные исследования убедительно показали, что в доказывании чаще используются результаты оперативно-розыскного мероприятия прослушивание телефонных переговоров. В связи с этим специально предусмотренные условия проведения указанного мероприятия мы рассмотрим подробно.

В соответствии с законом об ОРД, прослушивание телефонных переговоров допускается на основании судебного решения в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях. В случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, допускается прослушивание телефонных переговоров и без судебного решения, но с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. В течение 48 часов с момента начала проведения прослушивания телефонных переговоров, орган его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого оперативно-розыскного мероприятия либо

прекратить его проведение.

В случае возникновения угрозы жизни, здоровью, собственности отдельных лиц по их заявлению или с их согласия в письменной форме разрешается прослушивание переговоров, ведущихся с их телефонов, на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с обязательным уведомлением соответствующего суда (судьи) в течение 48 часов. Фонограммы, полученные в результате прослушивания телефонных и иных переговоров, хранятся в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность их прослушивания и тиражирования посторонними лицами.

В случае возбуждения уголовного дела в отношении лица, телефонные и иные переговоры которого прослушиваются, фонограмма и бумажный носитель записи переговоров передаются следователю для приобщения к уголовному делу для использования в доказывании. Дальнейший порядок их использования определяется уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Оперативно-розыскные мероприятия, обеспечивающие безопасность органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, проводятся в строгом соответствии с Законом об ОРД и исключительно в пределах полномочий указанных органов, установленными соответствующими законодательными актами Российской Федерации.

Исследуя указанные выше условия проведения прослушивания телефонных переговоров можно заметить, что в зависимости от ситуации правила проведения указанного оперативно-розыскного мероприятия различны. Иными словами, условия проведения прослушивания телефонных переговоров можно разделить на два вида:

1. условия проведения прослушивания телефонных переговоров в обычном порядке;
2. условия проведения прослушивания телефонных переговоров в особом порядке.

Для проведения прослушивания телефонных переговоров в обычном порядке установлены следующие правила. Прослушивание телефонных переговоров может проводиться для предотвращения, пресечения и раскрытия только тяжких и особо тяжких преступлений. Помимо того, для проведения прослушивания телефонных переговоров у органа, желающего и правомочного

осуществить указанное мероприятие, должна иметься информация о признаках, подготавливаемого, совершаемого или совершенного тяжкого или особо тяжкого преступления, либо о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших.

Прослушивание телефонных переговоров в обычном порядке проводится на основании судебного решения по мотивированному постановлению начальника органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Такое постановление рассматривается уполномоченным на то судьей единолично и незамедлительно. Судья не вправе отказать в рассмотрении постановления в случае его предоставления. По требованию судьи ему могут представляться и другие материалы, касающиеся оснований для проведения прослушивания телефонных переговоров, за исключением данных о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе.

Решение судьи о разрешении, либо запрещении проведения названного мероприятия должно быть оформлено мотивированным постановлением.

Срок действия постановления, вынесенного судьей, о разрешении проведения прослушивания телефонных переговоров исчисляется в сутках со дня его вынесения и не может превышать 180 суток, если иное не предусмотрено в самом постановлении. При этом течение срока прослушивания телефонных переговоров не прерывается. При необходимости продления срока действия постановления судья выносит решение на основании вновь предоставленных материалов. В случае, если судья отказал в прослушивании телефонных переговоров, орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, вправе обратиться по этому же вопросу в вышестоящий суд.

Как отмечено выше, помимо указанного обычного порядка прослушивания телефонных переговоров, Закон об ОРД предусматривает и особый порядок проведения названного оперативно-розыскного мероприятия.

Особый порядок прослушивания телефонных переговоров применительно к преступлениям коррупционной направленности возможен в

следующих обстоятельствах.

1. В случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого преступления, а также когда в результате деяний коррумпированного лица создается угроза государственной военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации (часть 3 статьи 8 Закона об ОРД). В таких случаях на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, допускается прослушивание телефонных переговоров с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. В Законе об ОРД не указан способ уведомления суда органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Исходя из этого, видимо, можно предположить, что допускаются как устные, так и письменные уведомления по различным способам связи, то есть, в том числе, и по телефону. Однако практика пошла по пути обязательного письменного уведомления суда.

В течение 48 часов с момента начала проведения прослушивания телефонных переговоров, орган его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого оперативно-розыскного мероприятия либо прекратить его проведение.

2. В случаях, когда в результате коррупционной деятельности лица, возникает угроза жизни, здоровью, собственности отдельных лиц (часть 6 статьи 8 Закона об ОРД). В случае возникновения названных угроз по заявлению таких лиц или с их согласия в письменной форме прослушивание телефонных переговоров разрешается. Однако в описываемом случае

прослушиваться могут лишь переговоры, ведущиеся с телефонов лиц, жизни, здоровью или собственности которых угрожает опасность. Отличительной особенностью проведения в указанной ситуации прослушивания телефонных переговоров является то, что здесь для прослушивания не требуется разрешения суда. Суд лишь уведомляется о прослушивании переговоров в течение 48 часов с момента его начала.

Требование законодателя уведомлять суд, на наш взгляд, в данной ситуации вполне обоснованно и необходимо. Уведомление суда о прослушивании телефонных переговоров является дополнительной гарантией законности осуществления оперативно-розыскной деятельности, связанной с ограничением конституционных прав людей на тайну телефонных переговоров. Это уведомление позволяет суду в необходимых случаях проверить обоснованность указанного прослушивания, законность получения согласия лиц на его проведение [10; 11].

3. По обеспечению безопасности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, от коррупционных преступлений (часть 10 статьи 8 Закона об ОРД).

В целом, регламентация в законе оперативно-розыскных мероприятий и порядка их использования в уголовном судопроизводстве значительно упрощает процесс доказывания коррупционных преступлений.

При этом законодательное регулирование названных вопросов имеет и упущения, что, на наш взгляд, обязывает научных работников активнее работать над проблемами правовой регламентации оперативно-розыскных мероприятий.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 21.12.2013) «Об оперативно-розыскной деятельности». // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995 – № 33. – Ст. 3349.
2. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004.
3. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (правовой анализ): Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 256 с. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»)
4. Ефремов А.М. Обеспечение прав и свобод личности в оперативно-розыскной деятельности. – Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД России, 2000.
5. Ефремов А.М. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: теоретические и прикладные проблемы: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2001.

6. Ефремов А.М. Оперативно-розыскная деятельность и личность. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000.
7. Ефремов А.М. Человек и оперативно-розыскная деятельность. – Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД России, 1999.
8. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003.
9. Захарцев С.И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2004.
10. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2006. – 320 с. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
11. Захарцев С.И., Чабукиани О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2010.
12. Казак А.Е. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел и права человека: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ин-т МВД России, 1998.
13. Казак А.Е. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел и права человека: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997.

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

РАХИМОВ Рамазон Хамроевич,
Министр внутренних дел Республики
Таджикистан,
кандидат юридических наук, доцент,
Заслуженный юрист Республики Таджикистан
E-mail: rahimov50@inbox.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика;
судебно-экспертная деятельность; оперативно-
розыскная деятельность

ТЯЖКИЕ И ОСОБО ТЯЖКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН: УДЕЛЬНЫЙ ВЕС В СТРУКТУРЕ УЧТЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ

***Аннотация.** В статье анализируются тяжкие и особо тяжкие преступления экономической направленности. Изучение экономических преступлений осуществляется на базе Республики Таджикистан. Определяется удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в структуре учтенных общественно опасных деяний.*

Исследование проводится на базе тех изменений, которые произошли в Таджикистане на постсоветском пространстве. Тщательно разбираются вновь принятые уголовные и уголовно-процессуальные законы, практика их применения, использование в борьбе с данной преступностью возможностей оперативно-розыскной деятельности.

***Ключевые слова:** уголовный закон; уголовно-процессуальное законодательство; оперативно-розыскная деятельность; тяжкие и особо тяжкие преступления; экономическая преступность.*

RAKHIMOV R.H.

GRAVE AND ESPECIALLY GRAVE CRIMES OF THE ECONOMIC AREA IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: THE RATIO IN THE STRUCTURE OF REPORTED SOCIALLY DANGEROUS ACTS

***The summary.** The article analyzes grave and especially grave crimes of the economic area. The study of economic crimes is made on the basis on the Republic of Tajikistan. The ratio of grave and especially grave crimes in the structure of reported socially dangerous acts is determined.*

The research is conducted on the basis of the changes that happened in Tajikistan as a post-Soviet country. The detailed study covers the newly adopted criminal and criminal procedure laws, the practice of their application, the use in the struggle against this kind of crime, the possibilities for operational search activities.

***Key words:** criminal law; criminal procedure legislation; operational search activities; grave and especially grave crimes; economic crime.*

Принятие нового Уголовного Кодекса Республики Таджикистан стало большим достижением науки и практики уголовного права, значительным событием в её социально-политической жизни [46]. Обладая относительной спецификой, проявляющейся в содержании основных уголовно-правовых институтов, УК РТ впитал в себя исторические [48; 81], национальные и культурные традиции страны, особенности её экономики, учел взятые ею на себя международно-правовые обязательства [56, стр. 108].

Новый УК РТ по мере возможности обеспечил соответствие положений уголовного законодательства условиям перехода экономики от планово-административной к свободной (рыночной).

Формирование правового государства и гражданского общества, становление рыночной экономики предполагает развитие социально-экономических отношений и их регулирование в соответствии с законодательством [6; 8; 9; 10; 11; 16; 17; 19; 20; 21; 22; 23; 28; 29; 32; 33; 41; 42; 43; 44; 47; 49; 50; 51; 52; 53; 54; 58; 62; 63; 64; 65; 67; 68; 70; 82; 83].

С другой стороны, как показывает мировая практика, в обществе со свободной рыночной экономикой властные структуры государства должны максимально ограничивать свое вмешательство в экономическую деятельность; они призваны осуществлять борьбу с новыми, не известными ранее общественно опасными формами экономического поведения, как то: незаконным предпринимательством, легализацией (отмыванием) денежных средств, полученных противозаконным путем, недобросовестной конкуренцией и монополистической деятельностью, обманными действиями в отношении кредиторов и т.п. Практика свидетельствует о колоссальном вреде подобной криминальной деятельности, наносимом интересам потребителей, других субъектов хозяйствования, и наконец, общества и государства в целом [7; 30; 72; 73; 74]. Поэтому не случайно в УК РТ включены такие виды преступлений в сфере экономической деятельности, как: лжепредпринимательство (ст. 260); регистрация незаконных сделок с землей (ст. 261); легализация (отмывание) денежных средств либо иного имущества, полученных противозаконным путем (ст. 262), незаконное получение кредита (ст. 264), незаконная

выдача кредита (ст. 265); злостное уклонение от возвращения кредиторской задолженности (ст. 266) и др. [84, стр. 274-299]

Надо отметить, что разработка понятия «экономические преступления» в теории республиканского уголовного права постоянно вызывала, как вызывает и до их пор самые серьезные научные дискуссии [39], поскольку в широком смысле любое преступление, так или иначе затрагивает хозяйственные основы жизни социума.

В действующем уголовном законодательстве Республики Таджикистан (как и Российской Федерации) не приводится его определения. Различные точки зрения по данному вопросу представлены и в научной литературе. Наиболее известными из них являются мнения шведского криминолога Бу Свенсона и известного российского ученого А.М. Яковлева, работы которых вышли в свет в конце 80-х гг. прошлого века [66, стр. 25; 85, стр. 50-51].

Нет единой точки зрения по рассматриваемому вопросу и в настоящее время. Так, определяя понятие экономических преступлений, А.М. Медведев, например, полагает, что они посягают на экономику, права, свободы, потребности и интересы участников экономических отношений, нарушают нормальное функционирование экономического (хозяйственного) механизма, причиняют этим социальным ценностям и благам материальный ущерб [45, стр. 81].

По мнению других авторов, «...экономическими преступлениями могут считаться предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, совершаемые в любой форме собственности, посягающие на общественные экономические отношения» [15, стр. 6].

В зависимости от характера экономических отношений, на которые осуществляется посягательство, и в соответствии с действующим уголовным кодексом Республики Таджикистан, традиционно выделяются две группы экономических преступлений: преступления против собственности и преступления в сфере экономической деятельности. В отличие от УК РФ, в УК РТ преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях специально не обособливаются [27, стр. 41].

Ряд российских авторов относит к экономическим преступлениям хищения путем присвоения, растраты, мошенничества, а также все преступления, предусмотренные главой 22 УК РФ [40,

стр. 50]. Некоторые из них отождествляют экономические общественно опасные деяния только с преступлениями в сфере экономической деятельности [12].

Заслуживающей внимания представляется позиция В.В. Лунеева, согласно которой «... суть экономической преступности в странах с развитой рыночной экономикой составляют преступления, совершаемые корпорациями против государственной экономики, против других корпораций, служащими корпораций против самой корпорации, корпорациями против потребителей» [37, стр. 256].

Наконец, не лишенным логики в рассуждениях видится определение экономической преступности, предлагаемое Е.Е. Дементьевой, которая под данным феноменом (с криминологической точки зрения) склонна понимать «...противоправную деятельность, наносящую ущерб экономическим интересам государства, частного предпринимательства и граждан (потребителей), постоянно или систематически осуществляемую с целью извлечения наживы в рамках и под прикрытием законной экономической деятельности юридическими и физическими (действующими от имени и в интересах юридического лица) лицами» [24, стр. 31].

Исходя из анализа глав 26 и 27 УК РТ, в них, прежде всего, и следует выделять преступления, по формальным признакам относящиеся к категории тяжких или особо тяжких. Они (данные формальные признаки), регламентируемые УК РТ, позволяют брать их за основу при определении хода и направлений производимых сотрудниками ОБОП МВД РТ оперативных разработок.

Экономическую преступность в ряде случаев стараются определить в качестве особого вида экономических отношений рыночного характера, выраженных в криминальной форме. Связь с рыночными правоотношениями отмечается неспроста: данный вид преступности во многом связан с бизнесом, предпринимательством, наличие которых становится возможным лишь в условиях рыночной модели хозяйствования, базирующейся на таких экономических категориях как «капитал», «наемный труд», «прибыль», и т.д.

Последствия современной экономической преступности выражаются в вытеснении легитимных социальных норм и ролевых функций в обществе их антиподами, воспроизводящими антиобщественные стандарты и стереотипы

поведения [14; 25; 26; 31; 55].

Нормы УК Республики Таджикистан об экономических преступлениях, по сути, образуют правовой институт, характеризующийся единым объектом уголовно-правовой охраны.

В УК РТ реализована теория, согласно которой нормы о преступлениях против собственности призваны охранять не частные имущественные права и интересы во всем их многообразии, а отношения собственности как основу экономической системы социума.

В условиях экономического кризиса обеспечение охраны экономических интересов приобретает особую актуальность. Эта мысль неоднократно звучала в выступлениях Президента Республики Таджикистан, в связи с чем изучение преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, имеет принципиальное значение.

В УК РТ уточнены понятия крупного и особо крупного размера (ущерба), как оснований уголовной ответственности для большей части экономических преступлений, поскольку отсутствие указанных признаков предполагает наступление исключительно административной ответственности. Понятия крупного размера, ущерба, дохода, задолженности признаны равнозначными. Данные изменения сыграли позитивную роль при уяснении признаков объективной стороны составов преступлений, поскольку ранее действовавший закон излагал данный вопрос не совсем последовательно.

Так, использовавшийся термин «хозяйственные преступления» теперь не отвечает требованиям времени, поскольку часть из них предусматривает ответственность за налоговые, валютные преступления, а также за преступления, совершаемые в сфере таможенных отношений, которые не относятся к хозяйственной деятельности, но составляют часть экономических отношений. Хотя и сегодня в литературе можно встретить выражение «хозяйственные преступления» [77, стр. 194].

Подавляющее большинство норм УК РТ носит бланкетный характер, в силу чего для их уяснения целесообразно обращаться к гражданскому, налоговому, валютному законодательству и другим нормативным правовым актам, регулирующим соответствующие виды деятельности, где приводятся понятия, используемые в нормах УК РТ.

Как уже отмечалось ранее, в теории республиканского уголовного права не содержится единого понятия экономического преступления, хотя этой проблеме было посвящено немало научных трудов, относившихся к исследованиям уголовных законов прошлых лет и ныне действующего законодательства [38]. Для выработки понятия «экономические преступления» важно правильно определять их родовой и видовой объекты.

Родовой объект рассматриваемых преступлений составляют общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование хозяйствующих субъектов.

Что касается видового объекта, то в уголовно-правовой теории высказаны различные точки зрения на данное понятие, с некоторыми из которых согласиться довольно трудно. Попытки его определения в качестве интересов государства и отдельных субъектов в сфере экономической деятельности представляются несостоятельными [78, стр. 246]. Интересы разных хозяйствующих субъектов могут быть противоречивыми и не соответствовать закону. Не является достаточно корректным определение понятия объекта как общественных отношений в сфере реализации принципов осуществления экономической деятельности. Как видно, в указанных подходах не совсем точно расставлены акценты. Объектом отношений является сама экономическая деятельность (то, по поводу чего они складываются), а не ее принципы – те основные начала, на которых она базируется.

Достаточно обоснованным представляется мнение, согласно которому под видовым объектом преступлений в сфере экономической деятельности следует понимать общественные отношения, возникающие в целях осуществления нормальной экономической деятельности по производству, распределению, обмену и потреблению материальных благ и услуг [75, стр. 143]. Термин «нормальная экономическая деятельность» здесь следует трактовать как «соответствующая нормам права».

Другое выражение «установленный порядок осуществления экономической деятельности», подчас используемый в научном обиходе, по существу, совпадает с данным определением. Известно, что установить порядок в государстве можно только при помощи норм права (тогда он будет нормальным), и что порядок

реализуется в процессе определенных общественных отношений.

С учетом сказанного, представляется обоснованным следующее определение преступлений в сфере экономической деятельности: это умышленные общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, посягающие на общественные отношения в сфере производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг.

Сохраняя общепризнанный подход к классификации объектов на родовой, видовой и непосредственный, можно выделить непосредственные объекты. Ими являются конкретные общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления определенной сферы предпринимательской и иной экономической деятельности.

В некоторых нормах УК РТ указывается дополнительный объект – права и свободы граждан как участников экономических отношений. Весьма спорной является позиция, высказанная в юридической литературе относительно предмета преступления.

Предмет преступления всегда является элементом правоотношения, это то, по поводу чего они возникают. Трудно себе представить, чтобы экономические отношения возникли по поводу, допустим, товарных знаков, которые в ряде случаев ошибочно относятся к предмету преступления [79, стр. 178]. Данные признаки относятся к характеристике объективной стороны. Но в некоторых нормах действительно можно усмотреть предмет преступления (например, ценные бумаги, республиканские деньги, иностранная валюта или ценные бумаги; драгоценные металлы и природные драгоценные камни, и др.).

Объективная сторона преступлений в сфере предпринимательской и другой экономической деятельности характеризуется в основном действиями, например: лжепредпринимательство (ст. 260 УК РТ), незаконное получение кредита (ст. 264 УК РТ), и др.

Часть преступлений может совершаться только посредством бездействия: невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 287 УК РТ), уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 291 УК РТ) и т.п.

Отдельные преступления могут совершаться посредством как действия, так и бездействия.

Таковыми преступлениями, являются, например: воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 258 УК РТ), злостное банкротство (ст. 270 УК РТ), фиктивное банкротство (ст. 271 УК РТ), и проч.

Следует обратить внимание и на то, что содержание большинства диспозиций данной группы преступлений имеет бланкетный характер.

Обязательным признаком объективной стороны некоторых преступлений являются **общественно опасные последствия**, указанные в диспозициях уголовно-правовых норм в виде крупного или особо крупного ущерба.

Составы, в которых не содержатся признаки, относящиеся к характеристике общественно опасных последствий, являются формальными. Нередко их объективная сторона включает дополнительные признаки в виде крупного или особо крупного размера, дохода или задолженности. Преступления с формальными составами признаются оконченными с момента выполнения указанных в законе действий, включая дополнительные (обязательные) признаки в виде крупного или особо крупного размера, дохода или задолженности.

Некоторые ученые определяют конструкцию составов, содержащих признаки крупного размера, дохода, задолженности, как материальных [77, стр. 269], что представляется надуманным. Доход или размер финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом не всегда может быть связан с причинением общественно опасных последствий гражданам, обществу или государству. По существу, указанные признаки определяют условия, при которых данное общественно опасное поведение становится преступным. При отсутствии таких признаков деяние является административным правонарушением.

При описании признаков объективной стороны некоторых составов преступлений законодатель упоминает способ преступления.

Субъективная сторона преступлений в сфере экономической деятельности характеризуется виной в форме умысла. Совершение некоторых преступлений возможно и с двумя формами вины.

В некоторых составах содержатся дополнительные признаки субъективной стороны: мотив и цель.

Субъектом преступления в сфере

экономической деятельности может быть физическое лицо, вменяемое, достигшее определенного возраста. Возрастной признак данной группы преступлений нуждается в уточнении. Во всех учебниках, пособиях, монографиях, комментариях к УК РТ в весьма категоричной форме заявляется, что уголовная ответственность за все преступления, входящие в данную группу, должна наступать с 16 лет [80, стр. 181]. Более корректной была бы формулировка: «в возврате не моложе 16 лет». Определение возрастного признака для субъектов преступлений в сфере экономической деятельности требует дифференцированного подхода, в зависимости от признаков объективной стороны или субъекта того или иного преступления.

Нужно учесть, что субъекты данных преступлений могут быть как общими так и специальными. Иногда специальный субъект прямо не называется в норме УК РТ, но это вытекает из смысла закона. Среди специальных субъектов особо выделяются должностные лица органов юстиции, уполномоченные осуществлять государственную регистрацию индивидуального предпринимателя или коммерческой организации или сделок с землей. Возраст таких лиц бесспорно значительно старше 16 (и даже 18) лет. Среди специальных субъектов указаны также руководители или собственники организаций. В этом случае уместно обращаться к нормам Гражданского кодекса Республики Таджикистан, в соответствии с которыми гражданская дееспособность, например, возникает в полном объеме по достижении 18 лет или 16 лет, когда лицо вступает в брачные отношения в несовершеннолетнем возрасте. В возрасте 16 лет несовершеннолетний вправе быть членом кооператива или заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, с согласия родителей или попечителя. Иными словами, несовершеннолетний в возрасте 16 лет может быть предпринимателем, но не может быть собственником организации или ее руководителем [36, стр. 66-67]. Лицо в возрасте 16 лет практически не может быть спортивным судьей, тренером или руководителем спортивной команды, главным (старшим) бухгалтером.

Уголовный закон Республики Таджикистан устанавливает повышенную ответственность за совершение преступлений при отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах, относящихся

к характеристике всех элементов составов преступлений. Большая часть отягчающих и особо отягчающих обстоятельств относится к характеристике объективной стороны преступления: крупный и особо крупный размер, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; с использованием служебного положения, с применением насилия.

Вопрос о системе преступлений в сфере экономики также как и понятие видового объекта, до сих пор не находит окончательного разрешения в теории республиканского уголовного права. Причиной тому – различные подходы к выбору критерия для классификации. Одни ученые, критикуя ранее сложившуюся систему хозяйственных преступлений, предлагают для построения системы экономических преступлений два и более критерия (особенности субъекта, общие принципы экономической деятельности, порядок ее осуществления, интересы отдельных участников экономических отношений, способ преступления), в соответствии с которыми подразделяют все преступления на группы числом от четырех до девяти [76, стр. 240-241].

Такой разброс, предположительно связанный с терминологическими неточностями, мало что проясняет в характеристике непосредственного объекта.

Нельзя принять систему, построенную на основе различных принципов экономической деятельности [59, стр. 223-224], поскольку принцип законности, используемый в качестве непосредственного объекта, по существу, поглощает четыре других принципа.

Известны и другие мнения.

Безусловно, любая классификация, отражающая представления каждого отдельного ученого, имеет право на существование. Однако многие из них отступают от принятого в теории уголовного права Таджикистана принципа построения системы преступлений, основанного на признаках непосредственного объекта преступного посягательства. В связи с этим, представляется более продуктивной, с научной точки зрения, ранее сложившаяся классификация хозяйственных преступлений в зависимости от сфер экономической деятельности. Этот подход разделяется частью российских и таджикских ученых и в настоящее время [60, стр. 164-165; с25, стр. 145].

В соответствии с непосредственным объектом посягательства все преступления можно подразделить на пять групп и представить, не претендуя на окончательный вариант, в виде следующей системы:

- 1) Преступления в сфере предпринимательства и иной экономической деятельности.
- 2) Преступления в сфере кредитных отношений.
- 3) Преступления в сфере отношений, обеспечивающих свободную и добросовестную конкуренцию.
- 4) Преступления в сфере финансовых отношений и отношений, связанных с оборотом драгоценных металлов и драгоценных камней.
- 5) Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности и таможенного контроля.

Согласно ч. 1 ст. 17 УК РТ, утвержденного Законом Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 575-ЗРТ «О принятии Уголовного кодекса Республики Таджикистан» (в редакции Законов РТ от 13 ноября 1998 г. № 684-ЗРТ; от 12 марта 1999 г. № 498-ЗРТ; от 12 марта 2001 г. № 498-ЗРТ; от 12 мая 2001 г. № 6-ЗРТ; от 2 декабря 2002 г. № 89-ЗРТ; от 1 августа 2003 г. № 33-ЗРТ; от 17 мая 2004 г. № 35-ЗРТ; от 15 июля 2004 г. № 46-ЗРТ; от 1 марта 2005 г. № 86-ЗРТ; от 25 июля 2005 г. № 97-ЗРТ; от 26 декабря 2005 г. № 125-ЗРТ; от 30 июля 2007 г. № 301-ЗРТ; от 5 января 2008 г. № 339-ЗРТ; от 18 июня 2008 г. № 386-ЗРТ, № 389-ЗРТ; от 6 октября 2008 г. № 422-ЗРТ; от 31 декабря 2008 г. № 451-ЗРТ, 457-ЗРТ; от 26 марта 2009 г. № 487-ЗРТ; от 5 августа 2009 г. № 547-ЗРТ; от 11 марта 2010 г. № 600-ЗРТ; от 21 июля 2010 г. № 617-ЗРТ; от 25 марта 2011 г. № 694-ЗРТ), преступлением признается совершенное виновное общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное УК Республики Таджикистан под угрозой применения наказания.

При этом не является преступлением деяние (действие или бездействие), хотя формально, содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности (ч. 2).

В юридико-семантическом плане редакция рассматриваемой статьи УК РТ непротиворечива. Так, её ч. 1 можно было бы изложить и лаконичнее, и корректнее: «Преступлением признается виновно совершенное общественно-опасное

деяние (действие или бездействие), запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания».

Что касается ч. 2, то её содержание значительно выиграло бы при следующей интерпретации содержащихся в ней предписаний: «Не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но в силу малозначительности не представляющее большой общественной опасности».

Статья 18 УК Республики Таджикистан подразделяет все преступления на четыре основные группы: 1) преступления небольшой тяжести; 2) преступления средней тяжести; 3) тяжкие преступления; 4) особо тяжкие преступления.

Тяжкими преступлениями, согласно ч. 4 ст. 18 УК РТ, признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотримое уголовным законом, не превышает двенадцати лет лишения свободы [2].

В ч. 5 ст. 18 УК РТ представлено определение особо тяжких преступлений, под которыми предписывается понимать умышленные деяния, за совершение которых уголовным законом предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок свыше двенадцати лет или смертная казнь [2].

Указанные нормативные предписания узаконены, поскольку в чч. 4 и 5 ст. 18 УК РФ не указывается нижний предел санкций статей УК РФ, которые позволяли бы более четко определять видовую принадлежность тяжких и особо тяжких преступлений, отграничивая их от других общественно-опасных деяний. Думается, что наиболее оптимальным решением рассматриваемой проблемы могло бы стать установление альтернативных сроков наказания для всех групп преступлений, то есть не только верхнего, но и нижнего предела. Иначе, при буквальном прочтении ч. 4 ст. 18 УК РТ, получается, что любые (в том числе небольшой и средней тяжести) преступления, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное уголовным законом, не превышает 12-и лет лишения свободы, должны относиться к категории тяжких.

Поэтому предпочтительнее изменить редакцию ч. 4 ст. 18 УК РТ, указав в ней на то, что под тяжкими преступлениями следует

понимать умышленные деяния, за совершение которых уголовным законом предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 5-и до 12-и лет (включительно) или смертная казнь.

В противном случае перечисленные (формальные) огрехи могут регулярно осложнять поисково-познавательную деятельность субъектов сыскного доказывания (оперативных работников милиции, и проч.), а впоследствии – в стадии предварительного расследования, – следователей (дознателей), которые будут вынуждены домысливать посыл законодателя при определении пределов своих полномочий (компетенции), а также подследственности соответствующих уголовных дел.

В ст. 39 УК РТ говорится о преступлениях, совершаемых группой лиц, по предварительному сговору организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), что, собственно, и характерно для *тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности*.

Сам же перечень экономических преступлений, которые различными учеными именуется по-разному (экономические преступления, преступления в сфере экономической деятельности, преступления экономической направленности и проч.)*, законодателем представлен в разделе XI УК РТ, который так и называется «Преступления в сфере экономики».

Данный раздел включает в себя две главы: главу 26 «Преступления против собственности», которая отличается не только преимуществами и потенциальной возможностью эффективного применения норм УК РТ, но и инвариантностью уголовно-правового регулирования общественных отношений, не учитывающихся в уголовных кодексах многих стран мира [57, стр. 276], а также главу 27 «Преступления в сфере экономической деятельности».

Группа составов преступлений, предусматривающих ответственность за посягательства на отношения собственности, является структурным элементом раздела «Преступления в сфере экономики».

Как указано в ст. 12 Конституции Республики Таджикистан, основу экономики страны составляют различные формы собственности, и государство гарантирует равноправие и правовую защиту всех форм собственности, в том числе частной. Это вызвано тем, что право собственности

принадлежит к числу важнейших социальных благ личности.

Опасность посягательств на отношения собственности состоит в том, что нарушается общее условие, обеспечивающее каждому физическому или юридическому лицу возможность владеть, пользоваться и распоряжаться собственным имуществом. Вместе с тем, некоторые виды посягательств на собственность, прежде всего хищения, приводят к незаконному обогащению виновных за счет других лиц, вносят дезорганизацию в экономическую жизнь общества.

Исходя из Конституции Республики Таджикистан, УК РТ установил одинаковую правовую защиту всех форм собственности, которые окончательно уравниены как объекты уголовно-правовой охраны. Их равная правовая защита предполагает одинаковые основания и пределы уголовной ответственности за преступные нарушения права собственности. Сказанное означает следующее:

- а) тождественные посягательства на разные формы собственности квалифицируются одинаково;
- б) для посягательств на разные формы собственности установлен единый набор квалифицирующих признаков;
- в) законом установлены равные пределы наказания за одинаковые посягательства на любые формы собственности.

Однако, несмотря на это, суд в приговоре должен конкретно называть форму собственности, на которую посягает данное преступление. Ибо это имеет значение для квалификации деяния, так как хищение государственного или коллективного имущества в форме кражи, присвоения, растраты и мошенничества, признается преступлением лишь в случае превышения их размеров десятикратного минимального размера заработной платы. Правильно установить пострадавшего, чье право собственности нарушено, и оценить причиненный ему вред является необходимым условием грамотной квалификации совершенного деяния против отношения собственности.

Но, несмотря на это, объединение норм о преступлениях против различных форм собственности в одной главе позволяет устранить недостатки в расстановке ценностно-нормативных приоритетов в сфере борьбы с преступностью,

соответствующих международным нормам о правах человека, а также дублирование и параллелизм.

Объектом всех преступлений, предусмотренных в данной главе, выступают общественные отношения собственности [34, стр. 20-27]. Собственность образует экономический базис общества, отчего имеет исключительное значение в жизнедеятельности граждан, общества, государства. Это и предопределило включение рассматриваемой категории в перечень основных объектов уголовно-правовой охраны от преступных посягательств.

Согласно Гражданскому кодексу Республики Таджикистан собственность, как социальное явление и экономико-правовая категория, представляет собой правоотношение по поводу владения, пользования и распоряжения имуществом, принадлежащим собственнику. Именно эти права составляют суть отношений собственности.

Непосредственным объектом данной группы преступлений является конкретная форма собственности – личная, коллективная, государственная или иная.

Предусмотренные действующим уголовным законодательством Республики Таджикистан преступления против собственности можно подразделить на две основные группы:

а) корыстные посягательства на собственность, для которых характерно преступное обогащение виновных за счет чужого имущества;

б) некорыстные посягательства, при которых материальный ущерб причиняется путем уничтожения, повреждения чужого имущества (ст. 255 и 256 УК РТ). При этом у виновных нет корыстной цели извлечения для себя либо для других какой-либо материальной выгоды.

В свою очередь, корыстные преступления дифференцируются на две подгруппы:

а) корыстные посягательства на собственность, совершаемые путем хищения – кража (ст. 244 УК РТ), присвоение и растрата (ст. 245 УК РТ), хищение средств, выданных в качестве кредита (ст. 246 УК РТ), мошенничество (ст. 247 УК РТ), грабеж (ст. 248 УК РТ), разбой (ст. 249 УК РТ), вымогательство (ст. 250 УК РТ), а также хищение предметов или документов, имеющих особую ценность (ст. 251 УК РТ), и хищение средств фондов иностранной помощи (ст. 257 УК РТ);

б) иные корыстные посягательства на

собственность, не связанные с хищением. Эту группу образуют: угон автомобиля или иных транспортных средств без цели хищения (ст. 252 УК РТ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 253 УК РТ), приобретение или сбыт имущества заведомо добытого преступным путем (ст. 254 УК РТ). Данные преступления объединяются с хищением по наличию корыстной цели, но они отличаются от него по способу совершения, последствиям и содержанию корыстной цели, поскольку нет изъятия из чужого владения имущества и завладения им виновным с целью безвозмездного присвоения [69, стр. 17-24].

В главе 26 «Преступления против собственности» перечислены статьи Особенной части УК Республики Таджикистан, которые соискатель постарается проанализировать на предмет соответствия представленных в них преступлений категориям тяжких или особо тяжких.

Так, кража, совершенная в крупных размерах, с использованием условий общественного либо природного бедствия или при опасном рецидиве (ч. 3 ст. 244 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет, что позволяет относить указанное преступление к разряду *тяжких* [2]; кража, совершенная при особо опасном рецидиве, в особо крупных размерах или организованной группой (ч. 4 ст. 244 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 8 до 12 лет, что также позволяет относить указанное преступление к разряду *тяжких* [2].

Присвоение или растрата, совершенные в крупном размере или организованной группой (ч. 3 ст. 245 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет (*тяжкое*) [2; 3]; то же преступление, совершенное при опасном или особо опасном рецидиве, в особо крупном размере (ч. 4 ст. 245 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 8 до 12 лет (*тяжкое*) [2; 3].

Хищение средств, выданных в качестве кредита, совершенное повторно, группой лиц по предварительному сговору или в крупных размерах (ч. 2 ст. 246 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 3 до 8 лет (*тяжкое*) [2; 3]; то же преступление, совершенное при опасном или особо опасном рецидиве, в особо крупных размерах или организованной группой (ч. 3 ст. 246 УК РТ), карается

наказанием в виде лишения свободы на срок до 8 до 12 лет (*тяжкое*) [2; 3].

Мошенничество, совершенное в крупном размере, организованной группой или при опасном рецидиве (ч. 3 ст. 247 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет (*тяжкое*) [3]; то же преступление, совершенное при особо опасном рецидиве или в особо крупном размере (ч. 4 ст. 247 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 8 до 12 лет (*тяжкое*) [3].

Грабёж, совершенный повторно, группой лиц по предварительному сговору, с причинением значительного ущерба гражданину или с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья гражданина, либо с угрозой применения такого насилия, с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище (ч. 2 ст. 248 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет (*тяжкое*) [2]; то же преступление, совершенное с использованием условий общественного или природного бедствия, в крупном размере, организованной группой или при опасном рецидиве (ч. 3 ст. 248 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 10 до 12 лет (*тяжкое*); то же преступление, совершенное при особо опасном рецидиве, в особо крупном размере (ч. 4 ст. 248 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 12 до 15 лет (*особо тяжкое*) [2].

Разбой (ч. 1 ст. 249 УК РТ) карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет (*тяжкое*); то же преступление, совершенное повторно, группой лиц по предварительному сговору или с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище (ч. 2 ст. 249 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 10 до 12 лет (*тяжкое*); то же преступление, совершенное с целью завладения имуществом в крупном размере, организованной группой, с использованием условий общественного или природного бедствия, с причинением тяжкого вреда здоровью или при опасном рецидиве (ч. 3 ст. 249 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 12 до 15 лет (*особо тяжкое*); то же преступление, совершенное при опасном рецидиве, с целью завладения имуществом в особо крупном размере или с применением оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ (ч. 4 ст.

249 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет (*особо тяжкое*) [1].

Вымогательство (ч. 1 ст. 250 УК РТ) карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет (*тяжкое*); то же преступление, совершенное повторно, с применением насилия или группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 250 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 10 до 12 лет (*тяжкое*); то же преступление, совершенное организованной группой, с причинением тяжкого вреда здоровью,

при опасном рецидиве, с целью получения имущества в крупном размере (ч. 3 ст. 250 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 12 до 15 лет (*особо тяжкое*); то же преступление, совершенное при особо опасном рецидиве, с целью получения имущества в особо крупном размере или с применением оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ (ч. 4 ст. 250 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет (*особо тяжкое*).

Хищение предметов или документов, имеющих особую ценность (ч. 1 ст. 251 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет (*тяжкое*) [3]; то же преступление, совершенное повторно, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, повлекшее уничтожение, порчу или разрушение предметов или документов, указанных в ч. 1 настоящей статьи (ч. 2 ст. 251 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 8 до 12 лет (*тяжкое*) [3].

Угон автомобиля или иных транспортных средств без цели хищения, совершенный повторно, группой лиц по предварительному сговору или с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия (ч. 2 ст. 252 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 3 до 7 лет (*тяжкое*) [2]; то же преступление, совершенное с причинением ущерба в крупном размере, организованной группой или с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего либо с угрозой применения такого насилия (ч. 3 ст. 252 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 7-и до 12-и лет (*тяжкое*) [2].

Причинение имущественного ущерба путем

обмана или злоупотребления доверием, совершенное организованной группой или с причинением ущерба в крупном размере (ч. 3 ст. 253 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 3 до 5 лет (*тяжкое*) [3].

Приобретение или сбыт имущества заведомо добытого преступным путем, совершенные организованной группой (ч. 3 ст. 254 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет (*тяжкое*).

Хищение средств фондов иностранной помощи, совершенное повторно, группой лиц по предварительному сговору, в крупных размерах или с применением насилия не опасного для жизни или здоровья или с угрозой применения такого насилия (ч. 2 ст. 257 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 2 до 7 лет (*тяжкое*) [2; 3]; то же преступление, совершенное организованной группой, путем разбоя или вымогательства или в особо крупном размере (ч. 3 ст. 257 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 7 до 12 лет (*тяжкое*) [3].

В главе 27 УПК РТ представлены общественно опасные деяния, поименованные преступлениями в сфере экономической деятельности.

По своей значимости для современной экономики Республики Таджикистан эффективно действующая предпринимательская деятельность приобрела первостепенное значение. В последние годы наблюдается значительное распространение фактов осуществления незаконной предпринимательской деятельности. По сравнению с другими видами экономических преступлений число зарегистрированных общественно-опасных деяний, связанных с предпринимательской деятельностью, является относительно высоким.

Необходимо иметь в виду, что преступления в области предпринимательской деятельности обладают высокой латентностью. Трудности в расследовании незаконной предпринимательской деятельности, на взгляд диссертанта, определяются тем, что, во-первых, не накоплен достаточный опыт, отсутствуют надежные частные криминалистические методики расследования, и, во-вторых, недостаточно должным образом подготовленных специалистов, так как расследование данной категории преступлений требует знания экономики, финансового дела, бухгалтерского учета, банковской деятельности, новых видов судебно-экономических экспертиз.

Преступления в сфере предпринимательской деятельности выделяются в группу таковых на основе признаков, отражающих специфику сферы жизнедеятельности общества, в которой они совершаются. К числу этих признаков относятся: особый объект – отношения по поводу осуществления законной предпринимательской деятельности; особый субъектный состав этих отношений – лиц, деятельность которых направлена на систематическое получение прибыли; особый процессуальный порядок – обязательность государственной регистрации этой деятельности в установленном законом порядке.

В УК Республики Таджикистан содержится ряд статей, предусматривающих уголовную ответственность за нарушение законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность. Прежде всего, к ним относятся: ст. 258 УК РТ («Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности»), ст. 259 УК РТ («Незаконное предпринимательство»), ст. 260 УК РТ («Лжепредпринимательство»), ст. 263 УК РТ («Незаконная банковская деятельность»), и ряд других.

Кроме того, в УК Республики Таджикистан имеется ряд норм (статей), которые предусматривают преступления, так или иначе посягающие на отношения, которые возникают исключительно в сфере предпринимательской деятельности: ст. 210 УК РТ («Незаконное занятие практической медицинской или частной фармацевтической деятельностью»), ст. 283 УК РТ («Злоупотребления при выпуске (эмиссии) ценных бумаг»), ст. 286 УК РТ («Незаконные сделки с иностранной валютой»), ст. 318 УК РТ («Незаконное участие в предпринимательской деятельности»).

Проблемы, связанные с действием статей уголовного законодательства Республики Таджикистан, предусматривающих уголовную ответственность за правонарушения в сфере предпринимательской деятельности, возникают, прежде всего, в связи с тем, что все они (статьи УК РТ) носят, как уже отмечалось, бланкетный характер. Это означает, что полное установление признаков составов преступлений в этой сфере находится в полной зависимости от содержания правовых норм других отраслей права, подробно регламентирующих порядок и условия осуществления предпринимательской деятельности.

Так, в связи с принятием нового Гражданского кодекса Республики Таджикистан, который начал

действовать с 1 января 2000 года, многие законодательные акты, ранее регламентировавшие предпринимательскую деятельность, утратили свою силу, в частности, Закон РТ от 23 декабря 1991 года «О предпринимательской деятельности Республики Таджикистан», Закон РТ от 25 июня 1993 года «О предприятиях», а также все другие законы Республики Таджикистан, в соответствии с которыми были внесены изменения и дополнения в эти законодательные акты.

Согласно ч. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Республики Таджикистан, только гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, в связи с чем другие законы и иные законодательные акты, содержание нормы гражданского законодательства, должны соответствовать ГК РТ.

Кроме того, допускается регулирование гражданских отношений нормативными правовыми актами, издаваемых другими государственными органами, министерствами и ведомствами (п. 3 ст. 2 ГК РТ).

Только несоблюдение правил, ими предусмотренных, предоставляет возможность реализации в конечном итоге норм уголовного закона, естественно при наличии других сопутствующих (обязательных) признаков, указанных в УК РТ (например, наличие крупного дохода либо причинение крупного ущерба или вреда здоровью).

В этом и заключаются особенности диспозиций статей УК РТ, имеющих бланкетный характер.

С учетом сказанного нельзя согласиться с мнением некоторых авторов, которые предлагают вообще отказаться от заимствования и использования в уголовном праве понятий и категорий других отраслей законодательства, в частности, гражданского, так как они, по их мнению, создают препятствия для применения статей о незаконном предпринимательстве [35, стр. 16].

Такие утверждения, на взгляд диссертанта, явно противоречат общепризнанному структурному подразделению уголовно-правовых норм, в частности, на бланкетный вид диспозиций. Ведь только правильное употребление бланкетных терминов и понятий исключает их произвольную интерпретацию, а стало быть, не единообразное понимание и применение.

Таким образом, сложная материя правового регулирования предпринимательской

деятельности, предполагающая необходимость решения вопросов применения уголовного закона лишь в рамках его действия, требует четкого разъяснения позиции законодателя. Эта проблема приобретает особую актуальность в связи с подвижностью различных отраслей законодательства, в том числе, и прежде всего, законодательства уголовного.

Например, принципиальное значение для правильной квалификации имеет прогрессирующее изменение минимального размера заработной платы, который выступает в качестве одного из обязательных признаков (условий) некоторых составов преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности [69, стр. 75-81].

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем (ч. 3 ст. 262 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет (*тяжкое*) [3].

Монополистическая деятельность и ограничение конкуренции, совершенные с применением насилия или угрозой его применения, с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой уничтожения или повреждения чужого имущества, при отсутствии признаков вымогательства,

с использованием служебного положения, организованной группой (ч. 3 ст. 273 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет (*тяжкое*) [3].

Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ч. 1 ст. 281 УК РТ) карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет (*тяжкое*); то же преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере или повторно (ч. 2 ст. 281 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 8 до 12 лет (*тяжкое*); то же преступление, совершенное организованной группой (ч. 3 ст. 281 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 12 до 15 лет (*особо тяжкое*).

Изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт или иных платежных документов, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере, лицом, ранее судимым за данное преступление, или за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг организованной группой (ч. 2 ст. 282 УК РТ), карается наказанием в виде лишения

свободы на срок от 5-и до 8-и лет (*тяжкое*).

Незаконная сделка с драгоценными металлами, драгоценными природными камнями или жемчугом, совершенные повторно, в крупном размере или организованной группой (ч. 2 ст. 284 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 3 до 7 лет (*тяжкое*) [5].

Незаконная сделка с иностранной валютой путем её купли, продажи, обмена или использования в качестве иных средств платежа, если стоимость предмета незаконной сделки или операции превышает пятьсот минимальных размеров заработной платы (ч. 3 ст. 286 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет (*тяжкое*) [3].

Контрабанда [61], совершенная путем перемещения через таможенную границу Республики Таджикистан наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, радиоактивных, взрывчатых веществ, вооружения, взрывных устройств, огнестрельного оружия, боеприпасов или военных снаряжений, ядерного, химического, биологического или других видов оружия массового поражения, материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, а равно стратегически важных сырьевых товаров и художественных, исторических, археологических или других культурных ценностей, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу Республики Таджикистан, если это деяние совершено помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманым использованием документов или средств таможенной идентификации, либо сопряжено с недекларированием или недостоверным декларированием (ч. 2 ст. 289 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет (*тяжкое*) [4]; то же преступление, совершенное повторно, должностным лицом с использованием своего служебного положения, с применением насилия или его угрозы к лицу, осуществляющему таможенный контроль, или путем прорыва таможенной границы (ч. 3 ст. 289 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет (*особо тяжкое*); то же преступление, совершенное организованной группой (ч. 4 ст. 289 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет (*особо тяжкое*) [2].

Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с юридического лица, совершенное лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное настоящей статьей, или статьями 291 или 293 УК РТ (ч. 2 ст. 292 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет (*тяжкое*) [3].

Превышение полномочий служащими частных охранных или детективных служб, совершенное с применением оружия или специальных средств, или причинившее тяжкие последствия (ч. 2 ст. 297 УК РТ), карается наказанием в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет (*тяжкое*).

В правоохранительной практике Республики Таджикистан наметилась тенденция к изменению качественных (видовых) характеристик преступлений, выявляемых в сфере экономической деятельности. Появляются новые, ранее не типичные для страны общественно-опасные

деяния, требующие активизации усилий со стороны республиканских следственных органов и аппаратов ОБОП МВД: незаконный ввоз рабочей силы, контрабанда автомобилями, денежные махинации посредством подделки банковских чеков и кредитных карточек, выпуск необеспеченных ценных бумаг, криминальные банкротства, мошенничество при осуществлении биржевых сделок, и проч.

Учет переселенных обстоятельств в состоянии повысить оптимальность уголовно-правового регулирования общественных отношений в сфере экономики Таджикистана, а стало быть, способствовать выработке эффективных методик документирования противоправного поведения хозяйствующих субъектов, алгоритм которых наибольшее преломление находит в оперативно-розыскных характеристиках соответствующих преступлений.

Примечания

* Автор статьи по ходу изложения материала интерпретирует эти термины как взаимозаменяемые

Список литературы

1. Закон Республики Таджикистан от 1 августа 2003 года № 45-ЗРТ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан».
2. Закон Республики Таджикистан от 17 мая 2004 года № 35-ЗРТ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Республики Таджикистан».
3. Закон Республики Таджикистан от 21 июля 2010 года № 617-ЗРТ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан».
4. Закон Республики Таджикистан от 5 мая 2009 года № 547-ЗРТ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан».
5. Закон Республики Таджикистан от 6 октября 2008 года № 422-ЗРТ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан».
6. Агапов Д.А. Правовая культура как элемент гражданского общества // Правовая культура. Научный журнал. – 2007. – № 1.
7. Алиев В.М., Третьяков И.Л. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Российский следователь. – 2002. – № 5.
8. Батурин Ю.М., Лившиц Р.З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению. Политико-правовой взгляд. – М.: Наука, 1989.
9. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шагапсов З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 35-42.
10. Боер В.М., Городенец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетей, 1999.
11. Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение / Под ред. О.И. Цыбулевский. – Саратов: Поволжский ин-т управления им П.А. Столыпина, 2013. – 404 с.
12. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

13. Волженкин Б.В. Экономические преступления. – СПб., 2000.
14. Волженкин Б.В., Колесников В.В. Экономическая преступность и политическая коррупция // Политический режим и преступность: Монография / Под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.Н. Волкова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
15. Выявление и расследование экономических преступлений: Учебно-практическое издание / Л.В. Бертовский, В.А. Образцов. – М.: Экзамен, 2003.
16. Гавриленко Д.А. Правовое государство и дисциплина. – Минск: Наука и техника, 1991.
17. Гаджиев К. Гражданское общество и правовое государство // Мировая экономика и международные отношения. – 1991. – № 9.
18. Гаухман П.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. – М., 1998.
19. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования / Отв. ред. Г.Н. Манов. – М., 1991.
20. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2006. – 492 с.
21. Григонис Э.П. Понятие и основные черты механизма правового государства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – № 2 (6). – С. 51-57.
22. Григонис Э.П., Исаков И.Ж. Гражданское общество и его институты в современной России. – СПб., 2004.
23. Грудцына Л.Ю., Петрос С.М. Гражданское общество, народ и власть: концептуальное понимание и российская специфика // Государство и право. – 2012. – № 6.
24. Дементьева Е.Е. Проблемы борьбы с экономической преступностью в зарубежных странах: Дис... канд. юрид. наук. – М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, 1996.
25. Егоршин В.М. Экономическая безопасность и экономическая преступность в современной России: Учебное пособие. – СПб.: Петровский фонд, 1999.
26. Егоршин В.М., Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 273 с. – (Серия: «Право и экономика»).
27. Ежов Ю.А. Преступления в сфере предпринимательства: Учебное пособие. – М.: Маркетинг, 2001.
28. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран-участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17).
29. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15).
30. Зуйков В.А., Осипов С.К. Российская Федерация в международной системе противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Спецкнига, 2007. – 752 с.
31. Исмагилов Р.Ф. Экономика и организованная преступность: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – 114 с.
32. Коваленко А.И. Проблемы теории и практики правового государства: Теорет. курс. авториз. изложения. – М.: Изд-во МЭГУ, 1994.
33. Козлихин И.Ю. Идея правового государства. История и современность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.
34. Козлов В.А. Противоправное поведение в сфере экономики. Уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2005.
35. Котин В. Ответственность за незаконное предпринимательство // Законность. – 1995. – № 4.
36. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности. Комментарий к гл. 22 УК РФ. – М., 1999.
37. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. – М., 1997.
38. Ляпунов Ю.И. Хозяйственные преступления. – М., 1964.
39. Мазур С.Ф. Современные проблемы борьбы с экономическими преступлениями (уголовно-правовые аспекты) // Уголовная политика и реформа уголовного законодательства: Труды Академии МВД России. – М., 1997. – С. 38- 43.
40. Мазур С.Ф. Экономические преступления и совершенствование уголовного законодательства // Кратко о «черных дырах» в Российском законодательстве. – 2003. – № 1.
41. Малько А.В., Струсь К.А. Правовые основы формирования гражданского общества в современной России: Обзор материалов Всерос. науч.-практ. круглого стола / Государство и право. – 2011. – № 9. – С. 112-121.
42. Мамут Л.С. Демократическое правовое государство в России: проблемы становления // Журнал российского права. – 2006. – № 12. – С. 108-116.
43. Марченко М.Н. Теория правового государства в системе других государственно-правовых теорий //

- Государство и право. – 2011. – № 8.
44. Матузов Н.И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. – 1995. – № 3.
45. Медведев А.М. Экономические преступления: понятие и система // Сов. государство и право. – 1992. – № 1.
46. Меры уголовной ответственности, не связанные с изоляцией от общества: Сборник научных статей. – Душанбе: Таджикский государственный национальный университет, 2005. – С. 67- 78.
47. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3.
48. Назаров Н.Д. История таджикской милиции. Этапы становления, развития и совершенствования. – Душанбе: Академия МВД РТ, 2005.
49. Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 1993.
50. Нерсесянц В.С. Правовое государство, личность, законность. – М., 1997.
51. Одинцова А.В. Гражданское общество: взгляд экономиста // Государство и право. – 1992. – № 8.
52. Оль П.А., Сальников М.В., Тищенко А.Г. Право народов на самоопределение как принцип правового государства, формирующегося в условиях политэтнической структуры общества: историческая ретроспектива и современность // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4.
53. Попов Е.А. Гражданское общество и постмодернизм // Право и политика. – 2011. – № 2. – С. 206-272.
54. Правовое и социальное государство: проблемы становления в России: Сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 21. Часть 1. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 304 с.
55. Правовое обеспечение сотрудничества правоохранительных органов государств – участников СНГ в сфере борьбы с экономическими преступлениями: Сборник договорно-правовых, законодательных и иных нормативных актов. – М.: Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ, 2007.
56. Расторопов С.В., Рахимов Р.Х. Некоторые особенности уголовного законодательства Республики Таджикистан // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 8.
57. Рахимов Р.Х. Некоторые особенности уголовного законодательства Республики Таджикистан // Вестник межпарламентской ассамблеи. – СПб., 2003. – № 3 (37).
58. Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. – М., 1993.
59. Российское уголовное право. В 2-х томах. – Т. 2: Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И. Рарога. – М., 2003.
60. Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник / Под ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. – М., 2004.
61. Саидов Ш.Н. Уголовная ответственность за контрабанду по законодательству Республики Таджикистан: Монография. – Душанбе, Таджикский национальный университет, 2012.
62. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
63. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
64. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства // Демократия и законность: проблемы развития и соотношения. – Самара, 1991.
65. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – №3.
66. Свенсон Бу. Экономическая преступность. – М., 1987.
67. Сергеев С.Г. Становление гражданского общества в России: историко-политологический подход: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Саратов, 1999.
68. Смоленский М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. – 2004. – № 11.
69. Солиев К.Х., Рахимов Р.Х. Комментарий к преступлениям в сфере экономики: теория и практика уголовного права. – Душанбе, 2001.
70. Тиунова Л.Б. Право. Конституция. Правовое государство: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1992.
71. Третьяков И.А., Алиев Я.Л., Анисимов В.Ф. Вымогательство и другие экономические преступления: общее и различия // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 25-27.
72. Третьяков И.Л. Легализация «грязных денег» в России и меры борьбы с ней // Закон и право. – 2004. – № 7.
73. Третьяков И.Л. О законодательном регулировании вопросов противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Законодательство и экономика. – 2004. – № 4.

74. Третьяков И.Л. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
75. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И. Рарога. – М., 1997.
76. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. Л.Л. Кругликова. – М., 1999.
77. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник / Под ред. А.И. Рарога. – М., 2002.
78. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. – М., 1997.
79. Уголовное право РФ. Особенная часть: Учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова. – М., 1996.
80. Уголовное право РФ. Особенная часть: Учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова. – М., 1999.
81. Халиков А.Г. Древнее уголовное право Таджики: Учебное пособие. – Душанбе: Таджикский национальный университет, Джамил, 2004.
82. Цыбулевская О.И. Межвузовский «круглый стол» «Правовые основы взаимодействия государства и гражданского общества» (г. Саратов, Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 24 февраля 2011 г.) // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2011. – № 3 (28). – С. 239-244.
83. Черниловский З.М. Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право. – 1992. – № 6.
84. Шарипов Т. Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии // Сборник научных статей / Под редакцией Л.Л. Круглякова и Н.Ф. Кузнецовой. – М.: ЛексЭст., 2002.
85. Яковлев А.М. Социология экономической преступности. – М., 1988.

ЗОИРОВ Джурахон Маджирович,
начальник Академии МВД Республики
Таджикистан, профессор Таджикского наци-
онального университета,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник Республики Таджикистан
E-mail: Zoirov2009@mail.ru

ЩЕНДРИГИН Евгений Николаевич,
заведующий кафедрой конституционного и изби-
рательного права Орловского государственного
университета,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации
E-mail: orel.shchendrigin@yandex.ru

Специальность: 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве;

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И ПРАВО НА ЖИЗНЬ: ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

***Аннотация.** Авторы предлагают рецензию на книгу И.Х. Бабаджанова «Право на жизнь и право на смертную казнь в юридической теории и практике» [4], оценивая ее как серьезный научный труд в области философии права.*

***Ключевые слова:** права, свободы и обязанности граждан; право на жизнь; право на смерть; правовая танатология; эвтаназия; право и медицина.*

**ZOIROV D.M.
SCHENDRIGIN E.N.**

DEATH PENALTY AND THE RIGHT TO LIFE: LEGAL THEORY AND LAW-ENFORCEMENT PRACTICE

***The summary.** The authors offer a review of the book by I.H. Babadzanov "The right to life and the right to death penalty in the legal theory and practice" [4], evaluating it as a serious scientific work in the field of philosophy of law.*

***Key words:** rights, freedoms and duties of citizens; right to death; legal thanatology; euthanasia; law and medicine.*

На современном этапе обществом осознано, что жизнь является величайшим и самым важным из социальных и правовых благ личности. Все остальные права, свободы и обязанности утрачивают смысл и значение если нет жизни. Поэтому изучению этого социального феномена занимаются представители разных отраслей науки.

В частности исследованию данной проблемы много внимания уделяют философы, социологи, биологи, психологи, медики, экономисты другие ученые [15; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 28; 29; 33; 53].

Однако в юридической литературе жизнь рассматривается преимущественно как

нематериальное благо, являющиеся объектов охраны [3; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 16; 17; 27; 30; 31; 32; 34; 35; 43; 49; 51; 52; 54]. А вопросы, связанные со смертью, как продолжения процесса жизни, практически оставались за рамками исследования юристами долгие годы. В последнее время наблюдается увеличение внимания и интереса юристов к этой проблеме. Даже в научных кругах уже обосновано и прогрессивно развивается новое направление, специальный институт – правовая танатология [35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 44; 45; 46; 47; 48].

Несмотря на определенные достижения, вопрос субъективного права на жизнь, тем более права на смерть, остается открытым. До сих пор считанные нормативные акты предусматривают такую возможность. В ст.3 Всеобщей декларации прав человека право на жизнь приобрел официальную форму. В национальной правовой системе вслед за ней в ст.18 Конституции Республики Таджикистан предусмотрено право на жизнь [2]. В Конституции Российской Федерации право на жизнь закреплено в ст. 20, где указано: «Каждый имеет право на жизнь» [1].

Несомненно, на становлении о признании категории «права на жизнь» определенную роль играет само понимание «жизни». Если понимать жизнь в широком смысле, то права на жизнь можно представлять как совокупность всех субъективных прав человека.

В соответствии с этой общей посылкой, право на жизнь должно рассматриваться как особое субъективное право. В этом значении право на жизнь не должно отождествляться с самой жизнью. Право на жизнь должно защищаться отдельно. Такой подход решил бы многие проблемы, такие как эвтаназия, самоубийство, искусственное прерывание беременности, право на достойный уход из жизни и т.п.

Однако в настоящее время в науке не выработано единого представления об этих проблемах. В их решении можно констатировать, что монографическое исследование И.Х. Бабаджанова является серьезным шагом. Анализируя различные точки зрения, сопоставляя их, изучая законодательный опыт передовых правовых систем, он делает вывод, что субъективное право на жизнь и субъективное право на смерть могут существовать в условиях разработанных теорий.

Далее он детально раскрывает содержание и структура права на жизнь. Традиционно

структура субъективного права выстраивается из четырех элементов: право-поведение, право-требование, право-пользование, право-притязание. По мнению И.Х. Бабаджанова, содержание права на жизнь имеет несколько аспектов: право на рождение, право на достойное существование, право на сохранение жизни и право на нормальное протекание конца жизни.

Правомочия на сохранение жизни (индивидуальности) проявляется а возможности самостоятельно решать вопросы (давать или не давать согласие) об изменении пола, пересадки органов и тканей животных. Правомочие на сохранение жизни таких субъектов, как слабоумные и душевнобольные, лица, находящиеся в летаргической сне, дети, воспитанные животными в природной среде, должно обеспечиваться дополнительными мерами со стороны обязанных лиц (специальное обучение, медицинской обслуживание, уход и пр.).

Вызывает интерес позиция автора по поводу выделения правомочия по распоряжению жизнью. Правомочие по распоряжению жизнью состоит в возможности подвергать себя значительному риску (например, проведение опасного опыта на здоровым человеке-добровольце) и возможности решать вопрос о прекращении жизни (в частности, отказ от ампутации конечности при гангрене приводит к смертельному исходу). Постановляя вопрос в этом ракурсе, естественно возникает вопрос смертной казни. Автор комплексно подходит к решению этой проблемы с позиции теории права, гражданского и уголовного права.

Особый интерес вызывает избранный метод исследования в этой монографии. Рассматривая вопрос смертной казни, автор не ограничивается анализу только законодательства Республики Таджикистан и иных стран в решении этой проблемы, но и учитывает метод социологического опроса. Даже в третьей главе отдельный параграф выделен в форме «Смертная казнь и общественное мнение». Следует признаться, что решение проблемы смертной казни не возможно только на доктринальном и теоретическом уровне. В современном обществе существуют некоторые вопросы, в том числе вопрос запрета смертной казни, которые не столь однозначно решаются в литературе и встречаются разные позиции. Не случайно в предвыборной программы кандидата на пост

Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона поставлена такая задача в части совершенствования законодательства как проведения общенародного обсуждения в целях решения вопроса смертной казни. Поэтому автор, оставляя решение вопроса обществу, все же выражает свои мысли и суждения. Учитывая ценность жизни, он предлагает отказаться от смертной казни и рассматривает вопрос пожизненного лишения свободы как альтернатива смертной казни. Для закрепления своих суждений он удачно цитирует слова русского юриста Н.С. Таганцева о том, что «смертная казнь исчезнет из уголовных кодексов, и для наших потомков самый спор о ее целесообразности будет казаться столь же странным, каким представляется теперь для нас спор о необходимости и справедливости колесования или сожжения преступников» [50, стр. 392].

Таким образом, монография И.Х. Бабаджанова «Право на жизнь и право на смертную казнь в

юридической теории и практики» представляет собой серьезный научный труд в области права на жизнь, а также рассмотрения права на смертную казнь через призмы права на жизнь. Логическая последовательность, научные аргументирования, широкое использование как общенаучных, так и конкретно-правовых методов исследования повышают ценность и качество монографии.

В качестве рекомендации можно предложить, чтобы автор в дальнейшем более детально рассматривал коснувшееся проблемы и рассматривал право на жизнь также через призму права на достойный уход из жизни, искусственное прерывание беременности, эвтаназии и т.п.

По содержанию и стилю изложения материала монографии существенных замечаний нет. Можно с уверенностью сказать, что эта монография найдет свое место как в науке, так и в практике, и, несомненно, найдет круг своих читателей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2013.
2. Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2013.
3. Бабаджанов И.Х., Сальников В.П. Клонирование человека: есть ли сегодня такое право на земле? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 192-204.
4. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на смертную казнь в юридической теории и практике: Монография. – Душанбе: ЭР-граф, 2011 – 196 с.
5. Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 25-34.
6. Бабаджанов И.Х., Оль Е.М., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 122-127.
7. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Человек, общество, государство: аксиологическая оценка и идеологическая основа охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 130-138.
8. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Духовные и материальные блага как ценность для человека, общества и государства: системный анализ // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 142-147.
9. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Материальный и духовный мир человека и общества как объект охранительных правоотношений: ценностный подход // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 57-62.
10. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правовая охрана, идеологическая сущность и ценностное восприятие человека, общества и государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 135-147.
11. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 57-64.
12. Баранов В.М., Головкин Р.Б. Государственно-правовое воздействие на частную жизнь граждан в современной России: философско-правовой анализ // Философия права. – 2000. – № 2. – С. 33-37.
13. Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2. – С. 118-122.

14. Гасанов К.К., Стремоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничение прав // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 164-173.
15. Гоголевский П.А., Здановский В.М. Клонирование // Проблемы репродукции. – 1998. – № 3.
16. Григорович Е.В. Искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона (семейно-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999.
17. Гучериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 320 с.
18. Декларации в защиту клонирования и неприкосновенности научных исследований // Человек. – 1998. – № 3.
19. Диакон Андрей Кураев. Наша брань не против науки // Православная беседа. – 1998. – № 2.
20. Доссе Ж. Научное знание и человеческое достоинство // Курьер ЮНЕСКО. – 1994. – ноябрь.
21. Зильбер А.П. Связи медицины и юриспруденции (к проблеме медицинского труэнтизма) // Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности: Матер 1-ой Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 16 мая 2003 г. / Под общ. ред. С.Г. Стеценко. – М.: Юрист, 2003.
22. Катанян К. Обратная сторона клонирования // НГ-наука. – 1997. – № 4.
23. Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 208 с.
24. Коласки Б. Клонирование приходит в Конгресс (www-документ) URL://http://frww.intellectualcapital.ru/iss2-6/icinterv6.htm. Декабрь 2000.
25. Коммюнике стран «большой восьмерки», подписанное в Денвере, 22 июня 1997 г. // Дипломатический вестник. – 1997. – № 7.
26. Конюхов Б.В. Долли-случай или закономерность? // Человек. – 1998. – № 3.
27. Курило Л.Ф. Некоторые этические вопросы технологии эмбриональных стволовых клеток // Проблемы репродукции. – 2000. – № 3.
28. Кутковец Т.И., Юдин Б.Г. Уроки незаконченной дискуссии // Человек. – 1998. – № 3.
29. Макарчев В. Лорды за клонирование // Медицинские вести. – 2001. – № 5.
30. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37.
31. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 139-153.
32. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы, законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография/ Под. общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
33. Мони́н А. Душа генетически не обусловлена // НГ-наука. 1997. – № 1.
34. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, утвержденные Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 15 августа 2000 г. / Информационный бюллетень отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. – 2000. – № 8.
35. Реуф В.М. Принципы права, правовая идеология и культура современного российского государства // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 86-96.
36. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология: Научное издание / Под общ. ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 176 с. – (Серия: «Право и медицина»).
37. Сальников В.П., Кузнецов Э.П., Старовойтова О.Э. Право на смерть в системе соматических прав человека // Современное медицинское право в России и за рубежом: Сб. науч. тр. Центр. социал. науч. – информ. исслед.; Отд. правоведения; ИГП. Центр. эколог.-правовых исслед.; Центр. адм.-правовых исслед.; / Отв. ред. Дубовик О.Л., Пивоваров Ю.С. – М., 2003. – С. 339-360.
38. Сальников В.П., Старовойтова О.Э. Клонирование человека как правовая категория // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 1. – С. 31-36.
39. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с. – (Серия: «Право и медицина»).
40. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Общие принципы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека // Юрист. – 2000. – № 6.
41. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования / Под ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 140 с. – (Серия: «Право и медицина»).
42. Сальников В.П., Тагайназаров Ш.Т. Жизнь и смерть человека: аксиологическое и проприетарное измерение // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 165-168.

43. Силуянова И.В. Испытание клонированием или человек как подобие человека. – Сергиев Посад: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры. – 1998.
44. Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии: Монография / Под общ. ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 416 с. – (Серия: «Право и медицина»).
45. Старовойтова О.Э. Понятие танатологии // История государства и права. – 2000. – № 4.
46. Старовойтова О.Э. Правовые проблемы танатологии (историко-теоретический аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001.
47. Старовойтова О.Э. Тело и собственность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1 (29-1). – С. 145.
48. Старовойтова О.Э., Сальников В.П. Биомедицинский эксперимент и закон // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2. – С. 25-32.
49. Стремouxов А.В. Правовая защита человека. Теоретические проблемы: Монография / Предисловие В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 416 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
50. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов /Отв. ред. проф. И.Я. Козаченко, проф. З.А.Незнамова. М., 2001.
51. Федоров В.П. Человек и правоохранительная деятельность (философско-правовой аспект): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1996. – 55 с.
52. Хазова О. А. Правовые аспекты применения вспомогательных репродуктивных технологий в России // Современное медицинское право в России и за рубежом: Сб. науч. тр. – М: ИНИОН, 2003.
53. Шестернина Е. В США почти запретили клонирование людей // НГ. – 2001. – № 140 (2450).
54. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – М., 2005.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович
главный редактор журнала «Наркоконтроль»
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
E-mail: 1956af@mail.ru

Специальность: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ КОНВЕНЦИЯ ОЭСР И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

***Аннотация.** Присоединение Российской Федерации в начале XXI века к международным антикоррупционным конвенциям повлекло за собой необходимость корректировки российского уголовного законодательства с учетом обязательств, взятых по этим международным договорам. В статье рассматриваются вопросы, связанные с реализацией в уголовно-правовой сфере антикоррупционных стандартов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 г.*

На основе сопоставления этих стандартов с нормами российского уголовного законодательства делаются выводы о необходимости, в целях выполнения конвенционных обязательств внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части криминализации обещания и предложения взятки как самостоятельных преступлений. Кроме того, идет речь о: криминализации посредничества во взяточничестве вне зависимости от определения категории тяжести преступления и размера взятки; криминализации обещания, предложения или предоставления неправомерных неимущественных преимуществ иностранному должностному лицу; установления сроков давности, достаточных для расследования и судебного преследования подкупа иностранных должностных лиц; криминализации получения взятки третьим лицом.

На основе анализа уголовно-правовых оснований для оказания международной правовой помощи по делам о подкупе иностранных должностных лиц предлагается, в целях обеспечения выполнения Российской Федерацией международных обязательств, восстановить ранее имевшее место указание нижнего предела санкций в виде лишения свободы в статьях УК РФ, предусматривающих ответственность за такой подкуп.

Автором делается вывод о том, что обязательства по соблюдению антикоррупционных стандартов ОЭСР требуют от государства — кандидата на вступление в члены ОЭСР, каковым является Российская Федерация, внесения комплексных изменений в национальное уголовное законодательство.

***Ключевые слова:** Организация экономического сотрудничества и развития; ОЭСР; Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок; антикоррупционные стандарты ОЭСР; коррупция; подкуп; взяточничество; международный договор; правовая система; источники уголовного права; уголовно-правовой запрет; обещание и предложение взятки; посредничество во*

взяточничестве; получение взятки третьим лицом; предмет взятки; неправомерные неимущественные преимущества; сроки давности; освобождение от ответственности за подкуп.

FEDOROV A.V.

OECD ANTI-CORRUPTION CONVENTION AND IMPROVEMENT OF THE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION

The summary. The accession of the Russian Federation in the beginning of the 21st century to the international anti-corruption conventions resulted in the need for updating the Russian criminal legislation with regard to the commitments under these international treaties. The article considers the issues associated with the implementation of anti-corruption standards of the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) in the sphere of criminal law due to the accession of the Russian Federation to OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions of 1997.

Based on comparison of these standards with the provisions of the Russian criminal legislation the conclusions are made on the necessity, in order to meet the Convention obligations, of introduction of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation with regard to criminalization of the promise and the bribe offer as separate crimes. Besides, this refers to criminalization of mediation in bribery regardless of the gravity of offence and amount of bribe; criminalization of promise, offer or granting illegal non-property advantages to a foreign official; setting time limitations sufficient for investigation and prosecution of bribery of foreign officials; criminalization of taking of a bribe by a third party.

Based on the analysis of criminal legal grounds for the provision of international legal assistance in cases of bribery of foreign public officials it is proposed, in order to ensure the implementation of the international obligations by the Russian Federation, to re-establish the previously available lower limit of sanctions in the form of imprisonment in the articles of the Criminal Code of the Russian Federation providing responsibility for such bribery.

The author concludes that the obligations to comply with OECD anti-corruption standards require from the state — candidate for OECD membership, which is the Russian Federation, making comprehensive changes in the national criminal laws.

Key words: *Organization for Economic Co-operation and Development; OECD; OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions; OECD anti-corruption standards; corruption; bribery; bribe taking; international treaty; legal system; sources of criminal law; penal prohibition; promise and offer of bribe; mediation in bribery; taking of a bribe by a third party; bribe; illegal non-property advantages; time limits; release from liability for bribery.*

В современном мире коррупция, несомненно, является одной из наиболее острых социально-экономических проблем, характер которой требует адекватной реакции государств как на национальном, так и на международном уровнях, в том числе проведения эффективной политики противодействия коррупции, включающей реализацию комплексных мер по трем основным направлениям, каковыми являются:

предупреждение (профилактика) коррупции, борьба с коррупцией и минимизация вредных последствий коррупции [32]. Современная российская юридическая наука наработала серьезный научный материал в этом направлении [27; 36; 37; 41; 42; 43; 51; 52; 53; 63].

Указанный подход во многом основан на положениях международных антикоррупционных конвенций, участницей которых является

Российская Федерация.

В современном мире на развитие национальных законодательств все большее влияние оказывают международные договоры. В эпоху глобализации это влияние распространяется на все государства мира, в том числе и нашу страну, включение которой в общемировые процессы на основе международных договоров нашло отражение в Конституции Российской Федерации.

Согласно статье 15 Конституции международные договоры Российской Федерации являются составляющей её правовой системы, и если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

В связи с этим перед законодательными и правоприменительными органами нередко встают вопросы, связанные с применением норм международных актов.

Представляется целесообразным рассмотреть некоторые из них на примере реализации в российском уголовном праве положений Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 г. [10] (далее по тексту – Конвенция ОЭСР, Конвенция ОЭСР против подкупа), к которой Российская Федерация присоединилась в 2012 году [1].

В соответствии с Конституцией этот международный договор получил признание в качестве составной части российской правовой системы, представляющей собой, согласно выработанному в теории права определению, совокупность общеобязательных норм, правовой идеологии и судебной (юридической) практики [11; 22; 24; 25; 30; 38; 44; 45; 48; 49; 50; 65].

Но можно ли рассматривать данную Конвенцию ОЭСР как источник российского уголовного права?

Долгое время в отечественной уголовно-правовой науке доминировал тезис о том, что уголовный закон выступает в качестве единственного источника уголовного права. Как представляется, данный тезис не должен подвергаться сомнению и сегодня, когда речь идет о нормативном закреплении уголовно-правовой материи в части, касающейся криминализации и пенализации, т.е. установления преступности и наказуемости деяния.

Однако если принять во внимание положения Конституции, имеющие уголовно-правовое значение, и вопросы правоприменения с учетом наличия бланкетных диспозиций и использования в уголовном законе оценочных понятий, а также с учетом судебной практики [13], можно вести речь о более широком понимании источников уголовного права, когда при определенных обстоятельствах в качестве таковых признается и международный договор. В связи с этим целесообразно рассматривать источники уголовного права в узком и широком их понимании.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) закреплено узкое понимание источника уголовного права. Так, согласно ст.1 УК РФ российское уголовное законодательство состоит из указанного кодекса, и новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат обязательному включению в УК РФ, который основывается, в том числе, на нормах международного права.

Таким образом, в уголовно-правовой сфере нормы международных конвенций не могут применяться непосредственно, требуется их «включение» через национальный закон в УК РФ, что соответствует как классическому римскому положению «*nullum crimen sine lege*» (нет преступления без указания на то в законе), так и Конституции Российской Федерации, согласно статье 71 которой уголовной ответственности в Российской Федерации подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ.

На данное обстоятельство обращено внимание в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [14; 15], разъяснившем, что международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку в таких договорах указывается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных ими обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом.

Международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений,

применяются как таковые лишь в тех случаях, когда норма УК РФ непосредственно устанавливает необходимость применения международного договора*.

Статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за дачу взятки иностранному должностному лицу, получение взятки этим лицом и посредничество в таком взяточничестве (ст. ст. 290, 291 и 291.1 УК РФ), отсылки к международным договорам не содержат. Более того, сама Конвенция ОЭСР включает положения, согласно которым охватываемые ею правонарушения определяются как уголовно-наказуемые преступления и караются в соответствии с внутренним правом страны.

Изложенное является основанием для рассмотрения рядом ученых такого рода международных договоров как источника воздействия на становление и развитие российского уголовного законодательства [40, стр. 86], что, на наш взгляд, не вызывает сомнений, в том числе и в случаях, когда международным договором предусматривается уголовно-правовой запрет тех или иных деяний.

Существует много трактовок уголовно-правового запрета, но классическим является подход, при котором под уголовно-правовым запретом понимается то, что запрещено уголовным законом под страхом наказания, т.е. юридическая характеристика общественно опасного деяния, закрепление его признаков в уголовном законе [35, стр. 5].

Включение определяемого нормами международного договора уголовно-правового запрета в национальное право имеет важнейшее значение в системе нормативно-правового регулирования общественных отношений в условиях глобализации, когда происходит определенная унификация национальных законодательств, в том числе связанная с минимизацией особенностей отдельных национальных правовых систем.

Это наглядно подтверждает процесс присоединения Российской Федерации к Конвенции ОЭСР против подкупа и последующей реализации её положений как Российской Федерацией, так и другими странами [26; 54; 55; 57; 58; 62].

Хотя Конвенция ОЭСР в соответствии с Конституцией и является составной частью правовой системы Российской Федерации, она не может применяться непосредственно, поскольку выполнение её требований осуществляется путем

принятия норм национального законодательства [64]. Это, в частности, относится к определению элементов составов соответствующих преступлений и административно наказуемых правонарушений.

По правилам ОЭСР, прежде чем конкретное государство получит от этой организации приглашение присоединиться к Конвенции ОЭСР против подкупа, оно должно привести свое законодательство в соответствие с основными антикоррупционными стандартами, представляющими собой признанные участниками этого международного договора и обязательные для исполнения требования к национальным законодательствам и практике их реализации, закрепленные в Конвенции, Комментарий к ней, а также в многочисленных рекомендациях, принятых ОЭСР [31].

К числу таких стандартов относятся установление для физических лиц уголовной ответственности за подкуп иностранных должностных лиц и должностных лиц публичной международной организации, а для юридических лиц – уголовной или административной ответственности за такой подкуп, определение в национальном законе понятия иностранного должностного лица, а также должностного лица публичной международной организации, и некоторые другие.

Исходя из этих стандартов в 2008 – 2012 годах в Российской Федерации внесены необходимые изменения в законодательство.

В частности, УК РФ установлена ответственность за подкуп иностранных должностных лиц, а в примечании к ст. 290 УК РФ раскрыты понятия иностранного должностного лица и должностного лица публичной международной организации, установлена административная ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения.

Изменения в законодательство вносились с учетом преамбулы Комментария к Конвенции ОЭСР, принятого конференцией полномочных представителей одновременно с Конвенцией и фактически являющегося её неотъемлемой составной частью, согласно которому для обеспечения функциональной эквивалентности положениям Конвенции мер, принимаемых страной – кандидатом на присоединение, не требуется достижения единообразия с положениями данного международного договора или внесения изменений в основополагающие принципы национальных правовых систем.

Выполнение многих антикоррупционных стандартов допускается уже после присоединения государства к Конвенции ОЭСР против подкупа и вступления для него в силу для этого международного договора, которая вступила в силу для Российской Федерации 17 апреля 2012 г. Соответствующая работа в настоящее время ведется в Российской Федерации. При этом для обеспечения соответствия положений УК РФ требованиям Конвенции ОЭСР, естественно, необходимо время, и, по всей видимости, – весьма длительное (Реализация в национальном законодательстве положений международных конвенций достаточно часто осуществляется поэтапно, исходя из существующих реалий. Например, Российской Федерации как государству – продолжателю СССР для полной реализации положений Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. потребовалось более 20 лет [61]).

Согласно существующим в ОЭСР процедурам, как только страна присоединяется к Конвенции, ход выполнения ею антикоррупционных стандартов, закрепленных в Конвенции и взаимосвязанных с ней актах ОЭСР, рассматривается в рамках специальной Рабочей группы.

При оценке выполнения Конвенции ОЭСР против подкупа государствами – её участниками ключевым является вопрос о соответствии национального законодательства положениям данного международного договора и эффективности применения национального антикоррупционного законодательства. Такая оценка проводится в несколько этапов.

По итогам первого и второго этапов оценки российского законодательства уже даны некоторые рекомендации уголовно-правового характера.

С учетом этих рекомендаций можно выделить такие основные направления возможного изменения уголовного законодательства в целях выполнения конвенционных обязательств как:

- криминализация обещания и предложения взятки в качестве самостоятельных оконченных преступлений;
- криминализация обещания и предложения взятки, а также посредничества во взяточничестве вне зависимости от определения категории тяжести преступления и размера взятки;
- криминализация обещания, предложения

или предоставления неправомерных неимущественных преимуществ иностранному должностному лицу;

- установление сроков давности, достаточных для расследования и судебного преследования подкупа иностранных должностных лиц;
- исключение из уголовного законодательства обстоятельств, позволяющих освободить от ответственности за подкуп иностранных должностных лиц;
- полная криминализация получения взятки третьим лицом;
- обеспечение соразмерности штрафов;
- обеспечение уголовно-правовых оснований оказания международной правовой помощи по делам о подкупе иностранных должностных лиц и ряд других решений уголовно-правового характера.

Высказанные экспертами сомнения в части соответствия российского уголовного законодательства стандартам Конвенции и подготовленные ОЭСР на основе их выводов рекомендации по совершенствованию российского законодательства требуют внимательного рассмотрения, в том числе с учетом опыта реформирования уголовного законодательства другими странами [47; 60].

1. Криминализация обещания и предложения взятки как самостоятельных преступлений.

Конвенция ОЭСР против подкупа рассматривает подкуп как предложение, обещание или предоставление иностранному должностному лицу неправомерных преимуществ.

На первый взгляд вопрос о криминализации обещания и предложения взятки в Российской Федерации давно решен через определение стадий совершения преступления – приготовление к преступлению и покушение на преступление.

Согласно ст. 30 УК РФ приготовлением к преступлению признается приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий преступления, приискание соучастников преступления или орудий совершения преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам.

Покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам.

Кроме того, применительно к рассматриваемой ситуации понятия «предложение» и «обещание», на наш взгляд, не тождественны понятиям «приготовление» и «покушение».

В российских исследованиях по Конвенции ОЭСР против подкупа предложение и обещание дать взятку обычно трактуется как сообщение лица о том, что оно готово дать взятку. Не во всех случаях, исходя из конкретных обстоятельств дела, такое сообщение можно рассматривать как приготовление к совершению преступления. В российском уголовном праве подобного рода сообщения при определенных обстоятельствах могут рассматриваться либо как обнаружение умысла, что не является такой стадией совершения преступления, либо как приготовление к преступлению.

Это подтверждается судебной практикой. Так, в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взятничестве и об иных коррупционных преступлениях» [16] разъясняется, что «обещание или предложение передать ... незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать ... взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им ... ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами».

Из приведенного разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что обещание и предложение рассматриваются как умышленное создание условий для совершения преступления, что позволяет лишь при определенных условиях рассматривать указанные действия как соответствующую стадию – приготовление к совершению преступления.

В отличие от российского законодательства Конвенция ОЭСР против подкупа обещание и предложение дать взятку иностранному

должностному лицу рассматривает как оконченное преступление.

При этом по Конвенции ОЭСР против подкупа обещание – это не сообщение о готовности дать взятку, а ситуация, при которой взяткодатель договаривается с иностранным должностным лицом о даче взятки (например, когда взяткодатель дает согласие на просьбу иностранного должностного лица о даче взятки). То есть обещание подразумевает наличие договоренности между взяткодателем и берущим взятку лицом, тогда как предложение рассматривается как сообщение о готовности дать взятку и не подразумевает наличие соответствующей договоренности с потенциальным получателем взятки.

Проведенный анализ показывает, что по изложенным обстоятельствам может констатироваться отличие российского уголовного законодательства от стандартов Конвенции ОЭСР против подкупа, что потребует в дальнейшем внесения изменений в УК РФ, так как ст. 1 Конвенции ОЭСР против подкупа предусматривает, что каждое государство – участник этой Конвенции, принимает все необходимые меры для признания в качестве уголовно наказуемых деяний умышленного предложения, обещания или предоставления любых преимуществ иностранному должностному лицу.

С точки зрения законодательной техники и содержательно это вполне реально. Законодатель уже в ряде случаев признает оконченным преступлением отдельные деяния, являющиеся по своей сути приготовлением к совершению преступления.

Например, соби́рание сведений, составляющих государственную тайну с целью их передачи иностранной разведке по своей сути есть приготовление к совершению преступления. Тем не менее, законодатель признает такие действия оконченным преступлением в ст. 276 УК РФ, которая определяет шпионаж как передачу, соби́рание, похищение или хранение в целях передачи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну.

Возможно использование указанного подхода и применительно к криминализации предложения, обещания и дачи (предоставления) взятки иностранному должностному лицу.

При этом, исходя из зарубежного опыта, допустимы два варианта. Первый, сохраняющий

сложившуюся российскую практику, когда одной статьей предусмотрена ответственность как за подкуп национальных, так и иностранных должностных лиц. Второй – когда ответственность за подкуп национальных и иностранных должностных лиц будет предусмотрена разными статьями.

У каждого из этих вариантов есть свои плюсы и минусы, но, исходя из задачи обеспечения наиболее полного соответствия российского уголовного законодательства Конвенции ОЭСР против подкупа, второй вариант представляется предпочтительным.

При этом возможно и использование терминов «предложение» и «обещание», как это имеет место в ч. 5 ст. 2911 УК РФ, предусматривающей ответственность за «обещание или предложение посредничества во взяточничестве», и в ст. 19.28. «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица» КоАП РФ, предусматривающей ответственность за незаконные «предложение или обещание от имени или в интересах юридического лица... иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации денег, ценных бумаг, иного имущества, оказание ему услуг имущественного характера».

Рядом авторов уже сформулированы конкретные предложения по изменению уголовного законодательства в этой части.

Так, В. Мальцев, не конкретизируя, о каких должностных лицах идет речь (только о национальных, либо также об иностранных должностных лицах и должностных лицах публичной международной организации) указывает, что необходимо установить уголовную ответственность «за предложение получения или дачи взятки», так как «нелогично по закону наказывать посредников за предложение содействия в даче или получении взятки, не возложив при этом ответственность на лиц, непосредственно предлагающих её дать или получить» [29].

В связи с этим им подготовлен проект новой статьи УК РФ «Предложение дачи или получения взятки» следующего содержания:

«Предложение дачи взятки должностному лицу или предложение получения взятки такого лица в значительном размере –

наказывается штрафом в размере от пятнадцатикратной до семидесятикратной суммы взятки с лишением права занимать определенные

должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо принудительными работами на срок до двух лет» [29, стр. 35].

На наш взгляд предложенная диспозиция новой статьи УК РФ не может быть поддержана. Во-первых, в ней криминализуется лишь предложение взятки и по-прежнему не относится к уголовно-наказуемым деяниям обещание взятки. Во-вторых, как уже было отмечено, остается неясным о каких именно должностных лицах идет речь – только о национальных или и об иностранных. В-третьих, формулировку деяния «предложение получения взятки такого лица» вряд ли можно признать понятной.

2. Криминализация обещания и предложения взятки, а также посредничества во взяточничестве вне зависимости от определения категории преступления и размера взятки.

В соответствии с ч. 2 ст.30 УК РФ уголовная ответственность может наступать за приготовление только к тяжкому преступлению, то есть преступлению, минимальное наказание за которое превышает пять лет лишения свободы.

В то же время по ч. 1 ст.291 УК РФ дача взятки иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации лично или через посредника наказывается лишением свободы на срок до двух лет, а по ч. 2 ст.291 УК РФ те же деяния, совершенные в значительном размере***, наказываются лишением свободы на срок до трех лет.

Таким образом, приготовление к даче взятки иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации лично или через посредника в размере менее значительного в Российской Федерации не признается преступлением, что вступает в противоречие со ст. 1 Конвенции ОЭСР против подкупа, не содержащей ограничений по размеру подкупа.

Это относится и к посредничеству во взяточничестве. Конвенции ОЭСР против подкупа устанавливает необходимость криминализации (признания уголовно наказуемым преступлением) подкупа иностранных должностных лиц любым лицом прямо или через посредников, констатируя при этом, что соучастие, включая подстрекательство, содействие и пособничество, равно как и санкционирование действий по подкупу иностранного должностного лица является

уголовно наказуемым деянием.

Таким образом, из Конвенции ОЭСР против подкупа следует, что подкуп может осуществляться в двух формах: прямой (когда подкуп осуществляется непосредственно взяточдателем) и косвенной (когда подкуп осуществляется взяточдателем через посредника).

В российском законодательстве понятие посредничества во взяточничестве определено в ст. 2911 УК РФ, согласно которой посредничество во взяточничестве есть непосредственная передача взятки по поручению взяточдателя или взяткополучателя либо иное содействие взяткодателя и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки.

В то же время при сопоставлении с положениями Конвенции ОЭСР против подкупа возникают вопросы относительно достаточности ст. 2911 УК РФ в действующей редакции для реализации антикоррупционных стандартов, установленных этой Конвенцией.

Так, Конвенция ОЭСР против подкупа определяет предмет взятки (подкупа) как любые предложенные, обещанные или предоставленные неправомерные имущественные или иные преимущества. При этом стоимостная оценка предмета взятки не имеет значения для признания соответствующего деяния уголовно наказуемым преступлением.

Соответственно и посредничество в любой взятке, независимо от стоимостной оценки её предмета, должно признаваться уголовно наказуемым преступлением.

В то же время ст. 2911 УК РФ устанавливает ответственность за посредничество во взяточничестве лишь в значительном размере и более крупных размерах, что вызывает вопросы в части соответствия такого подхода положениям Конвенции ОЭСР против подкупа.

Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность может наступать за приготовление только к тяжкому преступлению, то есть преступлению, минимальное наказание за которое превышает пять лет лишения свободы.

Отсюда следует вывод, что посредничество в приготовлении к даче взятки – подкупу иностранного должностного лица, когда такое деяние подпадает под признаки преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 291 УК РФ и не относящихся к категории тяжких, не будет признаваться

уголовно наказуемым деянием, что может расцениваться как противоречие со ст. 1 Конвенции ОЭСР против подкупа, не содержащей ограничений по размеру подкупа.

Кроме того, ч. 5 ст. 2911 УК РФ, устанавливая ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, не оговаривает его размер. В то же время рассмотрение ч. 5 ст. 2911 УК РФ во взаимосвязи с ч. 1 ст. 2911 УК РФ позволяет сделать однозначный вывод о том, что и в этом случае ответственность наступает только начиная со значительного размера.

В противном случае будет иметь место абсурдная ситуация – посредничество во взяточничестве менее значительного размера ненаказуемо, а обещание или предложение такого посредничества – наказуемо.

Изложенное свидетельствует о том, что для обеспечения буквального соответствия Конвенции ОЭСР против подкупа необходимо внесение изменений в УК РФ, устраняющих указание на возможность ответственности в рассмотренных ситуациях лишь начиная со значительного размера суммы взятки.

Как уже отмечалось, в соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность может наступать за приготовление только к тяжкому преступлению.

При этом необходимо учитывать, что Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9] ст. 15 УК РФ, определяющая категории преступлений, дополнена новой частью, согласно которой «с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию» (ч. 6 ст. 15 УК РФ). Указанная норма не нашла однозначного понимания не только у зарубежных экспертов, но и у российских юристов [28], в связи с возможностью её использования для освобождения от ответственности лиц, совершивших приготовление к тяжкому преступлению.

Встает вопрос и о конституционности такой нормы в связи с тем, что она может оцениваться как нарушающая конституционный принцип

разделения властей. Так, нормативное определение категории преступлений (их тяжести) относится к компетенции законодательной власти, и насколько правомерно решение законодателя наделить судебную власть правом менять по своему усмотрению категорию преступления на менее тяжкую – вопрос спорный.

3. Криминализация обещания, предложения или предоставления неправомерных неимущественных преимуществ иностранному должностному лицу.

Ст. 1 Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом предусматривает в том числе, что каждое государство – участник этой Конвенции, принимает все необходимые меры для признания в качестве уголовно наказуемых деяний умышленного предложения, обещания или предоставления любых неправомерных неимущественных преимуществ иностранному должностному лицу.

Согласно действующему российскому законодательству предметом взятки могут быть «деньги, ценные бумаги, иное имущество либо незаконное оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав» (ст. 290 УК РФ). Аналогично в ст. 19.28 КоАП РФ определен и предмет незаконного вознаграждения от имени юридического лица.

Российская судебная практика также исходит из того, что предмет взятки (подкупа) может иметь только «имущественный» характер. На это, в частности, указывается в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», разъясняя, что предметом взяточничества и коммерческого подкупа, наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом, могут быть незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав. При этом под незаконным оказанием услуг имущественного характера судам следует понимать предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств, а под имущественными правами как право на имущество, в том числе право требования кредитора, так и иные права, имеющие денежное выражение, например исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

Согласно указанному Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «переданное в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учетом заключения эксперта».

Таким образом, имеет место явное различие между определением предмета подкупа в российском уголовном законодательстве и Конвенции ОЭСР против подкупа.

В Конвенции ОЭСР против подкупа предмет взятки определяется как неправомерное преимущество. При этом, согласно Конвенции ОЭСР против подкупа, неправомерное преимущество может быть как материальным (имеющим денежную оценку), так и нематериальным (не имеющим денежной оценки). Согласно п. 7 Комментария к Конвенции преступление (подкуп иностранного должностного лица) признается совершенным независимо от стоимости полученного им неправомерного преимущества.

В изданиях ОЭСР приводятся следующие примеры услуг нематериального характера: сексуальные услуги; место в бесплатной школе для ребенка должностного лица; предоставление авторских прав; членство в элитном клубе; назначение на политическую должность; повышение по службе.

Учитывая положения Конвенции ОЭСР против подкупа и сложности, зачастую возникающие при квалификации взяточничества, когда определить денежную оценку предмета взятки не представляется возможным, целесообразно внесение изменений в УК РФ и КоАП РФ, расширяющих понятие предмета взятки (подкупа, вознаграждения) за счет нематериальных преимуществ (выгод неденежного характера).

Доказывать факт предложения, обещания или предоставления нематериальных преимуществ (выгод) достаточно сложно, но это не повод отказываться от признания подкупом (дачей взятки) деяния, когда предметом подкупа является нематериальное преимущество.

Для объективной оценки ситуации необходимо отметить, что имеет место практика, когда в случае совершения должностным лицом неправомерных действия или бездействия за приобретение им каких-либо нематериальных благ

в личных интересах, такое лицо может быть привлечено к ответственности за злоупотребление должностными полномочиями по ст. 285 УК РФ, диспозиция которой сформулирована следующим образом:

«Использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства».

Последний пример подобного рода из российской следственной практики, когда один из руководителей структурного подразделения министерства содействовал учебному заведению в получении контрактов, а руководство учебного заведения за это обеспечивало получение хороших оценок его сыном, обучающемся в данном вузе.

Лицо, предоставившее нематериальные блага за совершение неправомерных действия или бездействия, может быть привлечено к ответственности как соучастник преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ.

Но это, на наш взгляд, вынужденная мера, обусловленная отсутствием указания на нематериальные предметы взятки в диспозиции ст. 291 УК РФ.

И указанная мера возможна лишь применительно к случаям, касающимся национальных должностных лиц, так как субъектами преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, могут быть только национальные должностные лица.

Соответственно, когда имеет место подкуп иностранных должностных лиц, использование изложенного подхода к квалификации содеянного недопустимо.

То, что злоупотребление служебным положением может быть совершено из корыстной (имея в виду материальные блага) или иной (имея в виду иные – нематериальные блага) личной заинтересованности, по нашему мнению, подтверждает возможность нематериальных преимуществ (выгоды неденежного характера) включить в предмет взятки.

Однако, при этом следует учитывать, что признание предметом взятки неправомерных неимущественных преимуществ потребует изменения подходов к определению размеров взятки,

что является основанием для квалификации соответствующих деяний по ст. 291 УК РФ и ст. 2911 УК РФ:

- ч. 1 ст. 291 УК РФ (простая дача взятки);
- ч. 2 ст. 291 УК РФ (дача взятки в значительном размере), ч. 1 ст. 2911 УК РФ (посредничество во взяточничестве в значительном размере);
- ч. 4 ст. 291 УК РФ (дача взятки в крупном размере), ч. 3 ст. 2911 УК РФ (посредничество во взяточничестве в крупном размере);
- ч. 5 ст. 291 УК РФ (дача взятки в особо крупном размере), ч. 4 ст. 291 УК РФ (посредничество во взяточничестве в особо крупном размере).

Основанием для определения размера взятки по ст. 290, ст. 291 и ст. 2911 УК РФ является примечание к ст. 290 УК РФ, согласно которому для этих статей значительным размером взятки признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие двадцать пять тысяч рублей, крупным размером взятки – превышающие сто пятьдесят тысяч рублей, особо крупным размером взятки – превышающие один миллион рублей.

Потребуется выработка критериев для определения размеров взятки, предметом которой являются неправомерные неимущественные преимущества.

4. Установление сроков давности, достаточных для расследования и судебного преследования подкупа иностранных должностных лиц.

Как уже было отмечено, по ч. 1 ст. 291 УК РФ дача взятки иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации лично или через посредника наказывается лишением свободы на срок до двух лет, а по ч. 2 ст. 291 УК РФ те же деяния, совершенные в значительном размере, наказываются лишением свободы на срок до трех лет.

Указанные преступления относятся российским законодательством к преступлениям небольшой тяжести, и срок давности по ним составляет два года после совершения преступления.

По ч. 3 ст. 291 УК РФ дача взятки иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации лично или через посредника за совершение

заведомо незаконных действий (бездействие) наказывается лишением свободы на срок до восьми лет, и это преступление относится к категории тяжких, срок давности по которым составляет десять лет после совершения преступления.

По ч. 4 ст. 291 УК РФ максимальное наказание составляет 10 лет лишения свободы (тяжкое преступление), а по ч. 5 ст. 291 УК РФ – 12 лет лишения свободы (особо тяжкое преступление).

В Конвенции ОЭСР против подкупа (ст. 6) содержится требование о том, чтобы срок давности в отношении подкупа иностранного должностного лица был достаточным для расследования и судебного преследования этого деяния.

При этом Конвенция ОЭСР против подкупа не делает исключений применительно к требованию об установлении достаточного для расследования и судебного рассмотрения срока давности исходя из размера подкупа (взятки), материального или нематериального характера предмета взятки, а также из того, за совершение какого рода действий (бездействия) – заведомо незаконных или выполняемых в рамках закона – дается взятка.

Таким образом, подлежит изучению вопрос о достаточности сроков давности подкупа иностранных должностных лиц, ответственность за который предусмотрена ч. 1 и ч. 2 ст. 291 УК РФ, и в зависимости от его результатов будет сделан вывод о том, требуется ли для применения антикоррупционных стандартов ОЭСР внесение изменений в уголовное законодательство Российской Федерации или нет.

Увеличение сроков давности возможно двумя путями: а) классическим, путем увеличения сроков наказания в виде лишения свободы за преступления, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 291 УК РФ, и б) «инновационным», путем дополнения ст. 291 УК РФ примечанием, устанавливающим иные сроки давности для подкупа иностранных должностных лиц без изменения санкций, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 291 УК РФ.

Вопрос о сроках давности касается и ответственности (в Российской Федерации на данный момент – административной ответственности) юридических лиц за подкуп иностранных должностных лиц. Согласно ст. 4.5. КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.28. КоАП «Незаконное вознаграждение от имени

юридического лица», не может быть вынесено по истечении шести лет со дня совершения такого административного правонарушения.

Оценивая возможные варианты изменения российского уголовного законодательства в указанной части с учетом антикоррупционных стандартов ОЭСР, следует иметь в виду, что меры наказания имеют значение не только для определения сроков давности, но и, исходя из антикоррупционных стандартов ОЭСР, должны быть достаточно суровыми, эффективными и пропорциональными для того, чтобы оказывать необходимое сдерживающее воздействие, а также обеспечивать требования об оказании взаимной правовой помощи и экстрадиции, так как в ряде стран такие требования могут иметь место только по делам о наказываемых наиболее строго преступлениях (тяжких и особо тяжких преступлениях).

5. Исключение из уголовного законодательства обстоятельств, позволяющих освобождать от ответственности за подкуп иностранных должностных лиц.

В настоящее время ст. 291 УК РФ «Дача взятки» имеет примечание, согласно которому «лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица, либо лицо после совершения преступления добровольно сообщило о даче взятки органу, имеющему право возбудить уголовное дело».

Схожее примечание имеет и ст. 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве», согласно которому «лицо, являющееся посредником во взяточничестве, освобождается от уголовной ответственности, если оно после совершения преступления активно способствовало раскрытию и (или) пресечению преступления и добровольно сообщило органу, имеющему право возбудить уголовное дело, о посредничестве во взяточничестве».

В то же время Рабочая группа ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок, исходя из системного толкования положений Конвенции ОЭСР против подкупа, считает такого рода примечания не соответствующими Конвенции.

Во-первых, для криминализации подкупа

иностранного должностного лица не имеет значения, было ли со стороны подкупаемого иностранного должностного лица вымогательство взятки или нет.

Во-вторых, деятельное раскаяние (когда взятокодатель активно способствовал раскрытию и (или) расследованию преступления, либо после совершения преступления добровольно сообщило о даче взятки органу, имеющему право возбудить уголовное дело) имеет место уже после совершения преступления и может рассматриваться применительно к подкупу иностранного должностного лица только как обстоятельство, смягчающее наказание.

В Российской Федерации ст. 61 УК РФ относит к обстоятельствам, смягчающим наказание, явку с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления.

Доводы Рабочей группы понятны, но не бесспорны. Появление вышеприведенных примечаний к ст. 291 УК РФ и ст. 291.1 УК РФ обусловлено тем, что коррупция относится к латентным преступлениям, которые очень сложно выявить. Освобождение от ответственности способствует тому, чтобы взятокодатели сообщали о совершенных ими преступлениях и активно участвовали в изобличении и привлечении к ответственности взятокополучателей.

С учетом изложенного, вопрос об исключении из уголовного законодательства обстоятельств, изложенных в примечаниях к ст. 291 УК РФ и ст. 291.1 УК РФ и позволяющих освобождать от ответственности за подкуп иностранных должностных лиц тех, кто содействовал их изобличению, требует дополнительного изучения и согласования с Рабочей группой.

6. О получении взятки третьим лицом.

У членов Рабочей группы остаются сомнения относительно соответствия российского законодательства положениям Конвенции ОЭСР против подкупа еще по ряду позиций. Например, в части криминализации взятки, которая получается третьим лицом.

Из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» следует, что ответственность за подкуп может наступать

когда за совершение должностным лицом соответствующих действий (бездействие) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не только ему лично, но и его родным или близким.

В то же время, ст. 291 УК РФ устанавливает ответственность за дачу взятки иностранному должностному лицу, ничего не говоря о том, что взятка может иметь место в пользу третьего лица. Ст. 290 УК РФ, устанавливающая ответственность за получение взятки должностным лицом, также не содержит указания, что взятка может иметь место в пользу третьего лица.

В связи с изложенным экспертами ОЭСР высказано мнение, что при определенных ситуациях данное Верховным Судом Российской Федерации разъяснение о взятке в пользу родных или близких взятокополучателя может рассматриваться как расширительное толкование закона и во избежание такой ситуации целесообразно внести соответствующие положения в сам закон.

Кроме того, ими отмечается, что согласно требованиям ст. 1 Конвенции ОЭСР против подкупа каждое государство – её участник принимает необходимые меры для признания в качестве уголовно наказуемых деяний умышленное предложение, обещание или предоставление любых неправомερных преимуществ иностранному должностному лицу, в пользу такого должностного лица или третьего лица (any person). Понятие «третье лицо» шире понятия «родные и близкие», из чего следует, что Конвенции ОЭСР против подкупа криминализует более широкий круг деяний, чем УК РФ.

Более того, п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» содержит два весьма важных разъяснения, касающихся оценки соответствия УК РФ положениям Конвенции ОЭСР против подкупа.

Первое разъяснение: «Если за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого

имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки (например, принятие руководителем государственного или муниципального учреждения спонсорской помощи для обеспечения деятельности данного учреждения за совершение им действий по службе в пользу лиц, оказавших такую помощь). При наличии к тому оснований действия должностного лица могут быть квалифицированы как злоупотребление должностными полномочиями либо как превышение должностных полномочий».

Из этого разъяснения следует однозначный вывод. Раз иностранное должностное лицо не может быть субъектом преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) и ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), то и лицо, предоставившее иностранному должностному лицу имущественные блага за совершение неправомерных действия или бездействия, может быть привлечено к ответственности как соучастник преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ или ст. 286 УК РФ. Естественно, что и о подкупе как таковом в рассматриваемой ситуации не может быть и речи.

На это указывает и второе разъяснение, согласно которому: «Если лицо, передавшее имущество, предоставившее имущественные права, оказавшее услуги имущественного характера за совершение должностным лицом действий (бездействия) по службе, осознавало, что указанные ценности не предназначены для незаконного обогащения должностного лица либо его родных или близких, содеянное им не образует состав преступления, предусмотренный ст. 291 либо ст. 291.1 УК РФ».

Эти разъяснения не соответствуют подходам, закрепленным в Конвенции ОЭСР против подкупа, согласно которым взятка, в том числе неправомерное преимущество, может быть в пользу любого третьего лица – физического или юридического лица, например, политической партии.

7. О соразмерности штрафов.

Согласно Конвенции ОЭСР против подкупа каждая сторона – её участник принимает все необходимые меры к тому, чтобы сумма подкупа и доходы от подкупа иностранного должностного лица, а также имущество, стоимость которого соответствует указанным доходам, подлежали

изъятию или конфискации либо наложению штрафов, обеспечивающих соразмерный эффект.

Во исполнение этого положения Конвенции, Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» [8] в Уголовный кодекс Российской Федерации внесены изменения, устанавливающие кратные размеры штрафа до стократной суммы взятки, но не более 500 миллионов рублей.

В результате не только вырос размер штрафов, налагаемых на взяточников, но и значительно увеличилась частота применения к ним этой меры наказания без существенного снижения применения в виде наказания лишения свободы.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, если в 2010 году штраф назначался 39-ти процентам осужденных за дачу взятки по ст. 291 УК, то в 2011 году этот вид наказания применялся уже в 55-ти процентах случаев, а в 2012 году – к 86-ти процентам осужденных за дачу взятки.

Аналогичная ситуация сложилась с применением штрафа как наказания по ст. 290 УК РФ за получение взятки: в 2010 г. – 12,5%, в 2011 г. – 33,8%, в 2012 г. – 73,3 %.

Таким образом, если раньше к лишению свободы или штрафу осуждалась меньшая часть взяточников, а к остальным применялись иные меры наказания, в основном условное осуждение, то теперь штраф стал основной мерой ответственности. При этом имеет место еще и конфискация предмета взятки.

С учетом изложенного, можно констатировать наличие потенциала для эффективного соблюдения Российской Федерацией положений Конвенции ОЭСР, предусматривающих применение финансовых санкций, обеспечивающих соразмерный эффект и оказывающих сдерживающее воздействие на потенциальных взяточников.

В то же время российские реалии таковы, что потенциал есть, а отдача от него не всегда наступает.

Свидетельством тому является недавно сделанный доклад Генерального прокурора Президенту России, из которого следует, что

наказания в виде штрафов, применяемые к физическим лицам, практически не реализуются. По исполнительным листам на 1 апреля с.г. в ФССП России находилось 1045 исполнительных листов по штрафам на 19 млрд. рублей, а взыскано всего 19 миллионов по 121 листу [39; 46].

Таким образом, реализация меры наказания в виде штрафа в суммарном исчислении исполняется лишь на 1%.

Кроме того, остается не до конца решенным вопрос о лишении взяткодателя неправомερных выгод, полученных им в результате подкупа.

При изложенной ситуации, хотя законодательство содержательно соответствует положениям Конвенции ОЭСР против подкупа, его применение явно не может быть признано соответствующим практике реализации этой Конвенции.

8. Об уголовно-правовых основаниях оказания международной правовой помощи по делам о подкупе иностранных должностных лиц.

Конвенция ОЭСР против подкупа содержит положения, касающиеся взаимной правовой помощи (ст. 9) и экстрадиции (ст. 10).

Однако, как было отмечено в национальных исследованиях А.Г. Волеводзом, имеются уголовно-правовые препятствия для развития международного сотрудничества в указанной сфере, суть которых сводится к следующему [17; 18].

В настоящее время части 1 – 3 ст. 291 УК РФ, а также части 1 и 5 ст. 2911 УК РФ, предусматривая наказание, связанное с лишением свободы, не указывают нижних пределов санкций, ограничиваясь лишь указанием верхнего предела:

- ч. 1 ст. 291 УК РФ – до двух лет лишения свободы;
- ч. 2 ст. 291 УК РФ – до трех лет лишения свободы;
- ч. 1 ст. 2911 УК РФ – до пяти лет лишения свободы;
- ч. 5 ст. 2911 УК РФ – до семи лет лишения свободы;
- ч. 3 ст. 291 УК РФ – до восьми лет лишения свободы.

Отсутствие указания нижнего предела санкций в виде лишения свободы в ряде случаев является препятствием для оказания международной правовой помощи по делам указанной категории, включая: выдачу лиц, обвиняемых в совершении подкупа; собиpание доказательств за рубежом в

порядке оказания взаимной правовой помощи; осуществление уголовного преследования за рубежом по запросам правоохранительных органов; возмещение причиненного ущерба, а также возможную конфискацию имущества.

Это следует как из российского законодательства, так и из международных договоров, участницей которых является Российская Федерация.

Так, например, согласно ст. 462 УПК РФ, Российская Федерация в соответствии с международным договором или на основе принципа взаимности может выдать иностранному государству иностранного гражданина или лицо без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации, для уголовного преследования или исполнения приговора за деяния, которые являются уголовно наказуемыми по уголовному закону Российской Федерации и законам иностранного государства, направившего запрос о выдаче лица, в случаях, если уголовный закон предусматривает за совершение этих деяний наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года или более тяжкое наказание, когда выдача лица производится для уголовного преследования.

Как видно, в УПК РФ прописано в качестве обязательного условия для оказания правовой помощи, предусмотренной ст. 462 УПК РФ, установление уголовным законом минимального срока лишения свободы свыше одного года.

Таким образом, исполнение запроса о выдаче лица, находящегося на территории Российской Федерации за совершение преступления, соответствующего преступлениям, предусмотренным частями 1 – 3 ст. 291 УК РФ, а также частями 1 и 5 ст. 2911 УК РФ, согласно ст. 462 УПК РФ невозможно.

Аналогично решается данный вопрос и в Европейской конвенции о выдаче (Париж, 13 декабря 1957 г.) [5], статья 2 которой предусматривает, что договаривающиеся стороны обязуются выдавать друг другу лиц, совершивших преступления, наказуемые на максимальный срок, по крайней мере в один год по законодательству запрашивающей стороны и запрашиваемой стороны.

Такое же требование содержится и в ряде договоров Российской Федерации о выдаче с государствами – участниками Конвенции ОЭСР против подкупа.

Например, договор между Российской

Федерацией и Федеративной Республикой Бразилией о выдаче (Москва, 14 января 2002 г.) [6] предусматривает в ст. 2, что в соответствии с этим договором под преступлениями, влекущими выдачу, понимаются деяния, которые по законодательству обеих сторон являются преступлениями и влекут за собой наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание.

Эксперты Рабочей группы также обратили внимание на вышеуказанные обстоятельства и рекомендовали провести дополнительное изучение вопросов, касающихся оказания взаимной правовой помощи по уголовным и административным делам, включая случаи обоюдного признания деяния преступлением и отказа от соблюдения банковской тайны.

9. Об уголовной ответственности юридических лиц.

Как правило, в государствах – членах ОЭСР для юридических лиц за взяточничество установлена уголовная ответственность [20], но при этом в отдельных из них допускается установление административной ответственности юридических лиц за международный подкуп. Независимо от того, какой вариант ответственности выбран – уголовный или административный, основным видом наказания являются денежные штрафы, суммы которых иногда исчисляются миллионами долларов.

Так, весьма показателен пример, когда власти Германии за доказанные взятки компании «Сименс» в Литве, России и Нигерии на общую сумму в 12 миллионов евро наложили на эту фирму административный штраф в размере 201 миллиона долларов США. По гражданскому иску компания «Сименс» выплатила Комиссии по ценным бумагам и биржам США 350 миллионов долларов и еще 450 миллионов долларов выплатила по уголовному иску Министерства юстиции США. С учетом других компенсационных выплат коррупционные нарушения стоили этой компании 1 миллиард и 180 миллионов долларов [12].

Такой финансовый механизм противодействия коррупции действует «отрезвляюще» на участников рынка.

Об эффективности принимаемых в государствах – участниках Конвенции ОЭСР мер по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в части привлечения к ответственности юридических лиц свидетельствуют следующие

данные за 2010 г.

Участниками Конвенции в 2010 г. привлечены к уголовной ответственности за подкуп иностранных должностных лиц 26 физических лиц (14 – в Германии, 8 – в США, 2 – в Великобритании, по одному – в Швейцарии и Франции) и 10 юридических лиц (7 – в США, 2 – в Германии, 1 – в Великобритании); к административной ответственности привлечено 12 физических лиц (8 – в США и 4 в Германии) и 17 юридических лиц (все 17 в США) [66; 67].

В Российской Федерации признана целесообразной реализация концепции исключительно административной ответственности юридических лиц. Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. впервые в истории российского законодательства статьей 19.28 Кодекса об административных правонарушениях (далее по тексту – КоАП РФ) была установлена ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения [3].

В 2011 г. эта статья изложена в новой редакции [4], предусматривающей в качестве максимального наказания наложение административного штрафа на юридических лиц в размере до стократной суммы взятки (денежных средств, стоимости ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, незаконно переданных или оказанных либо обещанных или предложенных от имени юридического лица).

При этом складывающаяся в России судебная практика, как и антикоррупционные стандарты ОЭСР, исходит из того, что применение к юридическому лицу мер ответственности за коррупционные правонарушения не освобождает от ответственности физическое лицо, действовавшее от имени или в интересах юридического лица, равно как и привлечение к ответственности физического лица не освобождает от ответственности за коррупционное правонарушение юридического лица.

Кроме того, в случае освобождения от уголовной ответственности физического лица юридическое лицо может быть привлечено к административной ответственности и наоборот.

Данный подход не только закреплен в законе, но и подтвержден решениями Конституционного Суда Российской Федерации [33; 34].

В то же время, на наш взгляд, можно констатировать, что введение уголовной ответственности юридических лиц – прогнозная тенденция

развития российской уголовно-правовой политики [56].

Анализ развития международной и российской уголовно-правовой политики позволяет сделать вывод, что в перспективе весьма вероятно введение уголовной ответственности юридических лиц.

Развитие экономических отношений обусловило в XX веке – начале XXI века введение уголовной ответственности юридических лиц во многих странах мира, подтверждая верность широко известного в прошлом и подтвержденного историей развития человечества тезиса о том, что политика есть концентрированное выражение экономики.

Уголовная ответственность юридических лиц уже установлена в законодательстве Австралии, Австрии, Азербайджана, Албании, Алжира, Афганистана, Бельгии, Вануату, Великобритании, Венгрии, Грузии, Дании, Израиля, Индии, Ирака, Ирландии, Исландии, Испании [59], Италии, Канады, Кении, Китая, Кореи, Кот д'Ивуара, Кубы, Латвии, Литвы, Люксембурга, Марокко, Мексики, Молдовы, Нидерландов, Норвегии, Пакистана, Польши, Португалии, Румынии, Словении, США, Того, Турции, Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии, Чили, Швейцарии, Эстонии, Эфиопии, ЮАР и ещё ряда стран [21; 23].

Причиной введения уголовной ответственности юридических лиц стал рост числа и масштабов преступлений в экономической сфере, совершаемых от имени юридических лиц или за их счет либо для их выгоды (в их пользу) физическими лицами (лицами, осуществляющими управленческие функции; законными представителями юридического лица; а также иными лицами, находящимися в подчинении у вышеуказанных лиц и действующими за счет или в пользу юридического лица, если оно не обеспечило достаточную степень контроля за их действиями с учетом конкретных обстоятельств).

К числу таких преступлений, совершаемых юридическими лицами, относятся преступления в сфере экономической деятельности, в том числе внешнеэкономической деятельности, налогообложения и финансовых рынков, в антимонопольной сфере, коррупционные преступления, преступления в сферах экологии и охраны труда, наркопреступления [59].

Характерно, что уголовная ответственность

юридических лиц имеет место только в странах с рыночной экономикой, зачастую имеющих разный уровень развития рыночных отношений.

В период истории России, именуемый социалистическим, когда экономика развивалась в условиях государственной собственности на орудия и средства производства, уголовная ответственность юридических лиц исключалась, так как не соответствовала характеру господствующих экономических отношений. При переходе к рыночной экономике ситуация изменилась.

Уголовно-правовая политика постсоветского – рыночного периода развития экономики и общества направлена на защиту новых экономических отношений и, как показывает зарубежный опыт, уголовная ответственность юридических лиц является весьма эффективным уголовно-правовым инструментом противодействия преступности в этих условиях.

Как переход от ранее сложившихся в СССР экономических отношений к рыночным обусловил отказ от признания уголовно наказуемыми деяниями спекуляции (ст. 154 УК РСФСР), спекуляции валютными ценностями или ценными бумагами (ст. 88 УК РСФСР), ведения паразитического образа жизни (ст. 209 УК РСФСР), и устранение деления преступлений против собственности на совершенные в отношении социалистической собственности (глава 2 Особенной части УК РСФСР) и в отношении личной собственности граждан (глава 5 Особенной части УК РСФСР), ибо эти институты уголовного права уже не соответствовали характеру новых экономических отношений, так он с неизбежностью повлечет введение уголовной ответственности юридических лиц.

Таким образом, введение уголовной ответственности юридических лиц обусловлено, в первую очередь, экономическими процессами, связанными со становлением и развитием рыночной экономики. И эти процессы требуют проведения адекватной им уголовно-правовой политики.

Данный вывод подтверждается влиянием на развитие национальной уголовно-правовой политики в этой части международных договоров, участницей которых является Российская Федерация, и её членством в международных организациях. Следует иметь в виду, что участие в международных договорах и международных организациях является результатом реализации

соответствующей национальной политики государства в международной сфере, которая уже не отторгает, как ранее, а принимает такой специфический инструмент уголовно-правовой политики, каковым является уголовная ответственность юридических лиц.

Изменения экономических отношений являются объективной причиной необходимости установления уголовной ответственности юридических лиц, а участие в международных договорах, предусматривающих такую ответственность, – одним из поводов для её введения. Имеет место ситуация, когда реализуя свою политику, государство становится участником определенных международных договоров и организаций, а затем участие в международных договорах и членство в международных организациях начинает оказывать влияние на проведение соответствующей национальной правоустановительной и правоприменительной политики, что находит отражение, в том числе, в изменении национального законодательства.

Как уже отмечалось, в настоящее время УК РФ за такой подкуп для физических лиц установлена уголовная ответственность, а для юридических лиц – административная по ст. 19.28. КоАП РФ, предусматривающей ответственность юридического лица за незаконное вознаграждение от его имени.

В то же время возникают вопросы о достаточности в указанной части административной ответственности юридических лиц, её адекватности положениям Конвенции ОЭСР против коррупции.

Тем более, что другой международный договор – Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 г.) [7], ранее ратифицированная Российской Федерацией без каких-либо оговорок и вступившая для неё в силу [2], предусматривает уголовную ответственность юридических лиц, устанавливая, что каждая сторона этого международного договора «принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для обеспечения того, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности в связи с совершением уголовных правонарушений».

В связи с этим уместно вспомнить мнение известного российского ученого – Б.В. Волженкина, опубликованное им 15 лет назад: «...есть определенные основания

утверждать, что в недалеком будущем вопрос об установлении уголовной ответственности для юридических лиц вновь будет поставлен с достаточной остротой. Вряд ли российский законодатель останется в стороне и не отреагирует на заметную тенденцию расширения ответственности корпораций в зарубежном законодательстве» [19].

Введение уголовной ответственности юридических лиц направлено на обеспечения условий для свободного развития торговли и инвестиций в условиях конкуренции, что крайне важно для развития рыночной экономики и соответствует происходящим финансово-экономическим переменам.

10. О других вопросах уголовно-правового характера.

У экспертов возникли вопросы к эффективности механизма конфискации, в том числе применительно к полученной в результате дачи взятки выгоде, а также к адекватности стандартам Конвенции ОЭСР против подкупа применения статьи 19.28. КоАП РФ, предусматривающей ответственность юридического лица за незаконное вознаграждение от его имени.

Так, в отношении конфискации, имеющей отношение к подкупу иностранных должностных лиц, Рабочая группа рекомендовала Российской Федерации для обеспечения выполнения требований, изложенных в ст. 3 Конвенции ОЭСР против подкупа, обеспечить наличие мер для физических и юридических лиц, позволяющих выявить, изъять и конфисковать взятки, доходы от взятки или ее эквивалентную стоимость.

Рассмотрев вопросы выполнения требований к бухгалтерской отчетности, Рабочая группа рекомендовала принять меры уголовно-правового характера для обеспечения запрещения сокрытия и фальсификаций в отношении бухгалтерских книг, отчетов, счетов и финансовых отчетов с целью совершения подкупа иностранных должностных лиц или сокрытия такого подкупа, предусмотрев введение эффективных, пропорциональных и сдерживающих санкций в отношении указанных фактов сокрытия и фальсификаций.

Высказанные экспертами ОЭСР сомнения в части соответствия российского уголовного законодательства стандартам Конвенции ОЭСР против подкупа и предложения по совершенствованию российского законодательства требуют внимательного рассмотрения, в том числе с

учетом опыта реформирования уголовного законодательства другими странами и практики его применения.

В том числе будет полезным изучение правоприменения новых норм уголовного законодательства Украины об ответственности за взяточничество, принятых, в том числе, с учётом положений Конвенции ОЭСР против подкупа.

В частности, Законом Украины от 18 апреля 2013 г. № 221-VII в Уголовном кодексе Украины понятие «взятка» заменено на понятие «неправомерная выгода». По новому изложена ст. 368 УК Украины, ранее называвшаяся «Получение взятки» («Одержання хабара»). Её новое название – «Принятие предложения, обещания или получения неправомерной выгоды должностным лицом» («Прийняття пропозиції, обіцянки або одержання неправомірної вигоди службовою особою»). Соответствующие изменения внесены и в диспозицию этой статьи, в том числе признающие предметом взятки нематериальные активы.

Как видно из сделанного анализа, для приведения российского законодательства в соответствие с антикоррупционными стандартами ОЭСР потребуются внесение изменений в УК РФ, часть из которых, по сути, является отступлением от отдельных традиционных положений национальных правовых систем. Таким образом, вопрос о внесении соответствующих изменений в российское уголовное законодательство имеет не только чисто правовой характер, в связи с чем необходимо учитывать следующие политико-правовые обстоятельства.

Особенностью Конвенции ОЭСР против подкупа является то, что в ней весьма «мягко» закреплены жесткие требования к участникам Конвенции.

С одной стороны, этот международный договор направлен на достижение функциональной эквивалентности мер, принимаемых государствами – его участниками по установлению ответственности за подкуп должностных лиц иностранных государств без выдвижения требований в отношении однотипности законодательных решений или изменения фундаментальных принципов правовой системы конкретного государства.

С другой стороны невыполнение требований о реализации ряда однотипных решений является препятствием для получения согласия стать участником Конвенции ОЭСР против подкупа и

в последствии – членом ОЭСР.

Фактически государство – кандидат на вступление в члены организации ставится перед выбором: либо дать согласие на изменение национального законодательства (иногда достаточно фундаментальное), чтобы пройти необходимые процедуры оценки и получить приглашение стать членом ОЭСР, либо отказаться вносить изменения в национальное законодательство и быть признанным неготовым к вступлению в члены ОЭСР.

Российский законодатель, образно говоря, подходит к развилке на пути развития национального уголовного законодательства и должен определиться, по какой из двух дорог идти дальше – по пути достижения единообразия со стандартами международных антикоррупционных договоров, отказываясь от отдельных традиционных положений национальных правовых систем, либо по пути сохранения и отстаивания таких положений, что станет препятствием для включения России в ряд международных интеграционных процессов и организаций.

Некоторыми российскими органами рекомендации зарубежных экспертов и организаций безоговорочно воспринимаются как руководство к действию, в том числе к разработке соответствующих законопроектов, хотя их реализация зачастую разрушает в определенной степени системность российского законодательства.

Отказ от традиционных уголовно-правовых положений является весьма спорным. Следует отстаивать целостность российской национальной правовой системы, не нарушать принципы соответствующих отраслей права. Никто из зарубежных партнеров не может диктовать, каким должно быть национальное законодательство России, основываясь на своей трактовке международных договоров и собственном понимании практики их применения.

Представляется необходимой выработка четкой и последовательной правовой политики по вопросам реализации нашей страной международных обязательств, в том числе по антикоррупционным конвенциям, и не только ОЭСР, но и другим.

В то же время там, где это допустимо без противоречия с фундаментальными принципами национальных правовых систем, внесение в законодательство, в том числе уголовное, изменений, являющихся по своему содержанию

нетрадиционными для современного российского права, необходимо, если этого требует выполнение добровольно взятых на себя международных обязательств.

Возникает вопрос, а стоило ли присоединяться к Конвенции ОЭСР против подкупа, включив её тем самым в правовую систему Российской Федерации, если реализация этого международного договора потребует столь существенных изменений российского законодательства. На наш взгляд ответ может быть только один – несомненно стоило.

ОЭСР является авторитетной международной экономической организацией и членство в ней, а оно невозможно без присоединения к Конвенции, открывает перед страной участницей дополнительные возможности в развитии международного экономического сотрудничества, в том числе обеспечивает участие в принятии важных решений в указанной сфере.

Кроме того, Конвенция ОЭСР – один из первых международных многосторонних

антикоррупционных договоров. Раньше её была принята только Межамериканская конвенция против коррупции 1996 г. [31, стр. 532-555] Конвенция ОЭСР стала предтечей последующих антикоррупционных международных договоров, в силу чего является по сравнению с ними менее современной. Она принималась в прошлом веке в иных исторических условиях и достаточно узким кругом стран. В силу указанных причин на данный момент сложилась ситуация, когда имеют место определенные противоречия между Конвенцией ОЭСР и более поздними международными антикоррупционными договорами.

Присоединение к Конвенции ОЭСР новых государств и их последующее вступление в ОЭСР позволит, на наш взгляд, создать условия для дальнейшего развития антикоррупционных стандартов ОЭСР, обеспечить их трансформацию применительно к новой социально-политической обстановке в мире с учетом национальных интересов стран – её участниц, сгладить противоречия с другими антикоррупционными конвенциями.

Примечания

- * Например, ст. 355 УК РФ устанавливает ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт химического, биологического, токсического, а также другого вида оружия массового уничтожения, запрещенного международным договором Российской Федерации.
- ** Официальной публикации в Российской Федерации Комментария к Конвенции ОЭСР и рекомендаций ОЭСР не было. Указанные документы публиковались лишь в различных сборниках [31, стр. 556-567].
- *** Значительным размером взятки в настоящей статье признается сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие двадцать пять тысяч рублей.

Список литературы

1. Федеральный закон от 1 февраля 2012 г. № 3-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2012. – № 6. – Ст. 622.
2. Федеральный закон от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2006. – № 31. – Ст. 3424. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 1 февраля 2007 г.
3. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2008. № 52. Ч. I. Ст. 6235.
4. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2011. – № 19. – Ст. 2714.
5. *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2000. – № 23. – Ст. 2348.

6. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 4. – Ст. 471.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – С. 2394.
8. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 19. – Ст. 2714.
9. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 17. – Ст. 1899.
11. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М., 1999.
12. Андрианов В.Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность. – М., 2011.
13. Бойцов А.И. Судебная практика как источник уголовного права // Судебная практика в российской правовой системе. – СПб., 2003. – С. 9- 68.
14. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 12. – С. 3- 8.
15. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 5. – С. 1-2.
16. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 9. – С. 3-10.
17. Волеводз А.Г. Гуманизация уголовного закона и международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства // Уголовное право. – 2012. – № 3. – С. 115-119.
18. Волеводз А.Г. Уголовно-правовые препятствия международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 2. – С. 164-172.
19. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. – СПб., 1998. – С. 23.
20. Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / Отв. ред. В.И. Лафитский. – М.: Статут, 2013.
21. Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / Отв. ред. В.И. Лафитский. – М.: Статут, 2013. С. 8-11.
22. Горбашев В.В., Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Национальная политико-правовая система: условия функционирования и развития // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 193-202.
23. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: Монография / Под ред. С.П. Щербы. – М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 168.
24. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. – Ярославль, 1998.
25. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: Учебное пособие. В 2-х томах. Т. 1. – Ярославль: ЯрГУ, 2005. – 547 с.
26. Каширкина А.А. Антикоррупционные стандарты ОЭСР: понятие и направления имплементации // Журнал российского права. – 2013. – № 10. – С. 76-88.
27. Коррупциогенность законодательства: причины, факторы, преодоление: Монография / Н.А. Абузярова, В.Ю. Артемов, Б.А. Булаевский и др.; Отв. ред. Е.И. Спектор, А.М. Цирин. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Контракт, 2013. – 304 с.
28. Крылова Н. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 26-29.
29. Мальцев В. Не провоцировать, а пресекать взяточничество // Законность. – 2013. – № 9. – С. 34-35.
30. Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов: СГУ, 1987.
31. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: Сб. документов / Сост. В.С. Овчинский. – М.: ИНФРА-М, 2004.
32. Михайлов В.И. Нормативно-правовое обеспечение государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции // Правовые инновации в сфере противодействия коррупции: материалы Первого Евразийского антикоррупционного форума и VII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 30-31 мая 2012 г.). – М., 2012. – С. 101- 103.
33. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2012 г. 3 674-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Добрынина Дмитрия Станиславовича на нарушение его конституционных прав положением части 1 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».
34. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 2360-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Корпорация «ГРИНН» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».
35. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев и А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1982.
36. Правовые основы противодействия коррупции: Учебное пособие / Н.А. Власенко, С.А. Грачев, Е.Е. Рафалюк; Отв. ред. Н.А. Власенко. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве

- Российской Федерации; ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2013. – 310 с.
37. Противодействие коррупции в субъектах Российской Федерации: Научно-практическое пособие / Л.В. Андриченко, О.А. Беляева, Е.И. Спектор, А.М. Цирин и др.; Под ред Т.Я. Хабриевой; Ред. коллегия Л.В. Андриченко, Е.И. Спектор, А.М. Цирин и др.. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2013. – 236 с.
  38. Реуф В.Н., Удычак Ф.Н. Политико-правовая система общества и национальная безопасность России: современные проблемы государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 89-92.
  39. Родин И. Генеральный прокурор по особым поручениям // Независимая газета. – 2013. – 10 июня.
  40. Родионова Т.А. Проблемы влияния международного права на отечественное уголовное законодательство: история вопроса и перспективы развития. – М., 2012.
  41. Савенков А.И., Савенков А.А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 7-16.
  42. Савенков А.Н. Противодействие коррупции как важное направление социально-политического развития Российской Федерации: взгляд парламентария // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской Таможенной академии. – 2012. – № 1(41). – С. 14-34.
  43. Сальников В.П. Институционализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1. – С. 13-15.
  44. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
  45. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.
  46. Сенаторов Ю., Сергеев Н. С взяточников решили много не брать // Коммерсантъ. – 2013. – 10 июня;
  47. Сидоренко Э.Л. Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок и перспективы совершенствования российского уголовного законодательства // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 1. – С. 13- 18.
  48. Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. Саратов: Полиграфист, 1994.
  49. Синюков В.Н. Российская правовая система: вопросы теории: Автореф. дис. ...докт. юрид. наук. – Саратов, 1995.
  50. Синюков В.Н., Григорьев Ф.А. Правовая система: Вопросы правореализации: Учебное пособие. – Саратов: Саратовская высшая школа МВД России, 1995.
  51. Степашин С. Скверное управление – скверна коррупции // Защита и безопасность. – 2013. – № 4. – С 27.
  52. Степашин С.В. Барьеры на пути становления эффективной системы противодействия коррупции в Российской Федерации // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2009. – № 4. – С. 5-13.
  53. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: Научно-практическое пособие / Т.А. Еркова, О.А. Иванюк, Ю.А. Тихомиров и др.; Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2013. – 160 с.
  54. Федоров А.В. Антикоррупционная деятельность Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) // Коррупция: природа, проявления, противодействие: Монография / Отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. – М.: Юриспруденция, 2012. – С. 95-102;
  55. Федоров А.В. Антикоррупционная составляющая присоединения Российской Федерации к Организации экономического сотрудничества и развития // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – № 3 (40). – С. 72-93.
  56. Федоров А.В. Введение уголовной ответственности юридических лиц – прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 года). В 2-х частях. Часть I. – М., 2014. – С. 6 – 12.
  57. Федоров А.В. Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок и её влияние на развитие законодательств стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Развитие национального законодательства в условиях глобализации: опыт России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.И. Коробеев. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2011. С. 5-12.
  58. Федоров А.В. О присоединении Российской Федерации к Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок // Правовые проблемы противодействия коррупции (материалы Международной научно-практической конференции «Правовые проблемы противодействия коррупции». Москва, 2 ноября 2011 г.) / Отв. ред. Л.В. Андриченко,

- О.О.Журавлева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юриспруденция, 2012. – С. 33-36;
59. Федоров А.В. Ответственность юридических лиц за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в Королевстве Испания // Наркоконтроль. – 2014. – № 1. – С. 33-35.
60. Федоров А.В. Перспективы изменения уголовного законодательства об ответственности за взяточничество в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г. // Актуальные проблемы расследования преступлений: Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 23 мая 2013 г.). Часть I. – М.: Буки Веди, 2013. – С. 153-169.
61. Федоров А.В. Реализация в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков конституционного положения о признании международных договоров составной частью российской правовой системы // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 14 ноября 2013 г.). Часть I. – М.: ИПК СК РФ, 2013. – С. 9 – 17.
62. Федоров А.В. Совершенствование законодательства в сфере предпринимательской деятельности с учетом Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок // Проблемы совершенствования законодательства и правоприменения в сфере предпринимательской деятельности: Материалы Международного круглого стола (Москва, 27 сентября 2011 г.) / Отв. ред. В.В. Астанин, В.И. Радченко. – М.: РПА Минюста России, 2011. – С. 7-14.
63. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2.
64. Хабриева Т.Я. Правовые механизмы имплементации международных антикоррупционных конвенций в национальное законодательство // Правовые проблемы противодействия коррупции (материалы Международной научно-практической конференции «Правовые проблемы противодействия коррупции». Москва. 2 ноября 2011 г.) / Отв. ред. Л.В. Андриченко, О.О.Журавлева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юриспруденция, 2012. – С. 19-32.
65. Хохлов Е.Б. Дискуссия о правовой системе // Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 29-31.
66. OECD Working Group on Bribery – 2010 Annual Report. OECD PUBLISHING, PRINTED IN FRANCE. 2009. С. 29.
67. OECD Working Group on Bribery – 2010 Annual Report. OECD PUBLISHING, PRINTED IN FRANCE. 2010. С. 17.

ПЕРТЛИ Лариса Федоровна,

начальник отдела Научно-исследовательского института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: ausnii@mail.ru

КАЛУЖИНА Марина Анатольевна,

ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: ausnii@mail.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫМ СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ В ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

***Аннотация:** статья посвящена особенностям уголовно-правового регулирования предупреждения и пресечения поступления заключенным средств мобильной связи в США и Великобритании.*

***Ключевые слова:** уголовно-правовое регулирование, уголовная ответственность, мобильные телефоны, пенитенциарная система, уголовные наказания, заключенные, персонал пенитенциарных учреждений.*

**PERTLI L.F.
KALUZHINA M.A.**

CRIMINAL LEGAL REGULATION TO PREVENT AND SUPPRESS INCOMING PRISONERS MOBILE COMMUNICATIONS IN FOREIGN COUNTRIES

***The summary.** This article is devoted to the peculiarities of the criminal legal regulation to prevent and suppress incoming prisoners of the mobile communications in the U.S. and the UK.*

***Key words:** criminal legal regulation, criminal liability, mobile communications, penal system, criminal penalties, prisoners, personnel of penal institutions.*

Незаконные контакты заключенных с внешним миром при помощи средств мобильной связи существуют во всем мире. Организация преступных сообществ, подготовка и осуществление преступлений, запугивание свидетелей и потерпевших в целях изменения хода расследования – вот небольшой перечень последствий незаконных неконтролируемых внешних контактов заключенных. В тюрьмах большинства иностранных государств (США, Германии, Бразилии, Австрии, Великобритании, Австралии и других) так же, как и в нашей стране, наличие

и проникновение в пенитенциарные учреждения средств мобильной связи является актуальной проблемой.

В большинстве стран мира существует запрет на использование сотовых телефонов заключенными (Великобритания, Германия, Швейцария, США, Швеция). Например, в Инструкции о порядке содержания заключенных в учреждении Sennhof [21] (Швейцария) и учреждении Stralsund [22] (Германия) приведен перечень предметов, которыми запрещено пользоваться. К таким предметам относятся средства мобильной

связи и комплектующие к ним.

Путей проникновения запрещенных предметов на территории пенитенциарных учреждений несколько: свидания, встречи с адвокатами, посылки, передачи, перебросы и т. д. Однако существуют исследования, что нелегальный пронос мобильных устройств в иностранных государствах в основном осуществляется персоналом пенитенциарных учреждений. Например, в 2009 г. один офицер тюремной службы за год заработал 150 тыс. долл. на проносе контрабанды. И хотя он был уволен, но уголовное дело в отношении него возбуждено не было, так как в уголовном законодательстве на тот момент отсутствовала соответствующая статья. У другого офицера в автомобиле при досмотре было обнаружено сразу 50 телефонов, помеченных именами заключенных, которым они предназначались. Даже у считающегося самым жестоким и опасным преступником США Чарлза Мэнсона, надзор за которым осуществляется 24 часа в сутки, дважды изымались мобильные устройства [23].

Во многих странах до настоящего времени никакого наказания за доставку в тюрьму телефона не предусмотрено. Позитивными примерами уголовно-правового регулирования предупреждения и пресечения поступлений, хранений и использований средств мобильной связи в местах лишения свободы может служить законодательство США и Великобритании.

По информации Федерального бюро тюрем США незаконный пронос мобильных телефонов в тюрьмы США принял невиданный размах, только в 2010 г. с минимальными усилиями было изъято 2 600 мобильных устройств. Президент Барак Обама 10 августа 2010 г. подписал «Закон о контрабанде телефонов» [24], вносящий поправки Титула 18, Кодекса США § 1791 (Хранение и владение контрабандой в тюрьмах), запрещающие хранение или использование мобильных устройств в федеральных пенитенциарных учреждениях и предусматривающий до года лишения свободы лицам, виновным либо причастным к данному противоправному деянию.

Данное ограничение не распространяется на тюрьмы штатов. Но, следуя федеральному закону, законодательные собрания большинства штатов также приняли нормативные правовые акты, объявляющие мобильные телефоны «вне закона»

на территориях своих тюремных учреждений.

Столкнувшись с проблемой поступления средств мобильной связи в пенитенциарные учреждения, Штат Флорида в июне 2008 г. принял Закон [7], где в Главе 2008-250 FS House Bill No. 7137, в разделе 944.47 содержится статья «Незаконный пронос, хранение и использование средств мобильной связи».

В § 6 данной статьи говорится, что «под средством сотовой связи либо иным портативным средством понимается любой девайс*, проносимый либо обнаруженный у заключенного на территории учреждения, с помощью которого может осуществляться прием и передача устных и письменных сообщений, либо выход в Интернет: портативные двусторонние пейджеры, портативные радиостанции, сотовые телефоны, персональные цифровые гаджеты**, портативные компьютеры, либо их комплектующие, включая производные от передовых научных технологий, используемых для аналогичных целей. Исключением из списка являются девайсы, используемые в целях обеспечения безопасности, либо коммуникации в интересах пенитенциарных учреждений». Совершенное деяние признается фелонией третьей степени наказуемой лишением свободы на срок до 5 лет лишения свободы либо штрафом до 5 тыс. долл.

Аналогичное законодательное закрепление получило нелегальное хранение и использование средств мобильной связи в тюрьмах Штата Калифорния. В Уголовном Кодексе Штата Калифорния [8], в разделе 4575 данное деяние признается мисдиминором и влечет за собой штрафные санкции, не превышающие 1 тыс. долл. В законодательном собрании Калифорнии первоначально рассматривалось предложение, согласно которому заключенному, у которого будет обнаружено и изъято мобильное устройство, автоматически продлялся срок лишения свободы от 6 мес. до 6 лет, и он обязан был уплатить штраф в размере до 5 тыс. долл. Но в этом случае тюрьмы Калифорнии, которые и без того являются одними из самых переполненных в США, попросту не смогли бы содержать такое количество заключенных [8].

В Великобритании в развитие положений Тюремного акта 1952 г. (Prison Act 1952 [18]) уточненный список запрещенных к обороту предметов установлен в Инструкции Национальной службы по надзору за правонарушителями

(NOMS) от 26 марта 2012 г. «Передача и владение запрещенными предметами и другие связанные преступления» [19]. В частности, в Главе 2 закреплён общий перечень запрещенных предметов, с классификацией их на три категории (А, В, С), а также установлена уголовная ответственность за их доставку в тюрьму и (или) вынос из тюрьмы (Глава 2 инструкции). Мобильные телефоны и их составные части включены в список В.

До принятия Акта 2010 г. (Crime and Security Act 2010 [20]) была установлена уголовная ответственность за доставку мобильных телефонов в тюрьму, однако обладание мобильным телефоном или его частями (оборудованием) таковым не являлось. Раздел 45 указанного документа, закрепил уголовную ответственность в отношении любого лица, находящегося на территории тюрьмы, обладающего мобильным телефоном без специальных санкций, а также средств для передачи и получения текстовых сообщений, фотографий и видео, облегчающих получение доступа к интернету и производству телефонных звонков.

В разделе 2.3 Акта 2010 г. «Crime and Security» указано, что любой человек (сотрудник, осужденный, социальный работник, посетитель и т.п.) совершает преступление, если он осуществляет одно из следующих действий, в частности в отношении мобильных телефонов и их комплектующих: проносит, забрасывает либо иным способом доставляет их в тюрьму, или выносит их из тюрьмы; инициирует другое лицо к данным действиям; оставляет их любом месте внутри тюрьмы или снаружи с целью дальнейшего завладения ими заключенным; зная о том, что лицо является заключенным, передает ему эти предметы.

Максимальное наказание за совершение указанных преступлений в отношении мобильных телефонов и их комплектующих составляет 2 года лишения свободы и /или неограниченный штраф. Все совершенные преступления влекут за собой регистрируемую судимость (раздел 2.4).

Глава 4 «Владение запрещенными предметами» Инструкции 2012 г. делает ссылку на Crime and Security Act 2010 г., который уточнил основание уголовной ответственности за несанкционированное обладание в тюрьме запрещенными предметами. В частности, предметом данного преступления являются: средства, способные обеспечить передачу и получение изображений (образов, оттисков), включая

мобильные телефоны; айпады, карты памяти, сим-карты, диски и т.п.; их составляющие; изобретенные либо адаптированные (приспособленные) части для вышеуказанных средств (включая любые диски, фильмы, иные отдельные предметы (части) на которые могут быть записаны изображения, звуки, иная информация).

Максимальное наказание за данное преступление – 2 года лишения свободы и/или неограниченный штраф и судимость с официальной регистрацией.

В приложении к Инструкции NOMS 2012 г. содержится инструктивная записка для сотрудников тюрем о доставлении на территорию тюрьмы и пользовании предметами ограниченного обращения. В ней сказано, что персонал, в служебные обязанности которого входит использование данных предметов, пользуется Crown immunity (иммунитетом, правовой защитой) и его деятельность в этом плане обоснована выполнением служебных обязанностей. В частности, в отношении всех тюрем такие разрешения на использование запрещенных к свободному обороту предметов и средств: установлены Тюремными правилами; выдаются Государственным секретарем, управляющим или директором тюрьмы, либо должностным лицом, работающим в тюрьме и уполномоченным от имени управляющего или директора выдавать подобное разрешение. Разрешение выдается: группе лиц или индивидуально; лицам со специальными признаками (описанными в разрешении), с указанием времени действия. Форма разрешения только письменная.

Опыт уголовно-правового регулирования предупреждения и пресечения поступления заключенным средств мобильной связи, а также пользования данными средствами возможно применить и в России. Действующая сегодня в нашей стране административная ответственность не может решить данную проблему. Требуется какое-то иное регулятивное противодействие данным явлениям. Эти проблемы требуют своего научного анализа [1; 2; 3; 4; 5; 6; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17]. Необходимо, возможно, введение уголовной ответственности, регистрации судимости, ужесточение санкций, увеличение в разы размера штрафов, лишение права заниматься определенной деятельностью (в частности это очень актуально в отношении адвокатов) и т.д.

Примечания

- * Девайсы (от англ. «device») – это устройства, приспособления, те или иные технические средства: компьютеры (в том числе ноутбуки), мобильные устройства (телефоны, смартфоны, планшеты) и другая электроника.
- ** Гаджет (от англ. «gadget», приспособление, прибор) – электронное устройство, отличающееся малыми размерами и выполняющее ограниченный круг дополнительных, по отношению к базовому устройству, задач (то есть специализированное), подключаемое по стандартизированному интерфейсу к более сложному базовому устройству.

Список литературы

1. Антонов И.А., Хабаров А.В. Безопасность учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы: вопросы инженерно-технического обеспечения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 109-113.
2. Антонов И.А., Хабаров А.В. Совершенствование организации деятельности инженерно-технических подразделений по обеспечению безопасности в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 125-131.
3. Бакин А.А., Питулько К.В., Фейзуллаев Ф.М. Групповая преступность несовершеннолетних в местах лишения свободы: уголовно-правовые, криминологические и социально-психологические аспекты: Монография. – СПб., 2012.
4. Головкин Р.Б. Регулятивное противодействие правонарушениям как основа правовой безопасности в пенитенциарной системе // Правовая безопасность в пенитенциарной системе: понимание, структура, обеспечение: Матер. науч.-практ. конф. (28 апреля 2012 г.) / Под общ. ред. А.Ф. Галузина, Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юрид. ин-т ФСИН России, 2012. – С. 42-49.
5. Гончаров А. Использование технических средств при обеспечении режима и организации надзора за осужденными // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2009. – № 4.
6. Горожанин А.В., Артемьев Н.С., Некрасов А.П. Роль исправительных учреждений в борьбе с рецидивной преступностью: Монография. – Самара: Самарский юрид. институт ФСИН России, 2005.
7. Государственная библиотека и архивы Законов Флориды. Официальный сайт. http://laws.flrules.org/node?field_list_year_nid=5223
8. Законы Калифорнии. <http://www.leginfo.ca.gov/cgi-bin/calawquery?codesection=pen>
9. Использование систем видеонаблюдения при осуществлении надзора за осужденными, содержащимися в исправительных учреждениях: Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. А.В. Пискунова. – М.: НИИ ФСИН России, 2006.
10. Кашкина Е.В. Административный надзор органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Полицейская деятельность. – 2011. – № 5. – С. 25-29.
11. Мартынов А.В. Административный надзор как способ осуществления контрольной власти // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2009. – № 2. – С. 269-271.
12. Некрасов А.П. Влияние международных договоров Российской Федерации на совершенствование Уголовного кодекса Российской Федерации // Пенитенциарное право и пенитенциарная безопасность: теория и практика: Материалы III Межд. науч.-практ. конф. (22-23 июня 2012 г.) / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юрид. ин-т ФСИН России, 2013. – С. 195-199.
13. Новикова Ю.В. Недостатки системы профилактики повторной криминальной активности несовершеннолетних в Российской Федерации (уголовно-правовой и криминологический аспект) // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 106-112.
14. Пантелеев В.А. Предупреждение и пресечение кризисных ситуаций в пенитенциарных системах зарубежных стран. – Владимир, 2008.
15. Хабаров А.В. Влияние опыта применения инженерно-технических средств обеспечения безопасности пенитенциарных учреждений зарубежных стран на реформирование уголовно-исполнительной системы России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 138-142.
16. Шиханов В.А. Меры пресечения поступления запрещенных предметов на территориях, прилегающих к учреждениям, исполняющим наказание в виде лишения свободы // Пенитенциарная безопасность в механизме обеспечения национальной безопасности: Матер. междунар. науч.-практ. конф. (24-25 июня 2011 г.) / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юрид. ин-т ФСИН России, 2011. – С. 401-405.
17. Энциклопедия пенитенциарного права / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юрид. ин-т ФСИН России, 2013. – 692 с.
18. 1952 CHAPTER 52 15 and 16 Geo 6 and 1 Eliz 2 // Законодательство Соединенного Королевства. <http://www>.

- legislation.gov.uk.
19. Conveyance and Possession of Prohibited Items and Other Related Offences, PSI 10/2012 // Законодательство Соединенного Королевства. <http://www.legislation.gov.uk>.
  20. Crime and Security Act 2010 // Законодательство Соединенного Королевства. <http://www.legislation.gov.uk>
  21. Diese Hausordnung tritt am 01.11.2010 in Kraft.
  22. Hausordnung JVA Stralsund (01/2011).
  23. <http://www.index.org.ru/nevol/2011-26/08-turma.html>. [Электронный ресурс]
  24. Public Law 111-2250AUG.10, 2010. 124 Stat. 2387. Официальный Сайт Конгресса США. <http://www.gpo.gov/>

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,

Главный редактор – Председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность»,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
E-mail: fonduniver@bk.ru

СТЕЦЕНКО Семен Григорьевич,

первый заместитель начальника Института уголовно-исполнительной службы Украины по учебно-методической работе,

доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины

E-mail: sgstetsenko@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

БИОЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ПРОБЛЕМА ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ СХОЖИХ ПРАВОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ

***Аннотация.** В статье исследуются теоретико-правовые проблемы биоюриспруденции – отрасли правовых знаний, посвященной вопросам жизни человека в качестве наивысшей биосоциальной ценности. Особое внимание уделено вопросам отграничения биоюриспруденции от философской антропологии, общей теории прав человека, медицинского права и биоэтики. Указаны составные части биоюриспруденции: правовая перинатология, правовая соматология и правовая танатология.*

***Ключевые слова:** биоюриспруденция, медицинское право, философская антропология, биоэтика, общая теория прав человека.*

**SAL'NIKOV V.P.
STETSENKO S.G.**

BIOYURISPRUDENTSIYA: PROBLEM SIMILAR LEGAL DELINEATED FROM THE DESIGN OFFERS

***The summary.** The article examines the theoretical and legal problems bioyurisprudentsii – legal knowledge industry dedicated to the issues of human life as the highest bio-social values. Particular attention is paid to the issues of delimitation bioyurisprudentsii of philosophical anthropology, the general theory of human rights, health law and bioethics. Bioyurisprudentsii listed components : legal*

perinatology, legal somatology and legal thanatology.

Key words: *biojurisprudenciya, medical law, philosophical anthropology, bioethics, the general theory of human rights.*

Реалии сегодняшнего дня все очевиднее констатируют возрастание интереса к вопросам правового обеспечения медицинской деятельности. В значительной степени проблематика права и медицины находится в ракурсе жизнедеятельности человека. Сказанное обуславливает необходимость более тщательного исследования общественных явлений, связанных с жизнью человека. Несмотря на наличие аргументированных позиций значительного количества исследователей, которые связывают значимость права прежде всего с позиций признания изначальной ценности человека, его прав и свобод, следует указать на наличие некоторых проблемных аспектов такого подхода. Сначала необходимо признать, что важным для человека есть не столько сам факт наличия прав и свобод, сколько признание его жизни в качестве базовой аксиологической величины. Ведь для конкретного человека права и свобода являются значимыми тогда, когда он жив, когда он может их реализовать. Для неживого человека (с некоторыми исключениями) права и свободы не являются актуальными.

В качестве научно-правового терминопонятия, отображающего жизнь человека в качестве важной социальной ценности с ярко выраженными правовыми характеристиками, предлагается биоюриспруденция. Этот термин в научный оборот ввел польский исследователь Роман Токарчик, профессор Люблинского университета имени Марии Кюри-Складовской. В 2008 году мир увидел его монографию «Биоюриспруденция. Основы права XXI века» [60]. В самом широком понимании происхождение понятия биоюриспруденции связано с греческим словом «*bios*» – жизнь и латинским «*juris prudentia*» – знание о праве.

Нам представляется, что одной из наиболее важных причин социальной затребованности биоюриспруденции является отставание права как регулятора общественных отношений от достижений биологии и медицины и необходимость его преодоления. Идеальной моделью правового

регулирования является такая, при которой общество (государство) предварительно нарабатывают нормативно-правовые акты, положения которых будут регулировать общественные отношения, возникающие в новых направлениях биологии и медицины. Цель такого подхода заключается в попытке развивать подобные направления в прогнозируемом, выгодном для общества направлении. Обычно так происходит не всегда. Ведь нередко достаточно сложно прогнозировать результаты тех открытий, которые будут характеризовать научные поиски в отрасли биологии и медицины. Мы уже ранее писали, что «широкое применение биотехнологий сопровождается на сегодняшний день недостаточностью, а иногда полным отсутствием специального правового регулирования в этой сфере деятельности. При этом, много достижений биомедицины в силу своей крайней востребованности начинают применяться, так и не получив настоящего регулирования со стороны права. Это обстоятельство тянет за собой серьезные нарушения прав и интересов людей. Одновременно с этим отсутствие законодательной базы приводит к торможению развития других перспективных технологий» [41, стр. 3].

В целом характеризуя биоюриспруденцию, необходимо дать определение этому термину: биоюриспруденция – это новое научно-правовое образование, в основе которого лежит восприятие жизни человека в качестве наивысшей биосоциальной ценности, целью которого является обеспечение и защита правовыми способами жизни человека в связи с интенсивным развитием биологии и медицины. Такое определение позволяет четко осознать жизнь человека в качестве альфы и омеги биоюриспруденции, а также очертить ее практическое направление – обеспечение и защита жизни человека в связи с интенсивным развитием биомедицинских технологий.

Осуществляя короткий экскурс в возникновение и развитие биоюриспруденции, следует сказать, что появление данного явления в качестве нового направления правовой науки датируется

концом XX – началом XXI веков. На распространение биоюриспруденции существенно повлияли научные труды М.Вейса, Х.Вольской-Липепец, Р.Токарчика (Польша), В.Крусса, М.Малеиной, Н.Матузова, Г.Романовского (Россия), О.Кашинцевой, А.Мережко, П.Рабиновича, Р.Стефанчука (Украина), И. Бабаджанова (Таджикистан). В значительной мере развитие биоюриспруденции стимулировалось благодаря проведению научных исследований, посвященных теоретико-правовым и отраслевым юридическим аспектам регулирования:

- возникновения, сущности, наполнения и прекращения права на жизнь;
- антропологических характеристик современного правового государства;
- человеческого достоинства и права на достойную жизнь;
- трансплантации органов и тканей человека;
- клонирования, суррогатного материнства и других манипуляций с генетическим материалом;
- эвтаназии и формулирования научных подходов к наявности (отсутствия) права на смерть;
- личных неимущественных прав, которые обеспечивают физическое и психологическое благополучие человека и т.д. [1; 3; 4; 5; 6; 10; 11; 12; 13; 14; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 23; 25; 26; 30; 33; 37; 40; 42; 44; 45; 46; 47; 48; 54; 57; 59].

В контексте общей характеристики биоюриспруденции важно сформулировать ее принципы, ключевые идеи, которые будут лежать в основе развития этого нового научно-правового образования. Ими могут быть следующие:

- а) восприятие жизни человека как наиважнейшей ценности;
- б) развитие новых биомедицинских технологий с учетом прежде всего защиты прав, свобод и законных интересов человека;
- в) общественно контролируемые процессы научного и биомедицинского вмешательства в процессы возникновения, воспроизведения, сохранения и прекращения жизни;
- г) уважение человеческого достоинства и всяческое стремление обеспечить реализацию права человека на достойную жизнь;
- д) ответственность перед будущими поколениями за обеспечение здорового потомства и пригодной для жизни окружающей

среды;

- е) разумное соединение и взаимообогащение результатов социальных и биологических наук, которые касаются жизни человека, ее возникновения, развития и обеспечения;
- ж) приоритетность для государства социальной составляющей ее политики и способствование реализации права человека на охрану здоровья.

Исходя из объекта и субъекта биоюриспруденции, где переплетаются биологические, медицинские, социальные аспекты жизни, где новые биомедицинские технологии своим развитием обуславливают необходимость предоставления ответов на сложные вопросы морально-этического и правового характера, констатируем наличие явлений и понятий, семантически близких к биоюриспруденции (биологические, соматические, естественные права человека, личные неимущественные права, обеспечивающие физическое и психологическое благополучие человека, биоэтика и т.д.). Именно поэтому возникает теоретически обусловленная и практически значимая необходимость в осуществлении отграничения биоюриспруденции от смежных юридических и иных наук. Такими науками являются философская антропология, общая теория прав человека, медицинское право и биоэтика.

Говоря о философской антропологии, необходимо подчеркнуть, что она может быть воспринята в качестве одного из направлений философии права. В основе философской антропологии лежит человек, его сущность, природа и бытие и в этом смысле данное направление философии права перекликается с биоюриспруденцией, которая исследует различные биосоциальные проявления жизни человека, воспринимая последнюю в качестве первоочередной ценности. В общем, в последнее время развитие как философии права, так и общетеоретической юриспруденции характеризуется трансформационными процессами, важной тенденцией которых является антропологизация. По мнению П.Рабиновича, указанная тенденция заключается в том, что именно человек становится центральным объектом общетеоретического правового государства (включая общую теорию прав человека), а его естественные правовые свойства и закономерности их государственно-юридического обеспечения постепенно превращаются в самую важную

составляющую предмета этой науки [32, стр. 14].

Относительно отграничения биоюриспруденции от философской антропологии стоит подчеркнуть, что современную философскую антропологию исследователи рассматривают в трех аспектах: как самостоятельную отрасль знаний (изучает проблематику человека, его природы, свойств, сущности, назначения), как мировоззрение (в этом смысле она углубляет антропоцентрическую установку, превращая ее в доминанту культуры – в мировосприятие, связанное с осмыслением антропологического кризиса и раскрытием перспектив человека) и как методологию (методологическую основу для других наук, связанных с изучением человека) [15]. Другими словами, философская антропология делает акцент на человеке с позиций его комплексного восприятия (природа, назначение, перспективы и т.д.), в то время как биоюриспруденция:

- во-первых, носит вместе с теоретико-методологическим, практическое значение, которое заключается в поиске путей защиты прав человека от опасностей достижений биологии и медицины;
- во-вторых, биоюриспруденция акцентирует внимание не на человеке вообще, а на жизни человека, воспринимая ее в качестве самой важной ценности.

Общая теория прав человека рассматривает права человека в контексте их социальной обусловленности, возникновения, обеспечения, защиты, гарантий реализации. Рассматривая потребностную классификацию прав человека, предложенную П.Рабиновичем, выделяются следующие группы прав человека:

- физические (витальные, жизненные) – возможности человека, необходимые для его физического существования;
- личные – возможности сохранения, развития и защиты морально-психологической индивидуальности человека;
- культурные (гуманитарные) – возможности сохранения и развития своей этнической самобытности;
- экономические – возможности человека реализовывать свои способности и получать средства для существования;
- политические – возможности человека принимать участие в государственной и общественной жизни [31, стр. 23-25].

Как представляется, биоюриспруденция в качестве новейшего научно-правового направления и общая теория прав человека определенным образом имеют общий объект исследования – человека, но с позиций предмета исследования есть отличия, что и может служить основанием для отграничения данных двух наук. Несмотря на то, что физические права как составной квалификационный элемент прав человека, акцентирует внимание на жизни человека, возможностях для его физического существования (и в этом контексте, казалось бы, есть определенная «конкуренция» предметов исследования), отличие биоюриспруденции от общей теории прав человека заключается в следующем:

- во-первых, общая теория прав человека исследует широкую палитру прав человека, в то время как биоюриспруденция акцентирует внимание на праве человека на жизнь и его проявления;
- во-вторых, общая теория прав человека имеет межпредметные связи с другими юридическими и социальными науками, в то время как биоюриспруденция активно оперирует новейшими знаниями, полученными биологическими и медицинскими науками.

Третий объект для сравнения и разграничения – медицинское право. Биоюриспруденция и медицинское право имеют много общего. Прежде всего это относительная «научно-методологическая молодость» и стремление завоевать свое место в правовой науке. Говоря об определении, подчеркнем, что медицинское право – это комплексная отрасль права, которая включает совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере медицинской деятельности. Медицинское право позволяет на более высоком уровне осуществлять разработку принципов (основных положений) государственной политики в сфере здравоохранения, более качественно проработать вопросы защиты прав граждан при предоставлении медицинской помощи, детально определить правовой статус субъектов правоотношений, которые возникают в сфере медицинской деятельности. Как медицинское право, так и биоюриспруденция в качестве предмета исследования воспринимают жизнь человека. В этих двух науках достижения научно-технического прогресса в сфере биологии и медицины изучаются сквозь призму

обеспечения защиты прав и свобод человека.

Характерно, что под объектом медицинских правоотношений понимают те реальные материальные и духовные блага, на достижение которых направлена реализация прав и обязанностей субъектов медицинских правоотношений. Сложность медицинских правоотношений обуславливает их сложный объект. В общем виде объектами медицинских правоотношений являются личные неимущественные блага человека (жизнь и здоровье), процесс предоставления и результат медицинской помощи. Важно подчеркнуть отличия целевых установок у разных субъектов медицинских правоотношений. Если для субъектов, которые предоставляют медицинскую помощь, целевая установка заключается, прежде всего, в качественном осуществлении лечения, то для субъектов, которые получают медицинскую помощь, целью является конечный результат лечения – выздоровление [55, стр. 31]. Так было всегда, так есть и сегодня в России [43].

Отличия медицинского права от биюриспруденции заключаются в следующем:

- во-первых – более широкий и всеобъемлющий характер биюриспруденции, которая претендует не просто на статус новейшего научно-правового образования, но и на роль нового варианта правопонимания [9; 27; 28; 29; 34; 35; 36], в основе которого будет находиться не человек и его природа, не государство и его нормативные веления, а жизнь человека в качестве самой главной биосоциальной ценности. Медицинское же право более локально – оно занимается вопросами правового регулирования оказания медицинской помощи, организации здравоохранения, правами пациентов и их защитой, особенностями юридической регламентации отдельных направлений медицинской деятельности;
- во-вторых – темпоральные характеристики. Если для медицинского права временным измерением является жизнь человека и незначительные периоды до рождения и после смерти (главным образом с целью поддержания новой жизни до рождения ребенка или с целью сохранения (продолжения) жизни человека, который умирает), то биюриспруденция по сути заботится о человеке с более широкими часовыми рамками – от оплодотворения яйцеклетки

до того времени, пока смерть человека продолжает иметь определенные биосоциальные последствия (речь идет о правовой танатологии);

- в-третьих, более тесная связь биюриспруденции с неправовыми социальными регуляторами – религиозными, моральными, этническими. Если медицинское право как научное направление воспринимает такого рода регуляторы как существующие, но их роль является второстепенной в деле правового регулирования медицинской деятельности, то биюриспруденция активно включает регулятивный потенциал этики, морали, религии и они существенно влияют на формирование комплексного характера биюриспруденции.

И, в конце концов – разграничение биюриспруденции от биоэтики. Развитие биоэтики стало реальным и возможным во второй половине XX в., когда мировая общественность столкнулась с двумя важными обстоятельствами: 1) приоритет прав человека и акцентирование внимания на защите этих прав и 2) прогресс многих направлений медицины (трансплантология, генетика, реанималогия и т.д.). Развитие новых медицинских технологий определило большое количество морально-этических проблем, которые не могли быть разрешены в рамках врачебной этики и деонтологии. В связи с этим выходом из ситуации, которая сложилась, стало закрепление биоэтики как междисциплинарной отрасли знаний, как науки, которая предоставляет возможность объяснить морально-этические и правовые аспекты медицины. Биоэтика – это междисциплинарная наука, которая занимается изучением морально-этических, социальных и юридических проблем медицинской деятельности в контексте защиты прав человека.

Родоначальником биоэтики считается американский биолог В.Р.Поттер, который в 1971 г. опубликовал книгу «Биоэтика, мост в будущее», где обозначил эту науку в ракурсе биологических знаний и общечеловеческих ценностей. В дальнейшем биоэтика развивалась в основном в контексте медицинских проблем, что дало повод для появления ее синонима – биомедицинской этики. Следует отметить, что в Украине общечивилизационные предпосылки биоэтического знания в полной мере начали проявляться в 90-е

г. XX в., хотя сами биологические технологии начали осваиваться намного раньше.

Отличия биоэтики от биоюриспруденции заключаются в следующем:

- во-первых, более тесная связь биоюриспруденции с правом, с правовым инструментарием, что отражается и в названии, и в социальном назначении биоюриспруденции;
- во-вторых, это принципы биоюриспруденции и биоэтики, которые фактически в концентрированном виде отображают сущность данных научных направлений. Принципы биоюриспруденции были приведены выше, что же касается биоэтики, то ими являются: принцип «не навреди» (вред, который наносится со стороны врача, должен быть только объективно неизбежным и минимальным), принцип «делай благо» (необходимость со стороны врача совершать положительные действия, направленные на благо пациента), принцип уважения автономии пациента (опирается на представление о том, что человеческая личность самоценна независимо от каких-либо внешних обстоятельств), принцип справедливости (каждый должен получить то, что ему причитается) [8, стр. 5-22];
- в-третьих, если биоэтика преимущественно носит характер идеальной модели уважения к человеку, защиты его прав и свобод от достижений биологии и медицины (так должно быть), то биоюриспруденция значительным образом констатирует и исследует те обстоятельства, которые сложились (так есть). В таком

случае можно провести параллель между биоэтикой и биоюриспруденцией с одной стороны и философией права и теорией права с другой.

Подводя итог, в части общей характеристики биоюриспруденции, приведем авторскую позицию относительно структуры этого новейшего научно-правового образования. Предлагается разделять три составных части биоюриспруденции:

- 1) правовая перинатология;
- 2) правовая соматология;
- 3) правовая танатология.

Говоря о правовой перинатологии (от др.-греческого *peri* – вокруг + лат. *natus* – рождение + др.-греческого. *λόγος* – учение, наука), имеем в виду составную часть биоюриспруденции, которая исследует правовые аспекты жизни человека с момента оплодотворения до рождения [1; 4; 5].

Говоря о правовой соматологии (от греческого *soma* – тело) мы имеем в виду составную часть биоюриспруденции, которая исследует правовые аспекты жизни человека с момента рождения до момента смерти, в основе которой находится право человека при жизни свободно распоряжаться своим телом [2; 7; 14; 22; 24; 38; 42; 44; 49; 50; 51; 52; 53; 56; 58].

Говоря о правовой танатологии (от греческого *θάνατος* – смерть + *λόγος* – учение, наука) мы имеем в виду составную часть биоюриспруденции, которая исследует правовые аспекты конечного этапа жизни человека, процесса смерти и периода времени, пока смерть человека продолжает иметь определенные биосоциальные последствия [39; 40; 50; 51].

Список литературы

1. Бабаджанов И.Х. Искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона: проблемы правового регулирования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 7-21.
2. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на тело человека: некоторые подходы к аксиологическому измерению // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 20-26.
3. Бабаджанов И.Х. Правовая жизнь и смерть как правовое состояние и специфическое юридическое явление // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 8-16.
4. Бабаджанов И.Х. Правовое регулирование статуса эмбриона человека: светский и религиозный аспекты // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 14-26.
5. Бабаджанов И.Х. Правовой статус человеческого эмбриона: несколько подходов к анализу // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 10-28.
6. Бабаджанов И.Х. Человек и человеческое существо: проблемы общетеоретического и легального определения

- понятий// Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 34-48.
7. Бабаджанов И.Х. Человеческое достоинство и тело человека: некоторые политико-правовые проблемы // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 136-154.
  8. Биоэтика: принципы, правила, проблемы. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 472 с.
  9. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: психологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 2-1-210.
  10. Быкова С., Юдин Б., Ясная Л. Что думают об эвтаназии врачи? // Врач. – 1994. – № 4. – С. 48-51.
  11. Быкова С.Ю. Этико-философские аспекты и проблемы эвтаназии: Автореф. дис. ... докт. философ. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1993.
  12. Глаголевский П.А., Здановский В.М. Клонирование // Проблемы репродукции. – 1998. – № 3. – С. 11-16.
  13. Глушков В.А. Социологические и правовые аспекты эвтаназии // Социологические исследования. – 1992. – № 7.
  14. Горелик И.И. Правовые аспекты пересадки органов и тканей. – Минск: Высш. Шк., 1971.
  15. Гудима Д.А. Права людини: антрополого-методологічні засади дослідження / Д.А. Гудима // Праці Львівської лабораторії прав людини і громадянина Науково-дослідного інституту державного будівництва та місцевого самоврядування Академії правових наук України / [Редкол.; гол. ред. П.М. Рабінович]. – Львів: Край, 2009. – Серія І. Дослідження та реферати. Випуск 20. – С. 89-98.
  16. Докинз Р. Мыслить ясно о клонировании // Биоэтика: принципы, правила, проблемы / Ред.: Б.Г. Юдин. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – С. 452-456.
  17. Дубовик О.Л. Законодательство ФРГ о трансплантации органов и тканей // Журнал российского права. – 1998. – № 10/11. – С. 206-212.
  18. Иванюшкин А.Я. Философские основания биомедицинской этики: Автореф. дис. ... докт. философ. наук. – М.: Ин-т философии РАН, 1990.
  19. Йорыш А.И. Правовые и этические проблема клонирования человека // Государство и право. – 1998. – № 11. – С. 87-93.
  20. Йорыш А.И., Красовский О.А. Правовые аспекты генной инженерии // Государство и право. – 1997. – № 3. – С. 112-115.
  21. Конюхов Б.В. Долли – случайность или закономерность // Человек. – 1998. – № 3. – С. 6-19.
  22. Крусс В.И. Личные («соматические») права человека в конституционном философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43-46.
  23. Курило Л.Ф. Некоторые этические вопросы технологии эмбриональных стволовых клеток // Проблемы репродукции. – 2000. – № 3.
  24. Мамина М.Н. Право индивида на физическую (телесную) неприкосновенность // Государство и право. – 1992. – № 2. – С. 50-59.
  25. Маргацкая Н.А. Гражданско-правовые проблемы донорства и трансплантации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1984.
  26. Не хотим быть клонами! Проблемы современной евгеники // Биоэтика: принципы, правила, проблемы / Ред.: Б.Г. Юдин. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – С. 420-737.
  27. Оль П.А., Сальников М.В. Исторический дуализм в правопонимании: единство и противоречия естественного и волевого начал в праве // История государства и права.э – 2003. – № 4. – С. 5
  28. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен: понятие, уровни, критерии научности и основания типизации // Юридический мир. – 2005. – № 3.
  29. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен (теоретико-гносеологический аспект) // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., г. Санкт-Петербург, 19 декабря 2002 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2003. – С. 126-129.
  30. Планета двойников // Российская газета. – 1998. – 10 января.
  31. Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави: Навч. посібник. – вид. 10-е, доповнене / П.М. Рабінович. – Львів: Край, 2008. – 224 с.
  32. Рабінович П.М. Трансформації у вітчизняному гальнотеретичному правознавстві та їх вплив на методологію теорії прав людини / Права людини: соціально-антропологічний вимір. Колективна монографія // Праці Львівської лабораторії прав людини і громадянина Науково-дослідного інституту державного будівництва та місцевого самоврядування Академії правових наук України / [Редкол.; гол. ред. П.М. Рабінович]. – Львів: Світ, 2006. – Серія І. Дослідження та реферати. Випуск 13. – С. 7-15
  33. Рахимов М.З. Право на жизнь: достаточно ли исследована и законодательно обеспечена эта проблема? // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 196-200.
  34. Романовская В.Б., Воротилина Т.Л. Правопонимание как научная традиция: основания, обновление, признание // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: Сб. научн. Тр. Вып

8. часть 2 / Под ред. В.М. Бранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. – С. 140-147.
35. Романовская В.Б., Воротилина Т.Л. Проблемы правопонимания в современной отечественной юриспруденции // Право как явление культуры: Сб. науч. тр. – Краснодар: КубГУ, 2002.
36. Романовская В.Б., Жданов П.С. К проблеме ценностного содержания права // Российская юстиция. – 2011. – № 6. – С. 47-50.
37. Сальников В.П., Бабаджанов И.Х. Клонирование человека: есть ли сегодня такое право на земле? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 192-204.
38. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Право на смерть в системе соматических прав человека // Современное медицинское право в России и за рубежом: Сб. науч. тр., Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. правоведения; ИГП. Центр эколого-правовых исслед.; Центр адм.-правовых исслед.; Отв. ред.: О.Л. Дубовик, Ю.С. Пивоваров. – М.: ИГП РАН, 2003. – С. 339-360.
39. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология: Научное издание / Под общ. ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 176 с. – (Серия «Право и медицина»).
40. Сальников В.П., Старовойтова О.Э. Клонирование человека как правовая категория // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 1. – С. 31-36.
41. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с. – (Серия: «Право и медицина»).
42. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Общие принципы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека // Юрист. – 2000. – № 6.
43. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Регламентация медицины в России (историко-правовое исследование): Монография / Под ред. и с предисловием В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 144 с. – (Серия: «Право и медицина»).
44. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования: Научное издание / Под ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 140 с. – (Серия: «Право и медицина»).
45. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Юридические гарантии обеспечения медицинской деятельности (теоретико-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 1. – С. 47-51.
46. Силуянова И.В. Испытание клонированием или человек как подобие человека. – Сергиев Посад: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1998.
47. Силуянова И.В. Клонирование – болевая точка культуры // Православная беседа. – 1998. – № 2. – С. 30-35.
48. Старовойтова О.Э. Детоубийство как следствие кризиса общественного сознания // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 153-169.
49. Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии: Монография / Под общ. ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. – СПб. Фонд «Университет», 2006. – 416 с. – (Серия «Право и медицина»).
50. Старовойтова О.Э. Понятие танатологии // История государства и права. – 2000. – № 4. – С. 23-27.
51. Старовойтова О.Э. Правовые проблема танатологии (историко-теоретический аспект): Автореф. дис.... канд. юрид. наук. – СПб., 2001.
52. Старовойтова О.Э. Тело и закон: Монография / Вступительная статья Э.В. Кузнецова. – СПб.: ГУАП; Ассоциация философии права Санкт-Петербурга, 2006. – 144 с.
53. Старовойтова О.Э. Тело и собственность // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 1 (29-1).
54. Старовойтова О.Э., Сальников В.П. Биомедицинский эксперимент и закон // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2.- С. 25-32.
55. Стеценко С.Г. Медицинское право: Учебник. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 572 с.
56. Фомичев Е.К. Эвтаназия как форма реализации права на смерть (общетеоретический аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2006.
57. Чтобы обессмертить россиян, нужно их клонировать // Вечерняя Москва. – 1998. – 27 января.
58. Эвтаназия («круглый стол») // Мед. консультация – 1995. – № 1. – С. 2-11.
59. Юдин Б.Г. Клонирование человека: предварительные уроки дискуссии // Биоэтика: принципы, правила, проблемы / Ред.: Б.Г. Юдин. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – С. 460-467.
60. Tokarczyk R.A. Biojurisprudencja: podstawy prawa dla XXI wieku / R.A. Tokarczyk. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2008. – 109 s.

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович,

профессор кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета,

доктор юридических наук

E-mail: nauka123@yandex.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ

***Аннотация.** Опираясь на устоявшиеся в науке понимание политики, автор изучает уголовную политику, выясняет ее политико-правовую сущность.*

В статье представлены в обобщенном виде основные точки зрения, имеющиеся в литературе, на понимание уголовной политики, использована многочисленная юридическая литература, подготовленная хорошо известными советскими и российскими авторами, представителями криминалистического блока науки. В то же время приведены интересные высказывания выдающихся мыслителей далекого прошлого Платона и Аристотеля, говорится о вкладе в разработку проблема представителями Древнего Рима, о творчестве Ш. Монтескье и Ч. Беккариа, анализируется книга первого российского первооткрывателя проблем уголовной политики М.П. Чубинского «Курс уголовной политики» (Ярославль, 1909)

Вызывает большой интерес авторская трактовка уголовной политики и понимание ее политико-правовой сущности.

***Ключевые слова:** уголовная политика; политико-правовая сущность; политические отношения; интересы субъектов; уголовный закон; преступность и борьба с ней; субъекты, цели, задачи уголовной политики.*

TRETYAKOV I.L.

CRIMINAL POLICY AND ITS POLITICAL-AND-LEGAL ESSENCE

***The summary.** Based on the scientifically established understanding of policy the author studies the criminal policy, reveals the political-and-legal essence of it.*

The article provides a summary of the main points of view available in literature on the understanding of criminal policy, uses voluminous legal literature prepared by well-known Soviet and Russian authors, representatives of the criminalistics block of science. At the same time some interesting statements of the prominent thinkers of the past Plato and Aristotle are cited; the subject matter concerns the contribution to the development of the issue by representatives of ancient Rome, the works of Ch. Montesquieu and C. Beccaria; the book of the first Russian pioneer of problems of criminal policy M.P. Chubinsky "Course of criminal policy" (Yaroslavl, 1909) is analyzed.

The author's interpretation of the criminal policy and understanding of its political-and-legal essence are of great interest.

***Key words:** criminal policy; political-and-legal essence; political relations; interests of entities; criminal statute; crime and struggle against it; the entities, goals, objectives of criminal policy.*

Основой любой методологии является категориально-понятийный аппарат, определение приоритетов важнейших для данного исследования категорий и понятий, их образующих признаков. Категории и понятия каждой науки являются необходимыми формами научного мышления, ступенями и основой дальнейшего развития достигнутого знания. В источниках, в какой-либо мере касающихся темы настоящего исследования, нет единства в определении таких понятий, как «политика» и «уголовная политика».

Термин политика имеет ключевое методологическое значение для данного исследования. Он относится к предмету философии, социологии, политологии [12; 55; 60]. В данной статье нет необходимости рассматривать его детально. Поэтому в ней используются уже устоявшиеся определения, наиболее соответствующие современным научным воззрениям. В случаях, когда авторская точка зрения на тот или иной термин отличается от его общепринятого определения, аргументируется его авторское понимание.

Политика – это отношения между социальными общностями (классами, нациями, государствами), определяющие и реализующие направления, формы и способы их деятельности в борьбе за власть, коренные интересы и цели [18; 45; 66]. Во всяком случае так ее понимали многие годы в Советской стране. На таком понимании базировалась правовая наука более семидесяти лет.

Политические отношения, их субъекты, интересы и цели этих субъектов, деятельность последних по достижению, организации и осуществлению государственной власти, направления, формы и способы такой деятельности, политические нормы и политическое сознание (идеология) – системообразующие составляющие политики. Основу политики составляет борьба социальных общностей (классов) за власть и всесторонняя деятельность государства по управлению социальными процессами [1; 16; 59]. Государство – основополагающий субъект политических отношений и политической деятельности.

Политика – концентрированное выражение экономики. Экономические (производственные) отношения составляют основу базиса, над которым возвышается политическая надстройка [48, стр. 6-7]. Определяемая экономикой,

политика обладает относительной самостоятельностью, независимостью и играет решающую роль не только в развитии экономики, но и всей социальной системы [67, стр. 188-189].

Многообразии интересов и целей, направлений, форм и способов деятельности субъектов политических отношений по осуществлению своих интересов, детерминированных, в конечном счёте, разделением труда, развитием производительных сил, особенно средств производства, обуславливает многоуровневый и системный характер политики, разнообразие её исторических типов, форм, направлений, способов политической деятельности.

В сущности политики следует выделить две стороны, отражающие её двойственную, объективно-субъективную природу [64, стр. 127]. В научной литературе двойственная природа политики не получила должного освещения и анализа. С одной стороны, политика есть политические отношения и деятельность её субъектов и, как таковая, она носит объективный характер. С другой стороны, любая деятельность в силу её человеческой природы всегда опосредована сознанием людей. Интересы и цели субъектов политических отношений и политической деятельности являются самостоятельными элементами общественного сознания, отражением объективной стороны политики и формами выражения её субъективной стороны. Диалектическое единство и противоречивость объективного и субъективного в политике выражают необходимо-закономерный, естественно-исторический характер политических процессов, политической деятельности, с одной стороны, и её субъективно-спонтанный, стихийный характер, с другой стороны. Это показал, например, английский историк-публицист А. Палмер, отразивший сложную взаимосвязь политических событий и процессов в Германии в «эпоху Бисмарка» (1848 – 1870 гг.) и историческую роль в них отдельной личности. Не будучи философом-материалистом, А. Палмер уловил диалектику объективного и субъективного в политике. Он пишет: «... В этой биографии я сделал акцент на самом Бисмарке как личности и государственном деятеле и меньше внимания уделял тем социально-экономическим условиям в Германии, на фоне которых происходило его становление как политического деятеля...» [50, стр. 3]. По А. Палмеру, колониальная политика

«железного канцлера» была порождена бурным развитием экономики Германии, закономерно-стями формирования империализма, которые глубоко отразил в своей деятельности Бисмарк и особенности личности которого играли в этом развитии не последнюю роль.

Основные точки зрения на понятие уголовной политики в обобщённом виде представляются следующим образом. Уголовная политика – это:

I. Деятельность государства по борьбе с преступностью путём применения уголовного закона [10; 13; 15; 19; 58] или всех мер внеправового и правового характера [35; 37; 38; 51].

II. Совокупность взглядов, идей и представлений об основных направлениях, средствах и путях борьбы с преступностью [22, стр. 4] или программа борьбы с преступностью и её реализация в деятельности государственных и общественных организаций [24, стр. 3].

III. Общественные отношения в сфере борьбы с преступностью [27, стр. 8] или организация человеческих взаимоотношений посредством норм и институтов уголовного права [52, стр. 6].

В каждой из названных точек зрения есть своё «рациональное зерно», ибо все они отражают ту или иную сторону уголовной политики как системного социального явления. Верно, указывают Н.А. Стручков, Н.А. Беляев, М.И. Ковалёв, П.Н. Панченко, И.А. Исмаилов и др. на деятельную сторону и субъектов уголовной политики. Так же верно подчёркивание роли общественных отношений как сущности уголовной политики (Н.И. Загородников, Ю.Е. Пермяков, др.). Важен и духовный аспект уголовной политики, подчёркиваемый Б.В. Здравомысловым, Л.Д. Гаухманом, Ю. И. Ляпуновым и др.

Однако приведённые и примыкающие к ним не приведённые точки зрения на понятие уголовной политики не в полной мере учитывают ряд существенных моментов, являющихся для него системообразующими. Во-первых, они недостаточно точно определяют сущность уголовной политики. Сущность любого явления или понятия – это определяющая его природу внутренняя сторона или совокупность нескольких сторон (связей), изменение которых неизбежно влечёт изменение этого явления (понятия) [62, стр. 638]. Во-вторых, эти определения не принимают во внимание двойственную объективно-субъективную природу политики, относительно самостоятельной

частью, формой которой является уголовная политика. Если даже согласиться, что уголовная политика есть деятельность её субъектов или отношения между ними, или даже теория (идеология) такой деятельности либо уголовно-правовых отношений, то и в этом случае объективно-субъективный характер уголовной политики сохраняется. Ведь источник, носитель и движущая сила и деятельности, и отношений в процессе деятельности, или идей – один и тот же. В-третьих, в указанных определениях, не выясняется сущность, диалектика (взаимосвязь) и приоритетность различных составляющих уголовной политики, связь последних с соответствующими (аналогичными) составляющими политики вообще. В-четвёртых, указанные определения понятия уголовной политики не отражают изменившиеся социальные условия современной России, определяющие сущность, направления, формы и способы уголовной политики. Поясним более конкретно изложенные тезисы.

Сущность уголовной политики нельзя сводить к какой-то одной стороне (деятельность, отношения, идеи или теория). Она является системой внутренне связанных между собой элементов. Таковыми являются: политико-правовые отношения, юридические нормы, политико-правовая идеология (систематизированные идеи, взгляды), субъекты, их деятельность. Они, эти элементы, органично взаимосвязаны существенными общими моментами, иерархичны и взаимодействуют между собой. В то же время они являются относительно самостоятельными, имеют свою сущность и реализуются в присущих им формах. Выполняют характерные для них функции.

Существенными общими для них моментами являются:

- двойственный, то есть объективно-субъективный характер, присущий политике в целом и её составляющим – общественным отношениям, правовым нормам, правовой идеологии, субъектам, деятельности. Их объективность выражается в том, что они существуют не только и не столько в сознании, а в реальной действительности. Их носитель и источник – социальные силы – также имеет объективное, реальное проявление. Их субъективность заключается в их опосредованности

сознанием субъектов политики, в присутствии в них идеальных форм выражения, что особенно характерно для правовой идеологии (правосознания);

- единый источник, носитель и единая движущая сила, каковыми являются субъекты уголовной политики;
- принадлежность к элементам единой системы. Составляя единое целое, взаимодействуя друг с другом, они образуют новое качество – уголовную политику как таковую, то есть уголовную политику исторически определённого характера, типа и формы;
- деятельность социальных носителей (субъектов) как основная форма их внешнего выражения, её общие проявления – направления, формы и способы;
- единая социальная сущность – интересы и цели субъектов уголовной политики.

Одновременно все указанные элементы уголовной политики являются относительно самостоятельными, поскольку каждый из них имеет свою сущность, свои внешние формы выражения, реализует свои функции, занимает своё место в системе уголовной политики.

Социальные отношения как определённые внутренние связи между субъектами уголовной политики занимают приоритетное, определяющее, главное место в её сущности и системе. Их содержанием являются права и обязанности субъектов уголовной политики, реализующих посредством последних свои коренные (социально-политические) интересы и цели. По характеру эти отношения являются не любыми связями, а политико-правовыми. Политическое начало в них выражается в том, что они являются отношениями между различными, разнородными социальными общностями, среди которых ведущее место занимают социальные слои и группы, нации и государственные образования, имеющие различные и нередко противоположные социальные интересы и цели. Правовая природа отношений в сфере уголовной политики выражается в исключительно юридических формах их проявления и функционирования. Поэтому неточно и неполно определять сущность уголовной политики лишь как общественные отношения [27, стр. 8]. Тем более нельзя сводить их к любым взаимоотношениям между людьми [52, стр. 6].

Это не любые социальные связи, а связи в определённой области правовых отношений, объектом которых является преступность, деятельность по её предупреждению и устранению. Объект уголовной политики (преступность) характеризуется маргинальностью, то есть крайним местом в системе общественных отношений и ценностей, резкой антисоциальной направленностью, однозначно антисоциальными последствиями, объёмностью и комплексностью причиняемого социального вреда.

Уголовная политика, как и политика вообще всегда связаны с правом. На связь политики с правом указывают многие исследователи [2; 3; 47; 53], которые подчеркивают несомненную связь политики и права, т.к. в основе их социального происхождения имеется единый материальный базис и направлены они на регулирования интересов и поведения людей в обществе. Советские исследователи всегда характеризовали право как явление социально политическое.

Уголовная политика является одной из составляющих общей государственно правовой политики. Известный российский государственно-политический деятель и ученый – юрист А.И. Александров в своей книге «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» пишет: « Власть не может не реагировать на преступность; то, какой властью хочет видеть преступность и каким способом она готова привести преступность в это состояние, и есть уголовная политика государства. Поэтому самое простое, но тем не менее весьма емкое определение уголовной политики, на наш взгляд, таково: это отношение власти к преступности» [5, стр. 263]. Отношение власти к преступности важно видеть в сравнении с отношением общества к преступности. Причем, как заметил Э.А. Поздняков, «отношение общества и государственной власти к преступлениям, степень его тождественности или расхождения есть одно из свидетельств целостности государства, его интегрированности, его нравственно здоровья» [53, стр. 557].

А.И. Александров поясняет далее: «Уголовная политика – это желание (или нежелание) власти предупреждать преступления и раскрывать их, и даже более того – это само определение преступлений, того, что является преступлением, а что нет» [5, стр. 263].

Очень емкое определение, оно безусловно заслуживает самого пристального внимания и тщательного изучения. Несомненно, в юридической науке имеются и более развернутая характеристика уголовной политики, т. к. сама по себе уголовная политика как явление, но мнение А.И. Александрова, – ровесница государства и преступности. Первые же попытки научного осмысления данного явления можно обнаружить в глубокой древности, однако его исследование как научной дисциплины начинается лишь в условиях нового времени. М.П. Чубинский, крупнейший Русский ученый, по существу первый исследователь российской уголовной политики, даже в трудах Платона и Аристотеля обнаружил некоторые, даже систематизированные требования уголовно-политического характера. Эти требования дальнейшего развития получили в Древнем Риме и в творчестве представителей первых веков Христианской веры. И только лишь во второй половине XVIII века, в трудах Ш. Монтескье, Ч. Бекарриа, Вольтера и др., происходит становление и формирование уголовной политики как научной дисциплины. По-существу именно эти мыслители – реформаторы «выпускают целые трактаты, широко охватывающие уголовно-политическую область; по существу дела с их трудов и нужно начинать историю уголовной политики как науки, ибо они на долгие годы дали для нее содержание и с большей полнотой систематизировали... необходимую для нее материал, критически относясь к существующим порядкам правосудия и наличая лучшее и должное». Однако подчеркивает исследователь, формально следует обратиться ко времени более позднему, т.к. самого понятия «уголовная политика» в тот период еще не было и его соотношении с наукой уголовного права никто не задумывался [65, стр. 2-3]. Вместе с тем, здесь важно заметить, что уголовно-политические идеи в творчестве мыслителей-реформаторов явно чувствовались.

В качестве примера возьмем итальянского юриста и просветителя Чезаре Беккариа (1738-1794). В его труде «О преступлениях и наказаниях» [14] звучат именно уголовно-политические мотивы. Он вскрывает наличие социальных противоречий в обществе, беззакония и несправедливости в нем. Среди же средств способствующих предупреждению преступлений называет следующие: ясные и простые законы, на защите

которых должна быть сосредоточена вся сила нации; просвещение, идущее рука об руку со свободой; наличие исполнительской коллегии, более заинтересован в соблюдении законов, чем в их нарушении. Самым верным, но и самым трудным средством предупреждения преступлений Чезаря Беккариа считает усовершенствование воспитания, что, по его мнению, тесно связано с природой правления. По-существу имеется в виду правовое просвещение, правовое воспитание формирование правовой культуры граждан. Разве это не проявление государственной политики? А если она направлена на предупреждение преступлений, разве это не уголовно-правовая политика? В предложениях мыслителя отчетливо наблюдается политический, социально-правовой характер необходимых для предупреждения преступности средств. Их осмысление подчеркивает значимость разнообразия, в том числе и политических, мер в обществе и государстве по формированию правопорядка, законности, прочной основы для безопасной социальной жизни. Важно подчеркнуть и то, что в творчестве Чезаря Беккариа, четко прослеживается мысль о том, что в первую очередь важны преобразования в тех сферах общественных отношений, которые касаются правового порядка, политической культуры и общественной нравственности [63, стр. 66-77]. Все это вместе взятое и дает основание вести речь о том, что именно мыслители-реформаторы XVIII века в свои труды создали такой мощный и могучий реформаторский поток, который и привел, по утверждению М.П. Чубинского, к созданию уголовной политики как научной дисциплины.

Большинство представителей юридической науки и практики того времени, отнеслись, как посчитал М.П. Чубинский, враждебно к хлынувшему в общество потоку уголовно-политический идей. Юриспруденция того периода не хотела воспринимать политическую окраску преступности и процесса борьбы с ней: « как ни упорно отстаивала она каждую часть существующего строя, как ни отрещивалась от вторжения в науку уголовного права уголовно-политического материала, сила развившихся прогрессивных идей взяла свое; она вызвала ряд крупнейших реформ и заставила криминалистов признать, что они в своей науке обязана говорить не только о том, что существует, но и о том, что должно

существовать. Таким образом уже ранее существовавший уголовно-политический элемент впервые проник как таковой в науку уголовного права» [65, стр. 3].

На М.П. Чубинского, как первого российского первооткрывателя проблем уголовной политики указывает А.И. Александров. Он обращает внимание на то, что в России первым курс уголовного-политического содержания прочел именно М.П. Чубинский. Этот курс назывался «Новые учения в области уголовного права и процесса» и был прочитан в 1897 – 1898 гг. в университете Св. Владимира. В последующим ученый читал подобные курсы ежегодно в Демидовском лицее и в Харьковском университете. В 1897 г. такой же курс М.П. Чубинским был объявлен в Санкт-Петербургском университете, а со второй половины того же года юридический факультет внес этот курс в число обязательных специальных курсов. Уголовная политика впервые в нашей стране стала предметом самостоятельного и планового преподавания в университетской аудитории [5, стр. 265]

В своих лекциях М.П. Чубинский обосновывал необходимость глубокого научного анализа уголовной политики, говорил о вреде одностороннего подхода к преступлению ратовал за необходимость обращения внимания не только на конкретные отдельные преступления, но и на преступность в целом. По его мнению уголовно-правовая наука должна не только содействовать поддержанию правопорядку, но и преследовать более широкую и плодотворную цель – способствовать наилучшей организации правосудия и наиболее успешной основанной на твердых научных данных борьбе с преступностью. По мнению М. П. Чубинского, уголовная политика для надлежащего выполнения своей научной миссии должна, не ограничиваясь рамками борьбы с преступностью, взять на себя и более широкие и важные задачи, связанные с совершенствованием уголовного законодательства и уголовного правосудия [65, стр. 265]

Девизом Российской политики

М.П. Чубинский считал следующую фразу «Работа на реальной почве для пользы уголовного правосудия и с верой в идеалы человечества» [65, стр. 36, 49-52]

Уголовная политика как предмет научного анализа привлекала и привлекает сегодня к себе внимание многих советских и российских исследователей. Можно вспомнить имена таких авторов как А.И. Александров, А.И. Алексеев, Н.С. Алексеев, Н.А. Беляев, С.С. Босхолов, В.Н. Бурлаков, А.А. Вихров, В.А. Владимиров, Б.Я. Гаврилов, Л.Д. Гаухман, Ю.В. Голик, П.С. Дагель, В.Г. Даев, Н.И. Зогородников, С.И. Захарцев, Н.А. Зеленская, Д.В. Зубарева, В.Е. Квашис, М.И. Ковалев, Л.Д. Кокорев, А.И. Коробеев, В.Н. Кудрявцев, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеев, Ю.М. Ляпунов, В.С. Овчинский, П.Н. Панченко, Э.Ф. Побегайло, И.М. Ратимов, В.П.Сальников, А.И. Ситников, А.Ю. Соломин, Н.А. Стручков, А.И. Трусков, А.В. Усс, А.В. Федоров и многие другие. Каждый из них в отдельности и все вместе внесли свой весомый вклад в разработку теории и практики уголовной политики нашего Отечества [3; 4; 6; 7; 8; 9; 11; 15; 17; 20; 21; 22; 23; 25; 26; 28; 29; 30; 31; 32; 34; 36; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 46; 47; 49; 51; 54; 56; 57; 58; 61].

Достаточно тщательный анализ позиций многих, из приведенных выше, авторов по вопросам уголовной политики, процесса ее становления и развития в России можно найти в фундаментальной книге А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности», где имеется специальный параграф (3 глава 4) названный автором «К вопросу об уголовной политике государства» [5, стр. 262-282]. В нем предлагается интересный материал по становлению научной теории уголовной политики в России. Он приводит нас к мысли, что определяющим в уголовной политике является политико-правовые отношения, связанные с преступностью: ее понимание, определение, формирование, борьба с ней и ее профилактика, формирование законодательной базы и т.д.

Список литературы

1. Азаров Н.И. Ленинское учение о политике и современность: Автореф. дис.... докт. филос. наук. – М., 1971.
2. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, Лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук

- наук, профессора В.Н. Кудрявцева. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.
3. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России в условиях реформирования государства: история и современность: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
  4. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления: Интервью // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2010. – №2(36). – С. 10-19.
  5. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса / Вступительная статья член-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
  6. Александров А.И. «Высшая цель – человек»// Российская Федерация сегодня. – 2012. – №23. – Декабрь. – С.10-11.
  7. Алексеев А.И. Должна ли уголовная политика быть либеральной? // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2003. – № 1.
  8. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006. – 144 с.
  9. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев А.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. – Воронеж, 1980.
  10. Алиев Я.Л., Артамонова Г.К., Берова Д.М., Шахагпоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
  11. Алиев Я.Л., Сальников В.П., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые итоги аксиологического исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 165-183.
  12. Андреев А.Л. Сущность политики как предмет философского анализа: Исторический и теоретический аспекты // Вестник Моск. ун-та. Серия 7: Философия. – 1990. – № 3. – С. 3-15.
  13. Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Российская империя: уголовно-правовая политика и борьба с преступностью // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 7-9.
  14. Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. – М., 1939.
  15. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути её реализации. – Л.: ЛГУ, 1986.
  16. Борисенко В.В. Политика как категория исторического материализма: Автореф. дис.... канд. филос. наук. – М., 1974.
  17. Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический уголовно-правовой и информационный аспекты. – М., 1999.
  18. Бурлацкий Ф.М. Ленин. Государство. Политика. – М., 1970. – С. 47-48.
  19. Введение в криминологию: Лекция. – Л., 1977.
  20. Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве: Учебное пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1979.
  21. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. – М., 2008.
  22. Гаухман Л.Д., Ляпунов Ю.И. Понятие советской уголовной политики и её основные направления. – М.: Академия МВД СССР, 1980.
  23. Гишинский Я.И. Уголовная политика Российской Федерации: To be or not to be? // Индекс: Досье на цензуру. – 2003. – № 18.
  24. Гришанин П.Ф. Уголовно-правовая борьба с преступностью как направление советской уголовной политики: Лекция. – М.: Академия МВД СССР, 1989.
  25. Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. – Владивосток: ДвГУ, 1982.
  26. Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел: Учебное пособие. – М.: МВШМ МВД СССР, 1979.
  27. Загородников Н.И. Советская уголовная политика. – М., 1979.
  28. Захарцев С.И. Диалектический метод в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 62-69.
  29. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. – СПб.: СПбГУ, 2011.
  30. Захарцев С.И. Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 163-172.
  31. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
  32. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Новые фантомы оперативно-розыскной деятельности: оперативно-розыскная характеристика и оперативно-розыскной кодекс / Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 94-101.
  33. Здравомыслов Б.В. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М., 1996.

- С. 11.
34. Зубарева О.В. Теория уголовной политики: становление и развитие // Российский судья. – 2011. – № 1.
  35. Исмаилов И.А. Преступность и уголовная политика: актуальные проблемы организации борьбы с преступностью. – Баку: Азернешр, 1990.
  36. Квашиш В.Е. Принципы советской уголовной политики // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 35. – М., 1981.
  37. Квитчук А.С., Болотина Е.В., Третьяков И.Л. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовые вопросы // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 204-207.
  38. Ковалев М.И. Соотношение уголовной политики и уголовного права // Сов. государство и право. – 1978. – № 12.
  39. Ковалев М.И., Воронин Ю.А. Криминология и уголовная политика. – Свердловск, 1980.
  40. Концепция развития российского законодательства/ Под ред. и с предисловием Т.Я. Хабриевой, Ю.А.Тихомирова.-М., 2010.
  41. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. – Владивосток: ДвГУ, 1987.
  42. Коробеев А.И. Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: Тенденции и перспективы. – Красноярск, 1991;
  43. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: РАН, МГУ, Наука, Юридический центр Пресс, 2002.
  44. Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 2001 (авторы главы – В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев).
  45. Ленин В.И. К вопросу о роли государства // В.И.Ленин. Полн. собр. соч. Т. 33. – М., 1974.
  46. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М., 2009.
  47. Ляхов Ю.А. Новая уголовно-процессуальная политика. – Ростов-на-Дону, 1992.
  48. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое.
  49. Мусаев М.А. Уголовно-правовая политика России и признание жертвы преступления потерпевшим // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 118-126.
  50. Палмер Алан. Бисмарк / Перевод с англ. И.С. Соколовой и др. – Смоленск, 1998.
  51. Панченко П.Н. Советская уголовная политика. Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью: её становление и предмет. – Томск: Томский ун-т, 1988.
  52. Пермяков Ю.Е. Введение в основы уголовной политики: Учебное пособие. – Самара: Самар. ун-т, 1993.
  53. Поздняков З.А. Философия преступления. – М., 2001.
  54. Политический режим и преступность / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
  55. Рудич Ф.М. Политика как объект системного исследования: Философско-методологический анализ // Философская и социологическая мысль. – 1989. – № 1. – С. 19-27.
  56. Солонин А.Ю. Реализация уголовной политики Российского государства с программируемым эффектом // Российский следователь. – 2010. – № 5.
  57. Сотникова А.И. Тенденции уголовной политики, выраженные в нормах права главы 8 УК РФ 1996 г. // Российский следователь. – 2010. – № 9.
  58. Стручков Н.А. Исправительно-трудовая политика и её роль в борьбе с преступностью. – Саратов, 1970.
  59. Туркин Л.П., Новицкий В.И. Принципы политики: ленинское методологическое наследие. – Свердловск, 1990.
  60. Федоркин Н.С. Политика как социальный феномен и предмет политической науки // Вестник Моск. ун-та. Серия 18: Социология и политология. – 1995. – № 3. – С. 45-51.
  61. Федоров А.В. Оперативно-розыскная политика // Теория оперативно-розыскной деятельности / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М., 2006.
  62. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989.
  63. Фролова Н.А. Политические и правовые учения зарубежных стран: история и современность: Учебное пособие / Под ред. Н.М. Чистякова. – М.: Орбита – М, 2011.
  64. Чагин Б.А. Объективные и субъективные факторы общественного развития // Материалистическая диалектика. В 5-ти томах. Т. 4. – М., 1984.
  65. Чубинский М.П. Курс уголовной политики. – Ярославль, 1909.
  66. Шахназаров Г.Х., Бурлацкий Ф.М. О развитии марксистско-ленинской политической науки // Вопросы философии. – 1980. – № 12. – С. 13.
  67. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. – Т. 20.

БОРУЛЕНКОВ Юрий Петрович,
проректор Академии
Следственного комитета России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: borulenkov@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений
о праве и государстве

МЕТОДОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

***Аннотация.** В центре внимания автора в данной статье находится вопрос о лингвистическом (языковом) подходе как разновидности универсального метода юридического познания. Рассматриваются аспекты языкового подхода к пониманию права (языковой философии права), потенциал которого носит, прежде всего, инструментальный характер и должен найти особенно четкое и плодотворное раскрытие в сфере юридической методологии. Подчеркивается значение этого вопроса для идеологии юридического познания. Отмечается актуальность вопросов, связанных с возможным смешением лингвистических и правовых аспектов при рассмотрении проблем языка в юридическом познании. Обозначаются направления исследований юрислингвистики. Демонстрируется практическая значимость данного вопроса.*

***Ключевые слова:** юридическое познание; методология юридического познания; лингвистический подход методологии.*

BORULENKOV Yu.P.

METHODOLOGY OF LEGAL KNOWLEDGE: LINGUISTIC APPROACH

***The summary.** In the center of attention of the author in this article there is a question of linguistic (language) approach as versions of a universal method of legal knowledge. Discusses aspects of linguistic approach to the understanding of the law (language philosophy of law), the potential of which is instrumental character and should be particularly clear and fruitful disclosure in the field of legal methodology. Value of this question for ideology of legal knowledge is emphasized. Relevance of the questions connected with possible mixture of linguistic and legal aspects by consideration of problems of language in legal knowledge is noted. The directions of researches юрислингвистики are designated. The practical importance of the matter is shown*

***Key words:** legal knowledge; methodology of legal knowledge; linguistic approach of methodology.*

Несомненно, юридическое познание [10; 11] является центральным композиционным элементом* правовой системы общества. Богатство содержания понятия «юридическое познание» определяется сложностью структуры юридической практики [24, стр. 226-234], многомерностью юридического процесса, который

включает в себя процесс правообразования (правотворчества) и процесс правореализации, последний в свою очередь можно подразделить на юрисдикционный и неюрисдикционный юридические процессы [32, стр. 226-234]. Кроме того, перед юридическим познанием стоит задача постижения сложных социальных явлений,

например, различных аспектов частной жизни и т.д. [17; 28; 29; 30]. Глобальный характер проблемы заставляет рассматривать ее в самых различных измерениях. Естественно, что в каждом из этих измерений проблема обретает свой особый вид, диктует способы подхода к ней.

Мы исходим из понятия методологии как системы принципов и способов организации и построения теоретической деятельности, учитывающей тенденции дифференциации и интеграции научного знания. Для нас существенно, что понятие методологии предусматривает и подход к исследованию комплексного объекта. Сложноструктурный характер юридического познания проявляется в различных по содержанию понятийных категориях, наивысший эффект от разработки которых возможен исключительно в рамках дифференцированного и интеграционного подходов на основе комплексного исследования, когда вопросы юридического познания будут изучаться с точек зрения гносеологической, логической, психологической, социологической, лингвистической и правовой в единстве [12].

Назначение лингвистического (языкового) подхода как разновидности универсального, выражается в том, что логические законы и способы мышления, являясь идеальным средством познания правовой системы общества, приобретают материальную форму в языке и могут быть выявлены лишь путем специального анализа и синтеза языковых контекстов [4, стр. 36-38]. Методология как учение о научном методе вообще и методах отдельных наук имеет принципиальное значение в теории и практике любой современной науки, в том числе языкознания.

Следует отметить, что метод современной отечественной юридической науки, – это частный случай логоцентристской установки на познание юридических феноменов и роли в этом познании языка. Инструменталистский подход в трактовке роли языка по отношению к праву является для современных ученых основным, и он подразумевает, что «язык есть орудие», письмо есть приставка к этому орудию [1, стр. 33]. «Право» понимается юристами и лингвистами как нечто объективное (даже если это абсолютная идея), языковая форма его схватывания – как нечто относительное, преходящее. Язык по отношению к праву выполняет как бы две взаимосвязанные функции – отобразительную (выражает вовне

волю законодателя) и коммуникативную (доводит эту волю до сведения участников общественных отношений [3, стр. 35, 37; 21, стр. 216; 37; 43, стр. 5-12; 45, стр. 8].

В настоящее время связи юридической науки с лингвистикой развиваются особенно интенсивно. Некоторые концепции современного языкознания открывают новые подходы к пониманию права и правосудия. Ряд отечественных и зарубежных авторов отводит языку ключевую роль в мыслительной деятельности, рассматривает его как необходимое условие и предпосылку процесса познания, определяющим результат, считает языковую действительность «формой существования сознания», утверждает, что «язык есть непосредственный действительный смысл» [20, стр. 104], делает вывод, что язык, обеспечивая существование позитивного права, выступает не как инструмент, «обслуживающий» право, но единственно возможный способ объективного бытия права. Как отмечает Х.-Г. Гадамер: «Не мы говорим на языке, но язык «говорит на нас...» [14, стр. 535].

Современная лингвистика представляет собой продукт длительного и довольно противоречивого исторического развития лингвистического знания представителей многих этнических культур, в самых разных регионах и странах мира.

С методологической точки зрения актуальным является разработанный в лингвистике тезис о функциональной амбивалентности* лингвистических средств и вариативной интерпретации действительности, основанный на доказанном разнообразии способов отражения мира. Один и тот же отрезок действительности может быть обозначен с помощью различных языковых форм, а язык, представляя собой знаковую систему, позволяет делать неограниченное число сообщений. Говорящий имеет возможность выбирать различные варианты выражения некоторого содержания. В процессе общения коммуниканты делятся собственными интерпретациями, собственными коннотациями*, собственными чувствами и желаниями, тем самым придавая одному и тому же различной степени оттенки смысла от неуловимых до противоположных [13, стр. 8].

В теоретической и юридической лингвистике доминируют концепции, основанные на субъективной теории истины, в этой связи лингвистика представляет собой интерпретативную, а

не описательную дисциплину [13, стр. 2].

«Выбор языкового подхода к пониманию права – отмечает А.С. Александров, раскрывая суть предложенной им лингво-психической теории права, – сам по себе не только методологический, но и идеологический, ценностный выбор, поскольку им определяется ход остальных рассуждений о предмете. В основе допущение-аксиома о гомологии между языком и правом, что придает языковому фактору для бытия права онтологический статус. Язык говорит правом, а не право говорит языком. Место права-тут в тексте закона определено языком» [1, стр. 21, 105-106].

Как пишет М.А. Беляев, «посредством обнаружения (усмотрения) бесконечной череды законных и не вполне законных аналогий между языком и правом можно заявить о саморазвертывании языковой философии права», потенциал которой носит прежде всего инструментальный характер и должен найти особенно четкое и плодотворное раскрытие в сфере юридической методологии [7, стр. 48-53].

Философское обдумывание языковой природы права во всей полноте высвечивает всю проблематику юридического познания. Постулирование языковой сущности права позволяет распространить на право присущие языку характеристики, использовать набор познавательных средств лингвистики, что влечет распространение на него представления как о семиотической структуре – совокупности определенным образом организованных знаков, имеющих смыслы (денотативные), а также внутреннее (коннатативное*) значение, определяемое структурой. Категория «язык права» выражает методологический постулат о текстовой*, дискурсивной* природе юридического познания. Психо-лингвистический феномен права неотделим от языка-речи, в смысле совокупности возможных контекстов интерпретации текста закона [33; 35; 37; 39; 44; 46].

С момента написания текста закона, последний существует уже независимо от воли того, кто его написал. И интерпретатор волевым усилием прочтения приостанавливает истечение смысла из текстовой структуры, замораживает, фиксирует смысл, схватывает его и преподносит, как нечто смыслодостигнутое в данных условиях речевой коммуникации (контексте) [1, стр. 46, 224].

Традиционно в отечественной юридической

литературе выделяются несколько способов толкования права: грамматический (филологический); логический; исторический (историко-политический); систематический; сравнительно-правовой; специально-юридический; функциональный; телеологический. Каждый из них отличается от других своими специфическими приемами и средствами толкования, но в целом эти способы относящиеся к двум уровням анализа: анализу текста нормативно-правового акта и анализу контекста [34, стр. 19].

Необходимость лингвистического подхода обусловлена тем, что в некоторых национальных языках понятия «право» и «субъективное право» обозначаются различными терминами (соответственно «law» и «right» – в английском праве), в других – одинаковыми («recht» – в немецком, «droit» – во французском, «diritto» – в итальянском).

Другая группа вопросов касается мультилингвизма, т.е. использования нескольких языков в международных организациях и правовых документах. Третья группа связана с выбором *lingua franca* и конкуренцией языков. Глобализация, расширение международных контактов, однотипность многих юридических процедур с неизбежностью ведут к выработке своеобразного юридического «эсперанто», широкому употреблению международной правовой терминологии, иностранной лексики. Соответствующими проблемами занимаются несколько специальных прикладных наук, сформировавшихся на стыке лингвистики и правоведения.

Дискуссия о преимуществах и недостатках языков представляется актуальной, поскольку языки и их составляющие (слова, устойчивые словосочетания) различаются с точки зрения точности, ясности, логичности и других качеств, которые делают их удобным или неудобным средством международного общения.

Есть основания именно с грамматикой увязывать определенный способ мироощущения нации в данный исторический момент. Стиль мышления, например, в немецкой философской культуре иной, чем, скажем, во французской, что в известной степени зависит и от особенности национальных языков этих народов. В конечном итоге, грамматическая форма – основное препятствие для рецепции инородных для природной языковой среды «юридических ценностей» [1,

стр. 86, 116, 125, 129].

Из особенностей русской грамматики славянофилами делался вывод о состоянии мировоззрения русской нации и соответственно – русского законодательства. Языковые формы неразрывно связаны с формами народной жизни и призваны передавать ее особенности и характер, составляющие качественные отличия русского национального самосознания и юридической культуры [6, стр. 71].

Из славянофильского учения о грамматике В.Д. Катков развил свою теорию об онтологической первичности для права языковых форм; о значении их связей, их членений, разрядов, объективно существующих в самом русском языке, для национального юридического быта [25, стр. 314, 317]. Ряд исследователей развивают этнолингвистические представления [43, стр. 117].

Право нуждается в языке. Связь языка и права многогранна. Язык определяет специфику выражения и восприятия права, особенности его толкования, возможности взаимодействия с иными социальными нормами, его эффективность. В свою очередь право как особая форма существования языка способствует его сохранению, развитию и обогащению [15; 42, стр. 44-62].

В рамках настоящего исследования актуальным является вопрос смещения лингвистических и правовых аспектов при рассмотрении проблем языка в юридическом познании. Не исключено, что праведы затрагивают вопросы, которые не входят в предмет правовой науки. Объектом исследования лингвистики является язык именно в качестве системы лексических, синтаксических и стилистических средств, поскольку она изучает человеческий язык как знаковую систему и языки мира как словесные системы, обладающие специфическим звуковым и грамматическим строем и служащие средством речевого общения.

Предмет юридической лингвистики очерчен решением практических вопросов о таких характеристиках языка, при которых он является правовым. Эта проблема чрезвычайно сложная по своему содержанию, требующая глубокого самостоятельного теоретико-правового анализа.

Различение правовых и лингвистических аспектов не означает, что они не связаны между собой. Очевидным является то, что только правовая наука способна выявить те параметры,

достижение которых как конечную цель следует рассматривать, решая вопрос об использовании специфических языковых средств. С другой стороны, только в рамках лингвистики можно решить вопрос о том, за счет использования каких инструментов язык может приобрести необходимые качества, чтобы он стал правовым [41].

Углубленные знания о свойствах слов (слово-сочетаний, предложений и т.п.) помогают постичь логику юридического мышления, умело формулировать научные гипотезы, идеи, теории, концепции и оперировать на практике различными юридическими категориями и конструкциями, всем, что составляет основу юридического профессионализма и важнейшую часть методологии юриспруденции.

Риск, обусловленный употреблением тех или иных языковых средств связан: а) с особенностями самого естественного языка и присущими ему свойствами; б) с особенностями восприятия дискурса / текста и возможностью неединственной его интерпретации; в) с глобальной коммуникативной функцией высказывания, избранной автором для передачи информации и воздействия [22, стр. 4].

Сложно не согласиться с В.Д. Катковым, который утверждал, что юрист должен быть до известной меры филологом, должен и не может не подчиняться законам языка данного общества, но должен делать это сознательно [25, стр. 123].

Логика развития любой науки создает семантические* правила языка данной отрасли знания. Язык – это система знаков, предназначенная для фиксации, хранения, переработки и передачи информации. И правовая наука, и практическая юриспруденция имеют свой специфический язык, свою терминологию, свои жаргонизмы, что обусловлено особенностями мышления юристов, спецификой их понимания окружающей действительности, поэтому правовая «картина мира» в значительной мере задана семантической составляющей языковой системы науки о праве [38].

Язык – элемент правовой системы общества. Его уникальным свойством является знаковость [34, стр. 6]. Знак – это объект (предмет, явление, событие), используемый интерпретатором в процессе познания или общения в качестве представителя какого-либо другого объекта, воспроизводящий его свойства и отношения, привлеченный для приобретения, хранения, переработки

и передачи сообщений (информации, знания).

А.С. Александров утверждает: «Реальность дана человеку в языковой картине. Знаки отсылают к знакам, а уже потом – к реальным вещам. Юридическое – значит языковое. Право – это текст, это смысл текста закона, помноженный на его интерпретацию в определенном контексте» [2, стр. 54].

«Элементарным объектом теории права – отмечает М.А. Беляев – может быть только правовой (юридический) текст: он отвечает всем признакам объекта науки, существует (и логически, и исторически) до понятия о праве и независимо от него. Правовой текст представляет собой социально легитимную вторичную систему знаков, моделирующих желательное с точки зрения субъекта легитимации поведение адресатов тех норм, которые эксплицитно или имплицитно конституируются данным текстом. Данный объект является эмпирически наблюдаемым феноменом, «материалом» для всякого интерпретативного акта и указывает на те атрибуты права, которые кладутся в основу последующего теоретического анализа» [8, стр. 25-26].

В настоящее время проблема текста вызывает постоянно возрастающий интерес философов и представителей социально-гуманитарных наук, поскольку в разных своих формах и видах является основным носителем информации и каналом трансляции культуры. Опосредованность отражения текстами, «включенность» в них автора и «вторичного» субъекта-интерпретатора отражают роль диалектики объекта и субъекта. С точки зрения данного подхода юридическое познание является вторичным отражением социальной действительности, поскольку процесс этот опосредован текстами.

Грамматика является важнейшим показателем изменений, происходящих в языке. Грамматическая форма связана с логической. Если язык определяет место, предел, самую возможность юридического бытия, то грамматика делает возможным заполнить языковое пространство смыслом. Так, в сфере юридического обращения развитие языка, изменения грамматики напрямую определяют уровень развития юридической техники, в частности, юридической терминологии, а значит как регулятивных, так и охранительных свойств права [1, стр. 116]. В грамматике заложен тот потенциально возможный смысл текста закона, который может

актуализироваться во время языковой игры*. Это то, что становится «позитивным», «действительным» правом в юридическом (правовом?) дискурсе [1, стр. 9, 110].

Речевой акт представляет собой единицы эмического* уровня языка и является инвариантом реализации конкретных форм речевого поведения. Данные единицы обладают иллокутивной целью, условиями успешности и условиями искренности, рассчитаны на конкретный перлокутивный эффект*. Связь между иллокутивной целью данных речевых актов и перлокутивным эффектом, на который они направлены, не является строго детерминированной [13, стр. 3].

В системе различных направлений грамматического анализа юридического текста ведущим представляется синтаксический аспект, т.к. именно в определенных связях с другими словами проявляется семиотический, семантический и коммуникативный аспекты функционирования слова.

При подходе к анализу и интерпретации правовых норм основное внимание уделяется лексическому (например, унификация терминологического аппарата) и морфологическому (например, необходимость четко различать винительный и родительный падежи существительных при переходных глаголах с отрицанием) уровням, стилистической стороне законодательных актов (например, недопустимость речевой недостаточности, лексической несочетаемости и др.).

Сущность правового синтаксиса заключается в том, что представляя собой явление высшего порядка в общей языковой системе, обеспечивая переход от языка к речи (ибо для выражения мысли недостаточно только отбора лексического материала: необходимо правильное и четкое установление связей между словами), он обладает своими механизмами для этого, т.е. правилами и законами соединения слов в высказывание, которое претерпевает определенную трансформацию, когда становится правовым высказыванием, т.е. обретает властно-распорядительный характер. Синтаксис юридического языка – это логика юридических суждений, выраженная прежде всего в юридической технике – развитой системы языковых средств производства юридического смысла [1, стр. 112]. Текстуальное выражение законов права оформляется по законам синтаксиса данного языка.

В иерархии языковых подсистем синтаксис занимает вершинное положение, поэтому он тесно связан и с логикой, изучающей законы и условия мышления, и с психологией, исследующей сами процессы образования мысли. Принципы и правила грамматики являются образцами, по которым формы языка получают соответствие с универсальными формами мышления [34, стр. 3, 5, 9, 10, 23].

Существует проблема специфики формулирования юридических дефиниций. Цель – не всестороннее раскрытие научного понятия, а его определение, достаточное для нужд реализации права [9]. Отличительной чертой юридического языка традиционно считается следование принципу «одно слово – один смысл». Каждое значение, составляющее содержание юридической нормы, должно быть выражено посредством только одного слова, одного выражения, одной конструкции. В то же время отчетливо видно, что на практике этот принцип по большей мере остается неким идеалом. Однако избежать этого невозможно, поскольку тексты нормативно-правовых актов отражают состояние языка, в лексике которого широко представлены явления синонимии, омонимии, полисемии и синкретизма [34, стр. 17, 19; 38].

На методологическом уровне эссенциализм* тесно связан с теорией определений, согласно которой предполагается, что четкое определение способно устранить проблемные ситуации, которые возникают в связи с неопределенностью слов, обозначающих какие-то фрагменты реальности. Однако все необходимые в теории термины являются неопределяемыми, их смысл может быть пояснен, но не определен, стремление же к окончательному определению способно привести к бесконечному регрессу в процессе определения. «Логический вывод – отмечает К.И. Бринев – сводит проблему истинности высказывания к проблеме истинности посылок, определение сводит проблему значения к значению определяющих терминов (т.е. терминов, которые составляют определяющую формулу). Однако эти последние по многим причинам, скорее всего, будут столь же смутными и путанными, сколь и термины, определение которых мы пытаемся построить» [13, стр. 8].

Для современной лингвистики характерно обращение к проблеме человеческого фактора

в языке. Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в изучении объектов по их роли для человека и по их назначению и функции в его жизнедеятельности [27, стр. 212]. Одной из «антропоцентрических» проблем лингвистики является и проблема юридизации языковых средств. Современная лингвистика призвана прояснить общие механизмы и закономерности порождения смыслов, адекватных для юридической практики. Обращение к прагматическим и динамическим аспектам языка в их связи с явлениями сознания и культуры позволяет комплексно описать сам процесс юридизации, определить его коммуникативную природу и факторы, обуславливающие степень актуализации процесса в конкретном дискурсе* [22, стр. 9].

Одним из актуальных направлений современной прикладной лингвистики является юрислингвистика – научная дисциплина, объектом изучения которой являются взаимоотношения языка и права [45]. Проблемы, которыми занимается юрислингвистика, многогранны и непросты, предметная область вызывает больше сомнений, чем уверенности.

Российская юрислингвистика в настоящее время особое внимание уделяет лингвистической экспертизе спорных произведений речевой деятельности, экспертизе законопроектов и т.п. Задачи, стоящие перед экспертами-лингвистами, оказываются шире устоявшихся представлений о границах предметной области традиционной лингвистики [40, стр. 201-204]. Интересны исследования, где в качестве компонента юридической экспертизы используется коммуникативный, функционально-деятельностный подход, когда для анализа привлекаются не только сам текст как объективная лингвистическая данность, но и его коммуникативные характеристики: автор и читатель, «стоящие за текстом», коммуникативная тактика и стратегия, цель и перспектива текста, особенности речевой ситуации.

Насущными являются вопросы речевого воздействия как предмета лингвистической экспертизы и верификации полученных данных, поскольку отслеживание эффекта воздействия, идентификации воздействия как манипулятивного опирается скорее на умозрительные постулаты, чем на экспериментальные данные.

Интересной является тема правовой коммуникации в законотворчестве – процесс передачи

правовой информации от правотворческого органа к правоприменителю.

Исследуется роль юридического переводчика, поскольку он является мостом не только для двух языков и культур, но и для двух социальных сфер. Системно-связанный характер юридической терминологии оказывает непосредственное влияние на перевод юридической информации. Здесь первостепенно важным является то, что один юридический язык должен быть переведен на другой юридический язык. На практике часто даже юридические документы просто переводятся с одного юридического языка на другой обычный язык, вместо того чтобы делать перевод с одного юридического языка на другой юридический язык. Юридический перевод представляет собой не только преобразование отрывка на одном языке в отрывок на другом языке, но и одной системы права в другую [15, стр. 146-147].

Особую значимость проблема приобретает при переводе текстов правовых процессуальных документов, а также иной информации для участников судопроизводства, поэтому вопрос о понятии некачественного, неточного и неверного перевода является актуальным вопросом не только теории филологии, но и юриспруденции [26, стр. 208].

Центральными темами исследования американских и английских юристов и лингвистов является язык и стиль юридических документов с точки зрения неспециалистов в области права, лингвистическая экспертиза в судебном процессе, проблемы коммуникации на стадии дознания в полиции, где часто используются противоположные коммуникативные стратегии, проблемы понимания речи судей и инструкций судьи присяжными.

Давно предметом изучения зарубежных лингвистов и психологов является судебный допрос как устная речь. В частности, американские исследователи оценивали языковую силу свидетельских показаний с точки зрения восприятия слушателями различных стилей речи.

В последнее время большинство исследований языка права постепенно сменили акценты – на смену формальным исследованиям языка с точки зрения его терминологического состава или синтаксической структуры приходят междисциплинарные работы. Язык права рассматривается как социальный феномен [19].

Юрислингвистика тесно взаимодействует

с целым рядом, во-первых, лингвистических дисциплин: лингвоконфликтологией, социолингвистикой, лингвоэкологией, «лингвистикой лжи» и лингвистикой истины, теорией речевых актов, теорией лингвистической интерпретации, терминологией, и, во-вторых, нелингвистических дисциплин и наук: юриспруденцией, общей конфликтологией, коммуникативистикой, герменевтикой, когнитологией, семиотикой, криминалистикой, стилистикой, судебной и социальной психологией, экспертологией и др.

Лингвистический подход включает определенные семиотические способы и правила [24, стр. 36-38]. Семиотика – наука о знаках, возникшая в связи с запросами логики и лингвистики, предметом которой является знаковая ситуация (семиозис), состоящая из трех элементов: знак, обозначаемое, интерпретатор*.

В качестве «знаков» могут выступать произнесенные вслух или написанные слова и словосочетания, графические символы, жесты, сигналы и т.п. «Обозначаемым» называют все, что мы можем мыслить, все, что может стать объектом нашего рассмотрения. В качестве «интерпретатора» может выступать отдельное лицо, группа людей или общество в целом.

Для семиотического подхода характерно выделение трех аспектов (уровней) исследования любых знаковых систем:

1) синтактика изучает формальную структуру знаков и их сочетаний, правила их образования и преобразования безотносительно к интерпретации;

2) семантика основное внимание уделяет анализу значения и смысла языковых выражений, то есть основной ее предмет – интерпретация знаков и знакосочетаний; (правила придания смысла и значения правильно построенным выражениям языка).

3) прагматика изучает отношения между знаковыми системами и теми, кто воспринимает, интерпретирует и использует содержащиеся в них сообщения; их полезности и ценности для интерпретатора (правила и приемы практического использования знаков людьми).

Семантические принципы Принцип однозначности: каждое имя должно иметь только одно значение (экстенционал). С нарушением этого принципа связана ошибка, которую называют «подмена значения». Когда значения слова различаются столь явно, подмену заметить легко.

Но если они хотя бы частично совпадают друг с другом, например одно является обычным, а другое – расширительным (или, наоборот, специализированным), ошибка может остаться незамеченной. Иногда подмена значения производится в несколько шагов, каждый из которых сам по себе не вызывает подозрения.

Принцип предметности: предложение должно говорить о предметах, обозначаемых входящими в него именами (а не о самих этих именах). С нарушением этого принципа связана ошибка, которую называют «автонимное употребление имен».

Принцип взаимозаменяемости: при замене имен с одинаковым значением, предложение, в котором эта замена осуществляется, не должно изменять свое истинностное значение (истинное предложение должно оставаться истинным, а ложное – ложным). Принцип взаимозаменяемости кажется самоочевидным, однако существуют языковые контексты, в которых замена равного равным приводит к противоречию [23, стр. 15-19].

Развитие сравнительно-исторического языкознания в целом ознаменовалось превращением языкознания в весьма точную науку со сложным методологическим аппаратом и строгой техникой анализа.

В лингвистических работах очень часто обращают внимание лишь на один компонент исследовательского метода, и в результате термин «метод» употребляется в значении: аспект исследования, выделение которого предопределяет выбор приема исследования, наиболее эффективного в данном случае. Речь идет о приемах и методике фонетического и фонологического, морфологического и синтаксического, словообразовательного, лексикологического и фразеологического анализа.

Среди лингвистических аспектов методов различают собственные и заимствованные лингвистические методы. Основными лингвистическими методами-аспектами являются описательный, сравнительный и нормативно-стилистический методы. Каждый из них характеризуется своими принципами и задачами. Выделяют категориальный, дискретный, компонентный и контекстный методы лингвистического анализа. На сравнении языков основаны два вида сравнительного метода – сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный,

которые отличаются по целям, задачам, по материалу исследования и границам применения, по приемам и методике научного анализа. Сравнительно-исторический метод, в свою очередь, делится на собственно сравнительно-исторический и историко-сравнительный методы. Сопоставительный метод – это система приемов и методики анализа, используемая для выявления общего и особенного в сравниваемых языках, при этом исторический аспект не играет никакой [31].

Лингвистический подход имеет исключительное как теоретическое, так и практическое значение для методологии юридического познания, поскольку мышление современного юриста представляют собой игру лингвистическими моделями, унаследованными из античной риторики. Эта система общих мест в праве образует юридическую топику, значение и механизм которой Н.А. Гредескул определил как совокупность лингвистическим схем мыслительной переработки текстуры, средств по различению правового в конкретном юридическом деле [18, стр. 189]. Юридические топосы – суть фигуры мысли, которые в значительной мере определяют ходы мысли пользователя юридического языка. Они категориально связаны с общими местами – естественными непререкаемыми суждениями, общепризнанными постулатами, кажущимися естественными, и поэтому истинными. Они всегда имеют авторитетные тексты, в которых общие места фиксированы текстуально как аксиомы, и которые используются как источник изобретения и доказательства в других текстах [36, стр. 424].

Общие места относительно прочны, юридические топосы достаточны подвижны, а вместе они составляют инструментарий и алгоритм юридического познания; посредством них устанавливается значение правового текста в контексте конкретного юридического дела. Общие места и юридические топы представляют собой топологическое ядро, к которому примыкают более подвижные и гибкие металингвистические структуры, которые можно условно назвать жанровыми. От них происходят каноны толкования закона, типичные версии расследования, «фактические презумпции», а также все многообразие легальных презумпций [1, стр. 77-78].

С точки зрения юридического познания перспективным представляется метод жанрового анализа высказывания. Поликодовый характер

личности и результатов ее текстовой деятельности позволяет рассматривать эффекты общения сквозь призму жанров – типизированных речевых отрезков в совокупности тематических, стилистических, языковых признаков, в форме которых проявляется речевая воля говорящего.

Определяющим признаком речевого жанра по Бахтину является его диалогичность, так как жанр речи – это не просто отдельное высказывание, существующее лишь как абстрактное понятие, а необходимый элемент в структуре целостного диалога. Наряду с диалогичностью он приводит и другие признаки речевого жанра: целеполагание, завершенность, связь с определенной сферой общения [5, стр. 543].

Выделение одного из направлений коммуникативной генристики* позволяет рассматривать речевой жанр как переходный элемент между языком и речью, учитывать особенности речевого (языкового) общения как «одной из форм социального взаимодействия, носящего нередко конфликтный характер» [16, стр. 5]. Речевые жанры, представляя собой, коммуникативные аттракторы накладывают ограничения на интерпретацию речевых высказываний, тем самым делая интерпретацию более стандартной и

снижая степень неопределенности коммуникации [40, стр. 204].

Практическую значимость лингвистического подхода продемонстрировал А.С. Александров, исследовавший в своей диссертационной работе техники судебного допроса, большинство которых направлены на повышение эффективности речевой коммуникации. Отмечено, что понимаемый широко контроль показаний свидетеля в ходе допроса – это умение вести диалог к намеченной цели, где основное контролирующее средство юриста – это вопросы и техники их использования. Автор говорит о таких вопросах, которые задействуют иные, помимо рационального, речевые аспекты убедительного представления и исследования показаний. При этом большое значение имеет языковое оформление вопроса, его «словесная оболочка», тон спрашивающего, своевременная пауза. Технические приемы судебного допроса – это способы речевого воздействия на допрашиваемого, вызывающие определенные психические, эмоциональные процессы, а также иные приемы, использование которых способствует получению показаний, подтверждающих доводы стороны [1, стр. 495, 500-501, 508, 533, 578.].

Примечания

- * Композиция – важнейший, организующий элемент художественной формы, придающий произведению единство и цельность, соподчиняющий его компоненты друг другу и целому // Энциклопедический словарь. URL:<http://edudic.ru/bes/29149/>. [Дата обращения: 28.03.2013].
- * Под амбивалентностью обычно понимается сложная гамма чувств, которую человек испытывает к кому-либо. Однополярность же чувств (только положительные или только отрицательные) интерпретируется скорее как проявление идеализации или обесценивания. URL:<http://ru.wikipedia.org/wiki/> [Дата обращения 28.07.2013].
- * Коннотация предназначена для выражения эмоциональных или оценочных оттенков высказывания и отображает культурные традиции общества. Коннотации представляют собой разновидность прагматической информации, отражающей не сами предметы и явления, а определенное отношение к ним. URL:<http://ru.wikipedia.org/wiki/> [Дата обращения 28.07.2013].
- * Специалисты по логике используют понятие коннотативный как эквивалент понятию подразумеваемый. Таким образом, коннотативное значение – это то, которое предполагается или подразумевается или выражается словом, символом, жестом или событием. Коннотативные значения обычно определяют абстрактные качества, общие свойства или классы объектов, или эмоциональные компоненты. Противопоставляется денотативному значению. URL:http://mirslovari.com/content_psy/znachenie-konnotativnoe-23833. [Дата обращения 29.07.2013].
- * Текст – это любая знаковая система, которая является носителем смысловой информации и имеет языковую природу. Текст – последовательность знаков (языка или другой системы знаков), образующая единое целое.
- * Дискурс – это речевое общение; связная речь или сверхфразовое единство слов; семиотический процесс. В смысловом плане дискурс представляет собой творческий мыслительный процесс, в этом процессе смыслы выступают в качестве единиц, из которых строится рассуждение.
- * Семантика (от др.-греч. Σημαντικός – обозначающий) – раздел языкознания, изучающий значение единиц языка. URL:<http://ru.wikipedia.org/wiki/> [Дата обращения 29.07.2013].

- * Слово «игра» следует понимать во всей его многозначности.
- * Эмический – обладающий семиологической релевантностью (имеющий значение), не относящийся к физическим свойствам языковой материи (не этический). URL:<http://perevodovedcheskiy.academic.ru/1970/> [Дата обращения 29.07.2013].
- * Перлокутивный речевой акт – вызывает целенаправленный эффект и выражает воздействие на поведение другого человека. (Цель – вызвать искомые последствия). Иллокутивный речевой акт – выражает намерение другому лицу, намечает цель (выражение коммуникативной цели). URL:<http://zinki.ru/book/filosofiya-v-sovremennom-mire/teoriya-rechevyh-aktov/> [Дата обращения 29.07.2013].
- * Эссенциализм (от лат. *Essentia* – сущность) – теоретическая и философская установка, характеризующаяся приписыванием некоторой сущности неизменного набора качеств и свойств. URL:<http://ru.wikipedia.org/wiki/> [Дата обращения 22.07.2013].
- * Юридизированность – свойство языкового знака вызывать юридическую рефлексию в сознании носителя языка.
- * Юрислингвистика. URL:<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/705328>. [Дата обращения 12.07. 2013].
- * Семиотика или семиология (греч. *σημειωτική*, от др.-греч. *σημείον* – «знак, признак»), – наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем (естественных и искусственных языков).
- * Генристика (лингвистическая генология) есть раздел коммуникативной лингвистики. Генристика изучает общие законы общения, организацию средств языковых кодов и других знаковых систем. В рамках коммуникативной лингвистики изучает речевые жанры.

Список литературы

1. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. – Н. Новгород, 2003. – 420 с.
2. Александров А.С. Цель и средства аргументации в уголовном судопроизводстве // Юридическая техника. Ежегодник. – Нижний Новгород. 2013. № 7. Часть 1. – С. 52-59.
3. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М., 1999. – 712 с.
4. Баранов П.П., Курбатов В.И. Логика для юристов. – Ростов н/Д, 2002. – 171 с.
5. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. – 543 с.
6. Безлепкин Н.И. Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. – СПб, 2002. – 272 с.
7. Беляев М.А. Понимание права в языковых парадигмах // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 8. В 3 томах. Том 1. – М., 2008. – С. 48-53.
8. Беляев М.А. Научное познание права: генезис и эпистемологическая специфика: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. 09.00.01. – Воронеж, 2010. – 29 с.
9. Берг Е.Б. Юрислингвистика в правотворчестве // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань, 2004. – С. 281-282.
10. Боруленков Ю.П. Юридическое познание как фундаментальная категория правоведения // Юридический мир. – 2009. – № 12 (156). – С. 52-56;
11. Боруленков Ю.П. О концепте «юридическое познание» // Проблемы в российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 188-192.
12. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания // Юридическая наука и правоохранительная практика. Научно-практический журнал. Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2013. – № 1 (23). – С. 13-19.
13. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: Автореф. дис. ... докт. филолог. наук. 10.02.19. – Кемерово, 2010. – 42 с.
14. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М., 1988. – 704 с.
15. Герард-Рене де Гроде. Язык и право / Пер. с англ. д.ю.н., проф. Л.В. Бойцовой, д.ю.н., проф. В.В. Бойцовой // Журнал российского права. – 2002. – № 7. – С. 145-152.
16. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-I: Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. – С. 11-58.
17. Головкин Р.Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни: свойства, стороны, охрана и защита: Монография. – Владимир, 2005. – 407 с.
18. Гредескул Н.А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. – Харьков, 1900. – 245 с.
19. Гришенкова Ю.А. Актуальные вопросы современной юрислингвистики. URL:http://vestnik.yspu.org/releases/novye_issledovaniy [Дата обращения 17.07.2013]
20. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности.

- М., 2003. – 160 с.
21. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с франц., вступит ст. и комм. Н.С. Автономовой. – М., 2000. – 512 с.
  22. Егорова Е.Н. Проблема юридизации языковых средств в современной лингвистике (на примере исследования концепта «словесное оскорбление»): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. 10.02.01. – Архангельск. 2010. – 26 с.
  23. Завражин А.В. Логика: Учебное пособие. – М., 2013. – 126 с.
  24. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: Учебное пособие. В 2-х т. Т. 1. – Ярославль: ЯрГУ, 2005. – 548 с.
  25. Катков В.Д. К анализу основных понятий юриспруденции. – Харьков, 1903. – 462 с.
  26. Ковалевская Н.В., Волосова М.В. Переводческая эквивалентность в уголовном судопроизводстве: правовая сущность и правовые последствия ее отсутствия // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 207-209.
  27. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / Под ред. ак. Ю.С. Степанова, РАН, Институт языкознания РАН. – М., 1995. – С. 144-238.
  28. Оль П.А., Сальников М.В. Исторический дуализм в правопонимании: единство и противоречия естественного и волевого начал в праве // История государства и права. – 2003. – № 4.
  29. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен: понятие, уровни, критерии научности и основания типизации // Юридический мир. – 2005. – № 3.
  30. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен (теоретико-гносеологический аспект) // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., г. Санкт-Петербург, 19 декабря 2002 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2003. – С. 126-129.
  31. Основы лингвистической методологии / Сайт современного русского языка. URL:<http://padeji.ru/yazykoznanie/osnovy-lingvisticheskoi-metodologii> [Дата обращения 12.07.13].
  32. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития / Под ред. В.М. Ведяхина. – Самара, 2005. – 478 с.
  33. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: Автореф. дис. ... докт филолог. наук. 10.02.19. – Волгоград, 2010. – 41 с.
  34. Петрова И.Л. Правовой синтаксис: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. – Владимир, 2006. – 25 с.
  35. Пихтовникова Л.С. Синергетический вектор исследования речевых жанров // URL:<http://synergy.kh.ua/discurs2.html> [Дата обращения 22.07.2013].
  36. Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М., 1997. – 597 с.
  37. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
  38. Сигалов К.Е. Методологические принципы познания среды права: [как правовой категории и философско-правового феномена] // История государства и права. – 2010. – № 4. – С. 13-16.
  39. Слободнюк С.Л. Правовая реальность, правосознание и мнимость понятийных смыслов // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 40-44.
  40. Степанов В. Н. Нерешенные вопросы юрислингвистики // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 12. – Том 1. (Гуманитарные науки). – С. 201-204.
  41. Тарасевич И.Б. Адекватность языка закона: Существо проблемы // История государства и права. – 2012. – № 14. – С. 2-4.
  42. Толстых В.Л. Язык и международное право // Российский юридический журнал. Научно-теоретическое, информационное и практическое издание. – 2013. – № 2 (89). – С. 44-62.
  43. Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав. – Саратов, 1997. – 136 с.
  44. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. – Екатеринбург, 1993. – 192 с.
  45. Юрислингвистика. URL:<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/705328>. [Дата обращения 12.07. 2013].
  46. Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. – М., 1990. – 192 с.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».

2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.

3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4.

Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.

5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).

6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).

7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:

- в тексте: [7, стр. 15].

- в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).

8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.

9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).

2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.

3. Почтовый адрес.

4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.

5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.
7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503

от 01 июля 2010 г.

Название *Юридическая наука: история и современность*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ» (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)*

Заместитель Руководителя

[Подпись]
Р.В. Шередин

**Начальник Управления
разрешительной работы в сфере
массовых коммуникаций**

[Подпись]
М.Ю. Ксензов

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Корректор Е.Ю. Щурова
Верстка Д.А. Ларин

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

2013, № 10

Подписано в печать 20.09.2013. Формат 60 x 84 ¹/₈. Бумага офсетная. Печать офсетная. 3
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 479.
Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»

198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru